

Научный журнал

Основан в 2004 г.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство ПИ № ФС 77-61036 от 5 марта 2015 г.)

Учредитель

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия серии:

Заслуженный деятель науки РФ, д. филол. н., проф. А.А. Залевская
(главный редактор), к. филол. н., доц. И.В. Гладилина (зам. главного
редактора), к. филол. н., доц. М.В. Оборина (отв. секретарь), д. филол. н.,
проф. Е.Н. Брызгалова, к. филол. н., доц. Н.В. Волкова, д. филол. н., проф. Н.В.
Дмитрюк (Казахстан), д. филол. н., проф. Н.О. Золотова, д. филол. н., проф.
В.И. Иванова, д. филол. н., проф. И.В. Карташова, д. филол. н., проф. Н.Ф.
Крюкова, к. филол. наук, доц. М.Л. Логунов, д. филол. н., проф. В.А.
Миловидов, д. филол. н., проф. Б.Я. Мисонжников, д. филол. н., Н.В. Мохамед
(Австрия), д. филол. н., проф. В.А. Редькин, к. филол. н., доц. Л.В. Самуйлова,
д. филол. н., проф. Н.В. Семенова, д. филол. н., проф. С.И. Тогоева,
д. филол. н., проф. И. Харлампиев (Болгария)

Адрес редакции:

Россия 170100, Тверь, ул. Желябова, 33, к. 207
Тел.: (4822) 34-46-56

*Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть
репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный университет, 2017

VESTNIK TVGU

Series: Philology

No. 2, 2017

Scientific Journal

Founded in 2004

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications
PI № ФС 77-61036 from March 5, 2015.

Translated Title

HERALD OF TVER STATE UNIVERSITY. SERIES: PHILOLOGY

Founder

FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «TVER STATE UNIVERSITY»

Editorial Board of the Series:

Dr. of Philology, Prof., Honoured Scientist of RF A.A. Zalevskaya (*Editor on Chief*),
Candidate of Philology, Assoc. Prof. I.V. Gladilina (*Deputy Editor in Chief*),
Candidate of Philology, Assoc. Prof. M.V. Oborina (*Executive Secretary*);
Dr. of Philology, Prof. E.N. Bryzgalova, , Candidate of Philology, Assoc. Prof. N.V.
Volkova; Dr. of Philology, Prof. N.V. Dmitryuk (Kazakhstan), Dr. of Philology, Prof. N.O.
Zolotova; Dr. of Philology, Prof. V.I. Ivanova, Dr. of Philology, Prof. I.V. Kartashova;
Dr. of Philology, Prof. N.F. Kryukova, Candidate of Philology, Assoc. Prof. M.L. Logunov,
Dr. of Philology, Prof. V.A. Milovidov, Doctor of Philology, Prof. B.Ya. Misonzhnikov,
Dr. of Philology N.V. Mokhamed (Austria); Dr. of Philology, Prof. V.A. Red'kin,
Candidate of Philology, Assoc. Prof. L.V. Samuilova, Dr. of Philology, Prof. N.V.
Semenova, Dr. of Philology, Prof. S.I. Togoeva, Dr. of Philology, Prof. I. Kharlampiev
(Bulgaria)

Editorial Office:

Russia, 170100, Tver, 33 Zhelyabov Str., office 207
Phone: (4822) 34-46-56

*All rights reserved. No part of this publication may be
reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы теории

<i>Залевская А.А.</i> Общенаучное и узкоспециальное значение термина.....	7
<i>Золотова Н.О.</i> Некоторые аспекты категориальной организации знаний.....	14
<i>Иванова В.И.</i> Коммуникативная лингвистика как «теория среднего уровня».....	19
<i>Картушина Е.А.</i> Некоторые аспекты изучения билингвизма в социальном и психолингвистическом подходах (на примере русско-финского двуязычия)	25
<i>Мкртычян С.В.</i> Трудные вопросы аспектуальности вида глагола в контексте современной лингвистики (с привлечением экспериментального материала)	33
<i>Оборина М.В., Попова М.Д.</i> Что в имени?	40
<i>Павлова Н.П.</i> Передача «смыслов» (осознание ребёнком морфологического принципа русского письма).....	48
<i>Прилуцкий А.М.</i> Эпистемические модусы апофатики	57
<i>Яковлев А.А.</i> Корпус как универсальный информант (об экспериментальном изучении семантики и языковой картины мира)	64

Исследования лексики, грамматики, фонетики

<i>Артемова О.А.</i> Фразеологическая концептуализация темпорального дейксиса в белорусском языке.....	74
<i>Воскресенская С.Ю.</i> Персонификация в бытовой сфере: личные имена неодушевленных предметов	80
<i>Глушак В.М., Калашникова Е.А.</i> Подходы к кодификации немецкого произношения в диахроническом аспекте	86
<i>Денисова Е.П., Колосова П.А.</i> Подход к понятию предикации по Я. Перегрину.....	91
<i>Дорофеева А.А.</i> Диахронический анализ основных концептов подъязыка туризма	96
<i>Каменская А.Е.</i> Лексические репрезентации основных художественных концептов русской и польской лагерной литературы	102
<i>Кодынева Л.Ю.</i> Урбанонимы, мотивированные антропонимами	108
<i>Ланских Ю.В.</i> Субстантивация инфинитивной группы	114
<i>Леонова А.И., Абдол Э.Д.</i> Собственно-ядерные кулинаронимы и именованья блюд в литературно-поэтическом фонде	118
<i>Ма Лин</i> Фразеологизмы как отражение отношения человека к миру	126
<i>Панина Т.Г., Хомкова Л.Р.</i> Фразеологическая номинация как способ актуализации языковой оценки по признаку «значимый/незначимый» (на материале современного немецкого языка).....	132
<i>Сапожникова Л.М.</i> Типы первичной ономастической номинации при актуализации реалионимов и мифонимов	139
<i>Уразова Е.А.</i> Метафора в формировании публицистической картины мира.....	146
<i>Шестопалова Н.Д.</i> Смыслообразующий потенциал гастико-лексических элементов презентации прямой речи	152

Исследования текста и дискурса

<i>Белова Е.В.</i> Речевые маркеры бытового конфликта	157
<i>Исаева Л.В.</i> Поэтическое вне поэзии: языковая игра в рекламном тексте.....	162
<i>Ли Цинь</i> Условия эффективной реализации речевого акта вопроса.....	168
<i>Мурашова Е.П.</i> Структурно-композиционные особенности текста политического спота (на материале английского языка).....	174
<i>Сластникова Т.В., Дайнеко А.Ю.</i> Лексические особенности текстов для детей (на материале франкоязычных изданий)	182
<i>Чигашева М.А.</i> Лексические новообразования в немецком политическом медиа-дискурсе	186

Проблемы перевода

<i>Захарова Н.В.</i> Комментарий переводчика: ориентир на будущего читателя.....	192
<i>Львова Ю.А., Тогоева С.И., Антонцева В.А.</i> Цветовая гармония: оригинал и перевод	196
<i>Масленникова Е.М.</i> Национальная предметность как часть культурной спецификации текста	201
<i>Миловидов В.А.</i> Читатель как «соавтор» литературно-художественного перевода	208
<i>Федюнин А.В.</i> Национально-культурные стереотипы и их влияние на процесс перевода.....	214
<i>Явари Ю.В.</i> Транскрипция как один из способов передачи реалий в переводе.....	219

Сообщения по результатам исследований

<i>Борисова В.А.</i> Функциональный аспект категории вводности.....	225
<i>Кривоносова А.И.</i> Эволюция художественной детали в текстах о «потерянных» детях.....	229
<i>Ли Цинь</i> Стратегия уклонения от ответа.....	233
<i>Лобанова Т.С.</i> Адъективированные причастия в Библии короля Иакова.....	238
Сведения для авторов	242
Выходные данные	244

CONTENTS

Research in Linguistic Theory

<i>Zalevskaya A.A.</i> General and specialized meanings of a term.....	7
<i>Zolotova N.O.</i> Some aspects of categorial knowledge organization.....	14
<i>Ivanova V.I.</i> Linguistics of communication as a middle range theory	19
<i>Kartushina E.A.</i> Certain aspects of bilingualism within social and psycholinguistic approaches (on the example of Russian-Finnish bilingualism)	25
<i>Mkrtychian S.V.</i> Verb aspect problems in the context of modern linguistics (supported with experimental data)	33
<i>Oborina M.V., Popova M.D.</i> What's in a word?.....	40
<i>Pavlova N.P.</i> Transfer of "meaning" (child's awareness of the morphological principle of Russian spelling)	48
<i>Prilutskii A.M.</i> Epistemic modes of apophatic.....	57
<i>Yakovlev A.A.</i> Corpus as a universal respondent (on the experimental study of the semantics and the worldview).....	63

Research in Lexicology, Grammar, Phonetics

<i>Artiomova O.A.</i> The phraseological conceptualization of temporal deixis in the Belarusian language.....	74
<i>Voskresenskaya S.Y.</i> Personification in daily life: personal names of inanimate objects	80
<i>Glushak V.M., Kalashnikva E.A.</i> Approaches to the codification of German pronunciation in diachrony	86
<i>Denisova E.P., Kolosova P.A.</i> J. Peregrin's approach to the notion of predication	91
<i>Dorofeeva A.A.</i> Diachronic analysis of the main concepts of tourism sub-language.....	96
<i>Kamenskaya A.Y.</i> Lexical representations of Russian and Polish camp literature basic concepts.....	102
<i>Kodyneva L.Y.</i> Urbanonyms motivated by athroponyms.....	108
<i>Lanskich J.V.</i> The nominalisation of the infinitive group	114
<i>Leonova A.I., Abdol E.D.</i> Core proper names of culinary and dishes in the literary-poetical fund	118
<i>Ma Lin</i> Idioms as a reflection of the attitude of a human to the world.....	126
<i>Panina T.G., Khomkova L.R.</i> Phraseological nomination as a means of reflecting the value of the objects as 'significant / non-significant'.....	132
<i>Sapozhnikova L.M.</i> Types of primary onomastic nomination when using realonyms and mythonyms.....	139
<i>Urazova E.A.</i> Metaphor in publicist view of the world.....	146
<i>Shestopalova N.A.</i> Sense-building potential of gastico-linguistic elements of direct speech presentation	152

Text and Discourse Studies

<i>Belova E.V.</i> Verbal markers of conflict	157
<i>Isaeva L.V.</i> The poetic without poetry: language games in advertising.....	162

<i>Li Qin</i> Conditions for effective realization of the inquiring speech act.....	168
<i>Slastnikova T.V., Dayneko A.Y.</i> Lexical characteristics of texts for children (in French literature)	174
<i>Chigasheva M.A.</i> Formation of new lexical units in German political media discourse.....	186

Translation Studies

<i>Zakharova N.V.</i> Translator's comment: reference point for the future reader.....	192
<i>L'vova Y.A., Togoeva S.I., Antontseva V.A.</i> Color harmonies: original text and translation	196
<i>Maslennikova E.M.</i> National subject as part of text specification	201
<i>Milovidov</i> The reader as the translator's co-author	208
<i>Fedyunin A.V.</i> National-cultural stereotypes and their influence on the translation process	214
<i>Yavari Y.V.</i> Transcription as a means of realia translation.....	219

Research Reports

<i>Borisova V.A.</i> The functional aspect of parenthesis	225
<i>Krivososova A.I.</i> Detail evolution in texts about "lost" children.....	229
<i>Li Qin</i> Strategy of avoiding the response	233
<i>Lobanova T.S.</i> Adjectival participles in the King James's Bible	238
Information for authors	242
Publisher's imprint	244

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

УДК 81'42

ОБЩЕНАУЧНОЕ И УЗКОСПЕЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА

А.А. Залевская

Тверской государственной университет, Тверь

Обсуждаются некоторые особенности формирования и использования научных терминов. Выдвигается требование учёта ситуационного, категориального и темпорального контекста использования того или иного термина с оценкой его правомерности и продуктивности в рамках соответствующей целостной системы координат.

Ключевые слова: живое знание, единая информационная база человека, мультимодальный гипертекст, естественный семиозис.

Вводные замечания

Каждому, кто разрабатывал свою научную концепцию или хотя бы обнаруживал возможность указать на некоторый новый ракурс видения исследуемого объекта, сталкивается с необходимостью назвать замеченное так, чтобы на первый план вышло самое главное, выводящее на некоторый хорошо понятный образ, имплицитующее важные связи и отношения и т.п.

В ряде случаев оказывается, что разработанная ранее теория нуждается в уточнении некоторых понятий и увязывании их с наглядными образами, более согласующимися с актуальными для текущего периода времени именованиями, что, в свою очередь, приводит к поиску новых терминов. Рассмотрим такую ситуацию на примере выбора именования для того, что лежит за словом у пользующегося языком человека.

Из истории вопроса

В работе [2] (репродуцировано в [3]) речь шла о единой информационной базе человека – его памяти, которая представляет собой функциональную динамическую (самоорганизующуюся) систему, увязывающую в единую сеть многократно пересекающихся связей продукты переработки вербального и невербального, социального и личностного опыта, организованного по множеству функциональных опор, в том числе – признаков и признаков признаков. Была предложена голографическая гипотеза, согласно которой слово, находящееся на пересечении множества связей между разнородными продуктами переработки опыта, выполняет роль лазерного луча при считывании голограммы, а именно: высвечивает в образе мира индивида некоторую целостную ситуацию, объект с его признаками и признаками признаков и т.д., что обеспечивает переживание слова как понятного (здесь и далее курсивом выделены термины, сигнализирующие об используемой «системе координат»).

В той же работе фигурировала модель речемыслительного процесса описываемого от пускового момента, который может исходить извне или от самого индивида, и замысла высказывания, формируемого на уровне ма к -

симальной компрессии смысла, с переходами через этапы построения образа результата действия, смыслового программирования, реализации смысловой программы до получения результата – высказывания. Вполне естественно, что описание содержания постулированных этапов рассматриваемого процесса отвечает фигурировавшим в тот период времени представлениям и может требовать более современной интерпретации. Однако здесь принципиально важно другое: эта модель в отличие от всех других, в том числе более поздних, моделей речемыслительного процесса, наглядно подчёркивает следующие три момента: а) условность разграничения разных этапов рассматриваемого процесса; б) наличие множества петель обратной связи, т.е. постоянного контроля успешности осуществления процесса на разных уровнях осознаваемости; в) реализацию всех постулируемых этапов на одной и той же базе – памяти, в которой хранятся в разной мере готовности к использованию разнообразные продукты перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки вербального и невербального опыта познания и общения. Принципиально важно для излагаемой концепции признание того, что процессы анализа и синтеза, сравнения и классификации, которым подвергается опыт, приводят, с одной стороны, к максимальной дифференциации элементов опыта, разлагаемых на признаки и признаки признаков, а с другой стороны – к формированию смысловых образований в высшей степени обобщения, т.е. продуктов максимальной компрессии смысла, при этом те и другие функционируют во множественных взаимосвязях, спонтанно формируемых в зависимости от возникающих потребностей и обеспечивающих неосознаваемый учёт широкого круга выводных знаний и оценок.

За прошедшие сорок лет экспериментального и теоретического исследования произошло некоторое уточнение картины, которая в принципе осталась такой же: индивид адаптируется к естественному и социальному окружению при взаимодействии тела и разума и под контролем социума. Для этого ему приходится решать множество плохо сформулированных задач на основе расплывчатых множеств, каковыми являются значения слов. Как показывают результаты анализа экспериментальных материалов, индивид переживает воспринимаемое слово как понятное через посредство множества опор разных уровней обобщения: это может быть целостный образ объекта или только отдельный его признак (и даже признак признака) той или иной сенсорной модальности; некоторая модель или схема ситуации с её участниками и даже следствиями или только намёк на неё; некоторая эмоционально-оценочная характеристика переживаемого и многое другое, так или иначе связанное с имеющимся опытом встречи с именуемым объектом или с его именем в различных ситуациях или контекстах. Как бы то ни было, мы способны понимать друг друга (в том числе – при межъязыковых / межкультурных контактах) именно за счёт разнообразия функциональных опор, варьирующихся по своему характеру, по уровню обобщения, степени значимости для определённой культуры или для отдельной личности и т.д., но обеспечивающих выход на образ мира индивида как внутренний контекст, позволяющий постигать смысл воспринимаемого сообщения в условиях естественного семиозиса.

Со временем стало очевидно, что использовавшийся ранее термин «единая информационная база», созвучный теоретическому контексту 1970-х гг., не акцентирует две важных особенности развиваемой концепции слова как достояния индивида, а именно:

- наличие в единой информационной базе человека продуктов перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки индивидуального и социального опыта по разным каналам и на различных уровнях обобщения;
- увязывание всех продуктов разнообразного характера в единую сеть связей с возможностью доступа к ним при разных уровнях осознаваемости.

Таким образом, требовался иной термин, позволяющий в используемых ныне именовании акцентировать важнейшие свойства и эвристический потенциал описываемого объекта, что привело к введению словосочетания, в котором первое из названных свойств исследуемого объекта стало именоваться словом *мультимодальный*, второе – словом *гипертекст* (см., например, [4]). Рассмотрим ниже, что именно даёт нам право пользоваться таким словосочетанием и является ли оно просто метафорой для «украшения» текста или выступает в функции отвечающего исследовательским целям научного термина. При этом мы будем исходить из того, что метафорический смысл имеет место, например, в случаях, когда слово обиходного языка становится научным термином или когда термин одной области науки применяется в иной области. В обеих ситуациях главным оказывается то, что используемое слово указывает на некоторый признак (свойство, действие и т.д.), что позволяет увидеть описываемый объект в новом свете или объяснить некоторую связь, закономерность и т.п.

Основания для выбора термина или его составляющих

Для двухсловного термина требуется рассмотреть его компоненты сначала по отдельности, а затем в их сочетании.

Начнём с выяснения того, что может быть названо словом *мультимодальный*. Поиск в сети Интернет выявляет следующие словосочетания, связанные преимущественно с грузоперевозками и логистическими центрами, но также и со статистикой, медициной, техническим устройством, взаимодействием между человеком и техническим устройством и т.д.:

мультимодальные перевозки (грузов);
мультимодальная схема (перевозок);
мультимодальный подход (к лечению боли);
мультимодальная терапия;
мультимодальная поверхность;
мультимодальная система;
мультимодальное распределение (статистика);
мультимодальный транспорт;
мультимодальная сеть (производственных и сбытовых зон);
мультимодальный ридер (прибор для библиотеки);
мультимодальный контейнерный сервис;
мультимодальный таможенный терминал;

национальный мультимодальный оператор (единый центр оказания транспортно-логистических услуг);

мультимодальное взаимодействие (между машиной и человеком с использованием множества разных средств на «входе» и «выходе»).

Во всех приведённых словосочетаниях реализуется общее значение 'предусматривающий или использующий несколько способов, режимов осуществления' [10] или 'having or involving several modes, modalities, or maxima' <multimodal distributions> <multimodal therapy> [12]. Некоторые словари разграничивают два значения рассматриваемого слова:

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ: от лат. *multum* + *modus* 'способ', 'наклонение') – 1. характеризующий готовность к различным формам проявления или действий; 2. в статистике – характеризующий распределение величин, имеющее более одной моды [11].

Расширенный поиск выявляет также словосочетание *мультимодальное исследование*, подразумевающее взаимодействие представителей разных наук, что более привычно именуется *междисциплинарным* исследованием. В размещённом в Интернет словаре «Glossary of multimodal terms» [7] ставится задача рассмотреть термины, используемые при подходе к одному объекту с позиций разных наук, использующих свои термины (*multimodal terms*), а под *мультимодальностью* понимается междисциплинарный подход, который при исследовании проблем коммуникации и репрезентации не ограничивается только языком, но привлекает также понятия, методы и приёмы анализа зрительных, слуховых, пространственных и т.д. аспектов исследуемых процессов и взаимоотношений между этими аспектами. Понятие мультимодальности увязывается с задачей описания полного репертуара используемых людьми ресурсов (передаваемых разными средствами репрезентации, в том числе через зрение, слух, жесты, письменный текст и т.д.), обеспечивающих продуцирование значения в разных контекстах. Такие ресурсы должны рассматриваться как включённые в определённые социальные взаимодействия, формирующие разделяемое в некоторой культуре знание, включая принятые нормы и оценки.

В названном выше словаре встречаются ещё два интересных для нас словосочетания: *multimodal literacy* (*мультимодальная грамотность*) и *multimodal pedagogies* (*мультимодальная педагогика*), опять-таки с перечислением разнообразных средств и способов решения тех или иных исследовательских или практических задач.

Дополнительный поиск по слову *модальность* приводит к уточнению того, как этот термин понимается в разных науках. В «Большом психологическом словаре» [1: 299] указывается, что в литературе по психологии и физиологии этот термин обозначает «принадлежность к определённой сенсорной системе (анализатору)», он используется «для обозначения, характеристики или классификации ощущений, сигналов, стимулов, информации, рецепторов, расстройств».

В он-лайн словаре [9] *модальность* (от лат. *modus* – 'способ') определяется как «одно из основных свойств ощущений, их качественная характеристика (цвет – в зрении, тон и тембр – в слухе, характер запаха – в обонянии и т.

п.)». Обратим внимание на следующее уточнение: «Понятие модальности наряду с ощущениями относится и ко многим другим психическим процессам, описывая качественные характеристики когнитивных (познавательных) образов любого уровня и сложности» [там же. Выделено мною. – А.З.]

Высказывается также мнение, что *модальность восприятия информации* может рассматриваться как репрезентативная система – форма восприятия и представления информации в мышлении и памяти [8]. В биологии и медицине *сенсорная модальность* характеризуется как категория испытываемого ощущения, соответствующая органам чувств человека.

В лингвистике термин «модальность» увязывается с лат. *modus* – ‘мера, способ’ и определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [6: 303. Разрядка моя. – А.З.]. Обратим внимание на то, что и в этом случае имеется в виду разнообразие характеристик рассматриваемого объекта.

Особый интерес представляет для нас то, что под существительными *полимодальность / мультимодальность* может подразумеваться взаимодействие в коммуникации разных знаковых систем, в том числе «набор смыслообразующих средств, используемых человеком (например, визуальных, жестовых, письменных и т.д. в зависимости от области репрезентации)» для создания значения [5].

Обобщая приведённые определения отметим, что фактически прослеживается, с одной стороны, широкое понимание мультимодального как связанного с использованием разнообразных средств и способов решения некоторых проблем, а с другой – узкое, ограниченное рамками отдельной науки (например, это традиционно имело место при трактовке мультимодального в психологии, хотя и в этой области прослеживается тенденция выхода за пределы сенсорной системы, см.: [9]).

Приведённые определения представляются достаточными для вывода, что слово *мультимодальный* в его широкой трактовке может использоваться в составе нового термина как отражающего одну из основных характеристик единой информационной базы человека: имплицитно подразумевается возможность взаимодействия различных форм хранения и способов функционирования продуктов перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки вербального и невербального опыта адаптации индивида к естественному и социальному окружению. Обратим внимание на то, что в данном случае речь идёт не о метафорическом, а о базовом значении слова *мультимодальный*, а именно: ‘предусматривающий или использующий несколько способов, режимов осуществления’.

Перейдём теперь к обсуждению слова *гипертекст*. Не рассматривая историю возникновения этого термина и функционирования его в разных областях науки, ограничусь констатацией того, что ныне этот термин прочно вошёл в состав словосочетания *электронный гипертекст*, а к числу основных особенностей именуемого относятся: а) наличие огромного количества элементов разных форматов; б) увязывание разнородных вхождений в единую

сеть связей по принципу «многие ко многим»; в) наличие индексации, обеспечивающей установление связей по требуемым параметрам. С учётом фактически установившегося в науке широкого понимания термина «текст» представляется оправданным именовать словосочетанием *мультимодальный гипертекст* хранящуюся в памяти тела и разума человека совокупность продуктов перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки вербального и невербального опыта адаптации к естественному и социальному окружению. Речь в данном случае идёт о базовом принципе увязывания в многократно пересекающуюся сеть связей того, что функционирует как образ мира, в **внутренний контекст** для всего понимаемого и/или продуцируемого человеком.

Не лишним будет и вспомнить, что разработчики формата электронного гипертекста как глобальной сети связей ставили задачу учёта специфики устройства головного мозга человека. Добавим к этому, что выполненное мною многолетнее экспериментальное исследование принципов организации внутреннего лексикона индивида показало множественность разнообразных оснований для связи как на поверхностном уровне форм, так и на глубинном уровне смыслов, т.е. того, что лежит за словом в индивидуальном, общественном и личностном опыте, при этом основаниями / опорами для установления связей (т.е. средствами своеобразной «индексации») могут служить смысловые образования разных уровней обобщения: от признаков признаков до продуктов максимальной компрессии смысла.

Заключение

Предпринятый анализ разноплановых трактовок значения одного и того же слова в составе термина приводит к ряду выводов, к числу которых относятся следующие.

- Одно и то же слово может иметь как широкое (общенаучное или «бытовое») значение, так и узкоспециальное значение, специфичное для разных областей науки или жизни общества.
- Узкоспециальные значения одного и того же слова в составе словосочетаний, конкретизирующих границы его приложения, могут образовывать метафоры и/или переходить в статус фактических омонимов.
- При установлении допустимости использования того или иного термина следует исходить из его способности акцентировать тот или иной признак именуемого, его функцию и т.д., а также имплицировать определенные направления поиска выводных знаний по некоторому набору разнообразных функциональных опор, отвечающих специфике соответствующего категориального поля.

Список литературы

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
2. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.
3. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избр. тр. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

4. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.- Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с.
5. Ирисханова О.К. Полиmodalность [Электронный ресурс]. URL: <http://scodis.com/?q=ru/multimodality> (дата обращения: 04.03.2017).
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия», 1990. 685 с.
7. Glossary of multimodal terms [Electronic resource]. URL: [<https://multimodalityglossary.wordpress.com/chain-of-semiosis>] (accessed at 05.03.2017).
8. <http://anna-kulik.ru/2175> (accessed at 05.03.2017).
9. <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=517> (accessed at 05.03.2017).
10. [h\[ttps://ru.wiktionary.org/wiki/мультиmodalный](https://ru.wiktionary.org/wiki/мультиmodalный) (accessed at 05.03.2017).
11. <http://vocabulary.ru/termin/multimodalnyi.html> (accessed at 05.03.2017)
12. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/multimodal> (accessed at 05.03.2017).

GENERAL AND SPECIALIZED MEANINGS OF A TERM

A.A. Zalevskaya

Tver State University, Tver

Some examples of collocations with the word *multimodal* are discussed to show peculiarities of its specialized applications to various spheres of life and science.

Keywords : *live knowledge, information base, multimodal hypertext, natural semiosis.*

Об авторе:

ЗАЛЕВСКАЯ Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru

УДК 81'42

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗНАНИЙ

Н.О. Золотова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматривается роль категоризации в структурировании опыта индивида. Специальное внимание уделяется когнитивному статусу базовых категорий и их наименований в познавательных процессах. Обсуждаются принципы, которыми руководствуются дети и взрослые с разной степенью осведомленности в областях, требующих организации знаний о них.

Ключевые слова: категоризация, спонтанные (жизненные) понятия, научные понятия, базовые категории, ментальный лексикон, единицы базового уровня обобщения.

В основе познавательной деятельности человека лежит способность к категоризации, т.е. овладению категориальными структурами, которые обеспечивают организацию получаемых человеком знаний о мире.

Американский исследователь П. Блум считает, что способность к категоризации это нечто большее, чем составление «скучных каталогов» (dull catalogues) [9: 41]. Автор рассматривает гипотетическую ситуацию, в которой некто впервые в жизни попробовав томат и, посчитав его вкусовые качества превосходными, делает заключение, что и другие объекты, попадающие в ту же категорию, будут в такой же мере обладать удовлетворяющими его качествами. Однако вместо того чтобы усвоить категорию, включающую все известные томаты, он определяет неизвестный ему ранее плод как имеющий отношение к красным объектам; или объект меньший, чем горилла; или предмет, который не является телевизором [там же].

Факт отнесения предмета к категории не является, по его мнению, достаточным для того, чтобы знать, как с ним обращаться: предмет должен попасть в «правильную» категорию (right category), такую как «томаты» или «фрукты», а не в такую, как «предметы меньше, чем горилла». Вопрос заключается в том, что же делает категорию «правильной». Ответ очевиден, если задуматься, для чего существуют категории. Томат – «хорошая» категория, потому что, узнав, что нечто является томатом, вы узнаете и другие вещи, касающиеся его, включая и то, что он хорош на вкус. Аналогичным образом, зная, что нечто является стулом, вы одновременно постигаете, что он способен удерживать ваш вес; зная того, что нечто является собакой, допускает тот факт, что она гавкает, ест мясо, спит и т.п. Таким образом, вам известны такие свойства этих существ, которые являются релевантными с человеческой точки зрения и отличают одни категории от других.

Категории существуют, прежде всего, потому, что объекты действительности распределяются во вселенной не случайным образом, а в соответствии с качествами, которыми они обладают. Наше сознание приспособилось к формированию категорий, которые соотносятся с неоднородностью мироздания. По мнению палеонтолога С. Дж. Гоулда,

классификации представляют собой теории относительно основ естественного порядка, а не скучные каталоги, которые составляются только для того, чтобы избежать хаоса [9: 41–42].

В научной литературе представлены сведения о первом опыте категоризации предметов, который имеет место уже в младенческом возрасте (см., например: [10 и др.]).

Современные исследования категориальной организации знаний восходят к работам Л.С. Выготского, изучавшего процессы формирования искусственных понятий у детей в терминах развития спонтанных (житейских) и научных понятий. Предлагая рассматривать траектории развития этих понятий как противоположно направленные («снизу вверх» – для спонтанных и «сверху вниз» – для научных), Выготский отмечает, что оба процесса внутренне глубочайшим образом связаны друг с другом. При этом доступность научных понятий для ребёнка связана со степенью сформированности спонтанных: уровень развития спонтанных понятий должен обеспечить уровень создания предпосылок в умственном развитии, для того чтобы усвоение научных понятий вообще стало для ребёнка возможным [2: 361–362].

В цитируемой работе Л.С. Выготского, фактически, дано описание процесса наивной категоризации, способа организации знаний, который сохраняется и у взрослых, например, в ситуации взаимодействия с ранее неизвестными предметами или явлениями. Подобно ребёнку, овладевающему системой понятийных структур, взрослый человек, не являющийся экспертом в конкретной области, осуществляет категоризацию мало знакомых для него объектов, опираясь исключительно на их внешнее сходство (*sorts the unknown objects on the basis of appearance*) [12: 641]. В терминах П. Шафто и Дж. Коули, «новички» (*novices*) используют «наивное сходство объектов» (*naive similarity of objects*) в качестве инструмента категоризации и суждения о природном мире, в частности о морских животных, как в эксперименте авторов, в то время как «эксперты» (*experts*) руководствуются, прежде всего, знанием окружающей среды, «экологическим знанием» (*ecological knowledge*) [цит. раб.: 646].

Описывая специфику категоризации окружающего мира наивным носителем языка и культуры, Р.М. Фрумкина также указывает на сходство как основание для суждения о принадлежности к той или иной категории. Автор выделяет две важные операции, лежащие в основе этого процесса: 1) выделение объекта из множества других, идентификация его как отдельной сущности; 2) сравнение данного объекта с другими и выделение главного в нём – сходства с другими объектами и отличия от них [7: 60].

Как указывает Дж. Лакофф, категории не просто организованы в иерархии от более общих к более частным, но организованы таким образом, что когнитивно более базовые категории сосредоточены «в середине» иерархии «от общего к частному». Обобщение идёт «вверх» от базового уровня, а спецификация – «вниз». Категории базового уровня с эпистемологической и функциональной точек зрения приоритетны по отношению к следующим факторам: восприятию гештальтов, формированию образов, моторике, организации знаний, лёгкости протекания когнитивных процессов (обучения, распознавания, запоминания и т.д.) и лёгкости вербализации языковых выражений [5: 152].

С опорой на данные, представленные по параметру категориальности (categorisability) в семантических нормах Тольи и Бэттига, были получены достаточно выраженные средние величины по рассматриваемому параметру для единиц ядра ментального лексикона на материале английского языка [3: 100], что позволило сделать вывод об исследуемых словах как единицах, легко включаемых носителями английского языка в более общую категорию. Способность единиц ядра без усилий и быстро вызывать в качестве реакции название суперординатной категории позволяет судить об их особом когнитивном статусе.

В том же исследовании было показано, что особый статус единиц ядра – наименований базовых категорий, «первичных понятий» – связан также со спецификой значений этих единиц. Возможность рассмотрения слов ядра лексикона в терминах единиц базового уровня обобщения хорошо согласуется с данными, полученными по другим параметрам значений этих слов: усваиваемые в раннем возрасте, обладающие достаточной степенью конкретности значения, легко вызывающие мысленный образ в сознании носителя языка, хорошо знакомые. Перечисленные свойства единиц ядра наилучшим образом обеспечивают их метаязыковую функцию.

Идея первичности усвоения категорий базового уровня и основополагающей роли этих категорий в процессе овладения значениями слов обсуждается в работе [8]. По данным многочисленных экспериментов, проведенных исследователем, ребёнок усваивает значения слов благодаря функционированию обобщённых ассоциативных механизмов научения (general associative learning mechanisms), суть работы которых заключается в интуитивном, ассоциативном установлении связи между словами и предметами, которые они обозначают [цит. раб.: 38]. По утверждению автора, наиболее фундаментальной ступенью овладения языком и, соответственно, познания окружающего мира является усвоение простых наименований объектов (simple object names), таких как «кролик», «мама», «собака» и т.п. [там же].

Члены наиболее инклюзивного – базового – уровня категорий отличаются от членов суперординатного и субординатного уровней тем, что они «представляют в распоряжение процессора максимум информации при минимуме когнитивных затрат» [11].

Подобная «когнитивная экономия» наблюдается в экспериментальных исследованиях, связанных с изучением языкового и интеллектуального развития ребёнка. Результаты таких исследований показывают, что некоторые признаки формы (а именно: 'круглый', 'продолговатый') являются для детей психологически наиболее значимыми и, соответственно, скорее используются в качестве основания для категоризации, которая вначале протекает на внеязыковом уровне. В качестве примеров сверхгенерализаций, основанных на форме (по признаку 'круглый'), приводится следующий перечень предметов: луна, печень, часы всех видов, глаз, камень, пуговица на пиджаке и т.п. [4: 221–240].

В этом же ракурсе возможна интерпретация примера, приведённого А.А. Потемной в [6: 214]. Исследователь пишет:

«Я указываю начинающему говорить ребенку на круглый матовый колпак лампы и спрашиваю: “что это такое?”. Ребёнок много раз видал эту вещь, но не обращал на нее внимания. ... На мой вопрос он отвечает “арбузик”. Тут произошло познание посредством наименования, *сравнение познаваемого с прежде познанным*. Смысл ответа таков: то, что вижу, сходно с арбузом. Назвав белый стеклянный шар арбузом, ребёнок не думал приписывать этому шару зелёного цвета коры, красной сердёжки с таким-то узором жилок, сладкого вкуса. ... Из значения прежнего в смысле плода вошел только один признак, именно *шаровидность*» (выделено нами – Н.З.).

Таким образом, значения первых слов формируются на основе выделяемых детьми базовых категорий, которые, в свою очередь, являются отражением определённых базовых мыслительных операций. Как отмечает Б.М. Величковский, сами обобщения, лежащие в основе ранних категоризаций, могут быть чрезвычайно широкими – достаточно широкими, чтобы учитывать только глобальные различия между живым и неживым [1: 37]. Автор обозначает функцию, которую выполняют базовые понятия, связывающие воедино обозначающие их слова, наглядные образы и специфические движения, как функцию «быстрого интерфейса» между процессами сенсомоторного взаимодействия с объектами и обобщённым концептуальным знанием о них [там же]. Применяемая метафора как нельзя лучше описывает способность единиц ядра ментального лексикона выступать в качестве естественного метаязыка для идентификации более «сложных» для носителя языка и культуры слов, усваиваемых по мере взросления.

Идея метакогнитивной работы со знанием, при которой индивид в процессе структурирования опыта опирается не только на зрительное сходство, но и на свои теоретические представления, открывает интересные перспективы изучения прихотливых принципов формирования концептуальных структур человека.

Список литературы

1. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т.2. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. 432 с.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 536 с.
3. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. 204 с.
4. Кларк Е.В. Универсальные категории: о семантике слов- классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. С. 221–240.
5. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. М.: «Прогресс», 1981. С. 350–368.
6. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // Хрестоматия по истории русского языкознания / под. ред. В.П. Флина. М.: «Высшая школа», 1973. С. 213–237.
7. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 320 с.
8. Bloom P. Mindreading, Communication and the Learning of Names for Things // *Mind & Language*. New Haven: Yale University, 2002. Vol. 17. P. 37–54.
9. Bloom P. Descartes' baby: how the science of child development explains what makes us human. New York: Basic Books, 2004. 271 p.

10. Quinn P. C., Matthew M. D., Papafragou A. Does changing the reference frame affect infant categorization of the spatial relation BETWEEN? // The Journal of Experimental Child Psychology [Электронный ресурс]. URL: <http://papafragou.psych.udel.edu/papers/Frame%20of%20reference%20for%20between.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).
11. Rosch E. Reclaiming Concepts // The Journal of Consciousness Studies [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.berkeley.edu/faculty/profiles/erosch1999.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).
12. Shafto P., Coley J. D. Development of Categorization and Reasoning in the Natural World: Novices to Experts, Naive similarity to Ecological Knowledge // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition [Электронный ресурс]. URL: <http://web.mit.edu/~shafto/www/Papers/ShaftoColey03.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).

SOME ASPECTS OF CATEGORIAL KNOWLEDGE ORGANISATION

N.O. Zolotova

Tver State University, Tver

The article is focused on the role of the process of categorization in structuring an individual's experience. Special attention is paid to cognitive status of basic categories and their names in cognitive processes. Principles that children and grown-ups with different degree of awareness are guided by in organizing knowledge of some domains are being discussed.

Keywords: *categorization, spontaneous (everyday) knowledge, scientific knowledge, basic categories, mental lexicon, basic level generalization elements.*

Об авторе:

ЗОЛОТОВА Наталия Октябровна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: saprovskaya@mail.ru

УДК 81'1+81' 42

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК «ТЕОРИЯ СРЕДНЕГО УРОВНЯ»

В.И. Иванова

Тверской государственный университет, Тверь

Рассматриваются некоторые вопросы частной эпистемологии современной лингвистики речи, коммуникативной лингвистики, как «теории среднего уровня»; высказывается мысль о разграничении метатеории коммуникации (теории коммуникации, теории дискурса) и коммуникативной лингвистики (лингвокоммуникативистики) как «теории среднего уровня». Проблемная область лингвокоммуникативистики – разработка лингвоцентрического подхода к проблеме речевого общения, дискурса.

Ключевые слова: *речь, дискурс, коммуникативная лингвистика, речевая система, лингвоцентрический подход, теория среднего уровня.*

Лингвистика как научное исследование естественного человеческого языка и человеческой речи во всех её проявлениях вписывается в современную эпистемологическую ситуацию с её интересом к человеку, к социокультурным явлениям. Так называемая антропологическая методология привела к расширению границ лингвистического описания языка (языка-речи).

Теоретики-лингвисты понимают, что обращение к неподдающимся лингвистической формализации «внешним» компонентам коммуникативной ситуации, значимым для порождения речи, и «внутренним» (психическим, когнитивным) факторам, влияющим на языковую компетенцию, должно сопровождаться разработкой нового надёжного инструментария анализа эмпирического материала, адекватного теоретическим замыслам.

К сожалению, многие современные лингвистические исследования не отвечают требованиям адекватности объекта, предмета, теории, метода. В стремлении обосновать теоретическую значимость, новизну и актуальность исследования избираются некоторые метатеоретические понятия (деятельность, общение, коммуникация, социальная память, понимание и др.). Анализ подобного рода метасмыслов включается в цели и задачи исследования, при этом теоретико-лингвистический уровень игнорируется.

Многие языковые факты в настоящее время характеризуются описательной адекватностью и объяснительной недостаточностью. Как справедливо замечает Е.С. Кубрякова, лингвистика сегодня, как никогда, должна стремиться к приобретению более объяснительного характера, чем это было ей свойственно до сих пор [5: 6].

По мнению Р.М. Фрумкиной, «в современной лингвистике собственная эпистемология пребывает в зачаточном состоянии» [9: 55]. В качестве одной из причин подобного положения указывается наличие многих предметов у объекта лингвистики. Сосуществуют достаточно разные представления о предметах лингвистики, её целях и методах. Возможно разное понимание и пафоса лингвистики – т.е. её ценностных ориентаций. Р.М. Фрумкина (см.: [9]) обращается к понятию «теория среднего уровня» (частной эпистемологии отдельной науки), введённого социологом Р. Мертоном. В отличие от общей эпистемоло-

гии, частная эпистемология не занимается вопросами о природе познания, о верифицируемости или фальсифицируемости теорий, о том, какое место в познании занимают априорные категории и какое – чувственный опыт. Её задачи более скромны. Частная эпистемология решает вопросы следующего типа: как сконструировать объект науки; какие методы познания выделенных объектов считаются допустимыми; как систематизировать основные понятия данной науки, чтобы обеспечить возможность взаимопонимания в пределах данной научной парадигмы; какие задачи в пределах данной науки следует считать действительно задачами, подлежащими решению, и др. Разумеется, теории среднего уровня опираются на определённые общефилософские принципы. Важно, однако, что разрабатываются они именно для данной отрасли знания и учитывают её специфику. Методологическая рефлексия особенно важна в переломные периоды.

Исследовательская работа сама по себе с неизбежностью должна провоцировать исследователя на систематическую рефлексию о сути используемых им понятий и методов. Это зависит от склонности к метанаучным размышлениям и от самодисциплины исследователя. Но, по крайней мере, учёный должен твердо знать, какой из возможных для его предмета «теорий среднего уровня» он придерживается, и уметь эксплицировать свой выбор.

Исследовательская парадигма в языкознании, оформившаяся в последние десятилетия прошлого века, – коммуникативно-функциональная, коммуникативно-прагматическая, или, просто, прагматическая, провозгласила приоритет факторов, обеспечивающих успешное использование языка субъектом речевой, коммуникативной деятельности, для достижения своих целей. Эта парадигма возникла под влиянием философских и общенаучных принципов той эпохи. В рамках прагматической парадигмы был разработан свой подход к пониманию рассматриваемой предметной области языкознания, свой содержательно-концептуальный аппарат, свои методы и процедуры исследования.

Научным фундаментом прагматической парадигмы в лингвистике, её философско-методологической базой стала категория деятельности. Как отмечает И.П. Сусов, для лингвистики особый интерес представляет проблема соотношения деятельности и общения [7: 8].

Р.О. Якобсон [10: 320–321] (см. также: [7: 9]) для обозначения общения в совокупности всех его форм использует термин «коммуникация». Коммуникация рассматривается учёным на трёх уровнях, которые схематически могут быть представлены в виде трёх концентрических окружностей. Меньшая окружность охватывает явления коммуникации посредством речевых сообщений; средняя окружность охватывает сферу коммуникации, совершаемой посредством как языковых, так и неязыковых сообщений; большая окружность – сферу всей социальной коммуникации. Первая сфера изучается лингвистикой, вторая – семиотикой, а третья – теорией коммуникации. Лингвистике, обладающей разработанным концептуальным аппаратом, учёный отводит центральное положение в общей науке о коммуникации [10].

Некоторые учёные полагают, что в семиотике и языкознании есть необходимость провести разграничение понятий общения и коммуникации [7: 10]. Для прагмалингвистики, по мнению И.П. Сусова, вполне достаточно поня-

тия речи, если трактовать речь как языковое общение, языковую коммуникативную деятельность, обмен речевыми действиями-сообщениями [7: 11].

Область явлений, относящихся к речи, по мысли И.П. Сусова, может претендовать на то, чтобы стать предметом самостоятельной лингвистической дисциплины. Как бы эта дисциплина ни именовалась – лингвистика речи, лингвистика языкового общения, прагмалингвистика, коммуникативная лингвистика, – главное в том, чтобы поставить в центр внимания деятельность общения, осуществляющегося человеком в определённых социальных и межличностных условиях, с определёнными мотивами и целями, с использованием специальных языковых средств, инвентаризируемых и моделируемых в их отношении друг к другу системно-структурной лингвистикой.

В последние десятилетия прошлого века лингвистика текста, расширив свои границы за счёт прагматики текста, фактически переросла в анализ дискурса. Анализ дискурса, понимаемого в широком смысле, стал включать в качестве объекта исследования любые дискурсивные практики, в том числе и неязыковые («дискурс селфи»). Исследование стратегий, тактик, всевозможных экстралингвистических факторов любых типов дискурса стало включаться в предметную область лингвистики. Границы лингвистики текста / дискурса оказались размытыми.

Современная объяснительная лингвистика речи как частная эпистемология нуждается в оформлении знаний о языке-речи, в оформлении соответствующей «теории среднего уровня».

Описательная лингвокоммуникативистика как часть теории среднего уровня (описательная лингвистика речи, речевой системы, РС), как и описательная лингвистика языка (языковой системы, ЯС) – «языковедение», практическая лингвистика занимается установлением единиц рече-языковой системы. Целью описательной лингвистики речи является установление не только единиц речевой системы, но и правил их функционирования, накопление дискурсивного фактического материала и его первичное лингвистическое изучение. Результаты первичного анализа используются в дальнейшем теоретико-лингвистическом исследовании (в объяснительной лингвистике языка-речи), а последние – в метатеоретическом описании (в общей теории дискурса, теории речевой коммуникации).

Лингвистическое знание, знание о системе языка-речи (языковой системе и речевой системе), которое включает представление не только о системно-структурном устройстве, но и о закономерностях функционирования компонентов системы и закономерностях их употребления в узком и широком контексте, потребовало знаний о языковой способности, речевой способности, когниции, тексте, дискурсе и др., которым уже уделялось внимание в разных соотношениях: язык – речь; текст – дискурс; язык – языковая способность; речь – коммуникативная способность; речевая деятельность – речь и др.

Продукт когнитивной и речезыковой деятельности (продукт коммуникативной речемыслительной деятельности) может быть исследован как текст, если лингвиста интересует аспект текстуальности, т.е. когерентной целостности и осмысленности (предмет «лингвистики текста», «грамматики текста»). Основное внимание здесь уделяется языковому контексту. Этот же продукт может интересовать лингвиста и с точки зрения ситуативно-коммуникативного

(прагматического) контекста и более широкого социально-культурного (социолингвистического, функционально-стилевого) контекста – с дискурсивной точки зрения. Основное внимание при этом уделяется рече-языковым маркерам социальности, показателям сферы и среды общения, принадлежности языкового материала определённому регистру, стилю, жанру и т.д. Именно поэтому в отечественной лингвистике термин «дискурс» первоначально использовался в смысле, близком к понятию «функциональный стиль», под которым понимался, прежде всего, особый тип текстов – разговорных, бюрократических, газетных и т.д., но также и соответствующая каждому типу лексическая система и своя грамматика.

В современной лингвистике сформировалась новая научная парадигма – когнитивно-дискурсивная, основной целью которой является изучение употребления языковых средств в целях познания и коммуникации. Если раздел лингвистики, предметом которого является изучение дискурса, рассматривать как «теорию среднего уровня», то в этой теории следует выделить подуровни: нижний подуровень, на котором осуществляется сбор и анализ эмпирического материала – практический анализ дискурса / диалога; над этим подуровнем располагается подуровень теоретического изучения дискурса, которому соответствует дисциплина – основы теории дискурса (коммуникативное языкознание, коммуникативная лингвистика, лингвокоммуникативистика), предметом которой является установление минимальных единиц дискурса, правил их функционирования, рассмотрение закономерностей построения типичных дискурсов и др. Общая теория дискурса относится к теории коммуникации.

Продукт дискурсивного процесса, речевое произведение (языковой материал) – это доступный для наблюдения объект, с которым работают лингвисты и который используют многие науки, чтобы постичь тайны человеческого сознания и мышления. Для лингвистов продукт речи – речевое произведение – выступает как объект наблюдения, из которого выводится и речевая системность, и языковая системность:

$$\begin{aligned} & \text{ЯС} \leftrightarrow \text{РС} \leftrightarrow \text{речь (дискурс)} \\ & (\text{ЯС} - \text{языковая система, РС} - \text{речевая система}) \end{aligned}$$

Языковая система любого этнического языка выкристаллизовывается из речи людей, создателей и носителей языка. Из речи выкристаллизовывается не только языковая система (ЯС), но и речевая система (РС). Языковая система и речевая система взаимно предполагают друг друга. Также взаимно предполагают друг друга речевая система (РС) и речь (дискурс):

$$\text{РС} \leftrightarrow \text{речь (дискурс)}$$

Речевая система – это объект той науки, которую предсказывал Ф. де Соссюр сто лет назад, – объект «лингвистики речи». Интегральное лингвистическое описание включает исследование каждого из подобъектов – языковой системы, речевой системы и речи – в структурном, семантическом и функциональном аспектах.

В комплексных науках при изучении такого многоаспектного феномена, как человеческий язык, задача лингвиста заключается в первую очередь в разработке лингвоцентрического подхода, в уточнении научных лингвистиче-

ских понятий: высказывание, текст, дискурс, функциональный стиль, жанр, речевое общение, речь и многих других.

Разработке принципов лингвоцентрического подхода к анализу единиц речевого общения, вопросам методологической рефлексии, лингвистической эпистемологии уделял большое внимание крупный отечественный теоретик-лингвист, руководитель Тверской семантико-прагматической школы И.П. Сузов. С опорой на его идеи мы уже рассматривали проблемы речи, речевого общения, поведения (см.: [1–3]) и вслед за ним считаем, что путь к адекватному познанию феномена человеческого языка начинается с его вычленения из широкого круга явлений. Языковая действительность, или язык в широком смысле слова, представляет собой лишь одну из сторон социальной жизни, которая, в свою очередь, есть только один из аспектов объективного мира:

объективный мир
социальная жизнь
языковая действительность

Рассматривая вопрос о языковом общении, И.П. Сузов анализирует положение дел в лингвистике, в частности идеи и подходы прагматического языкознания (прагмалингвистики), представители которого поставили вопрос

«... о необходимости широкого определения предмета лингвистических исследований, о включении в свой обязательный концептуальный минимум общих понятий “деятельность”, “общение”, “коммуникация”, “речевая коммуникация” (или речевая деятельность, речевое общение, речевой процесс, речь, языковая деятельность, языковое общение, языковая коммуникация, дискурс), которые потом конкретизируются в более частных и специальных понятиях, таких, как речевое событие (речевой макроакт), речевой акт, или микроакт (действие), акт говорящего/слушающего...» [7: 11].

Учёный приходит к следующему выводу:

«Собственно, для прагмалингвистики вполне достаточно понятия речи, если вкладывать в него не то содержание, которое имелось в виду у Фердинанда де Соссюра (а именно единичное, частное, конкретное, индивидуальное), а трактовать речь как языковое общение, языковую коммуникативную деятельность, обмен речевыми действиями-сообщениями. Понятия бытия, социального бытия, деятельности, общения, коммуникации как объяснительные принципы будут относиться к метатеории языкознания, а не к самому языкознанию» [там же].

И.П. Сузов разрабатывает принципы лингвоцентрического подхода к анализу единиц речевого общения [8]. Автор данной статьи, принимая точку зрения И.П. Сузова как теоретическое обоснование лингвокоммуникативистики, обращался к проблемам речи, речевого общения, речевого поведения [2; 3].

Конкретных речевых ситуаций огромное множество. Для их изучения необходима определённая типологизация с учётом различных сфер, сред общения, социальных статусов, ролей, стилей, жанров и т.д. Некоторые исследователи полагают, что современный уровень осмысления накопленных языковых фактов, опирающийся на достижения когнитивных наук и на интерес к дискурсивным фактам, даёт основания, если не для полной, но все же ревизии многих устоявшихся взглядов [4: 15], к неприятию оправданного редукцио-

низма. Если было бы неправомерно изучать одну проблемную область, трактуя как случайные её фактуальные зависимости от множества других областей (её «экологии»), тогда заниматься наукой было бы невозможно. Всё в мире зависит от всего остального [6]. С каких бы сторон исследователи ни подходили к языку, лингвистика остается наукой о языке-речи (языковой системе и речевой системе). Анализ языка заставляет «новаторов» обращаться к позитивизму. Лингвистика упорно продолжает идти своим путём.

Список литературы

1. Иванова В.И. Речезыковое поведение // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2014. № 2. С. 41–47.
2. Иванова В.И. Объект лингвистики речи // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 2. С. 49–54.
3. Иванова В.И. Лингвистика речевого общения // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2016. № 4. С. 36–42.
4. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. 261 с.
5. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера, формах его объективации в языке) // Изв. РАН / Сер. лит. и яз. 1999. Т.58. № 6. С. 3–12.
6. Пильх Г. Язык или языки? Предмет изучения лингвиста // Вопр. языкознания. 1994. № 2. С. 5–28.
7. Сусов И.П. Языковое общение и лингвистика // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1985. С. 3–12.
8. Сусов И.П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. С. 7–12.
9. Фрумкина Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопр. языкознания. 1996. № 2. С. 55–67.
10. Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.

LINGUISTICS OF COMMUNICATION AS A MIDDLE RANGE THEORY

V.I. Ivanova

Tver State University, Tver

Some aspects of particular epistemology of the contemporary communication linguistics as a middle range theory are considered; the idea of differentiation between meta-theory of communication (communication theory, discourse theory) and communication linguistics as a “middle range theory” is explored. The problem field of communication research – in linguistics – is working out the linguocentric approach to the problem of speech and discourse investigations.

Keywords: *speech, discourse, communication linguistics, speech system, linguocentric approach, middle range theory.*

Об авторе:

ИВАНОВА Валентина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: v.i.ivanova@rambler.ru

УДК 81'272

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ БИЛИНГВИЗМА
В СОЦИАЛЬНОМ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПОДХОДАХ**
(на примере русско-финского двуязычия)

Е.А. Картушина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва

В статье рассматриваются некоторые спорные вопросы изучения билингвизма в рамках социального и психолингвистического подходов, указывается актуальность изучения билингвизма в современных условиях. Автор приводит данные социолингвистического опроса русскоговорящих семей, проживающих в Финляндии, и рассматривает их с точки зрения применения психолингвистического подхода к двуязычию

***Ключевые слова:** социальный билингвизм; двуязычие; русский язык в Финляндии; родной язык; языковая экология; социолингвистика.*

Вопросам билингвизма уделялось и уделяется пристальное внимание исследователями гуманитарного знания, в связи с чем может показаться, что феномен билингвизма представляется настолько подробно рассмотренным, что уже должен быть основой для анализа других категорий. Тем не менее, в условиях развития глобализации, информатизации общества, сверхскоростной динамикой изменения социокультурных условий и многих других факторов, вопросы рассмотрения двуязычия как никогда актуальны. Именно этот фактор – быстротечного изменения – и придаёт значимость анализу процессов двуязычия. На территориях многих государств начинают говорить на языках, появление которых было трудно предсказать в этом ареале. Кроме того, рассмотрение функционирования двух языков на индивидуальном уровне связано с формированием и поддержанием идентичности, что также придаёт изучению билингвизма особую значимость. В то же время изученность процессов билингвизма как в психолингвистике, так и в социолингвистике, не позволяет охватить их полностью в рамках одной статьи, однако нашей задачей будет рассмотрение их на предмет соответствия современным условиям и возможного нахождения точек соприкосновения социо- и психолингвистического подходов.

Тот факт, что билингвизм может являться центром изучения отдельного направления, вытекает из неоднозначности билингвизма как социальной, так и индивидуально-психологической категории. Для подобного рода «возведения билингвизма на пьедестал» есть основания, кроющиеся в самой природе феномена билингвизма.

Во-первых, билингвизм не является линейным процессом. Он связан со всей совокупностью индивидуально-психологических аспектов (включая сложность изучения другого языка, языковой лояльности) и социально-политических характеристик (разграничение сфер употребления в рамках языкового планирования и языковой политики). Многоуровневую природу билингвизма сложно описать таксономически, хотя в теоретических исследованиях и были такие попытки.

Во-вторых, сложность определения границ одного языка в паре языков, трудность определения того, где заканчивается сфера влияния одного языка, уступая её другому или другим. Можно лишь описать те коммуникативные ситуации, в которых применяется тот или иной язык, определить случаи интерференции, подробно разъяснить механизм переключения кодов в сознании билингва, но нельзя чётко определить границы между языками.

В-третьих, отношение к билингвизму как со стороны общества, так и со стороны отдельно взятого индивида, весьма неоднозначно. На индивидуальном уровне отношение в рамках определённой пары языков связано с различными индивидуальными предпочтениями к одному из языков, употреблением одного из языков в заданных коммуникативных ситуациях, сферах общения, сложностью понятия «родной язык». На социальном уровне это связано с прагматическими характеристиками, отношением к билингвизму как таковому.

Теперь рассмотрим эти аспекты более подробно на предмет соответствия заявленной цели – показать точки соприкосновения в социалингвистических и психолингвистических концепциях билингвизма.

Говоря о комплексности билингвизма как феномена, мы имеем в виду многоаспектность, нелинейность этого явления. Традиционным в лингвистике считается рассмотрение билингвизма в социальном аспекте, включая функционирование двух языков на определённой территории, анализ их статуса, степени распространения и сфер применения, и психолингвистическом, изучающем психические механизмы использования двух языков, языковой интерференции. Попытка объединения этих двух аспектов отнюдь не нова. В частности, в 1990 годах И.Н. Гореловым был предложен термин «социопсихолингвистика», одним из предметов изучения которой, по мнению исследователя, должен был быть именно билингвизм [3: 137]. Обращает на себя внимание в этой связи и концепция М.К. Губогло, который, ещё в 1970-х годах прошлого столетия, предложил выделять три составляющие при изучении феномена билингвизма: а) языковые – формы и способы существования языков; б) личностно-социальные – характеристики самих носителей билингвизма; в) речевые, включающие знание и употребление в разных сферах деятельности [4: 112–113].

Однако подобного рода «тенденция к объединению» не является универсальной и общепризнанной в изучении билингвизма, а, напротив, всё же большинство исследований двуязычия не выходило за рамки либо социалингвистического, либо психолингвистического направлений. С точки зрения Е.М. Верещагина, «не может быть такого существенного признака двуязычия, который был бы приемлемым для социологии, языкознания, педагогики, психологии, паралингвистики» [1: 54]. Идея изучения билингвизма в рамках одного прикладного аспекта гуманитарного знания перекликается и с точкой зрения А.П. Майорова, отмечающего обречённость на провал любых исследований, связанных с переносом психолингвистического определения билингвизма на социальное, с конструированием абстрактных сущностей типа «идеальный билингвизм», «искусственный интеллект», поскольку в их основе лежит неразрешимость противоречий между общественным характером языка и индивидуальным характером речи [9: 61]. С точки зрения исследователя, для

описания билингвизма в социальном и психологическом аспекте может быть применён термин «языковое пространство» как совокупность «интерсубъективных и интрасубъективных реальностей» [цит. раб.: 63], и которое является составной частью «билингвального коммуникативного пространства как формы сосуществования, взаимодействия и функционирования двух языков в определённый исторический период в двуязычном обществе» [цит. раб.: 63]. С другой стороны, термин «языковое пространство» является принятым в лингвистике, но имеет отношение только к эмпирическому описанию и вряд ли может быть теоретически переосмыслен.

Термин «языковое пространство» подводит нас ко второму из обозначенных в начале статьи аспектов билингвизма, а именно, размытости границ в сосуществовании и совместном функционировании двух языков, как в социальном, так и в индивидуальном уровнях. В социальной лингвистике для реализации этой цели – установить алгоритм существования двух и более языков в определённом социуме – Э. Хаугеном была разработана концепция «языковой экологии», согласно которой необходимо поддерживать существование языка в любой форме, подобно тому как сохраняются редкие виды фауны и флоры [12]. Концепция Э. Хаугена обрела достаточную популярность в лингвистике, но не стала общепризнанной. Ключевой причиной этого, возможно, является ориентированность на социально-языковое планирование, на общее коллективное признание необходимости сохранять тот или иной язык, что принимается в некотором роде «по умолчанию». Но необходимость сохранения и продвижения определённого языка не всегда совпадает с индивидуальным выбором, с языковой лояльностью билингва.

В противовес данной социально и коллективно-направленной концепции Э.Хаугена была выдвинута концепция Дж. Верча, которая, напротив, во главу угла ставит индивидуальный выбор человека в отношении языка. Согласно концепции Дж. Верча, индивид действует с помощью медиаторов, выступает как агент опосредованного действия, конечная единица анализа. Язык как среда служит не только проводником человеческих действий, но формирует это действие, точнее, является непосредственным выражением действия [2]. В некотором роде эти концепции дополняют друг друга – концепция Э.Хаугена предлагает методологическую основу в случае коллективного выбора языка, в то время как концепция Дж. Верча – в случае индивидуального.

Говоря о выборе одного из языков в ситуации двуязычия, мы подходим к третьему аспекту, связанному с выделением одного из языков как родного, и с отношением к билингвизму как таковому со стороны общества и государства. Споры вокруг понятия «родной язык» со стороны лингвистов не утихают, одной из причин чему является соотнесённость данного понятия с психическими, ментальными процессами человека, его социализацией. Сложность данного понятия не позволяет свести его к наиболее распространённому, учебному его определению, «язык того этноса, к которому человек принадлежит» [6]. Другой подход к определению понятия «родной язык», на который традиционно ссылаются исследователи, – это концепция Ю.А. Сорокина, согласно которой основным признаком «родного языка»

является «возможность самоидентификации». В рамках данного подхода родной язык предстает как «субстанция», которая связана с сознанием и самосознанием [11: 10]. Нельзя не учитывать значимость родного языка в процессе познания, однако данное определение в его преломлении к билингвизму вызывает скорее вопросы, чем дает ответы. В этой связи нам более близка точка зрения В.Г. Костомарова, отмечающего, что «даже в смешанной языковой среде разнорациональной семьи одновременность и одинаковая роль двух языков в выработке мыслительной способности, а затем и в социализации личности сомнительны» [8: 495]. Сложность, с точки зрения учёного, в том, что билингв вынужден попеременно находиться в двух мирах, в мирах двух языков, поскольку одновременное существование в них невозможно, в результате чего снижается способность личности к самореализации и самовыражению. В конечном итоге, человек вынужден делать выбор в пользу того или иного языка.

Решение о выборе в пользу одного из языков в качестве доминирующего в ситуации индивидуального двуязычия, сопряжено со многими факторами социального и психологического порядка. Как правило, выбор языка в качестве родного всегда происходит осознанно, даже если изучение одного или обоих языков происходило произвольно. Например, ребёнок может свободно изучать два языка с раннего детства, и на первоначальном этапе лексические пространства двух языков могут смешиваться, но позднее происходит сначала разграничение языков, а затем и разграничение коммуникативных ситуаций, однако, если какой-то язык в ситуации двуязычия не использовать, то компетентность владения этим языком может снижаться и/или оставаться на том уровне, когда использование этого языка прекратилось. Именно этим может объясняться появление акцента (который, как известно, первым появляется в речи и последним исчезает), употребление устаревших слов, сомнения в лексической и грамматической правильности своей речи на одном из языков. Это подводит нас к другому аспекту билингвизма, а именно – социально-прагматическому, который тоже нельзя описать однозначно. Сам термин «двуязычный», и его английский эквивалент *bilingual* подразумевает владение двумя языками на достаточно высоком уровне.

Отношение общества к билингвизму также не всегда было стабильно-положительным. По данным работы [12], двуязычие было реабилитировано после 60-х гг. прошлого столетия, до этого оно считалось признаком глупости, низкого происхождения, в связи с чем имели место индивидуальные случаи отказа от одного из языков в пользу другого как более престижного, хорошее знание которого в определенном социуме было более перспективным. В настоящее время можно говорить скорее о положительном отношении к двуязычию. Доказательством этого может служить исследование [7], в котором автор отмечает, что «преимущества билингвизма всегда превосходят недостатки» [цит. раб.: 12]. В исследовании также отмечается, что билингвизм в наше время становится культурной универсалией, он важен для обмена информацией и является способом разрешения национальных и культурных противоречий. Кроме того, билингв, овладевая языками в раннем детстве, в лучших отношениях с родственниками, тем самым устанавливается

трансляция культурных ценностей. Билингв также обладает более развитыми языковыми способностями, лучше понимает и ценит обе культуры.

Таким образом, мы сталкиваемся с противоречием: с одной стороны, билингвизм как социальное явление уже воспринимается положительно, и является маркером образованности человека, его идентичности, но, с другой стороны, на индивидуальном уровне билингву всегда предстоит сделать выбор и определиться с понятием «родной язык», поскольку, как уже было отмечено выше, это необходимо, чтобы избежать недостаточной самореализации, формирования некоторой другой личности, называемой в методике преподавания языка «вторичной языковой личностью». С нашей точки зрения, сам этот термин априори подразумевает существование «первичности» в структуре языковой личности, т.е. владение родным («первичным»), языком.

Решение этой дилеммы всегда связано с индивидуальным выбором. Билингву приходится делать выбор, на каком языке говорить с ребёнком, с кем на каком языке говорить, в каких коммуникативных ситуациях использовать тот или иной язык. Это касается и описания эмоций. Некоторым компромиссом является также употребление двух языков при общении в интернете, в социальных сетях, когда языки фигурируют попеременно или с использованием лексических элементов из другого языка.

Достаточно распространённым в лингвистике также является мнение, что использование другого языка билингва при общении на родном языке – это фактор конструирования идентичности. В частности, употребление английских слов в молодёжном сленге уже не вызывает удивления.

Однако маркером идентичности является не только факт использования другого языка, но и выбор того уровня, который билингв выбирает для того или иного языка. Например, в речи соотечественников, проживающих за рубежом, можно часто слышать комментарии о своем родном языке: «у вас такой хороший русский, а я вот подзабываю его»; «мои дети говорят уже не на том русском, который сейчас»; «не знаю, как это будет по-русски». Не отрицая, что подобного рода отношение к своему родному языку является маркером самоидентичности, т.е. самоидентификации себя как русского, речь скорее идёт о соотношении билингва с теми русскими, которые проживали в России на момент смены места жительства человека, чем с теми, кто сейчас проживает. Для некоторых, один из языков может поддерживаться «в рабочем состоянии», или даже в пассивном (человек не говорит на языке), но при необходимости может перейти из пассивного состояния в активное его применение и использование.

Важно также иметь в виду, что даже при индивидуальном выборе языка при билингвизме должен учмываться и аксиологический аспект. При выборе одного из пары языков в качестве родного, второй язык при билингвизме не теряет своей ценности. Билингв может использовать второй язык не только ради конструирования самоидентичности, но потому что язык представляет ценность как знание, как собственный опыт и этап личностного становления. В данном случае ведущей становится категория сакрального в языке, языка как ценности знания, о которой говорил М. Монтень:

«Что ценность зависит от мнения, которое мы имеем о них, видно хотя бы уже из того, что между ними существует много таких, которые мы рассматриваем не

только затем, чтобы оценивать их, но и с тем, чтобы оценить их для себя. Мы не принимаем в расчёт ни их качества, ни степень их полезности; для нас важно лишь то, чего нам стоило добыть их, словно это есть самое основное в их сущности: и ценностью их мы называем не то, что они в состоянии нам доставить, но то, какой ценой мы их достали» [10: 235].

Действительно, двуязычие не может быть сведено только к изучению языка. Двуязычие, как отмечает А.А. Залевская [5: 107–109], это «функциональная динамическая система», которая формируется через переработку речевого опыта и опыта познания мира, при взаимодействии ряда внутренних и внешних факторов. Функциональная система двуязычия характеризуется изначальной предметностью и пристрастностью, переносом навыков (внутриязыковых и межъязыковых) [цит. раб.: 107–109].

Динамичность изменения двуязычия показывают и данные анкетирования, социолингвистического исследования русскоязычных семей, проживающих в Финляндии. В анкетировании приняли участие 152 респондента – русские, проживающие в Финляндии. Время проживания в Финляндии и возраст респондентов нами не учитывались. Результаты приведены в таблице.

Таблица

	Русский	Финский	Финский и русский	Другой (иностран.) язык
Считаю родным языком	92%	6%	1%	-
Родным языком детей будет	27%	49%	34%	-
Дома общение ведётся в основном на	95%	3%	2%	-
Для просмотра кино и телевидения в основном выбираю	72%	14%	10%	4%
На работе в основном использую	78%	12%	4%	6% (английский - 4%; 2% - шведский)
Для работы в интернете в основном использую	8%	61%	12%	19% (2% - шведский, 17% - английский)
Для общения и развлечения в Интернете в основном использую	27%	35%	14%	3% - шведский, 21% - английский

Приведённые в таблице данные показывают, что 6% респондентов уже считают родным финский язык, что говорит о случаях отказа от родного языка в случае смены места жительства. Однако, значительное количество (92%) показывает, что родным языком остается именно тот, который выучился с детства. Лишь 1% опрошенных указали, что оба языка являются родными, что и подтверждает приведённое выше утверждение о доминировании одного из языков. 1% приходится на вариант «затрудняюсь ответить».

Поскольку количество тех, кто считает, что родным языком уже не будет русский (49%), превышает тех, кто считает, что русский останется родным языком, почти в два раза (27%), можно говорить о ситуации изменения языковой лояльности. Также доля тех, кто полагает, что родными могут быть два языка, говорит о скорее положительном отношении к билингвизму. Родной язык как материнский язык (*mother tongue*) используется в основном в ситуации семейного общения (95%), а маленький процент (3%) тех, кто в ситуации смены места жительства меняет родной язык в семейном общении, говорит о высокой степени языковой лояльности. Этим также и объясняется предпочтение в пользу родного языка для просмотра кино и телевидения (72%).

Небольшое количество тех, кто использует русский в качестве основного языка на работе, говорит о доминировании финского как основного, однако в данной графе появляется и доля других иностранных языков – 4%, равные доли которых приходятся на шведский и английский. Примечательно, что доля иностранных языков возрастает и при выборе языка для работы в интернете, основным из которых является английский, составляет 19%. На доминирование английского языка в интернете указывает и увеличение его доли в качестве выбора языка при общении в интернете – 21%.

Обращает на себя внимание тот факт, что в целом по результатам исследования доля шведского языка незначительна, несмотря на то, что шведский является вторым государственным языком в Финляндии. Скорее всего, это свидетельство тому, что социальный билингвизм не всегда целиком и полностью отражает индивидуальные случаи билингвизма.

Трактовка результатов эксперимента была бы неполной, если бы учитывались только социолингвистические аспекты, такие как распространение русского языка на территории Финляндии, демографическая мощность данного идиома, языковая лояльность. Применение же психолингвистической трактовки двуязычия как «функциональной динамической системы» (в её трактовке А.А. Залевской), выделение «родного языка» из двух, рассмотрение восприятия билингвизма как феномена в индивидуальном и социальном аспектах дают более подробную трактовку результатов.

Разрешению дилеммы индивидуального выбора и социального принятия билингвизма может способствовать объединение методов социолингвистики и психолингвистики в отношении описания отдельно взятого случая билингвизма или же многочисленных случаев билингвизма в ситуации проживания на определённой территории этнического сообщества. Социальная лингвистика может и призвана описать статус каждого из языков в ситуации двуязычия, степень его распространения и учёт в языковом планировании и языковой политике, в то время как психолингвистическая методология позволяет определить степень владения тем или иным языком, рассмотреть случаи интерференции и описать первичность или вторичность языковой личности, т.е. выбор одного из языков в качестве доминирующего и родного.

Список литературы

1. Верещагин Е.М. Психолингвистическая и методическая трактовка двуязычия (билингвизма). М., МГУ. 1969. 160 с.
2. Верч Дж. Голос разума. Социокультурный подход к опосредованному действию. Учеб. пособие для высшей школы. М., 1996. 136 с.
3. Горелов И.Н. Социопсихолингвистика и проблемы управления обществом // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995. С. 137–149.
4. Губогло М.Н. Историографические проблемы двуязычия // Основные направления изучения национальных отношений в СССР (коллективная монография) / под ред. М.И. Нумиченко. М., Наука, 1979. С. 160–165.
5. Залевская А.А. Вопросы теории двуязычия: монография. Тверь: Твер. гос.ун-т, 2009. 144 с.
6. Ибрагимов Г.К., Зачесов К.Я. О понятии «родной язык» // Русский язык в национальной школе. М., 1990. № 8. С. 8–11.
7. Ковалева С.С. Билингвизм как социально-коммуникативный процесс: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 25 с.
8. Костомаров В.Г. Ещё раз о понятии «родной язык» // Костомаров В.Г. Статьи старых лет. М.: Издательство ИКАР, 2010. С. 492–500.
9. Майоров А.П. Социальный билингвизм и языковое пространство. Уфа, БТУ. 1998. 159 с.
10. Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х т. Т. I. Пер. с фр. Кудрявцев Г.Г. М., Голос. 1992. 384 с.
11. Сорокин Ю.А. В чем же суть понятия «родной язык»? // Русский язык в национальной школе. М., 1990. № 9. С. 9–11.
12. Haugen E. The ecology of language: Essays by E. Haugen / E. Haugen / Stanford, CA: Stanford University Press / Originally published in W. Bright (Ed.). 1966. P. 159–190.
13. Zimmer D. Deutsch und anders Die Sprache im Modernisierungstiebr. Rowohlt Verlag GmbH, 1997. 217 p.

CERTAIN ASPECTS OF BILINGUALISM WITHIN SOCIAL AND PSYCHOLINGUISTIC APPROACHES (on the example of Russian-Finnish bilingualism)

Elena A.Kartushina

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

The article dwells on most debatable issues of bilingualism within the frames of both social and psycholinguistic approaches. The paper also indicates what makes the study of bilingualism so popular nowadays. The author shares the results of the survey carried out among Russian people living in Finland while attempting to interpret the results of the survey through psycholinguistic approaches to bilingualism.

Keywords: *social bilingualism; bilingualism; Russian language in Finland; mother tongue; language ecology; sociolinguistics.*

Об авторе:

КАРТУШИНА Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, e-mail: eakartushina@pushkin.institute

УДК 81'366.52

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ ВИДА ГЛАГОЛА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

(с привлечением экспериментального материала)

С.В. Мкртычян

Тверской государственной университет, Тверь

Рассматривается проблема аспектуальности вида русского глагола в современных лингвистических концепциях, которые основываются на интерпретативном подходе, предполагающем привлечение прагматического контекста, что существенно расширяет границы системной лингвистики; обсуждаются трудные случаи семантизации вида с привлечением экспериментального материала.

Ключевые слова: *аспектология, вид глагола, интерпретативный подход, конкуренция видов, субъективность, имплицитность, эксперимент.*

Интерпретация семантики совершенного вида (далее – СВ) и несовершенного вида (далее – НСВ) русского глагола на протяжении истории русского языка с момента появления до настоящего времени представляет собой нерешённую проблему аспектологии. Категория вида, пришедшая на смену разветвлённой системе времён (аориста, перфекта, плюсквамперфекта), совместила в себе и качественные, и количественные характеристики действия, столь многочисленные и порой трудно эксплицируемые, что породила фактом своего возникновения острые научные дискуссии. Многочисленные изыскания грамматистов, начиная с XVII в. (с работ М. Смотрицкого и Ю. Скрижанича), т.е. с момента выделения категории вида, направлены на выявление и описание типовых укрупнённых значений вида глагола, которыми отнюдь не исчерпывается всё многообразие семантических нюансировок отдельных видовых пар. Попытки систематизировать, классифицировать и упорядочить массив типичных употреблений вида, безусловно, заслуживают внимания, поскольку именно такого рода рафинированное знание позволяет заложить фундамент содержательного аспекта категории вида как грамматической категории и, если вести речь о лингводидактике, она уже используется в методике русского как иностранного. Наряду с этим следует помнить о том, что любое слово – это «живая» субстанция и любая грамматическая категория тоже «живая», и поэтому может демонстрировать такие ситуации употребления, в которых нарушены сущностные принципы идеальной грамматической категории (в частности, соответствие известного грамматического значения определённому грамматическому способу). Иными словами, в языке имеются значимые исключения, интерпретация которых не вполне очевидна не только для рядовых носителей русского языка, но даже для студентов, обучающихся по направлению «Лингвистика». В связи с этим в рамках предлагаемой публикации обсуждаются некоторые теоретические вопросы, касающиеся трудных случаев аспектологии, с привлечением материалов небольшого экспериментального исследования, направленного на выяснение того, как различают сложные видовые корреляции магистранты-переводчики, у которых чувство языка (в первую очередь родного) составляет основу профессиональной компетентности.

В качестве преамбулы обратимся к краткому экскурсу в историю вопроса о семантике вида. Сущность предлагаемых концепций по этому вопросу сводится к следующим позициям.

1. Категория вида обозначает распределение действия во времени (Ф.И. Буслаев, А.Х. Востоков, А.А. Потебня): начало, конец или середину действия.

2. Вид определяет способ протекания действия, его отношение к завершённости (В.А. Богородицкий), к результативности (А.А. Шахматов, вслед за ним С.О. Карцевский, И.П. Мучник), целостность действия или точность (Ф.де Соссюр, А.М. Пешковский).

3. Вид выражает действие в отношении к его пределу (В.В. Виноградов, Е.А. Земская, Р.О. Якобсон): «В понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия»; «обозначение действия в его течении, не стеснённое мыслью о пределе процесса в целом, – основное, общее значение несовершенного вида» [3: 368].

В «Русской грамматике-80» поддерживается идея предельности: «Значение ограничения действия пределом свойственно всем глаголам совершенного вида» [12: 583]. Академическая концепция не лишена уязвимых мест: во-первых, существуют глаголы СВ со значением начала действия (*заговорил, зашептал, запел*); во-вторых, не все действия обладают пределом (*поблел, охладел*), наконец, этой закономерности не подчиняются так называемые «мгновенные» действия (*вздвинул, вспыхнул*).

На современном этапе развития лингвистики, который характеризуется интегративностью научного знания, осмысление категории вида приобретает перспективы, связанные с теорией референции, прагматикой, лексикой. Интегративные концепции вида глагола представлены в целом ряде современных исследований.

Так, М.Я. Гловинская в докторской диссертации «Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола» обосновывает целесообразность смыслового (или интерпретационного) подхода к изучению категории вида [4]. Критика признакового подхода не означает, что дискредитируется сама идея семантических признаков. Смысловой подход дополняет (но не исключает) традиционный признаковый подход, поскольку обладает целым рядом неоспоримых достоинств: «он вернее отражает языковую интуицию говорящих», «поддается проверке, потому что может заменить толкуемую единицу в тексте без разрушения связности последнего», «толкования позволяют эксплицировать законы взаимодействия значений в связном тексте» [4: 5].

Другой весьма плодотворный современный подход к изучению категории вида на основе синтеза теории поля, а также классической и прототипической теорий категоризации представлен в работе Е.В. Петрухиной «Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований)» (2009) [11]. Е.В. Петрухина поддерживает и развивает идеи А.В. Бондарко и С.Д. Кацнельсона [8]. Важно отметить, что исследования отечественных лингвистов, в частности работы В.Г. Адмони (1909–1993), показали, что полевою структуру имеют не только лексические,

функционально-семантические, лексико-грамматические, но и морфологические категории [1].

Обращаясь к глаголу, Е.В. Петрухина рассматривает категориальные значения (граммемы) СВ и НСВ как инвариантные, соотносимые с системой частных (контекстных) значений глаголов, которые они приобретают при конкретном употреблении в тексте. Среди контекстных значений выделяются главные (прототипические), наиболее полно выражающие категориальную видовую семантику, и периферийные, испытывающие большее влияние контекста. Например, к непрототипическим глаголам СВ относятся длительно-ограничительные дериваты, которые сочетаются с обстоятельствами *долго, два часа: просидел, проговорил*; в группу непрототипических глаголов НСВ входят семантические перфективы (которые передают неразложимые действия): *находить, съесть, прочитывать* [11: 36].

В завершение беглого обзора современных концепций семантики вида нельзя не упомянуть концепцию Г.М. Зельдовича, изложенную в монографии «Прагматика грамматики» [6] и выполненную в рамках интерпретативного подхода. По мнению автора, теория русского вида опирается на несколько предельно простых постулатов: (а) СВ обозначает ситуацию, которая единична; (б) её единичность возможна только во множестве других ситуаций, поэтому для успешного употребления вида необходимо мыслить хотя бы ещё одну соотносительную ситуацию; (в) парный НСВ нужен тогда, когда мы хотим отказаться от какого-то смысла, передаваемого СВ [6: 30]. Все остальные особенности употребления видов с той или иной степенью опосредованности, как полагает автор, предопределяются перечисленными постулатами и имеющими независимое обоснование прагматическими правилами.

Здесь существенно то, что вид является в русском языке необходимой грамматической категорией и тем самым его выражение обязательно. «Употребляя в предложении глагол, мы должны употребить его в форме СВ или НСВ – даже если мы не имеем в виду передать ни один из тех смыслов, которые могут выражаться категорией вида» [5: 10].

С.Д. Кацнельсон отмечает, что «владение грамматическими формами характеризуется иной когнитивной модальностью. Толкование грамматических форм в отдельности представляет для говорящих значительные трудности. Оно становится возможным лишь тогда, когда грамматический строй становится объектом научного познания» [8: 114–115]. Всё сказанное в полной мере относится к категории вида.

С целью исследования чувствительности носителей языка к смысловым различиям видовых оппозиций был проведён эксперимент, в котором приняли участие 20 магистрантов, обучающихся по направлению «Лингвистика». Задание для проведения эксперимента было сформулировано следующим образом: прочитайте реплики и определите, где уместны: а) глагол только СВ; б) глагол только НСВ; в) оба глагола. Там, где можно использовать оба глагола, прокомментируйте смысловое различие, если оно есть.

В качестве стимульного материала выбрано 8 минимальных контекстов, которые не содержат эксплицитных маркеров вида (например, указание на кратность действия, наличие результата и т.п.) и в которых

возможно употребление как СВ, так и НСВ. Контексты позволяют установить дифференциальные признаки каждой из видовых пар в том случае, если эти признаки распознаются испытуемыми (далее – Ии.).

Рассмотрим некоторые из предложенных для эксперимента контекстов с комментариями Ии.

– Ивана УВОЛЯТ/ БУДУТ УВОЛЬНЯТЬ. Ему нужно помочь.

В этом контексте внимание привлечено к результату действия (СВ), после которого Ивану потребуется помощь, а НСВ подчёркивает, что нужно помочь во время протекания действия.

Комментарии Ии.:

Для НСВ

1. Незаслуженно, вызывает сочувствие.
2. Увольнение пока ещё под вопросом.
3. Собираются уволить.
4. Собираются, думают о том, чтобы уволить, но не в ближайшее время.
5. Есть шанс, что Иван избежит увольнения, если мы ему поможем.
6. Будущее Ивана предрешиено, но еще точно неизвестно, когда увольнение произойдет.
7. Однократное действие.
8. Невозможно увидеть данное действие в процессе.
9. Продолжительное действие, создаётся впечатление, что процесс будет длительным.
10. Т.е. всё никак не уволят, как будто собираются всем офисом и часами его будут увольнять.
11. Процесс увольнения займёт время: нужно подготовить документы, сообщить об этом Ивану и т.д.

Для СВ

1. Если уволят, помощь будет бессильна.
2. Заслуженно, за проступок, как наказание.
3. Его уже точно уволят, документы готовы, этого не изменить.
4. Непродолжительное действие, указывающее на моментальный результат.
5. Точно уволят (3 ответа)
6. Возможно в качестве угрозы или предположения (например, коллега говорит Ивану, что за некий проступок его уволят)

– Кто ПОДАРИЛ/ДАРИЛ тебе эти туфли?

Конструкция с НСВ поддерживает мотив «давности» (туфли подарены давно). Если же мотив «давности» исключить, то подразумевается, что результата – наличия туфель – как бы нет, тем самым означая, что говорящему туфли не нравятся. Аналогично обстоит с фразой *Кто эти билеты покупал?*, где результата (возможно, из-за неудобства мест) тоже как бы нет и сказанное приобретает характер упрёка. Аналогично в примерах вроде *А я тебя предупреждал*, где также подразумевается отсутствие результата при том, что он должен был бы быть.

Комментарии Ии. для НСВ

1. Продолжительное действие.
2. Несколько пар туфель.

3. *Вопрос с целью предпринять какие-то действия. Например, нужно купить новые туфли, хочется взять такие же, как старые. Тогда вопрос «Кто дарил тебе эти туфли?» подразумевает, что мы можем, например спросить у этого человека, где он покупал туфли или за какую сумму.*
4. *Можно использовать в значении «на протяжении какого-то времени».*
5. *Кто-то один дарил разные туфли на протяжении какого-то времени//Несколько человек подарили одни и те же туфли.*
6. *Многократное действие как процесс, т.е. бесконечно дарил.*

Для СВ

1. *Туфли уже у девушки есть и их видно.*
2. *Однократное действие, т.е. подарок на руках.*
3. *Кто-то один подарил какие-то одни туфли.*
4. *Акцент на том, кто подарил.*
5. *Одна пара туфель.*
6. *Вопрос исключительно из любопытства («какие красивые туфли, кто их тебе подарил?») или ревности («Дорогая моя, это тебе кто такие туфли подарил?!»)*

– Зачем я университет ЗАКОНЧИЛА/ЗАКАНЧИВАЛА?

Само по себе окончание университета и получение диплома является результатом, который сохраняет актуальность на протяжении всей жизни. Отказ видеть этот результат можно толковать только как отсутствие иного, менее очевидного, не столь типичного, но важного в данном контексте результата (например, отсутствие чьего-то уважения, невозможность устроиться на работу, маленькая зарплата и т.д.).

«Зеркальным» примером может быть ситуация, когда учитель дал детям разные задания и интересуется, *Кто ГОТОВИЛ/ПРИГОТОВИЛ стихи Пушкина?* Вопрос с СВ прозвучит жёстче и строже, а с НСВ мягче. Эти ситуации обсуждаются у Г.М. Зельдовича [6: 68]. Так происходит, поскольку здесь практически исключён мотив «давности», поэтому оппозиция СВ и НСВ поддерживается открыто выраженным интересом к результату или отсутствием такого интереса. Разумеется, не проявлять интереса к результату намного деликатнее.

Комментарии Ии. Для НСВ

1. *Мой диплом не приносит пользы.*
2. *Процесс: заканчивал-заканчивал, да всё никак не закончил, диплома нет.*
3. *Зачем я заканчивал университет? Это было пустой тратой времени. Я же ничего не знаю!*
4. *В вопросе боль от осознания бесцельно потраченных сил и времени.*
5. *Эмоциональный оттенок: сдавал много экзаменов, тратил много сил, а всё для чего?*

Для СВ

1. *Я хочу учиться ещё.*
2. *Может быть, надо было продолжить обучение?*
3. *Подразумевается, что были и другие (лучшие) варианты – например, не заканчивать университет, а пойти работать или уехать куда-либо.*
4. *Завершённое действие, есть диплом.*

Ответы Ии. по каждому из контекстов систематизированы в таблице.

Таблица. Результаты эксперимента.

Исходный контекст	Ответы Ии. в %			
	«Возможны только одного вида»	«Возможны оба глагола, нет существенной разницы в значении»	««Возможны оба глагола, разница есть, но объяснить трудно»	Комментарии
Ивана УВОЛЯТ/ БУДУТ УВОЛЬНЯТЬ. Ему нужно помочь.	-	20%	10%	70%
Кто ПОДАРИЛ/ДАРИЛ тебе эти туфли?	СВ 30%	25%		35%
Зачем я университет ЗАКОНЧИЛ/ЗАКАНЧИВАЛ?	СВ 20% НСВ 20%	15%	15%	30%

Привлечённые в качестве экспериментального материала контексты ясно обнаруживают, что обстоятельства, влияющие на выбор НСВ и СВ, чрезвычайно субъективны. На эту субъективность при выборе вида обращается внимание во всех прагматически ориентированных интерпретативных концепциях (в том числе, упоминаемых в рамках настоящей статьи). Интерпретация наличия / отсутствия результата, его актуальность / неактуальность зависит от множества контекстных и конситуативных факторов. Объяснить действующие закономерности должна лингвистика текста или ориентированная на лингвистику текста аспектология. Идея того, что выбор вида зависит от «различных потребностей» высказывалась ещё В. Матезиусом, который ввёл в лингвистику понятие *конкуренция видов*. Ю.С. Маслов говорит о конкуренции видов, когда выбор определяется «субъективной точкой зрения говорящего» [10: 104].

Расширение интересов лингвистики не вступает в противоречие с фундаментальными принципами структурализма, с пониманием языка как системы систем, но соотносит эти знания с другими гуманитарными знаниями о *homo loquens*. Примерно равная приемлемость СВ и НСВ в некоторых контекстах вовсе не означает, что не остаётся места для тонких предпочтений, которые еще предстоит изучить.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. М.: Наука, 1988. 238 с.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
4. Гловинская М. Я. Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола: автореф. дис... докт. филол. наук : 10.02.01. Москва, 1986. 37 с.
5. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии. Мюнхен, 2007. 148 с.
6. Зельдович Г.М. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур. 2012. 648 с.

7. Карцевский С. И. Система русского глагола // Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 218–230.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и языковое мышление. Л.: Наука, 1972. 231 с.
9. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 143–184.
10. Маслов Ю.С. Система частных видовых значений и типы противопоставлений совершенного и несовершенного вида // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 94–110.
11. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). Москва: МАКС Пресс, 2009. 208 с.
12. Русская грамматика. Том 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

**VERB ASPECT PROBLEMS IN THE CONTEXT
OF MODERN LINGUISTICS**
(supported with experimental data)

S.V. Mktytchian
Tver State University, Tver

The aspect of the Russian verb is considered from the point of view of modern linguistic theories based on interpretative approach involving pragmatic context. This approach extends the boundaries of systemic linguistics. The article discusses complicated instances of aspect semantization. These are illustrated with experimental data.

***Keywords:** aspectology, verb aspect, interpretative approach, aspect concurrence, subjectivity, implicitness, experiment.*

Об авторе:

МКРТЫЧЯН Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: mkrtytchian@mail.ru

УДК 81'371

ЧТО В ИМЕНИ?

М.В. Оборина, М.Д. Попова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматриваются вопросы функционирования и перевода имён собственных в связи с их ролью в формировании смысловой структуры текста. Имя собственное отличается от любого другого имени своей функцией идентификации уникального объекта, который является референтом в идеально-реальном мире текста.

Ключевые слова: *имя собственное, смысл, денотация, текст, идентификация, звуко-символизм.*

Феноменология имени, представленная во многих современных работах (см.: [9; 12; 13]), рассматривает семантическую природу лингвистического феномена, известного как «имя собственное». Дебаты об имени собственном строятся вокруг того, что с феноменологической точки зрения «любая теория имени собственного как знака, не имеющего значения, является априори несостоятельной» [13: 91]. Таким образом, все широко распространённые положения, основанные на постулате Дж.С. Милля, о том, что имена собственные следует считать пустыми формами, а не значимыми лингвистическими феноменами, следует отклонить, поскольку это было бы равнозначно утверждению, что имена собственные – не языковые знаки, а знаки с некоторой прагматической и референциальной, но не собственно языковой функцией значения. Разумеется, всё зависит от понимания значения. По К. Виллемсу (K. Willems), значением слова является условие его употребления [13: 94–5]. Отрицание значения у имён собственных – это результат сведения значения к лексическому значению или классифицирующему значению, которое позволяет говорящему отнести референт к определённом классу (цит. по: [6: 122]). Суть проблемы хорошо выражают строки, процитированные в эпиграфе известной книги Фаранга Заби (Farhang Zabeeh) [12]:

«What's in a name?» asked the poet.
«Everything», said the magician.
«Beware! Thou shalt not take
The Lord's name in vain.»
«Nothing», said the logician.
«Change its sound and

You will change the name.»
«Something», said Socrates.
«For see what happened to me
When the Pythian prophethess
Hung 'the wisest' on my name.»

Все общества и все культуры используют процедуру именованья, недаром одной из первых фраз на родном и иностранном языке становится фраза самоидентификации. Отсутствие имени считалось признаком позора в Древнем мире – в Римской империи отсутствие имени отличало неграждан и женщин, лишая их индивидуальности. А варварские племена заслуживали презрения, будучи безымянными и лишёнными мечтаний (nameless and dreamless). Имена, равно как и мечты, делают человека неповторимым индивидом. Дерек Уолкотт (Derek Walcott) утверждает, что, не зная значения своего имени, человек лишает себя индивидуальности [10: 238]. Так, в трагедии Томаса Мидлтона

(Thomas Middleton) «*Revenger's Tragedy*» герой по имени Vindice определяет себя как мстителя (*'Tis a good name, that. Vindice Ay, a revenger*), реализует смысл своего имени в действии [цит. раб.: 12].

Вопрос о взаимоотношении имени и характера остаётся открытым уже много лет. Что было первым, имя, которое определило характер? Должен ли Бернард (Bernard) быть «brave as a bear»? Должен ли Szpilman уметь играть на пианино, как в этом диалоге из фильма «Пианист»:

- What's your name?
- Szpilman.
- A good name for a pianist. (Szpilman, *The Pianist*, 2002) [цит. раб.: 12].

Или может быть характер предопределяет именование? А имя следует за характером? Многие имена возникали для обозначения умений или свойств их носителя. В соответствии с теорией, которая поддерживает первое предположение (имя определяет характер), отношение между именем и характером не референциальное, а каузальное: Аманда будет любвеобильна. А Дездемона – несчастна (несчастливым именем наградила её собственный отец, Брабанцио, что и было позже обыграно в трагедии Шекспира). Имя – это первый дар родителей, и оно должно быть великолепным и удачным (см. различные тому подтверждения в средневековых теориях имени) [10].

Ономастическая предопределённость особенно явственна в аллегорических текстах, таких как «Путешествие Пилигрима в Небесную страну» Джона Буньяна, где структура именовании задаёт смысловую структуру текста. Но и в текстах, не прибегающих к аллегории, имя выступает как смыслообразующий элемент. Так, в повести Ч. Диккенса «Рождественская ночь» имя Эбенезера Скруджа (*Scrooge*), одного из самых ярких представителей скупердяйства в мировой литературе, означает – 'скряга', 'скупец'. Помимо семантики имени в именовании задействован звуко-символизм – сочетание /skr/ является общим деноминатором для таких слов в английском языке, как *scramble*, *scrap* и других, связанных со значением 'крохоборство'. В произведении У. Коллинза «Женщина в белом» все фамилии главных героев говорящие: *Хартпрайт* ('честное сердце'), *Глайд* ('скользкий'), *Ферли* (уст. 'прекрасная'). «Оливер Твист» Диккенса – братья *Cheerbys* (весельчаки), «Горсть праха» И. Во – *Тони Ласт* (last – 'последний'), «Незабвенная» его же – мистер *Joyboy* ('весельчак, бодрячок'). Шекспировские «говорящие» имена дочерей короля Лира: *Корделия* ('сердечная'), *Регана* ('царственная'), *Гонерилья* ('спесивая').

Благодаря именам собственным, которые стали нарицательными или являются прецедентными, читатель может опираться на свои фоновые знания при чтении. Имя *Гамлет* вызывает ассоциации с сомневающимся человеком, *Шерлок Холмс* – с проницательным и рассудительным, *Отелло* – с ревнивцем.

Если имена задают идентичность героя, то смена имени должна приводить к смене лица (ср. смена имени в трудные периоды жизни – начать с чистого листа, к чему прибегают как люди, так и целые страны). Имена эндемичны языкам, тесные связи имён и слов очевидны при рассмотрении словарей нового времени. Все они включают списки имён собственных в качестве приложений или даже статейных списков. Имена, как и слова, часто требовали перевода или объяснения. Словари не указывают их значения, но дают описа-

ния некоторых носителей отдельных имён. Словари не расскажут о значении имени *Джон* в английском языке, но сообщат об известных в истории «Джонах». Тем не менее, путаница с использованием и упоминанием в словарях имён наряду с другими словами заставляют нас подсознательно считать, что словари дают значения именам собственным. Например, имя *Julian* атрибутировано дважды: как «Римский император 361–363», и как «мужское имя собственное». Император *Джулиан* был реальным человеком, имя Джулиан ещё и просто имя собственное, оказавшееся случайно именем конкретного исторического лица. Имя не означает императора, а император не является именем (цит. по: [12: 63]).

В индоевропейских языках (в частности, в греческом) для расширения словарного состава языка используется словосложение, приводящее к комбинации или полной трансформации значений составляющих слов [7]. Этот способ служит и для образования имён, но предсказать значение имени в этом случае может быть намного сложнее. Ономастические и лексические составные слова имеют не только общие черты, что лишний раз подтверждает необходимость опираться как на общие лексические исследования, так и на те, что относятся непосредственно к имени собственному при изучении имён собственных (см. [6]). Это связано с особыми функциями имён собственных и самой процедурой именованности. Имена определяют индивидов, и часто – вне прямого лингвистического контекста. Не расслышав какое-то слово, можно восстановить его значение по ситуации («the table has a broken leg» вряд ли можно понять как «the cable has a broken leg»), не так с именами: «Tim just broke a leg» можно воспринять с равной вероятностью как «Kim just broke a leg». Именно имя задаёт ситуацию и меняет её.

Мир, в котором вещи не имеют имён, был бы крайне странным. С этим сталкивается Алиса, попадая в Страну Чудес:

“This must be the wood,” she said thoughtfully to herself, “where things have no names. I wonder what’ll become of my name when I go in? I shouldn’t like to lose it at all-because they’d have to give me another, and it would be almost certain to be an ugly one” (цит. по: [12]).

Новое имя, без сомнения, будет принадлежать новой идеальной реальности, которая вполне может оказаться уродливой.

Хотя основной функцией имени собственного является идентификация индивидов, никуда не исчезает и классифицирующая функция: по полу, национальной принадлежности, семейному и социальному положению, иногда даже возрасту (например, имена детей могут меняться с возрастом и статусом). Классифицирующая функция становится смыслообразующей в художественном тексте (уменьшительные «детские» имена у взрослых людей – ср. *Николка* в «Белой гвардии»). При этом отдельные лингвокультуры используют разные классифицирующие функции имён.

В ономастических составных словах ведущей функцией становится не коннотативная или денотативная, а идентифицирующая, полагающая существование. Так называемые иррациональные имена творят, придумывают. Они не описывают свойства и характеристики называемого, они определяют его как

уникального индивида, иногда указывая на его роль в той или иной социальной группе.

Использование имён собственных в художественном тексте изучается в поэтонимике (в английском языке существует термин *poetymology* [10: 38]). Поэтонимика – это направление исследований, изучающих функционирование собственных имён в художественных произведениях [2–5]. Предметом исследования становятся как отдельные произведения и идиостили, так и общетеоретические вопросы. Описательные работы исследуют собственные имена художественных текстов как систему, способы и приёмы включения в текст поэтонима. Поэтонимы выполняют в тексте функцию формирования эпохи [3: 7]. В трилогии романов Л.Н. Толстого «Хождение по мукам» использовано большое количество поэтонимов: названия учреждений и организаций, союзов и партий («Союз защиты родины и свободы», «Временное правительство» и др.), наименования воинских группировок и подразделений (Добровольческая армия, Усольский полк...), названия гостиниц, кинотеатров, ресторанов (Смольный, «Версаль», «Красные бубенцы»...), названия органов периодической печати («Слово народа», «Русские ведомости», «Русское слово» и др.).

Следует различать *значение имени собственного* (возможность быть использованным для уникальной референции одного и того же объекта, а следовательно – индивидуации носителя имени так, чтобы служить описанием, оценкой, регистрацией, номинацией и т.п.); *носителя имени*, существующего в разных онотологических качествах; *уникальные свойства этого носителя имени*; и *коннотацию имени*, т.е. возможность для слушающего (читающего) акцидентально построить ассоциацию имени и его носителя при употреблении имени (примеры в литературе). Разделение на коннотативные и денотативные имена восходит к Джону Стюарту Миллю [12: 21]. Для Милля, если любое имя, данное объекту, несёт информацию, то это значение основано не на том, что обозначается (денотируется), но на том, что коннотируется. В отличие от этого, имена собственные ничего не коннотируют, и, строго говоря, не являются сигнификатами. Имена собственные определяют (денотируют) индивидов, но при этом не несут коннотативной информации (являются автореферентными).

Учитывая, что говорящим на языке важно идентифицировать, определить и отличить референт как уникальный, вне зависимости от того, что это за референт, язык предлагает разные средства реализации этих целей. Так, в английском языке можно найти четыре типа выражений, задающих уникальность референта: указательные, личные и безличные местоимения единственного числа, определительные описания, имена собственные. Последние отличаются от всех остальных типов, поскольку реализуют функцию выделения особым образом. Три грани имени собственного – идентификация, отнесение и выделение – тесно связаны между собой. При этом одна из граней может доминировать. Если какой-то объект действительно представляет интерес сам по себе, а не как класс, он получает личное имя. Например, мы не именуем каждую тучку на небе, но если она превращается в ураган, то он получает имя (например, «ураган Дора»). Следовательно, если какой-то объект имеет имя, значит он заинтересовал кого-то настолько, чтобы стать именем, которое в будущем

может использоваться референтно. В остальных случаях для классифицирования используются местоимения.

Рассмотрение имён собственных не зависит от онтологического статуса референта имени. Это может быть как мифическое существо, так и герой сказки или романа. Поэты, по словам Шекспира, склонны наделять эфемерные образы значением и существованием. У.В.О. Куайн так объяснял это на примере имени «Цербер»:

«... сохраняется тенденция подразумевать некую неопределённую сущность под словом *Цербер*, например, чтобы слово не потеряло своего значения. Если бы слово *Цербер* было бессмысленным, это лишило бы поэзию её инструментов, и более того, простые фактические утверждения, что нет на свете такого объекта как *Цербер*, тоже стали бы бессмысленными. ... *Цербер* остаётся значимым, несмотря на то, что не именуется какой-то реальным объектом ... Некоторые осмысленные слова, которые с точки зрения грамматики являются именами собственными, в частности *Цербер*, не называют никакой объект» (цит по: [12: 59]).

Из этого следует, что для того, чтобы быть настоящим, имя должно стать чем-то вроде ребуса, загадки. *Цербер* все же именуется нечто – например, трёхголового пса, сторожащего адские глубины в классической мифологии. Нельзя согласиться с утверждением, что имя собственное непременно должно обозначать нечто, что имеет существование в пространстве и времени (это может быть например, идеальное несуществование – см.: [1]). Имя *Зороастр* – это тоже имя, несмотря на то, что возможно человека с таким именем никогда не существовало, и лишь предрассудок требует от имени, чтобы оно непременно определяло объект в плане места и времени. Таким образом, имена идеальной действительности живут по своим законам.

Имена собственные, данные людям и объектам, могут сказать нам многое о намерениях именуемого. Пуританские переселенцы Америки давали своим детям такие имена, как *Ashes*, *Tribulation*, *The Lord is near*, *Praise-God Barebones*, и *if-Christ-had-not-died-for-you-you-had-been-damned-Barebones* (впоследствии к счастью, сокращённое до *Damned Barebones*). Найдёныши удивлялись у них таких имён, как *Helpless*, *Lament*, *Misericordia*, *Adulterina*. Всё это недвусмысленно характеризует пуританские ценности.

Н. Готторн называет своих героев *Pearl* ('жемчуг') и *Dimmesdale* ('сумрачная долина'), заставляя читателя ожидать от них определённых поступков, соответствующих таким именам. И это не просто вывод из значений слов или характеристики носителей имени, это механизм создания смысловой структуры всего текста. В одном из эпизодов героиня повести Н. Готторна «Алое письмо», Эстер, умоляет Димсдейла отказаться от своего имени и выбрать себе другое, возвышенное, которое можно будет носить без стыда и страха. Иногда писатели, как родители, выбирают для своих героев звучные значимые имена с разными оттенками значения: *Эрнест* (похвала честности), *Мердстоун* (унижающее имя) у Диккенса; символические имена (*Годе*) или просто звукосочетание (*Лулу*). Имена собственные с позиции носителя имени и именователя порождают разные смыслы. О том, как имя становится источником смысла, говорится в «Алисе в Стране Чудес»:

«What's the use of their having names,» the Gnat said, «if they won't answer to them?» «No use to them,» said Alice, «but it's useful to the people that name them, I suppose. If not, why do things have names at all?» (цит. по: [12: 66])

Анализ использования имён собственных в политическом дискурсе, в частности, показывает структурирующую функцию имён собственных: повторение в рамках одного текста, как публицистического, так и художественного, одних и тех же имён собственных определяет процедуру восстановления смысла текста читателем [11]. В процессе восприятия выделяются три типа: упоминания (mentions), контекст (contexts) и гипотезы (hypothesis), которые последовательно задействуются при упоминании имени собственного в тексте. При первом упоминании имя воспринимается как отдельный элемент текста, читатель должен опираться при этом на свои фоновые знания (свой «горизонт»). Далее имя собственное рассматривается в рамках того текста, в котором оно находится. На третьем этапе восприятия производится логическое умозаключение о смыслах и значении имени собственного, основанное как на фоновых знаниях, так и на контексте, делаются выводы об использовании этого имени собственного. В частности, политические имена собственные *President Bill Clinton ... the Clintons. ... Hilary, U.S. President Bill Clinton. ... Clinton. ... Mr. Clinton. ... President Clinton*, используемые в рамках контекстов, образуют смысловую сетку, формирующую общую картину восприятия. Определённый набор имён собственных в одном тексте имплицитно связывает между собой объектами, стоящими за этими именами. Этот приём широко используется в публицистической литературе (context depending proper names) [11: 11].

Имена собственные как автореферентные слова всегда представляли переводческую проблему (см.: [8; 12]). К ним можно относиться как к непереводаемым и, следовательно, не принадлежащим какому-то одному языку. Вместе с тем они подлежат транслитерации. Если имя собственное используется не только для референции, которая идентифицирует уникального носителя имени, но также для того, чтобы охарактеризовать его, тогда переводчик, скорее всего, переведёт эти именуемые выражения. Так, некоторые клички *Shorty* (Коротышка) в отличие от *Bobby* или названия романов «Great Expectations» в отличие от *Ulysses* требуют перевода, так как являются описательными. Вместе с тем, часто имена собственные сегодня используются только как средства идентификации, даже если изначально они выполняли описательную функцию. Так, имя *Стюарты*, которое когда-то означало 'stywards' – 'свинопасы', давно утратило связь с этой профессией. А имя *Plato* (Платон), когда-то именовавшее великого мыслителя, было дано ему в качестве клички учителем физкультуры за «широкую кость». В художественных текстах имена часто даются объектам не для того, чтобы их идентифицировать. Даже звуки имени могут стать значимыми, например, для определённой рифмы; таким образом, переводчику нужно сохранить эти функции имени собственного для сохранения смысловых структур текста в авторской интенции.

Имя *Хайям* не переводится, если оно используется для указания на известного персидского поэта, но в приводимом катрене, сам Омар Хайям пишет о себе:

Khayyam, who stitched the tents of science,
Has fallen in griefs' furnace and been suddenly burned,
The shears of Fate have cut the tent ropes of his life,
And the broker of Hope has sold him for nothing!
(перевод Эдварда Фицджеральда, цит. по: [12: 69]).

Автор использует имя и как имя, и как описание, реализуя возникающую в связи с этим игру слов. Следует сказать, что персидское *Khayyam* означает «tent-maker», что и стало авторским псевдонимом поэта как дань родовому занятию. Эта информация должна быть непременно дана переводчиком. Подобные примеры игры слов с участием имён собственных часто встречаются у Шекспира, подтверждая способность имени собственного участвовать в смыслообразовании помимо называния [10]. Так, в комедии «Сон в летнюю ночь» феи получают звучные и полные коннотаций имена, такие как *Peaseblossom*, *Mustardseed*, *Moth*. Чтобы передать в переводе интенцию автора в выборе таких имён для героев и сохранить игру слов с участием имён собственных, эти имена приходится переводить.

Имена в текстах лимериков не относятся к определённому лицу или месту (если только случайно), а функционируют как логические переменные, хотя их фонетическое оформление может иметь значение. Так, в строчках «There was an old fellow called Brown ...» или «There was an old man of Cape Horn – who wished he had never been born» имена *Brown* и *Cape Horn* не относятся к определённому лицу или месту, вместо них с тем же успехом можно было бы использовать любые другие.

Вывод – имена собственные, как и другие языковые выражения, могут использоваться с разными целями. Тем не менее, чтобы избежать двусмысленности, следует обращать внимание на функцию имён собственных, а не только на внешнюю грамматическую структуру. Имя собственное является тем, чем оно является, не вследствие своей грамматической структуры, а вследствие той функции, которая приписывается говорящим данному выражению. Имена собственные, так же как и местоимения, могут использоваться для референции, однако в отличие от местоимений, которыми могут пользоваться разные говорящие для обозначения разных объектов по разным поводам, имена собственные, как и дескрипции, в любой ситуации обозначают одно и то же лицо / феномен. Если имя собственное используется как определение, оно теряет свою функцию индивидуации объекта. Имя собственное превращается в нарицательное, если из-за установившейся связи с носителем имени становится обозначением свойств этого носителя. В художественных текстах (и не только) имена собственные выполняют функцию индивидуации художественного мира текста, полагая его существующим.

Список литературы

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/bogin_obretenie/ (дата обращения: 09.04.2017).
2. Бувеская М.В. Поэтонимосфера художественного текста. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. 286 с.

3. Калинин В.М. Теоретические основы поэтической ономастики: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 2000. 37 с.
4. Калинин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Логос ономастики. 2006. № 1. С. 81–89.
5. Лоскутова Е.Н. Суггестивное воздействие и лингвокультурологический потенциал поэтонимов (на материале произведений М.А. Шолохова): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016. 253 с.
6. Anderson, J.M. The grammar of names [Electronic text] Oxford University Press. 2007. 388 p.
7. Greek personal names. Their value as evidence // ed. S. Hornblower, E. Matthews [Electronic text] Proceedings of the British Academy. Oxford university press, 2000. 193 p.
8. Hermans, Th. On Translating Proper Names, with reference to De Witte and Max Havelaar // M.J. Wintle (ed.). Modern Dutch Studies. Essays in Honour of Professor Peter King on the Occasion of his Retirement. London, Atlantic Highlands: The Athlone Press, 1988. Pp. 1–24.
9. Jackson, F. Language, names and information [Electronic text] Wiley-Blackwell, 2010. 172 p.
10. Maguire, L. Shakespeare's Names [Electronic text]. Oxford University Press, USA. 2007. 256 p.
11. Mani I., Macmillan T. R., Luperfoy S., Lusher E. P., Laskowski Sh. J. Identifying Unknown Proper Names in Newswire Text. [Electronic resource]. URL: <http://acl-arc.comp.nus.edu.sg/archives/acl-arc-090501d4/data/pdf/anthology-PDF/W/W93/W93-0105.pdf> (accessed at 8.04.2017).
12. Zabeeh, F. What is in a name. An inquiry into the semantics and pragmatics of proper names [Electronic text] Den Haag, Martinus Nijhoff. 1968. 83 p.
13. Willems, K. Form, meaning, and reference: a phenomenological account of proper names // Onoma. 2000. Vol. 35. Pp. 85–119.

WHAT'S IN A NAME?

M. V. Oborina, M. D. Popova

Tver State University, Tver

The paper explores the value of proper names in texts of different genres. Special attention is paid to translation of proper names due to their specific role in identifying the ideal world of the text. Proper names do not depend on the ontological status of their bearers.

Keywords: *proper name, meaning, denotation, text, identification, sound symbolism.*

Об авторах:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: mobor@mail.ru

ПОПОВА Мария Дмитриевна – магистрант второго года обучения направления «Лингвистика» факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: mary0593@mail.ru

УДК 800.8

ПЕРЕДАЧА «СМЫСЛОВ»

(осознание ребёнком морфологического принципа русского письма)

Н.П. Павлова

Череповецкий государственный университет, Череповец

Публикация посвящена проблеме проявления морфологического принципа в письме детей, выяснению лингвистических и психолингвистических механизмов, лежащих в основе нормативных написаний. На основе наблюдений и экспериментальных данных сделан вывод о возможности освоения орфографических правил до их систематического изучения в школе

Ключевые слова: *звуко-буквенные соответствия, фонетическое письмо, морфологическое письмо, интуиция, обобщение, ассоциации «языковое чутьё».*

Постановка проблемы

Идея орфографии как унифицированного письма, требующего одинакового написания соответствующих словоформ, отсутствует в онтогенезе продолжительное время. Это соответствует и историческому аспекту: орфография появляется в письме позднее, чем графика. Ребёнок-дошкольник, освоивший правила начертания букв, способы передачи на письме фонемно-графических соответствий, способы обозначения мягкости согласных и передачи фонемы [J], может обходиться без орфографических норм: его «письмо» социально не ориентированно. При этом письмо может длительное время иметь элементы транскрипционного письма, которое удобно и понятно большинству детей. Одновременно с этапом фонетического письма у детей складывается своя графическая (можно предположить, что идёт формирование и орфографической) система, в которой отражается большинство особенностей русской фонологической системы. Ю.П. Князев назвал такое письмо детей этого периода «спонтанной орфографией» [8: 24]. Можно определить письмо дошкольников и как «алфавитную графику» [2: 67]. Одной из главных характеристик письма ребёнка в это время (дошкольный возраст и младший школьный возраст) является то, что знание особенностей фонологической системы позволяет предсказать, какие ненормативные написания может допустить пишущий ребёнок в этом возрасте.

Однако, видимо, на определённом этапе интеллектуальной и психической зрелости и в языковом развитии ребёнка наступает какой-то момент, когда фонетическое письмо становится для него неактуальным, он формулирует для себя свою, новую систему письма, совершая при этом немаловажные открытия. А.Н. Леонтьев назвал такое развитие познавательной деятельности ребёнка «процессом расширения сферы сознаваемого» [11: 313]. А.М. Шахнарович, раскрывая суть данного выражения А.Н. Леонтьева, пишет, что под этим подразумеваются качественные сдвиги в когнитивном развитии ребёнка. Этим же обстоятельством объясняется изменение семантики единиц номинации; смысловое содержание производного слова углубляется, поскольку за ним стоит новый уровень познания [16: 97]. Это новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы, ведёт к её перестройке, а каждое

очередное новое состояние системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта [5: 30].

В истории языка существовало немало разногласий во взглядах на языковую природу орфографии. Все трудности орфографии объяснялись зачастую «мудрствованием грамматистов», проявляющемся в «засорении» орфографии случаями этимологического написания, противоречащими произношению. Однако письменные работы детей-дошкольников и младших школьников, не знакомых с «мудрствованиями грамматистов», дают нам яркий пример того, что постепенно ребёнок начинает осознавать основную задачу письменной речи: не копирование звуков, а передача значений, по словам Л.В. Щербы, «смыслов» [17]. Наша задача состоит в том, чтобы показать, что уже на самых ранних этапах овладения письменной речью у детей-дошкольников могут стихийно, спонтанно проявиться начала морфологического письма. Постепенно эмпирически правильно подобранные правила своей орфографической системы начинают оформляться в сознании ребёнка. А.А. Леонтьев назвал такие правила «своей системой ключей» [19: 168], которая не всегда совпадает с лингвистической. Понимание морфологичности нашей орфографии – новая важная ступень приближения ребёнка к письменному языку взрослых носителей языка.

Исходные теоретические предпосылки

1. Теория русской графики и орфографии, представленная в концепции В.Ф. Ивановой [6].

2. Описание звукового письма невозможно вне фонологической теории. Мы следуем фонологической теории, которая восходит к учению И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы и разрабатывается Ленинградской (Петербургской) фонологической школой.

3. Широкое и наиболее общее понимание морфологической сущности основного принципа русской орфографии: «Слова пишутся так, как по родству слово выходит, или, вернее даже, по родству частей слов, корней, префиксов, суффиксов и окончаний» [18].

4. Дети в дошкольном и младшем школьном возрасте обладают таким острым «чувством языка», которое позволяет говорить о наличии у них в какой-то мере «лингвистического отношения» к слову: дети понимают значения отдельных структурных элементов слова, ориентируются на них, ищут наиболее выразительные формы.

Выборка

Основой для выявления закономерностей освоения грамоты ребёнком-дошкольником послужили наблюдения за освоением письма Сашей К., которые велись в течение 3-х лет. Выборка сделана на основе спонтанных «сочинений» ребёнка, специально организованных диктантов разных типов. Материалом для данной статьи служат тексты, написанные Сашей на компьютере под диктовку в период с 4 лет 9 месяцев до 5 лет 5 месяцев. Данные тексты в полной мере отражают основные тенденции письма детей в период освоения грамоты. Кроме того, для подтверждения ряда положений

проведены специальные эксперименты и наблюдения в образовательных учреждениях г. Череповца.

Обнаруженные закономерности

1. В диктантах, выполненных Сашей К., наглядно проявляются все особенности письма детей данного возраста. С одной стороны, это транскрипционное письмо, предполагающее точное следование звуковой стороне (пиши, как слышишь), использование букв в их основных значениях. С другой стороны, эмпирическое освоение орфографических правил, определяющих написание ряда корней, окончаний и суффиксов.

2. Фонетические написания не представляют трудностей для данного ребёнка. Он легко кодирует слова, в которых звуковой и буквенный (буквы в их основном значении) состав тождественны (типа *торт, сахар*).

3. Ребёнком практически освоен слоговой принцип русской графики в отношении передачи мягкости согласных (слова *дядя, лифт, лошадь, колокольчик*), фонемы [j] (слова *ёж, ель, жильё, Зоя*).

4. Мальчик редко допускает девиации при передаче отступлений от норм и ограничений слогового принципа (слова *жираф, жильё, цыплёнок*).

5. Дошкольник начинает понимать сущность морфологического письма. В этом наглядно проявляется «подсознательная грамматика» т.е. определённые обобщения, о которых писал А.М. Пешковский [13: 4]. Из полученных данных видно, что при выборе между безударными гласными [О] – [А] ребёнок использует букву О для обозначения фонемы [А] в 61% случаев, букву А для передачи фонемы [А] – в 38,8% случаев. Тем не менее, для этого этапа характерна неустойчивость в безударных гласных в корне: ребёнок не всегда учитывает возможность ориентации на проверочные написания (*дв*аре, тр*апинка*). Понять, чем руководствуется при этом ребёнок, весьма затруднительно. Чёткой последовательности в использовании букв О или А на месте фонемы [А] не наблюдается. Если учесть фактор частотности, то слова *компьютер, командир, приготовишка*, переданные ребёнком в соответствии с нормой, менее частотны, чем *шоколадка и мороз*, в которых допущены отклонения. В то же время – чёткое следование морфологическому принципу проявляется в словах *морозно, говорил, окошко, уходить, мостом*. На наш взгляд, это особенность абстрактного мышления ребёнка-дошкольника: дети этого возраста уже способны не просто запомнить часто повторяющийся при чтении или письме графический образ целого слова (это наблюдается и на более ранних этапах в освоении грамоты), а могут запомнить часто повторяющийся правильный графический образец той или иной морфемы, опознаваемой в процессе неполной абстракции.

Результаты диктантов говорят о том, что Саша уже освоил правописание звонких и глухих согласных букв в корне и суффиксе слова (90,4% слов написаны в соответствие с нормой). Он уже может дифференцировать звонкие и глухие согласные в устной речи. Это показывает чтение: Саша тщательно выговаривает звонкие согласные, которые оглушаются. Он повторяет их несколько раз и при выполнении работы. При этом глухие согласные мальчик не проговаривает. Однако даже школьники начальных классов с трудом применяют изученное правило в том случае, если

«сомнительный» согласный стоит в середине слова, неудивительно, что ребёнок-дошкольник не может подобрать проверочное написание для слова *бумажка* и передаёт его как *бума*шка*. В данных случаях необходимо не просто изменить слово, а сопоставить его с другим, что предполагает выработку навыков анализа языкового материала, а это в дошкольном возрасте ещё труднодостижимо. Кроме того, в данном случае необходимо учитывать и фонетический фактор: щелевые согласные заменяются детьми гораздо чаще, чем смычные.

Слово *салют* передается Сашей как *сало*д*, причем, следует отметить, что это слово ребёнок написал по своей инициативе, в текст диктанта оно не входило, т.е. Саша продиктовал его себе сам. Видимо, это тот самый случай коррекции, когда ребёнок, уже сформулировав для себя правило передачи на письме звонких и глухих согласных, пишет не так, как слышит, а по своему правилу: передавай на письме глухой звук буквой для звонкого звука.

6. При выполнении заданий (задание на подстановку букв, возраст 5 лет 4 мес.) Саша долго проговаривает ряд слов «про себя», по слогам, прежде чем написать ту или иную букву. После написания буквы *О* в предложениях сам себя хвалит, написав *Эт*о история всем известн*о*, говорит при этом: «*Смотри, и здесь везде О*». Эти замечания самого ребёнка весьма значительны. Во-первых, мы ещё раз убеждаемся в том, что стратегия проговаривания слов «про себя» является важной на начальной стадии образования. Во-вторых, мы видим, что срабатывает закон аналогии, в данном случае – ошибочно: написание буквы *О* несколько раз подряд заставляет ребёнка отступить от нормативных написаний, от выбранной им системы проговаривания.

Проговаривание как одна из особенностей детского письма отмечена в работах Н.И. Жинкина [4]. Им выдвигается положение о том, что грамматические знания можно приобрести не только путём специального заучивания правил, но и путём усиления речевых кинестезий, т.е. путём проговаривания. При этом дети оказываются способными выделять и усваивать написание орфограмм как регулируемых правилами, так и нерегулируемых.

Задача состоит в том, чтобы ребёнок усвоил переход от слышимых слов (диктант) и внутренне произносимых (спонтанные тексты) к зрительным. Добиться выработки правильного перехода невозможно иначе, как опираясь на исходные для всех видов речи правила речедвижений. Значит, необходимо выработать такую систему речедвижений, которая была бы в полной мере эквивалентной буквенному ряду. При произнесении слова по слогам все слоги становятся ударными и усиливаются, поэтому слово в устном произнесении предстаёт в орфографической норме. Таким образом, если слово проговаривать так, как оно пишется, т.е. ввести орфографическое послоговое проговаривание, то ряд речедвижений будет способствовать запоминанию орфографически проговоренных слов, накоплению в памяти «орфографического словаря». Такое слоговое проговаривание особенно важно при запоминании аффиксальных морфов, границы которых часто совпадают с границами слога.

Можно предположить, что на стадии освоения грамоты ребёнок, начинающий читать, читает по орфографическим, а не по орфоэпическим законам, когда слова сливаются в отдельные фонетические комплексы, звуки в

словах неясны, нечётки. При орфографическом чтении темп чтения замедлен, все звуки произносятся чётко, слова отдельно, действует принцип «читай, как пишешь». Этот же принцип довольно часто переносится детьми и на письмо. Внутреннее проговаривание, без которого не бывает письма на начальной стадии обучения, является орфографическим, при этом органы артикуляции работают чётко, с напряжением. Звуковая графическая форма слова остаётся в памяти, если слово перед написанием неоднократно произнесено. Так, в речи Саши в возрасте 5 лет 7 месяцев чётко стало проследиваться орфографическое произношение глаголов на *-тся* и *-ться*. Он начал чётко выговаривать: «*Мы пойдём купа*ться*» или «*Дедушка занимает*тся дровами*». При чтении, как уже отмечено, он старается чётко проговаривать звонкие согласные: *морко*вка*, *кислоро*дд*. Такая тенденция к орфографическому проговариванию слов не всегда замечается родителями, но она существует и срабатывает во время первых опытов письма. Существует даже специальная методика обучения орфографическому чтению, она подробно описана в статьях П.С. Тоцкого [14: 46]. Видимо, применением именно орфографического чтения можно отчасти объяснить ряд нормативных написаний в работах детей, сочетающих элементы фонетического письма с нормативным письмом. Особенно ярко это проявляется в правописании корней с непроверяемыми безударными гласными. В памяти детей при этом остаётся единый образ кодируемой морфемы. Ребёнок уже слышит не то, что произносится, а то, что воспринимается как фонема, являющаяся частью морфемы. Это позволяет ему постепенно переходить на новую ступеньку в постижении грамоты – морфологическое письмо.

7. Можно предположить, что в детском письме в полной мере проявляется так называемое интуитивное знание. Под ним мы понимаем неосознанное владение закономерностями языка, то есть способность на уровне интуиции (без системы лингвистических доказательств) опознать какое-либо явление, догадаться о его специфических свойствах, предугадать какие-то языковые затруднения, сообразить, какое из языковых средств является более предпочтительным. С интуитивным знанием тесно связана языковая догадка – проявление языковой интуиции, выражаемое в способности к выявлению разнообразных языковых значений и характеристик языковых фактов на основе осмысления внутриязыковых связей (например, способности раскрыть значение незнакомого слова / словосочетания через контекст, строящейся на использовании знаний в области словообразования, умении понять уже известные многозначные слова в новых значениях и пр.) Е.С. Кубрякова замечает, что «интуитивное знание того, что слова *соль* и *солёный*, *изучать* и *изучение*...как-то связаны между собой, а слова *соль* и *изучать* – нет, составляет неотъемлемую часть сведений говорящих о русском языке» [9: 10]. Исходя из этого, мы предположили, что на написание детьми производных слов в процессе письменной речи оказывают влияние как лингвистические, так и экстралингвистические факторы: ассоциации между производными словами и их исходными единицами отражают не только экстралингвистические связи, но и чисто лингвистические связи между однокоренными словами, построенными по одинаковой словообразовательной модели, при этом многие правила построения и написания слов складываются у ребёнка подсознательно,

интуитивно. На основе наблюдений и экспериментальных данных нами сделан вывод о возможности освоения орфографических правил до их систематического изучения в школе на основе имеющихся опорных корневых морфем. Полученные данные позволяют говорить о том, что на первоначальном этапе письма у детей – младших школьников интуитивно складывается определённая система операций, применяемая для решения поставленных задач. Данные предположения подтверждают не только наблюдения за письмом Саши К. в раннем возрасте, но и ряд других наблюдений и экспериментов.

Выводы

1. Приведённые наблюдения говорят о том, что действительно существует ряд правил, которые ребёнок осваивает эмпирически уже в раннем детстве. Именно в это время закладываются основы письма морфологического. Можно предположить, что ребёнок в состоянии овладеть орфографическими нормами письменной речи до специального обучения. Об этой возможности писали К.Д. Ушинский и А.М. Пешковский [13; 15]. Но Ушинский предполагал в данном случае действие памяти, а Пешковский говорит о проявлении «подсознательной грамматики», т.е. допускает возможность обобщений. Именно такие обобщения мы видим и в письме Саши К.

2. В диктантах встретились слова, написание которых основано на осознании как графических, графико-орфографических, так и орфографических правил. Большинство из них написаны ребёнком в соответствии с нормой. Понимание морфологичности нашей орфографии – новая важная ступень приближения ребёнка к языку взрослых носителей языка. Вопрос о механизмах овладения морфологическим принципом правописания до специального обучения является одним из важных в исследовании проблемы овладения письмом.

В целом на примере Саши К. мы видим, что ребёнок уже переходит от чисто фонетического письма к морфологическому, «морфема постепенно становится реальной оперативной единицей его языкового сознания» [16: 52]. В подтверждение наших наблюдений над письмом Саши К. о переходе к морфологическому письму представляет интерес замечание В.Б. Касевича, основанное на экспериментах, проведённых Е.Н. Винарской [3], о том, что у детей постепенно наблюдается переход от слоговой деления слова к морфемоделению [7: 112]. С расширением словаря ребёнок оперирует сложными морфологическими отношениями, как парадигматическими, так и синтагматическими. Это позволяет ему «работать» с такой единицей, как морфема, овладеть «стихийным и обычно неосознанным членением на морфемы», пишет В.Б. Касевич [там же].

При овладении языковой действительностью у детей складывается осознание формальных элементов в слове, алломорфов. Происходит своеобразная интеграция различных морфов. Отбор материала происходит довольно искусно. При этом одновременно соблюдается экономия и обеспечивается лёгкость узнавания слов. Если бы в отборе компонентов слова не было системности и соответственно повторимости, для наименования предметов и их отношений потребовалось бы такое число фонемных

сочетаний, которое не могло бы усвоиться памятью. Аффиксальные морфы являются системой повторяющихся подмножеств, что облегчает узнавание малых словоформ.

В данном возрасте дети уже способны к определённой абстракции, что и даёт возможность обобщения отдельных морфем в разных словах и словоформах. Это способствует развитию метаязыковых способностей ребёнка и говорит о творческом подходе к анализу языкового материала. Таким образом, дети в дошкольном возрасте способны сформулировать для себя и осознанно применять, например, правило правописания суффиксов с уменьшительным значением, основанное на понимании смысла морфем. Это ещё раз подтверждает мысль о том, что детям доступен для понимания и осмысления морфологический принцип русского письма. При этом именно понимание смысловой стороны языковых форм способствует выработке орфографических навыков.

3. Дети на определённом этапе когнитивного развития начинают улавливать разницу между произношением и написанием. Они осознают, что эти расхождения не хаотичны, как это кажется на первый взгляд. Морфологическое правописание является следствием понимания носителями языка структурного членения слова по составляющим его значимым частям (морфемам) и имеет своим результатом по возможности единообразную передачу этих частей на письме. «Способ письма с единообразной графической передачей значимых частей слова облегчает при чтении "схватывание" смысла», отмечает В.Ф. Иванова [6: 82]. В данных случаях мы наглядно видим действие эвристического принципа в усвоении письма ребёнком-дошкольником. «Эвристичность заложена уже в саму идею целенаправленной деятельности», отмечает А.А. Леонтьев [12: 68], письменная речь – в высшей степени целенаправленная деятельность.

4. Интуитивное, чувственное познание, на наш взгляд, всё же богаче и искреннее научного. Логические подтверждения или опровержения не всегда соответствуют действительности. Уже только поэтому интуитивное познание достойно более пристального внимания. Но главное – достойна внимания и усилий сама личность ребёнка. Общепринятого понимания феномена и сущности чувства языка нет. К нему относят явления, которые имеют разную природу. Содержание и механизмы чувства языка получают разные трактовки, систематизировать которые довольно трудно. В лингвистике это «чувство» определяется как «...интуитивная реакция на данную форму высказывания и т.п. со стороны лица, для которого данный язык является родным, как критерий правильности речи» [1: 519]. Чувство языка изменяется с развитием языка и накоплением речевого опыта человека в онтогенезе. В дошкольном возрасте формируются первые эмпирические обобщения данных речевого опыта, свидетельствующие о дифференциации ребёнком средств языка. В период школьного обучения спонтанно накапливаемый ребёнком опыт не остаётся нейтральным к усвоению знаний о языке. Исследования показали, что обучение грамматике родного языка опирается на уже сформированное чувство языка, представляющее собой обобщение на уровне первичной генерализации, не предваряемой сознательным вычленением элементов, подлежащих обобщению. Тем самым обеспечивается образование

грамматических, орфографических навыков применительно к языковому материалу, который не может быть чётко определён, когда нельзя дать полной ориентировочной основы (написание большой буквы, употребление точки и т. д.). «Наблюдения над языком являются наблюдением и над мышлением, так как это последнее нельзя наблюдать вне языковых форм» [17: 339].

5. В целом наблюдения за процессом освоения письма Сашей К. подтвердили наши предположения о том, что при формировании навыка письма дети проходят несколько этапов, сходных с теми, которые наблюдаются и при освоении ребёнком устной речи. Самое красноречивое тому подтверждение – спонтанные детские тексты, в данном случае это письма Саши К. в возрасте 5 лет 7 месяцев: *здраствуйте тетя наташа я живу хорошо я вам написал письмо потамушта вы прасили я калатил и стукнул по пальцу и мы строили водохранилище / деревня простаквашино / саша к. 6 июля желаю здоровья.*

Именно поэтому независимо от того, каким путём идёт ребёнок, он приходит к правильному результату, главное, что он уже начинает осознавать, что имеется возможность выбора, задумываться, что есть альтернативный путь. Выбор стратегии написания (применение выработанных и сознанных самим правил, припоминание конкретных написания слов, орфографическое чутье или всё вместе) в данном случае значения не имеет. Ребёнок идёт правильным путём, и это главное.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
2. Богоявленский Д.Н. Психология усвоения орфографии. М.: Просвещение, 1966. 305 с.
3. Винарская Е.Н., Лепская Н.И., Богомазов Г.М. Правила слогаделения и слоговые модели (на материале детской речи) // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М: Наука, 1977. С. 17–19.
4. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся 3–7 классов // Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998. С. 183–320.
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. 382 с.
6. Иванова В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. М.: Просвещение, 1966. 255 с.
7. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 291 с.
8. Князев Ю.П. Спонтанная орфография дошкольника как фонетическая транскрипция // Проблемы детской речи – 1997. Материалы межвузовской конференции. СПб., 1997. С. 23–25.
9. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: URSS. 2007. 208 с.
10. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М: Педагогика, 1983. 389 с.
11. Леонтьев А.Н. Психологические вопросы сознательности учения // Известия АПН РСФСР. Отдел психологии. Вопросы психологии понимания. Труды института психологии. Вып. 7 М - Л.: Изв. АПН РСФСР, 1947. С. 3–41.
12. Леонтьев А.А. Эвристический принцип в восприятии, порождении и усвоении речи // Вопросы психологии. 1974, № 5. С. 53–61.

13. Пешковский А.М. Реформа или урегулирование// Русский язык в советской школе. 1930, № 3. С. 3–4.
14. Тоцкий П.С. Творческие поиски московских учителей начальной школы. М.: Новая школа, 1993. С. 84–107.
15. Ушинский К.Д. Человек как предмет восприятия / Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 11 т. Т.8. М.-Л.: АПН РСФСР, 1950. 776 с.
16. Шахнарович А.М. Онтогенез лексики: «Приращение» или «расширение» // Проблемы детской речи – 1999. Материалы Всероссийской конференции. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. С. 198–199.
17. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука. 1974. 427 с.
18. <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba4.htm> (дата обращения: 25.02.2017)
19. <http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/OTRD.pdf> (дата обращения: 24.02.2017)

TRANSFER OF “MEANING”

(child’s awareness of the morphological principle of Russian spelling)

N.P. Pavlova

Cherepovets State University, Cherepovets

The publication is devoted to the morphological manifestations of children's letters in writing, clarification of linguistic and psycholinguistic mechanisms underlying normative spelling. Based on observations and experimental data the conclusion about the possibility of acquisition of spelling rules before their systematic study in school is drawn.

Keywords: *sound-letter correspondence, phonetic spelling, morphological spelling, intuition, generalization, associations, "language instinct".*

Об авторе:

ПАВЛОВА Наталия Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры начального образования, общей и социальной педагогики Института педагогики и психологии ГОУ ВО «Череповецкий государственный университет», e-mail: npp55@mail.ru

УДК 811+248.2

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ МОДАЛЫ АПОФАТИКИ

А.М. Прилуцкий

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Русская Христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург

Исследование эпистемической модальности предполагает взаимодействие методов семантического анализа и философского подхода, поскольку каждое эпистемическое суждение в обобщённом виде содержит опыт аксиологической рефлексии говорящего, переданный при помощи семиотически значимых элементов языка. Изучение религиозного дискурса в настоящее время сконцентрировано вокруг катафатики, при этом мистические дискурсы оказываются вне исследований. Данная статья продолжает исследования дискурсивной специфики апофатики, в ней рассматриваются семиотические особенности различных модальностей апофатики. Анализируются маркеры модальностей и их соотношение с интенцией высказываний на примерах из текстов Дионисия Ареопагита.

Ключевые слова: *апофатика, семиотика, модальность, дискурсивность.*

Понятие «эпистемическая модальность» используется для описания и изучения отношения говорящего к достоверности содержания продуцируемого им высказывания. Исследование эпистемической модальности предполагает взаимодействие методов семантического анализа и философского подхода, поскольку каждое эпистемическое высказывание (или шире – высказывание, передающее эпистемическую модальность) в обобщённом виде содержит опыт аксиологической рефлексии говорящего, переданный при помощи семиотически значимых элементов. Продуцируя высказывание, обладающее эпистемической модальностью, говорящий не только передаёт свою оценку достоверности содержания высказывания, но и выражает степени модальности соответствующего знания: модальность сильная соответствует наиболее надёжному знанию, слабая – знанию гипотетическому и предположительному. Соответственно, движение от слабой модальности к сильной осуществляется в научном дискурсе по мере формирования теории из гипотезы. В дискурсах религии модальность эпистемического высказывания формируется при помощи иных онто-гносеологических установок. Если в большинстве случаев нерелигиозной коммуникации эпистемическая модальность формируется в пространстве, ограниченном полюсами «знаю» – «не знаю», то в дискурсах религии подобное высказывание тяготеет к полюсам «верю» – «не верю». При этом следует отметить, что эпистемическая модальность высказывания, передающего опыт религиозной веры, не исключает и обыденной модальности, оценивающей достоверность предмета высказывания по степени надёжности знания о нём.

Эпистемическая модальность веры накладывается на модальность знания, поэтому религиозный дискурс и оказывается столь сложным для исследования с помощью одной лишь герменевтики. Правильнее сказать, герменевтическое исследование в данном случае должно включать элементы феноменологического подхода, позволяющие приблизиться к пониманию сущности, в том числе и семиотической, интуиций религиозного опыта.

В наиболее выраженной форме эта необходимость актуализируется при изучении религиозного апофатического опыта, который развивает сложные парадигмы эпистемической модальности. Как справедливо отмечает М.Н. Эпштейн, «у невозможности тоже эпистемический аналог – неизвестность, непознаваемость, непостижимость, немыслимость, непредставимость, недопустимость. Если незнание – это отсутствие знания, то непознаваемость, немыслимость и другие синонимы этого модального ряда указывают на принципиальную невозможность знания» [10: 297]. Это создаёт условия для использования эпистемического анализа при исследовании своеобразной языковой гносеологии, лежащей в основе апофатического богопознания, а модальность апофатических дискурсов может быть представлена как модальность эпистемическая.

Апофатическое богословие представляет собой не столько метод, сколько подход в рамках теологической традиции, акцентирующий принципиальную невозможность определения сущности Бога при помощи элементов дискурса и принципиально отвергающий все вербальные обозначения свойств и качеств, предизируемых Богу, как несоответствующих Его абсолютности. Отрицание возможности концептуализации и категоризации знаний о природе Бога, лежащее в основе апофатического подхода, не отвергает дискурса как такового, но акцентирует роль мистического опыта в языковой картине мира, поэтому апофатическое богословие сближается с мистическим. Мистический опыт, лежащий в основании апофатической рефлексии, изначально не носит дискурсивной формы, даже будучи опосредован и отрефлексирован, он не всегда может быть выражен словами, поскольку подобная рефлексия представляет собой «рациональный процесс, обеспечивающий доступ к некоторому внутреннему состоянию, лежащему за вербальной манифестацией того, что не поддаётся прямому наблюдению» [2: 30].

Вера в априорную сущностную трансцендентность Бога, недвусмысленно постулируемую Писанием, неизбежно ставят под сомнение возможность описания божественных признаков и атрибутов при помощи вербальных средств, поскольку язык существует в пространстве тварного мира [5]. Однако, ограничивая (но не отрицая) возможности дискурсивного метода в теологии, апофатика в полной мере сохраняет возможность продуцировать тексты, что даёт основание рассматривать её как сложный и плодотворный синтез дискурсивного богословия и мистики [11: 202]. В результате формируется особый «метадискурсивный способ выразить и воплотить невыразимое», а индивидуальный опыт мистического богопознания благодаря этому может стать достоянием других людей [12: 411]. И даже крайности апофатического метода, идеализирующие «священное безмолвие», молчание, только как будто выходят за границы текста: как известно даже «уничтожение» текста является не более и не менее чем создание текстовой реальности, хотя и иного уровня.

В христианской теологической традиции апофатика развивается не только под влиянием идей среднего платонизма, характеризующегося представлениями о трансцендентности Бога и имманентности языка, но и благодаря метафизической интуиции, отрефлектировавшей мистический опыт

христианства в профетическом дискурсе. В силу последней – теология могла выступать не только в формате упорядоченного, структурированного знания, но и в виде совокупности блестяще угаданных интуиций, которой свойственна фрактальность ощущений, не всегда опосредованных знанием. В этом отношении апофатика не ограничивается богословием, но и выступает как лингво-философское направление, утверждающее непостижимость и невыразимость бытия, «различные аспекты которого оказываются иррациональными и невыразимыми словами» [13: 49].

Историк и философ Дж. Тойнби справедливо отмечал, что теология представляет собой результат взаимодействия веры и философии [8: 453–456]. Следует признать, что это взаимодействие было необходимо, его требовало развитие религиозных интуиций и опыта богопознания, который лежит в основе религиозной жизни. Поскольку данный компромисс не касался содержания веры, а относился только к способам её вербализации, он был, безусловно, продуктивен. Возможность использования философских терминов, понятий и формулировок для выражения сути христианской веры и соответствующего ей мировосприятия была обусловлена спецификой интеллектуальной культуры дохристианской античности: анализ значительного объёма источников позволил современному отечественному исследователю античной философии Г.В. Хлебникову прийти к выводу о том, что «в греческой философии существует одна осевая тема, лежащая в основе всех других, – это тема бога и божественного, которая в свою очередь распадается на подтемы его познания, атрибутов и поиска пути к нему. На примере античности можно сказать, что любая система философии, заслуживающая этого названия, была прежде всего ... философской теологией, не только утверждавшей, но и доказывающей свои тезисы» [9: 8]. Так образом возможность использования философского терминологического аппарата для изложения содержания Откровения была промыслительно подготовлена всем ходом истории античной интеллектуальной культуры.

Подобно тому, как формирование христианского теологического дискурса стало результатом выражения и рефлексии Откровения при помощи философского категориального аппарата, формирование апофатического дискурса стало результатом такого же взаимодействия апофатики и катафатики. В этом смысле апофатическое богословие является не столько отрицанием концептуальных оснований катафатики, сколько дополнением их. Обращение к катафатике делается неизбежным каждый раз, когда опыт апофатического богопознания ищет дискурсного выражения. Разумеется, анализ апофатической эпистематики, которому посвящено данное исследование, предполагает разграничение апофатики как совокупности мистических интуиций и апофатического дискурса, форма которого априорно не апофатична.

Апофатический дискурс использует термины, понятия и семиотические элементы, существующие в языке богословия, и только благодаря этому апофатическое переживание оказывается частью богословского знания, благодаря этому же оно оказывается вовлечённым в герменевтические и коммуникационные процессы. Языковые средства, использующиеся в речи для формирования эпистемической модальности, не являются исключением –

сохраняя свою интердискурсивность, они используются в дискурсе апофатики для передачи специфических критериев обоснованности суждения. И здесь тоже проявляется двойственный характер апофатического дискурса: отказываясь от катафатических категориальных определений качеств Божественного, он сохраняет традиционную форму теологического текста, состоящего из последовательности высказываний и суждений. И в апофатике, как и в катафатике, эпистемическая модальность направляет ход мысли автора по этапам богопознания. Далее рассмотрим основные типы эпистемической модальности, представленные в текстах.

Достоверные суждения в апофатике

Достаточно обоснованные истинные или ложные суждения относятся к числу **достоверных**, такие суждения не изменяются по степеням. Достоверность суждений в теологии обосновывается в соответствии с принятой традицией аргументации. Автор Корпуса Ареопагитик неоднократно использует ссылку на Писание как способ утверждения достоверности суждения. Так, размышляя о том, что атрибутивные имена относятся к единой сущности Бога, псевдо-Дионисий в контексте триадологического догмата обращается к Писанию как источнику богословского авторитета – то, что приводится в тексте в качестве примера, становится богословским доказательством:

Имена «Добро», «Мудрость» применяются ко всей Божественности, равно и имена «Свет», «Боготворящий», «Причина» и все, что при надлежит всему Богоначалию, включается Речениями во всякое бого начальное славословие - и в сжатом виде, например: «Все от Бога» (1 Кор. 11,12), и пространном образом, например: «Все через Него и в Нем было создано» (ср.: Ин. 1,3; Рим. 11, 36), «Все в Нем составилось», «Пошлешь Духа Твоего, и созиждутся» (Пс. 103, 30). И можно сказать одним словом, как сказало Само богоначальное Слово: «Я и Отец едины» (Ин. 10, 30) и «Все, что имеет Отец, Мое» и «Все Мое Твое и Твое Мое» (ср.: Ин. 16, 15) (О Божественных именах, II, 1).

Достоверность суждений, основанных на авторитете Писания, не нуждается в рациональном обосновании, сверхъестественный источник вдохновения пророков и апостолов делает любую дальнейшую верификацию ненужной. Вместо проверки истинности высказывания задачей богослова становится раскрытие герменевтических горизонтов священных текстов в контексте своеобразной «мистической онтологии»:

Это сверхъестественно уразумев, общий наш и наставника руководитель к Божественному светоподанию, великий в Божественном, «свет мира», вдохновенно говорит в своих Божественных писаниях следующее: *Ибо, хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много; но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Кото рым все, и мы Им* (1 Кор. 8, 5 - 6). Ибо единства господствуют над Божественными разделениями и преобладают, и объединенное не страдает при неотрывном от Единого объединяющем разделении (О Божественных именах, II, 11).

Характерная для данных примеров имплицитная интересубъективность, представленная в отсылках к библейским текстам, участвует в формировании

эпистемической модальности, усиливая аргументированность высказывания. Вообще же подобная модальность в текстах корпуса встречается нечасто, что, вероятно, соответствует общей интенции апофатического дискурса.

В ряде текстов Корпуса представлен тип модальности, который можно охарактеризовать как субъективную достоверную модальность. Автор делает утверждения об истинности суждения, основанные на собственном религиозном опыте, тем самым указывая на степень достоверности мысли [4, 37–48], передающей существующие метафизические отношения. Иногда данная модальность представлена в высказываниях, носящих форму торжественного заявления:

Итак, мы утверждаем, что Причина всего, будучи выше всего, и не сущностна, и нежизненна, не бессловесна, не лишена ума и не есть тело; не имеет ни образа, ни вида, ни качества, или количества, или величины; на каком-то месте не пребывает, невидима, чувственного осязания не имеет; не воспринимает и воспринимаемой не является; Ей не свойственны беспорядок (О Мистическом богословии, I, 4).

Уверенность говорящего в достоверности высказывания, т.е. наличие эпистемических гарантий, базируется на «фоновых знаниях говорящего, на его предварительном знании о ситуации, составляющем содержание пропозиции, на показаниях его органов чувств» [7: 68]. В дискурсе апофатики эпистемические гарантии зачастую базируются на мистическом опыте, который только с большими оговорками может рассматриваться как фоновое знание – именно в силу своей априорной субъективности.

Эпистемическая модальность возможности.

Данный тип эпистемической модальности в Корпусе представлен достаточно широко, наиболее интересными её формами являются молитвенные интенции: автор надеется, что его молитвенное желание исполнится, но не может быть в этом уверен, что вполне соответствует критериям модальности возможности. Поскольку реализация возможности зависит более от внешних условий, нежели от состояния просящего, поскольку сам он не обладает возможностью самостоятельно достичь просимого, такую разновидность модальности можно рассматривать как эпистемическую модальность внешней возможности. Маркеры этой модальности, содержащие лексему «молиться», по своей сути представляют собой иллюкутивное высказывание, заявляя «молюсь о ...», говорящий тем самым совершает соответствующее действие, т.е. молится.

Троица пресущественная, пребожественная и преблагая, руководящая премудростью христиан, направь нас к таинственным слов пренепознаваемой пресветлой и высочайшей вершине, где простые, абсолютные и неизменные таинства богословия, окутанные пресветлым сумраком сокровенно-таинственного молчания, в глубочайшей тьме пресветейшим образом сияют и совершенно таинственно и невидимо прекрасным блеском преисполняют безглазые умы. Молюсь, чтобы было мне так (О Мистическом богословии, I, 1).

Данная модальность передаёт надежду говорящего на исполнение его желания, – для молитвы вообще характерна семантика просьбы как модальная доминанта [6: 286]. В данном же случае языковые средства, формирующие

модальность, как и в молитве Отче наш [3], а возможно и в большинстве молитвенных текстов, делятся на реальные – «направь», «сияют», «преисполняют» и ирреальные – «молюсь», «чтобы было».

Другой образец данной модальности: «Молимся о том, чтобы оказаться нам в этом пресветлом сумраке и посредством невидения и неведения видеть и разуметь то, что выше созерцания и знания, что невозможно ни видеть, ни знать, ибо это и есть поистине видеть и ведать...» (О Мистическом богословии, II, 3).

Интересной особенностью приведённого текста является его полимодальность. Помимо молитвенной интенции «молимся о том, чтобы», в нём присутствует модальность достоверного суждения «ибо это и есть поистине», предполагающего утверждение высшей степени достоверности. Специфика апофатики проявилась в том, что модальность достоверного суждения по своей форме является парадоксальным высказыванием: кажущаяся невозможность *видеть* и *знать* есть высшая степень способности и возможности *видеть* и *ведать*. Это «сверхмодальности», интенсивность которых достигает парадокса, поскольку необходимое – то, чего не может не быть – оказывается несуществующим, а невозможное – то, чего не может быть, – наоборот, существующим [1: 182].

Данный парадокс раскрывает символический уровень апофатического богопознания: предметы, процессы и состояния оказываются не тем, чем они предстают перед читателем так сказать на буквальном уровне смысла. Именно в пространстве мистического символизма «незнание» оказывается «высшим знанием», а «невидение» высшей степенью «видения». Ясно, что на профаном уровне данный символизм невозможен – незнание и невидение всегда останутся на нём лишь незнанием и невидением. Однако данная модальность достоверности в анализируемом тексте носит подчиненный характер, так как в основе прагматики высказывания лежит не утверждение значимости апофатического символического познания, но молитвенное желание автора удостоится мистического разумения тайн Бога.

Модальность невозможности представлена в текстах корпуса, повествующих об отсутствии у автора надёжных знаний, что делает затруднительным теологическое заключение, например, по вопросу о соотношении отдельных атрибутов Бога с ипостасями Троицы: «Поскольку же вся Божественность господствует над всем, я полагаю, невозможно сказать - касается ли то Богородящей Божественности или Сыновней, - сколько раз богословие говорит "Господь" об Отце и сколько раз о Сыне» (О Божественных именах, II, 1). Или, что особо характерно для апофатического дискурса как такового, подобная модальность свойственна теологическим тезисам, обосновывающим принципиальную невыразимость и непознаваемость Бога: [Божественный свет] рассмотреть невозможно, ибо он за пределами всего (цит. ра., I, 4).

Проведённое исследование показало, что апофатические тексты могут активно развивать различные типы эпистемической модальности. Несмотря на то, что апофатика предполагает отказ от попыток дискурсивной фиксации предикатов и атрибутов Бога, апофатический дискурс знает высказывания, наделенные эпистемической модальностью достоверности.

Список литературы

1. Григорьева О.И. Анализ взаимосвязей в системе модальностей // Вестник Тверского гос. университета. Серия «Филология». 2014. № 2. С. 181–187.
2. Залевская А.А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии // Вестник Тверского гос. университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 29–36
3. Левченко М.Н. Языковая архитектура текста молитвы «Отче наш» // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru.
4. Панфилов В.З. Роль модальности в конституировании предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 37–49.
5. Прилуцкий А.М. Метафорика апофатического дискурса (на материале *Corpus Aegoragiticum*) // Вестник ТвГУ. Серия Филология. 2014 . № 2. С. 89–96.
6. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 309 с.
7. Смурова О.В. Степень уверенности и обоснованность как компоненты значения эпистемических модальных операторов // Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 27. С. 67–68.
8. Тойнби Дж. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. М.: АСТ, 2009. 863 с.
9. Хлебников Г.В. Античная философская теология. М.: Наука, 2007.
10. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: СПб.: Алетейя, 2001. 232 с.
11. Beggiani S.J. Theology at the Service of Mysticism: Method in Pseudo-Dionysius // Theological Studies. 1996. Vol.57. Pp. 201–223
12. Egan Harvey D. Christian Apophatic and Kataphatic Mysticism // Theological Studies. 1978. Sep78, Vol. 39. Pp. 399–426.
13. Stenqvist Catharina. The God Question // *Existenz: An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts*. 2012 Vol.7, №2. Pp. 52–56.

EPISTEMIC MODES OF APOPHATIC

Alex. M. Prilutskii

Herzen University, St.Petersburg

Modern study of epistemic modality involves the interaction of the methods of semantic analysis and the philosophical approach, since each epistemic experience summarizes different forms of axiological reflective thinking of the speaker expressed through the semiotic elements of language. Scientific study of religious discourse is currently concentrated on descriptive theology, while mystical discourses usually are not explored. This article continues the study of discursive specificity of apophatic theology and considers the semiotic features of different modalities. Also the author analyzes markers of modalities and their correlation with intention statements. As illustrations and examples, the author resorts to different excerpts from the texts by Dionysius the Areopagite.

Keywords: *apophatic knowledge, semiotics, modality, discursiveness,*

Об авторе:

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения РГПУ им. А.И.Герцена, зав. кафедрой философии и религиоведения Русской Христианской гуманитарной академии, e-mail: alpril@mail.ru

УДК 81'23

КОРПУС КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНФОРМАНТ
(об экспериментальном изучении семантики и языковой картины мира)

А.А. Яковлев

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Рассматриваются проблемы применения экспериментальных методов в изучении языковой картины мира на основе изучения лексической семантики. Анализ методологии корпусных исследований и исследований языковой картины мира позволяет сделать вывод о том, что корпус представляет собой универсального информанта, а привлечение корпусных данных строится по принципу эксперимента и может быть охарактеризовано как квази-экспериментальная ситуация.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, семантика, языковая картина мира, лингвистический эксперимент.

1. Принцип эксперимента в языкознании

По-видимому, Л.В. Щерба был первым в отечественной лингвистике, кто чётко поставил вопрос об эксперименте.

«Построив из фактов этого (языкового – *А.Я.*) материала некую отвлечённую систему, необходимо проверять её на новых фактах, т.е. смотреть, отвечают ли выводимые из неё факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т.п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата...» [10: 31–32].

Значения многих форм невозможно определить, кроме как через эксперимент: «Для меня давно уже совершенно очевидно, что путём непосредственного самонаблюдения нельзя констатировать, например, „значений“ условной формы глагола в русском языке» [цит. раб.: 33]. Поэтому изучение многих аспектов языковых явлений не просто предполагает, но с необходимостью требует экспериментальной основы.

«Не ожидая того, что какой-то писатель употребит тот или иной оборот, то или иное сочетание, можно произвольно сочетать слова и, систематически заменяя одно другим, меняя их порядок, интонацию, и т.п., наблюдать получающиеся при этом смысловые различия, что мы постоянно и делаем, когда что-либо пишем. Я бы сказал, что без эксперимента почти невозможно заниматься этими отраслями языкознания» [цит. раб.: 32].

Таков основополагающий принцип: чтобы проверить, можно ли, нормально ли в речи использовать ту или иную форму, следует «спросить» это у носителя языка, обладающего на основе многократно повторявшихся в его опыте актов речевого взаимодействия «языковым чутьём», языковой привычкой. И лучше всего «спросить» не у рядового пользователя языка, а у того, кто в некоторой степени создаёт язык, его общепризнанную норму – у писателя. Эксперимент даёт возможность воссоздать эту процедуру и поставить вопрос о

приемлемости некоторой формы языкового знака перед многими носителями языка, а ответ на него давать на основе общей тенденции в ответах носителей.

«С весьма распространённой боязнью, что при таком методе будет исследоваться „индивидуальная речевая система“, а не языковая система, надо покончить раз навсегда. Ведь индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а потому исследование первой для познания второй вполне законно и требует лишь поправки в виде сравнительного исследования ряда таких „индивидуальных языковых систем“» [цит. раб.: 34].

С одной стороны, поправка на множественность «индивидуальных речевых систем», задействованных в эксперименте, теряет в силу обобщения некоторые особенности, характерные для языка и речи каждого отдельного индивида, с другой же стороны, эта поправка в силу того же обобщения позволяет выявлять наиболее тенденциозные и стойкие характеристики языковой системы, регулярно проявляющиеся в «индивидуальных речевых системах».

Небезынтересно суждение Л.В. Щербы об «отрицательном» материале эксперимента:

«В возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество – с теоретической точки зрения – изучения живых языков. Только с его помощью мы можем действительно надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря. Ведь надо иметь в виду, что в „текстах“ лингвистов обыкновенно отсутствуют неудачные высказывания, между тем как весьма важную составную часть языкового материала образуют именно неудачные высказывания с отметкой „так не говорят“, которые я буду называть „отрицательным языковым материалом“. Роль этого отрицательного материала громадна и совершенно ещё не оценена в языкознании, насколько мне известно» [цит. раб.: 32–33].

Представляется, что потенциал использования отрицательного материала в эксперименте в лингвистике раскрыт далеко не полностью.

2. Методология корпусных исследований

Корпусы используются обычно для статистического или какого-то другого анализа высказываний и текстов, для проверки статистических гипотез и для подтверждения правил данного языка. Часто они используются как вспомогательный инструмент в семантических, лексикологических, лингводидактических и др. исследованиях [11; 13–16]. В последнее время использование корпусов широко распространено и в исследованиях перевода: [3; 6; 12]. Так, Т.А. Волкова указывает: «Корпусы и подкорпусы функциональны при поиске и проверке характеристик текста оригинала и перевода и переводческих решений (корпусами ресурсы для поиска переводческих решений, безусловно, не ограничиваются) при известных исходных параметрах – жанр, тематика, коммуникативная ситуация, событие» [3: 216]. Корпусы используются не только для проверки уже выполненного перевода, но и для анализа стратегий перевода или этапов переводного процесса, если полученный результат не совпадает по некоторым параметрам с примером перевода из корпуса.

Корпусную лингвистику принято противопоставлять традиционной в нескольких аспектах, и с методологических позиций эти различия не так существенны, как может показаться на первый взгляд.

Во-первых, традиционная лингвистика якобы ориентируется, прежде всего, на изучение языка, в то время как корпусная – на изучение речи. Следует, однако, помнить, что в корпусах представлено не собственно речевое общение людей и даже не речь как процесс, а продукты такого процесса, и для изучения процесса по его продуктам необходимо иметь чётко отработанную методологическую схему выявления характеристик процесса из наблюдаемых наличных характеристик продукта. Так же дело обстоит и с традиционной лингвистикой: нужна чёткая объяснительная модель (методологическая схема) порождения речи для понимания соотношения между речепорождением и его конечным продуктом, описываемым с позиций языкознания.

Во-вторых, корпусная лингвистика нацелена на описание языка в том его виде, как он проявляет себя в речи, которая и представлена в форме корпуса текстов. Но если исходить из того, что система языка проявляет себя по своим внутренним правилам и законам, то на результат такого проявления не действуют никакие сторонние факторы, и результат этот можно считать комплексом правильных предложений. А традиционная лингвистика как раз и ориентируется на анализ правильных предложений, «отрицательный материал» является чаще всего лишь вспомогательным средством для подтверждения выводов, сделанных на «положительном материале».

В-третьих, как и традиционная, корпусная лингвистика черпает материал из множества текстов и высказываний, которые, однако, более чётко систематизированы и более доступны. Корпусные данные используются в качестве подтверждений или опровержений гипотез насчёт тех или иных употреблений слов (если не брать в учёт более конкретные задачи, например, подсчёт употреблений того или иного выражения в произведениях, скажем, Ф.М. Достоевского). Это – всё тот же языковой материал, что и в любом лексико-семантическом исследовании, но прошедший «предварительную подготовку», «сортировку» для его использования в исследовании.

В-четвёртых, корпусная лингвистика-де опирается на реальные факты речевой деятельности, в то время как традиционное языкознание опирается на интуицию учёного в отборе эмпирического материала. Однако лингвистический эксперимент, например, такой, как у О.Н. Селиверстовой (см. ниже), тоже опирается на наблюдения за речевой деятельностью и позволяет проверять обобщения теории на фактах, полученных от носителей языка. В корпус попадают не все и любые случаи словоупотреблений, а прошедшие некоторый отбор, кроме того, не все примеры из корпуса используются в конкретном исследовании, и этот второй отбор тоже опирается часто лишь на интуицию учёного (теория, как правило, не даёт чёткого ответа о том, почему одни примеры из корпуса лучше других).

В-пятых, корпусная лингвистика позволяет работать с языковыми данными в том их виде, в котором они были использованы в речевой деятельности, а традиционный подход предпочитает искусственные изолированные от контекста примеры. Это обстоятельство было частично затронуто в двух предыдущих пунктах, и вдобавок к сказанному выше можно указать на следующее важное с методологической точки зрения обстоятельство. В обоих случаях научное познание концентрируется не на всех и любых характеристиках объекта (конкретного высказывания или слова), а выделяет лишь некоторые из

них – те, которые необходимы для целей познания. Кроме того, эти выделенные в объекте познания характеристики выступают не сами по себе, в их материальной форме, а как носители некоторых функций, характерных и для других, в данном случае не наблюдаемых, единиц. Из многообразия всех свойств слов для целей конкретного исследования выбираются лишь некоторые, которые оказываются в ходе познания обобщёнными отражениями целого комплекса взаимодействий между множеством реальных схожих в некотором отношении языковых единиц. В речевой деятельности нужные свойства слов выделяются за счёт самого характера оперирования с ними и за счёт многочисленных внеязыковых условий общения, но это также предполагает актуализацию только некоторых их свойств. Актуализация некоторых свойств объектов в рамках научного познания опирается на существование лингвистической теории, позволяющей переходить от реально наблюдаемых языковых фактов к обобщениям, содержащим в аккумулированном виде те конкретные закономерности, которые определяют поведение языковых единиц и в речевой деятельности. Грубо говоря: теория «подсказывает», как следует абстрагировать интересующие исследователя свойства слов (или других единиц) от других их свойств, а значит, какие конкретные примеры реализации таких свойств брать в рамках конкретного исследования. Значит, неважно, взяты ли конкретные примеры употребления слов из корпуса или искусственно созданы исследователем; куда важнее, чтобы теория позволяла проследить тот путь, который проходят закономерности и взаимосвязи от их конкретной языковой формы до теоретических обобщений, и не искажает ли этот путь самих выявляемых закономерностей и взаимосвязей. Корпус является в таком случае лишь удобным инструментом быстрого доступа к фактическому материалу, но само исследование последнего осуществляется тем же методологическим и гносеологическим путём, что и исследование «искусственно придуманных» примеров.

В-шестых, корпусная лингвистика действительно позволяет более широко использовать индуктивные методы обработки эмпирического материала, однако это не даёт принципиально новых сведений о языке и речевой деятельности. Становление нового знания о языке не сводится к индуктивному обобщению эмпирии; одностороннее движение от эмпирии к теории через простое суммирование фактов если и возможно, то характерно лишь для самых начальных этапов развития, давно преодоленных языкознанием.

«Поскольку предсказательная сила индуктивных обобщений всегда имеет только вероятностный характер, постольку простое расширение класса наблюдений, согласующихся с эмпирической зависимостью, не выводит её из ранга гипотетического предположения о законе и не придаёт ей признака необходимости. Этот переход возможен лишь тогда, когда связь между величинами, представленными в эмпирической зависимости, будет получена в системе операций над абстрактными объектами теоретической схемы, которая является идеализированной моделью исследуемой реальности» [8: 141].

Но абстрактные объекты в традиционной и корпусной лингвистике одни и те же – языковые знаки, трактуемые как единицы языковой системы и существующие по внутренним законам этой системы. Как видно, в методологическом отношении корпусная лингвистика отличается от традиционной не по качеству, а по степени: она позволяет быстрее охватить больший объём

информации (конкретных словоупотреблений), чем это было возможно без использования корпусов. Но путь познания остаётся принципиально тем же: класс свойств, абстрагируемых из конкретных словоупотреблений, на начальном этапе исследования подбирается не в ходе предварительного эксперимента (связанного с некоторой гипотезой, т.е. с возможным, ещё не доказанного употребления слова), но в мыслительной деятельности субъекта познания (учёного, хотя и с опорой на теорию), эти выбранные свойства отграничиваются от остальных также на основе теоретизирования, а не экспериментальной практики, теоретическому обобщению и объяснению подвергаются не материально проявляющиеся характеристики взаимодействия реальных предметов, а выделенные теоретизированием их абстрактные аналоги. Это всё позволяет исследователю сконцентрироваться на закономерностях языка как такового, не выходить за рамки традиционного предмета языкознания и освобождает от необходимости учитывать внеязыковые факторы. В исследовании семантики последнее обстоятельство играет решающую роль, поскольку обуславливает изучение значения самого знака, а не привносимые в него сторонними факторами (контекст, фоновые знания и т.п.) компоненты.

3. Корпус в исследованиях лексической семантики и языковой картины мира

Для анализа методологии лексико-семантических исследований мы будем опираться в основном на работы О.Н. Селиверстовой, поскольку в них методология выражена более эксплицитно, чем во многих других. Автор исходит из упомянутых идей Л.В. Щербы и отмечает, что пусть сам он и не употреблял термин «гипотетико-дедуктивный», всё же выделял именно те этапы исследования, которыми характеризуется этот метод (сбор материала, построение гипотезы, проверка истинности построенной гипотезы на новых фактах, выводимых из гипотезы)» [7: 48].

«Количество собранных случаев употребления анализируемых единиц должно быть достаточно большим. Примеры могут выбираться как из устной, так и из письменной речи. Особенно полезными для выработки первоначальной гипотезы обычно оказываются предложения, взятые из художественных произведений: никто так точно не употребляет языковые знаки, как хороший писатель, умеющий выбрать именно тот языковой символ, информация которого наиболее точно соответствует свойствам денотата и цели сообщения» [цит. раб.: 49].

Здесь нас интересуют два обстоятельства. Во-первых, подобные примеры из художественной литературы распространяются на «рядовых» пользователей языка, этому способствует то, что случаи неверного или неоднозначного использования языковой единицы исключаются из исследования. Исследователь исходит из презумпции: то, как употребляет данное слово писатель (один из множества), прямо и однозначно соответствует тому, как (в норме) употребляет данное слово любой носитель языка. И при направленности исследования на установление правильности / неправильности некоторого выражения такой путь вполне оправдан, он вполне согласуется с суждениями Л.В. Щербы. Во-вторых, достаточным количеством информантов является, по мнению О.Н. Селиверстовой, 15 человек [цит. раб.: 51, 97, 126]. «Если все опрашиваемые принадлежат к одной социальной или территориальной группе,

результаты опроса считаются значимыми для данной группы говорящих. Однако практически часто можно работать и с одним-двумя информантами...» [цит. раб.: 51]. При всём при этом результаты подобного опроса считаются значимыми для всех носителей данного языка. Ответы информантов служат в большей степени лишь подтверждением тех особенностей значений слов, которые были выявлены лингвистическим анализом. Ср. случаи, когда расхождения в оценке правильности того или иного выражения почти не влияют на выводы или вообще не комментируются [цит. раб.: 188, 210, 249, 322–323, 343, 513], хотя количество информантов, ответы которых не вписываются в гипотезу, может быть существенным, например, 5 из 12 [цит. раб.: 188], 2 из 4 [цит. раб.: 318, 321] или 5 из 8 [цит. раб.: 101].

Мы не будем подробно останавливаться на том, что такие расхождения игнорируются в силу якобы их обусловленности индивидуальными речевыми организациями, а цель исследования состоит в выяснении закономерностей языковой системы в целом, что позволяет абстрагироваться от всего индивидуального. Однако же, как указывал Л.В. Щерба, «... то, что часто считается индивидуальными отличиями, на самом деле является групповыми отличиями, т.е. тоже социально обусловленными (семейными, профессиональными, местными и т.п.), и кажется индивидуальными отличиями лишь на фоне „общих языков“» [10: 34–35]. Поэтому даже отличия, кажущиеся индивидуальными, могут быть групповыми и требуют обоснования для их игнорирования. С другой стороны, сам Л.В. Щерба отмечал и следующее:

«Здесь надо устранить одно недоразумение: лингвистически изучая сочинения писателя (или устные высказывания любого человека), мы можем исследовать его речевую деятельность как таковую – получится то, что обыкновенно неправильно называют „языком писателя“, но что вовсе не является языковой системой; однако мы можем также исследовать её и как языковой материал для выведения индивидуальной речевой системы данного писателя, имея, однако, в виду, в конечном счёте, установление языковой системы того языка, на котором он пишет. Конечно, картина будет неполная из-за недостаточности материала, и прежде всего из-за отсутствия отрицательного языкового материала, но многое можно будет установить с достаточной точностью, как показывает многовековой опыт языкознания» [цит. раб.: 34].

Последнее высказывание, как правило, игнорируется лингвистами, а выводы, делаемые на основе анализа языка писателя, приравниваются к выводам о языковой системе в целом. Такое приравнивание обосновано в случае изучения языковой системы, предполагающем абстрагирование от всех индивидуально-личностных факторов и вообще всего, что не входит в систему языка как таковую.

О.Н. Селиверстова обращает внимание на то, что ответы не всякого информанта дают полные основания для выводов: «Опыт работы с информантами показал, что не все носители языка могут вообще участвовать в некоторых видах эксперимента, что, по-видимому, связано с их неспособностью или неумением осознанно относиться к процессу речевой деятельности» [7: 96]. Это приводит к отбору информантов. От информантов требуется умение и привычка к абстрактному мышлению и логическому анализу, поэтому для участия в экспериментах выбирались аспиранты, научные сотрудники различных

специальностей (математики, физики, историки, лингвисты и т.д.), преподаватели, редакторы [цит. раб.: 96–97]. «Важную роль играет также проблема обучения информанта. Прежде всего необходимо приучить информанта реагировать на информацию, которая передаётся о денотативной ситуации, а не на саму денотативную ситуацию» [цит. раб.: 97]. Этим и формируется деятельность информанта, которой от него ждёт исследователь и которая приближает его к исследователю, ставя последнего в ситуацию поиска искомого и стирая почти полностью различия между таким экспериментом и интроспекцией исследователя. Причём информанты, которые не могут быть приравнены к исследователю, исключаются. Результаты, полученные таким образом, переносятся на других носителей языка, которые не осуществляют такой квазиисследовательской деятельности. Указывается также на необходимость в некоторых случаях использовать информантов «высшей категории» [цит. раб.: 100]. Такими, видимо, и являются писатели.

Как видно, система отсчёта для проводимых в таком ключе исследований семантики обладает несколькими существенными методологическими характеристиками: 1) «неправильные» высказывания (т.е. не соответствующие гипотезе) исключаются, 2) информанты проходят отбор и обучение, что приближает их действия к действиям исследователя, 3) достаточно очень небольшого числа информантов, которое иногда сводится к одному-двум. В свете последнего ср.: «Информантом может быть и сам лингвист, если изучаемый язык является для него родным» [1: 22].

Исследования языковой картины мира (далее – ЯКМ) почти никогда не основываются на эксперименте, т.е. на непосредственном опросе носителей языка, но в них нередко используются данные корпусов (хотя обычно лишь в качестве немногочисленного иллюстративного материала, а не в качестве широкой эмпирической базы, способной доказать правомерность того или иного выдвигаемого положения). Важно, что они проводятся при тех же методологических установках, что и лексико-семантические исследования. Первые «вырастают» напрямую из вторых. Так, множество исследований ЯКМ по существу посвящены анализу лексики [2; 4; 5; 9]. ЯКМ образуют только те смыслы, которые входят в значения языковых единиц, а не привносятся какими-то сторонними причинами; методами же выявления ЯКМ остаются традиционные методы анализа семантики, чаще всего дистрибутивный и компонентный анализ [4: 153; 9: 11–12]. При исследовании ЯКМ

«... речь должна идти о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [4: 17–18].

Коль скоро постулируется, что входящие в ЯКМ смыслы одинаковы для всех носителей языка, то это освобождает исследователя от анализа случаев расхождений этих смыслов у разных людей в силу некоторых социальных и тем более индивидуально-психологических факторов. *Индивидуальные* способы осмысления мира и ориентации в нём, сколь бы значимы они ни были для

конкретного человека и в конкретной ситуации, не играют здесь существенной роли и не входят в ЯКМ этого человека. В ЯКМ входят лишь те способы, которые характерны для *всех* носителей данного языка. Изучению подвергается то, что не может быть изменено отдельным человеком; иначе говоря, влияние человека на семантику языковых единиц остаётся за рамками исследования вместе с теми аспектами семантики, которые могут быть подвержены такому влиянию. Следовательно, изучению подвергается тот *инвариант семантики* языковых единиц, который принимается всеми носителями как нечто само собой разумеющееся, а то, в чём носитель языка может усомниться (что уже подразумевает некоторое переосмысление), не учитывается. Это позволяет лингвисту не обращаться к рядовому носителю языка, а сразу рассматривать «информантов высшей категории» – писателей, публицистов, философов и т.д.

В этом отношении характерно замечание А.Д. Шмелёва: «Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание» [цит. раб.: 23]. Особенно показательными считаются семантические конфигурации, относящиеся к неассертивным компонентам высказывания, поэтому только лингвистический анализ способен выявить смыслы, релевантные для ЯКМ. И раз люди не останавливаются специально на этом, то мир они понимают именно таким способом, который содержится в этих неассертивных (пресуппозиционных) компонентах семантики слов. Две методологические презумпции, выражаемые в виде постулатов, не требующих пояснений, здесь встречаются, замыкая предмет исследования в надёжное кольцо: с одной стороны, изучаются установки, скрытые от «невооружённого глаза» носителя языка; с другой стороны, изучаются только установки, характерные для всех носителей языка как нечто неоспоримо данное. За рамками исследования остаётся всё, что может быть изменено, переосмыслено, и всё, что обусловлено факторами индивидуального или контекстуального порядка (в широком смысле – включая сюда и внеязыковой контекст). Кроме того, в исследованиях ЯКМ используются привычные лексические оппозиции, помогающие более рельефно прорисовать специфику значений тех или иных слов. А результаты выражения в речи смыслов, релевантных для ЯКМ, присовокупляются лишь как любопытный иллюстративный материал, придающий большую степень наглядности и естественности выводам, сделанным на основе научного анализа языковой системы.

«Пословицы, поговорки и другие вошедшие в язык тексты, в том числе авторские... могут привлекаться к рассмотрению лишь в той мере, в какой они выражают те же идеи, которые были выявлены при анализе собственно языковых данных» [цит. раб.: 154].

Сказанное вновь возвращает нас к методологическим аспектам корпусной лингвистики. Изучение ЯКМ требует чёткой объяснительной модели перехода от процесса осмысления мира к продукту такого осмысления, выраженного в языковом материале. И такая модель в исследованиях, базирующихся на анализе лексики, остаётся чисто лингвистической и индуктивной. Как представляется, исследование ЯКМ, идущее по гипотетико-дедуктивному пути, с необходимостью требует привлечения широкого массива корпусных дан-

ных, которые служили бы не просто иллюстрацией уже сделанных выводов, а эмпирическим материалом (фактами реального использования языка его носителями) для *проверки* (а не обоснования!) гипотез о способе осмысления мира, выражаемом в языковых знаках. Это не просто даст прибавку эмпирического материала, но обеспечит переход к объективным регулярно проявляющимся закономерностям, связывающим эмпирический материал (реальные словоупотребления в реальных контекстах) и идеализированные модели (положения теории и тех или иных элементах мировоззрения и ЯКМ).

Исследование ЯКМ нуждается в обширном отрицательном материале. Чтобы понять, чем мировидение одной лингвокультуры отличается от мировидения другой, следует понять не только *как происходят* акты осмысления мира в обычных условиях, но и то, *как они не происходят* ни при каких условиях. К сожалению, ни корпусные данные, ни традиционное изучение лексической семантики такого материала не даёт, поэтому подобные выводы приходится делать индуктивно – на основе уже выстроенной теории.

Как и высказывания носителей языка, привлекаемых в качестве информантов, примеры из корпусов проходят отбор, который оказывается ещё более строгим в исследованиях ЯКМ. Примером такого сверх строгого отбора можно считать суждение А.Д. Шмелёва о том, что пословица *Любовь зла, полюбишь и козла*, позволяет говорить не о месте любви в русской ЯКМ, но о козле как о малосимпатичном животном в русской ЯКМ [цит. раб.: 11]. Такой вывод обосновывается союзом *и* в значении «даже», который указывает, что козла полюбить очень трудно, а поскольку это значение содержится в пресуппозиции высказывания, то оно и принимается как неоспоримое и сходящее в ЯКМ. При этом схожие с этой другие пословицы (например, *Борода в честь, а усы и у кошки есть* или *Доброе слово и кошке приятно*) игнорируются автором. При всём при этом проверка гипотезы посредством реальных словоупотреблений, т.е. в корпусных примеров, позволила бы более детально и обоснованно говорить о месте любви в русской ЯКМ.

Сказанного достаточно, чтобы сделать вывод: методологические возможности корпусов вполне подходят для их широкого использования в исследованиях ЯКМ. Правда, корпус не может обеспечить такие исследования отрицательным материалом, который здесь весьма нужен, ведь для ЯКМ важно ещё доказать, как люди *не* считают и какие схемы миропонимания *не* используют. Корпус не позволяет это увидеть; впрочем, от него это и не требуется.

Всё остальное делает корпус универсальным информантом, а такое исследование – квази-экспериментальным: к корпусу обращаются как некоторому идеализированному информанту экспериментального исследования, уже прошедшему отбор и необходимое обучение и отгороженному от сторонних факторов. Этот универсальный информант обладает всеми необходимыми для такого исследования свойствами: (1) он прошёл «отбор» и «обучение» и даёт только «положительный материал», не нарушающий норм языка; (2) он «ориентируется» не на абстрактную языковую систему, а на речь в условиях её порождения; (3) он позволяет проверять гипотезы (в том числе рабочие) через быстрое и удобное привлечение множества примеров. Как представляется, потенциал такого универсального информанта в квази-экспериментальной

ситуации для исследования ЯКМ не только не исчерпан, но даже должным образом не осмыслен.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 251 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. 766 с.
3. Волкова Т.А. От модели перевода к стратегии перевода: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 304 с.
4. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
5. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 280 с.
6. Ремхе И.Н., Нефёдова Л.А. Использование лингвистического корпуса в обучении переводу // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2. С. 89–95.
7. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
8. Стёпин В.С. Теоретическое познание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
9. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224с.
10. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
11. Baker P. Sociolinguistics and Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 189 p.
12. Beeby A., Rodríguez Inés P., Sánchez-Gijón P. (Ed.) Corpus Use and Translating. Corpus use for learning to translate and learning corpus use to translate. Amsterdam (Philadelphia): Benjamins, 2009. 151 p.

CORPUS AS A UNIVERSAL RESPONDENT

(on the experimental study of the semantics and the worldview)

A.A. Yakovlev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The paper discusses the problems of experimental methods application to the study of the language worldview based on the semantic analysis. The analysis of the semantic and worldview study methodology entails that corpora are the universal respondent and the corpora data are used as the experimental ones so such study can be considered as quasi-experimental.

Keywords: *Corpus linguistics, semantics, language worldview, linguistic experiment.*

Об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: mr.koloboque@rambler.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ, ГРАММАТИКИ, ФОНЕТИКИ

УДК 811.161.3'367.626.3

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.А. Артемова

Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь

Статья посвящена анализу фразеологической репрезентации темпорального дейксиса в белорусском языке, актуализирующей не только указание на структуру временной организации высказывания – предшествование (прошлое), одновременность (настоящее) и следование (будущее), но и аксиологическую значимость этой категории, где несвоевременное прошлое и гипотетическое будущее получают отрицательную оценку; полихронное настоящее как возможность говорящего выполнять несколько действий одновременно характеризуется положительной коннотацией.

Ключевые слова: категория темпоральности, темпоральный дейксис, фразеологизм, дейктический центр, фразеосемантическое поле.

Представления о времени являются важным фрагментом концептосферы человека. Знание временных стереотипов определённой лингвокультуры, которые исторически сложились в своеобразном природном ландшафте и социальной среде, позволяет существенно облегчить коммуникацию с представителями различных культурных сообществ, а незнание этих стереотипов, напротив, может значительно её усложнить. По мнению исследователя А.В. Кравченко, к универсальным характеристикам категории времени можно отнести равномерность (время всегда течёт одинаково), однонаправленность (время течёт из прошлого в будущее), линейность (время не пересекается само с собой), необратимость (невозможность вернуть прошлое), связь с причиной, неизменность прошлого и возможность корректировки будущего, локальность (время всегда соотносено с определённым моментом), связь с движением (время не статично, движение есть форма существования материи) [6].

Время получает репрезентацию в языке через темпоральность, которая, согласно определению А.В. Бондарко, является функционально-семантической категорией, охватывающей различные языковые средства [2: 19], актуализирует дейктическую, “внешнюю” характеристику действия [4: 473] и представляет собой моноцентрическую структуру с предикативным ядром – грамматической категорией глагола [3]. Исследователь Р.Л. Ковалевский выделяет в языковой категории темпоральности субкатегорию темпуса – соотношение момента речи с временем протекания события, вербализованного в высказывании, таксиса – соотношение событий во времени относительно друг друга, и категорию хроноса – обозначение точных временных координат вербализуемого события [5: 111]. Основная функция субкатегории хроноса, которая имеет преимущественно лексико-семантическую природу, – экспликация временных значений хронопунктуры (указание на временную точку начала события), хронометрии (указание на отрезки временного

континуума события) и хронологии (временная последовательность событий). Средствами репрезентации категории хронологии выступают дейктические хрононимы, маркирующие события и состояния как предшествующие, одновременные с ним или последующие некоторому другому событию [5: 113]. Среди подобных лексических дейктических хрононимов особое место занимают фразеологические единицы (далее – ФЕ), в которых идентифицируются и манифестируются национальное самосознание, культурно-исторические традиции, эмпирический и духовный опыт различных этносов. Методом сплошной выборки из авторитетных белорусских фразеологических словарей [1; 7; 8; 11; 12] нами были отобраны 64 дейктические ФЕ, формирующие фразеосемантическое поле темпорального дейксиса (далее – ФПТД). В зависимости от отношения к точке отсчёта в ФПТД выделяются следующие подгруппы.

1.1 Микрополе предшествования (далее –МП), объединяющее ФЕ с семантикой указания на предшествование точке отсчёта и относящие действие или событие к прошлому:

1.1.1 с указанием на отдалённость от момента речи:

1.1.1.1 давно (*за дзедам шведам* ‘когда-то в прошлом, давно’ [8, с. 622]): *Шыкілёўскі млын быў стары, мусіць, пабудаваны яшчэ за дзедам шведам* (І. Новікаў) [8: 622];

1.1.1.2 недавно, незадолго до (*перад тварам* ‘непосредственно перед наступлением, приближением чего-нибудь’ [8: 513]): *Соaequatio iurium – ураўнаванне правоў Літвы і Беларусі з каронаю – гэта было ўраўнаванне ўсіх перад тварам* *галоднай смерці* (У. Караткевіч) [НКРЯ];

1.1.2 без указания на отдалённость от момента речи (*за плячамі* ‘про пережитое’ [8: 229]): *Наперадзе бязмежны абсяг Дзвіны, чайкі, людскія ўсмешкі. За плячамі – сцяна, гісторыя, продкі... Паклон табе, родная зямля!* (Л. Дайнека) [НКРЯ]). Некоторые ФЕ данной подгруппы *закідваць наперад* [7: 449], *забязгаць наперад* [7: 432], *глядзець (заглядаць) <далёка> наперад* [7, с. 306], *як у воду глядзеў (-ла, -лі)* [7: 306] наряду с семантикой предшествования репрезентируют способность человека интуитивно предсказывать определённые события своей жизни с извлечением для себя определённой пользы или выгоды, что сопровождается положительной коннотацией, как в следующих контекстах:

*Як не дапамагчы суседу. **Закінеш наперад**, як знойдзеш* (І. Гурскі) [7: 449]; *Шаўкун, таксама брыгадзір, кладзе дрэнаж, але не на Жоўніцкім урочышчы, а недзе на сырых імхах. Брыгада яго часам **забязгае наперад** Андрээвай..* (М. Воранаў) [7: 432]; *[Ева і Рыгор] паспелі ўжо шмат разоў перагаварыць і **заглянуць наперад**: а якая там хата будзе, дзе ім прыйдзеца жыць, і як яно ўсё пойдзе* (К. Чорны) [7: 307]; *Ячкаў колькі зберагла, нібы ведала... Раптам, думаю, госць які з’явіцца. І на табе, **як у ваду глядзела**, – з’явіўся...* (І. Мележ) [7: 306].

1.2 Микрополе одновременности (МО), включающее ФЕ с семантикой указания на одновременность точке отсчёта (*сённяшні дзень* ‘современность, настоящее’ [7: 375]: *Пісьменнік падкрэслівае **непадзельнасць, цесную пераплеценасць** праблем **сённяшняга дня*** [7: 375].

Временные параметры знаковой системы общения определённого языкового сообщества являются объектом исследования проксемики (англ.

proximity 'близость'). Её основатель, американский исследователь Э. Холл, пришёл к новому уровню осмысления роли времени в жизни человека [14]. Согласно Э. Холлу, в странах монохронной культуры (США, Англии, Германии, государствах Скандинавии) время понимается как линейная система (прошлое – настоящее – будущее), жёстко регулирующая поведение людей и отношения между ними: представитель монохронной культуры занимается только одним видом деятельности за определённый отрезок времени. Как показал анализ фактического материала, носители белорусского языка, как и представители других славянских, средиземноморских, арабских, латиноамериканских и азиатских этносов, воспринимают время полихронно: внимание человека обращено на несколько событий, что позволяет ему выполнять несколько запланированных дел одновременно относительно некой точки отсчета:

за адным заходам [7: 474], за адным махам [8, с. 26], за адным разам [7: 474], за адным швом [8: 668]: – Пасілкуешся з дарогі, і пагаварым за адным заходам (А. Пальчэўскі) [7: 474]; А то някепска было б за адным махам знесці і мой домік (У. Шахавец) [8: 26]; Слухай, тата, забяры мяне, а? Хоць адным вокам на тваю кампанію зірну. Ды і навязэраю за адным разам? (І. Ласкоў) [7: 474]; Бронік Літавар гаварыў, што збіраецца на кірмаш: навязе прадаваць цяля і за адным, як кажучы, швом мог бы падвезці каго-небудзь у Дварчаны (В. Адамчык) [8: 668].

Однако выполнение нескольких действий одновременно не всегда приводит к положительному результату и оценивается говорящим негативно, что отражено в семантике фразеологизма *пагнацца за двума зайцамі* 'начать добиваться двух разных целей одновременно' [8: 129]: *Сама ты ва ўсім вінавата, бо пагналася за двума зайцамі* ("Маладосць") [8: 129].

1.3 Микрополе следования (МС), включающее ФЕ с семантикой указания на следование событий после точки отсчета:

1.3.1 с указанием на отдалённость от момента речи:

1.3.1.1 скоро (*вось-вось* 'у найбліжэйшы час' [СФ 1: 211]: *Вось-вось ужо будзе рака, і чаўны, і шлях да Нёмана, а там – да свабоды* (У. Караткевіч) [НКРЯ];

1.3.1.2 нескоро. Во ФЕ этой подгруппы *на разбор шапак* [8, с. 297], *на шапачны разбор* [8: 297], *к шапачнаму разбору* [СФ 2: 298], *у свінья галасы* [7, с. 292], *размахваць пасля бойкі кулакамі* [8: 26] семантика последовательности 'нескоро, под самый конец чего-нибудь' осложнена семой несвоевременности 'с большим опозданием' и сопровождается негативной коннотацией, как в следующих контекстах:

– Привет, хрэснічак! Ты чаго прыходзіш на разбор шапак? Памог бы бацьку свайго залатаць (І. Шамякін) [10]; Тады Чубар сказаў, але ўжо нібыта ў злосці: – На шапачны разбор, лічы, прыйшоў!.. Зазыба пацёр левай далонню кончык шырокага носа, наморничыў няголены твар (І. Чыгрынаў) [10]; Паспяшайся, Шчарбацюк! – суха сказаў камандуючы. – А то паспееш – к шапачнаму разбору!.. (І. Мележ) [НКРЯ]; Уставай. Заўсёды ў свінья галасы выбіраемся... (В. Карамазаў) [7: 292]; [Шыгачоў] быў з тых людзей, якія не размахваюць пасля бойкі кулакамі (І. Шамякін) [8: 26].

1.3.1.3 без указания на степень удалённости от точки отсчета. ФЕ этой подгруппы *калі (як) рак <на гары> свісне* [8, с. 307], *пасля дожджыку (дожджыку) ў чацвер* [7: 385], *на грэчаскія календы* [7, с. 540], *на святое ніколі* [7: 100], *на святое нігды* [7: 99], *віламі па / на вадзе пісана / пісаны* [8: 220]) с семантикой 'никогда или неизвестно, когда что-то будет, произойдет' актуализируют значение неопределённости ирреального будущего времени, связанного с догадкой, интуицией, которое, придавая им яркую образность, основанную на алогичности – факте или мысли, нарушающий законы и правила мышления, усиливает их экспрессивность и эмоциональность:

Толькі калі гэта будзе? Калі рак на гарэ свісне? (Л. Левановіч) [8: 307]; – *А я з табой, толькі з табой . – Са мной пасля дожджыку ў чацвер* (В.Казько); – *Пазыч сто рублёў. – А аддасі калі? На грэ[ча]скія календы?* (Я. Васілёнак) [8: 540]; – *Калі выйдзе твой зборнік? На святое ніколі* (А. Цяжкі) [7: 100]; – *Пацярпі, некалі сходзім. – На святыя нігды?..* (У. Дамашэвіч) [7: 99]; – *Мне здаецца, Міша, рана яшчэ рабіць такія вывады: усё можа змяніцца ў лепшы бок. – Ну, гэта, друг ты мой, віламі на вадзе пісана, – панура адказаў Міхайла Іванавіч* (Я. Колас) [8: 220].

Гипотетическое будущее может быть опасным и враждебным, поэтому говорящий считает своим долгом предупредить и предостеречь адресата о возможной опасности, что отражено в семантике ФЕ *таго і глядзі* [8: 501] и *чаго добрага* [8: 637] со значением 'может случиться что-нибудь неожиданное и неприятное': *Таго і глядзі, Чырвоная Армія вернецца* (І. Чыгрынаў) [10]; – *Во чорт! – вылаяўся Антон, услухоўваючыся ў недалёкія, на ўзлеску, галасы паліцаяў, – яшчэ, чаго добрага, кінуцца па слядах* (В. Быкаў) [НКРЯ].

Следует отметить, что для образной составляющей дейктических темпоральных ФЕ характерна антропоцентричность как связь с особенностями физиологии человека (*на носе* 'в самое ближайшее время что-нибудь будет или наступит'), ежедневными предметами обихода (*на парозе* 'накануне, непосредственно перед тем, что наступает' [8: 188]) и значимыми для человеческой деятельности явлениями природы (*ні свет ні зара* 'перед рассветом' [8: 373]).

В ходе статистического анализа фактического материала была выявлена количественная асимметрия выделенных микрополей: МП представлено 36 ФЕ (56,3%), МО – 8 ФЕ (12,5%), МС – 20 ФЕ (31,2%). Такое неравномерное распределение исследуемых фразеологических единиц можно объяснить большей известностью и осознанностью прошедших событий для человека и, следовательно, значительной расчленённостью прошедшего времени в языке как серии предшествующих событий, явлений и действий по сравнению с гипотетическим и предполагаемым будущим, чьи границы условны, расплывчаты и противопоставлены реальному времени, локализованному в пространстве бытия. Незначительное количество ФЕ в микрополе одновременности обусловлено мимолетностью настоящего, которое, по мнению А.С. Смирницкого, «есть лишь граница между прошедшим и будущим, являющимися некоторыми областями и беспредельно простирающимися в противоположных направлениях» [13: 337].

Следует отметить, что 2,5 % фразеологизмов с дейктической темпоральной семантикой свойственен синкретизм времени и пространства как отражение неразрывного диалектического единства этих категорий в значении

(не за гарамі ‘близко, недалеко, рядом’ и ‘скоро, в скором времени что-нибудь наступит, состоится’ [7: 296]):

Чаму ён [Міша], напаследак не сказаў, што так хочацца бачыць яе [Полю]? А, урэшце, яе хутар не за гарамі (М. Арочка) [7: 296]; Лета не за гарою, скоро касьба пачнецца, жніво, работы гібель, а ты ляжы тут прыкованай да ложка, як пакутніца якая (Я. Купала) [7: 296].

Таким образом, категория темпорального дейксиса эксплицируется не только в семантике лексем различных лексико-грамматических классов – наречий, прилагательных, глаголов, существительных, предлогов и союзов, но и в значении фразеологизмов, где на первый план выходит не столько указание на структуру временной организации – предшествование (прошлое), одновременность (настоящее) и следование (будущее), сколько аксиологическая значимость этой категории для носителей белорусского языка: негативная оценка несвоевременного прошлого и гипотетичного будущего и положительная коннотация полихронного настоящего как возможности для говорящего выполнять несколько действий одновременно.

Список литературы

1. Аксамітаў А.С. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 655 с.
2. Бондарко А.В. К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и “аспектуальность” в русском языке) // Вопросы языкознания. 1967. №2. С.18–31.
3. Бондарко, А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация категории времени, СПб., 1999, 260 с.
4. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с
5. Ковалевский Р.Л. Заметки о многовекторности языкового времени (на материале немецкого языка // Вестник ВолГУ. Волгоград, 2005. Серия 2 Вып. 4. С. 111–114.
6. Кравченко А.В. Английский глагол: новая грамматика для всех. М.: Просвещение, 2001. 305 с.
7. Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Т. 1. А – Л. Мінск : БелЭн, 2008. 672 с.
8. Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Т. 2. М – Я. Мінск : БелЭн, 2008. 704 с.
9. Набережнова З.Г. Семантика, функционирование и референциальные особенности неглагольных средств с темпоральным значением предшествования во французском и русском языках: автореф. дис. ... канд филол. наук. Казань, 2009. 22 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorgpora.ru/search-para-be.html. (дата обращения: 01.12.2016).
11. Санько, З. Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. Мінск: Навука і тэхніка, 1991. 224 с.
12. Янкоўскі, Ф.М. Фразеалагічны слоўнік. Мінск: Народная асвета, 1973. 352 с.
13. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. 440 с.
14. Hall, E. Understanding Cultural Differences. Consortium Book Sales & Dist, 1990. 196 p.

**THE PHRASEOLOGICAL CONCEPTUALIZATION
OF TEMPORAL DEIXIS IN THE BELARUSIAN LANGUAGE**

O.A. Artiomava

Minsk State Linguistic University, Minsk, the Republic of Belarus

The article is devoted to phraseological representation of temporal deixis in the Belarusian language. It actualizes not only the structure of temporal organization of an utterance such as precedence (past), simultaneousness (present) and posteriority (future) in relation to the deictic center, but also the axiological significance of this category for speakers, when the late past and the hypothetical future receive a negative assessment, the polychronous present as the ability of the speaker to perform several tasks simultaneously is characterized by a positive connotation.

Keywords: *the category of temporality, temporal deixis, phraseological unit, deictic center, phraseological semantic field.*

Об авторе:

АРТЕМОВА Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент, докторант Минского государственного лингвистического университета, e-mail:artimosha2008@rambler.ru

УДК 81'23

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ В БЫТОВОЙ СФЕРЕ: ЛИЧНЫЕ ИМЕНА НЕОДУШЕВЛЁННЫХ ПРЕДМЕТОВ

С.Ю. Воскресенская

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматривается персонификация неодушевлённых предметов, проявляющаяся в присвоении предмету личного имени. Обсуждается лингвистический статус таких имен, выделяются психолингвистические опоры имятворчества.

Ключевые слова: персонификация, олицетворение, имена собственные, прозвища, психолингвистические опоры.

В последнее время персонификация (олицетворение) довольно часто попадает в сферу лингвистических исследований. Чаще всего персонификацию исследуют на материале художественных текстов, что иногда создаёт иллюзию ограничения сферы употребления этого тропа художественным текстом, а сама персонификация видится лишь как художественный приём в арсенале мастера слова. Но способность к персонификации – неотъемлемое свойство человеческой психики, поэтому персонификация не является привилегией писателей и поэтов. В последнее время изучение этого явления всё чаще выходит за рамки стилистики. Так, И.М. Чеботарева изучает персонификацию в детской речи, отмечая, что «олицетворение в детской речи выражено богатейшим спектром языковых форм, отличающимся от языковых форм персонификации художественного текста, но не уступающим художественному тексту по разнообразию и яркости выражения олицетворений» [4: 10]. Интерес для исследования представляют и случаи персонификации в повседневной жизни людей. В данной работе рассматриваются случаи одушевления / очеловечивания окружающих нас вещей, когда вещь начинает восприниматься как способная понимать хозяина и взаимодействовать с ним. О наличии такого отношения часто свидетельствует личное имя, данное вещи. В обычае давать имена игрушкам, куклам – предметам, изображающим человека, или живое существо (в этом отношении неслучайно, что слово *кукла* относится в русском языке к грамматической категории одушевлённых предметов). Неудивительно, что собственные имена получают комнатные растения: это объективно живые существа (хотя грамматика русского языка и причисляет их к неодушевлённым предметам). Но часто индивидуальные имена даются самым разным неживым предметам: машинам, велосипедам, компьютерам, холодильникам, домашним тапочкам и т.п. В эпоху интернета и социальных сетей люди делятся мнениями по самым разным вопросам. Их реакции зачастую представляют значительный интерес для лингвиста. Конечно, анонимность общения в сети ограничивает возможности анализа, так как при сборе материала для исследования не всегда возможно установить пол, возраст, социальный статус пользователя. Несмотря на это, мнения представляют несомненный интерес. Так, вопрос «Даете ли вы имена неодушевлённым предметам?» обсуждается на различных форумах в сети Интернет. Некоторые пользователи спрашивают совета, например: «Как назвать эти ручки?», «Сделал нож, не могу придумать ему имя». Источником примеров для

данной статьи послужили комментарии к теме в одном из блогов. В блоге [1] был задан вопрос: «Интересно, какие имена вы дали неодушевлённым предметам? Как вы называете свой автомобиль? Компьютер? Барабанную установку?» Тема вызвала живой интерес, набрав свыше 600 комментариев. Комментаторы разделились на два лагеря: 34 человека написали, что не дают имён неодушевлённым предметам (из них 14 человек посчитали присвоение имени предмету психическим отклонением), 284 человека сообщили, что называют собственными именами различные вещи, и привели разнообразные примеры. Многие указали мотивировку имени, что весьма ценно для анализа.

Вопрос о лингвистическом статусе личных имён неодушевлённых предметов был поднят сравнительно недавно. В общих чертах, речь идёт о том, относить ли они к *крейсер Аврора* и *машина Пеструха* к одной категории? Индивидуальные имена неодушевлённых предметов некоторые исследователи относят к пограничной категории «прозвищных имен». Так, О.В. Махнборода пишет:

«С точки зрения *знаковой функции* все прозвищные наименования условно можно разделить на индивидуализирующие имена, или, другими словами, имена собственные, и классифицирующие имена, или имена апеллятивные. <...> Однако существует и так называемая третья категория прозвищных имен (***вторичные наименования номенклатурных знаков***, т.е. прозвищные имена сортовых и фирменных названий, например, марок автомобилей), которая занимает некое промежуточное положение, когда прозвищное имя не может быть отнесено ни к имени собственному, ни к имени апеллятивному, так как легко может переходить из одной категории в другую, приобретая черты либо индивидуализирующих, либо классифицирующих знаков в зависимости от контекста, одновременно с этим до конца не являясь ни именем собственным, ни именем апеллятивным ввиду своей оценочно-коннотативной окраски» [2: 18].

О.В. Махнборода отмечает, что прозвищные имена «осознаются как имена значащие, наполненные семантикой, для которой характерно наличие богатого набора концептуальных и коннотативных признаков» [цит. раб.: 18]. Исследователь указывает, что «стимулом к генезису прозвищного имятворчества, как правило, является эмоциональное восприятие человеком окружающей его действительности (любовь, уважение, презрение, ирония)» [цит. раб.: 15]. М.Ю. Стрельцова [3] рассматривает как прозвищные именованья, в том числе индивидуальные имена средств передвижения и предметов быта, даже если сфера употребления такого имени не выходит за пределы одной семьи (как пример исследователь приводит название портфеля – *щенок* – в семье Булгаковых). Для прозвищного имени типично его употребление в определённой социальной группе. Показательны следующие примеры (здесь и далее цитаты максимально приближены к авторской орфографии – С.В.):

- (1) *Да Мазды 6 у всех Машки, а Мазды 3 – Матрёшки.*
- (2) *Nissan Note. Обычно их зовут енотами, но мой – Лемурчик.*

В примере (1) имена автомобилей полностью вписываются в категорию прозвищных имён. В примере (2) пользователь сообщает, во-первых, прозвище марки автомобиля («енот») в среде автолюбителей, и, во-вторых, уникальное имя, которое он дал своему автомобилю. Сфера употребления имени *Лемурчик*

в данном случае ограничена семьей хозяина машины, а само прозвище тяготеет к имени собственному.

В принципе, строгая классификация в таких случаях необязательна, поскольку индивидуальное имя неизбежно означает особое эмоциональное отношение к предмету, ту или иную степень одушевления вещи. Мера одушевления бывает разной. Сравним следующие примеры:

(1) ... у меня ноут Аделаидой зовут, а другой Семёном, но я не использую, так просто ради смеха ...

(2) моего компа зовут Грей. (здесь и далее подчеркивание наше – С.В.)

В первом случае автор комментария сообщает индивидуальное имя предмета, но подчёркивает, что это шутка. Во втором примере отношение к вещи как к живому существу выражается не только в собственном имени, но и в нарушении грамматической категории неодушевлённости: «неодушевлённое» слово склоняется как «одушевлённое»!

Не всегда дело доходит до устойчивого имени:

... обычно не даю имена. могу только когда хорошо работает любовно похвалить типа "ладенький" или "лапуся моя", ну и поругать всячески могу, если плохо пашет.

Идиотизм, конечно, но я комп называю лапушкой, когда он тормозит, виснет и т.п. Типа, подбадриваю.

В этих примерах замечательны глаголы *похвалить*, *поругать*, *подбадривать*: имени у предмета вроде нет, а персонификация налицо. Кстати, 13 комментариев содержали имена предметов, представляющие собой ругательства или производные от них. Имя предполагает возможность обратиться к предмету, даже попросить его о чем-либо, договориться с ним:

... сначала был Вовочка (Фольксваген-джетта одного года рождения со мной). На имя отзывался охотно. В -25 однажды не хотел заводиться, я его ласково попросила – завелся.

У меня комп Вася! Почему? Сама не знаю, так уж сложилось. Когда тормозит или подвисает, глажу ласково монитор и называю Васенькой, а если по работе делаю что-то сверхсрочное и интересное, тута уже Васёк, почти полноценный соавтор.

В некоторых комментариях особое отношение к вещам проявляется особенно ярко:

... мотоциклы у меня все были с именами. "Глазастик", "Лис", "Стрекозел". Телефоны и компьютеры – безымянными. Хотя, вне всяких сомнений, у техники есть душа.

Даю вообще имена почти всем крупным предметам. Машины не называю. Они сами представляются. Прошлая была дамой и называлась Мирандой. Нынешнего автомобиля зовут Павлик.

Автомобиль – мальчик. Зовут Зеленый. Имя выбрал он себе сам.

машину Ока – мимишечка. ноутбук – малышка. гитара – красотка. фотоаппарат – красавец. они же как люди.

Как то знакомая спросила а кто у вас машина – мальчик или девочка? До этого как то не задумывался над этим. Но имя уже было Хюндай – Хрюндик.

Персонификация неодушевлённых предметов часто возникает в ситуации, когда от работы техники зависит здоровье её хозяина:

... я какое-то время жила в Китае, в страшном городе, где было опасно открывать окна из-за гари, и мы большую часть времени там молились на наш кондиционер, и однажды ночью мне даже приснилось, что его зовут Андрюша. Естественно, с тех пор иначе как Андрюшей кондей не называли.

... всегда даю имена парашютам, с которыми прыгаю.

Выбор имени – процесс очень личный. Имя вещи может возникнуть спонтанно, случайно:

Несколько лет назад у моего тогда еще безымянного муз.центра фирмы Grundig при переезде отвалилась "r". В эту же секунду пострадавший приобрел нечто большее – собственное имя Гундиг.

У меня машина по имени "ока". Не потому что это малолитражка "ока", а потому что буквы на госномере образуют слово "ока".

В большинстве случаев человек руководствуется желанием (более или менее осознанным) дать вещи особенное имя. Анализ ответов позволяет выделить несколько опор при выборе имени: опору на физический признак объекта, опору на звуковую оболочку слова (названия марки / модели вещи), опору на эмоции, которые вызывает вещь, опору на прецедентные имена.

Опора на физический признак вещи. В имени предмета просматривается тот или иной физический признак (цвет, форма и т.п.), например, машина *Пеструха*, потому что с пятнами, машина – *Грязнуля*, потому что всё время пачкается, *Комп – Блэк, ибо чёрный*. Сюда же можно отнести и признаки, лежащие в основе метафоры. Например, машины часто получают имена птиц или самолетов, так как скорость у многих водителей ассоциируется с полетом:

Уже давно называю все свои машины – ласточками...

Я свой старый СААБ называю Кузя. Потому что он маленький, медленный, но все-таки самолет. Кукурузник. Кузя.

Опора на звуковую оболочку слова. Индивидуальное имя возникает в результате трансформации или переосмысления звуковой оболочки слова. Часто имеет место адаптация иностранного названия марки / модели предмета к звуковому строю русского языка. По созвучию с названием марки подбирается русское имя, либо похожее слово: *Corolla Levin "Лёва"*, *BMW по имени Варюша (от "Байрише Мотор Верке")*, *мотоцикл Yamaha Diversion - Дива*. *Мазда 6 – Машка*, *Ford – Федя*, *Honda Odyssey – Одесса*, *corola – корова*. Также распространена русификация иностранного названия путём усечения имени с добавлением уменьшительно-ласкательных суффиксов: *фотоаппарат "Кэняшка" (от Canon)*, *фотоаппарат Никоша (от Nikon)*, *телефон Айфонушка*. В некоторых случаях имя появляется благодаря игре слов:

... а у меня чайник – Ален Делон. Потому что производитель обозвал его Deloni Alena.

... в конторе шредер Герхард, кормим его по очереди.

мой фотоаппарат зовут сапоп-варвар. По аналогии с кОнаном-варваром.

Опора на эмоции, которые вызывает вещь. Имена образуются от ругательств (если вещь вызывает негативные эмоции), либо представляют собой

ласкательные слова, деминутивы (если хозяин вещи ею доволен): *домашний миник – Минипусик, айпод – iПусик, Рендж Ровер по имени Мумусик, компьютер Транзисторчик, ноутбук Масик.*

Опора на прецедентное имя. Предмет может получить имя в честь исторических личностей, известных литературных персонажей, киногероев:

Пневматический молот – Железный Феликс.

Электросварочный аппарат – Галич (в смысле – Александр).

... машинка «Ниссан Ноут», назвали Гаттузо, в честь итальянского футболиста.

Жена в аспирантуре по физике, зовёт свой ноутбук Ричард, в честь Фейнмана, любителя сенсорной депривации.

Назвала свою газовую печь "Адольф". (производства 1958 г. в немецком городе Siegen)

КПК с навигатором назвал Циннобером (или уменьшительно-ласкательно крошкой Цахесом) за антенну, напоминающую горб или рюкзак.

Мой комп – Вертер, i-rod – Сен-Пьер (по героям сентиментальных романов 18 в.)

Следует отметить, что такие имена не ограничиваются сферой антропонимов, среди примеров встречаются зоонимы и т.п.:

Муж называл машину Боливаром. "Боливарчик мой хориший. Не подведи меня, Боливар. Да мой Боливар лучше всех. Умру, Боливара мне на могилу поставьте вместо памятника" и т.п.

... ноут Мобидик. Я на нём бороздю просторы интернета.

"моя прелесть" (про компьютер)

Иногда в процессе имятворчества задействуются несколько опор, например, *навигатор по имени Сусанна (от Сусанина)* получил имя в результате трансформации прецедентного имени Сусанин, которое в свою очередь использовалось метафорически. Для части имён мотивировку установить не представляется возможным. Обычно это просто человеческие имена: *кактус Иннокентий, манекен Аркадий, компьютер Маруся* и т.п. Анализ собранных примеров показал, что чаще всего индивидуальные имена получают машины, компьютеры и ноутбуки (см. таблицу).

Таблица

Предметы	Кол-во имен
Машины	148
Компьютеры, ноутбуки	124
Телефоны	18
Гитары	15
Фотоаппараты	14
Комнатные растения	11
Велосипеды	10
Мотоциклы	9
Принтеры	6
Стиральные машины	5
Прочее	104
Всего	464

В основном имена даются различной технике, но в принципе, получить собственное имя может любая вещь: нам встретились *степлер Мегазол, ванна Матильда, мусорное ведро Кеша, унитаз Сережа, веник Мухтар, кисточка Гертруда, нож Перец...*

Подводя итоги, можно констатировать, что персонификация, выражающаяся в присвоении предмету личного имени, довольно широко распространена в бытовой сфере. Желание дать предмету имя запускает процесс имятворчества, который может быть научно описан через систему разнообразных опор.

Список литературы

1. Имена неодушевлённых предметов [Электронный ресурс]. URL: <http://tema.livejournal.com/315403.html?style=mine> (дата обращения: 15.02.2016)
2. Махниборода О.В. Неофициальные (прозвищные) имена различных объектов ономастики: структурно-семантический аспект (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Махниборода; Кубанский государственный университет, Майкоп, 2010. 21 с.
3. Стрельцова М.Ю. Прозвищные именованья в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.Ю. Стрельцова; Дальневосточный государственный университет, Владивосток, 2010. 32 с.
4. Чеботарева И.М. Олицетворение в детской речи: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Белгородский государственный педагогический университет им. М.С. Ольминского. Белгород, 1996. 16 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/olitsvetvorenje-v-detskoj-rechi> (дата обращения 07.02.2016)

PERSONIFICATION IN DAILY LIFE: PERSONAL NAMES OF INANIMATE OBJECTS

S.Y. Voskresenskaya

Tver State University, Tver

The article looks into personification of inanimate objects manifesting itself in assigning personal names to objects. The paper analyzes the linguistic status of such names, identifies a number of psycholinguistic aids involved in the name-making process.

Keywords: *personification, personalization, proper names, nicknames, psycholinguistic aids.*

Об авторе:

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: lesefuchs@mail.ru

УДК 81'34

ПОДХОДЫ К КОДИФИКАЦИИ НЕМЕЦКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В.М. Глушак

Московский государственный институт международных отношений, Москва

Е.А. Калашникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Проблема соотношения нормативности и варьирования в произношении находится на повестке дня фонетических исследований уже более ста лет. Современная фонетика учитывает широкий спектр факторов, регулирующих звуковую реализацию. Вариации языковых единиц любого уровня и возможности их использования говорящими являются субстанциальными свойством любого языка. Представлены различные подходы к определению нормы произношения в немецком языке с конца XIX века до наших дней. Вывод: долгая история стандартизации произношения в немецком языке характеризуется постепенным переходом от моноцентризма к полицентризму при учёте критериев кодификации произношения.

***Ключевые слова:** стандартное произношение, кодификация произношения, фоностилистика, фонетика немецкого языка, история немецкого языка.*

Проблему стандартизации и кодификации немецкого произношения на сегодняшний день нельзя считать решённой. Среди фонетистов-германистов ведутся споры о критериях, которые могут быть положены в основу стандартизации немецкого произношения, актуальным остается и вопрос о признании подходов к созданию словарей произношения немецкого языка (ср. Например: [3; 8; 14 и др.]). Ещё Й.В. фон Гете говорил о необходимости создания единого произношения для немецких театров, лишённого употребления «провинциализмов», так как это может оскорблять чувства зрителей [6: 252]. И лишь в 1898 году на заседании комиссии, состоявшей из трёх лингвистов и трёх директоров различных немецких театров под председательством Теодора Зибса, был утверждён свод правил сценического произношения немецкого языка (*Bühnenaussprache*) [16].

С конца XIX века наблюдаются попытки утвердить нормированное произношение не только на сцене, но и в школьном образовании (ср. например: [1; 9]). Однако эти попытки подвергались критике многими лингвистами. Так, О. Бреннер, не был согласен с недостаточным учётом южно-немецких фонетических форм в предложенной норме сценического произношения [2: 179]. Усиление Пруссии в конце XIX века оказало влияние на выбор нижненемецких форм произношения в качестве орфоэпической нормы того времени. Тогда же Г. Пауль считал, что в устной речи должны действовать только те нормы, которые будут понятны представителям различных немецких регионов [10: 189]. Несмотря на критику, собрание немецких школьных деятелей и филологов рекомендовало ввести в школы новые нормы, которые были чётко прописаны в расширенном труде Т. Зибса по кодификации норм произношения с добавлением «*Hochsprache*» в заголовок предыдущего названия [18]. В 1931 году Т. Зибс предложил расширить сферу употребления

единого произношения на язык радио (Rundfunkaussprache) [19]. В последней основательно переработанной версии словаря Т. Зибса, изданного в 1969 году, наряду с «идеальной произносительной нормой» («reine Hochlautung») представлена произносительная норма с несколько сниженным артикуляционным напряжением («gemäßigte Hochlautung in begrenztem Umfang») в сравнении с артикуляцией, аллофонные варианты, как, например, [ge]/[gə], а также впервые представлены национальные варианты [15].

Мало известно, что ещё до Т. Зибса проблемой нормирования активно занимался Вильгельм Фиетор [12]. В его словаре произношения (впервые издан в 1908 году) содержатся произносительные нормы, которые являются более приближенными к реальному говорению [11], чем в кодификации Т. Зибса. В 1962 году к процессу кодификации произносительной нормы немецкого языка подключается издательство DUDEN, выпустив словарь произношения Макса Мангольда [4], переработкой которого со своего 2-го издания в 1974 году руководил Ганс Крех [5]. Он включил в свой словарь нормы произношения, которые были представлены ранее в изданном им в 1964 году «Wörterbuch der deutschen Aussprache» (WDA) [13]. WDA был выпущен в 1982 году в новой редакции под названием «Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache» (GWDA) [7]. По сравнению с предыдущими попытками кодификации норм произношения немецкого языка на основе сценической речи, Г. Крех берёт за основу произносительной нормы речь новостных дикторов. Их произношение известный немецкий фонетист характеризовал как наиболее приближенное к естественному говорению немцев.

Последней переработкой GWDA является изданный в 2009 году «Deutsches Aussprachewörterbuch» (DAW) [3], в водной части которого среди прочего отмечаются и заслуги В. Фиетора в кодификации нормы немецкого произношения. За основу принимается речь дикторов в новостных передачах типа Tagesschau. Новым в словаре является привлечение к определению произносительной нормы социо-фонетических параметров говорения. Важным в DAW является также раздел о стандартном произношении в Австрии и Швейцарии, что рассматривается как умеренная полицентричность, т.е. как субнациональные языковые варианты немецкого языка, а вместе с тем и как признак литературного языка (Standardsprache) [14: 230]. Таким образом, авторы DAW говорят о нормах произношения, сложившихся в австрийском и швейцарском вариантах немецкого языка [3: 7].

Некоторые исследователи подвергают критике признание речи дикторов-новостников в качестве стандарта произношения, ибо таким образом игнорируются различные произносительные варианты, которые используются в реальной коммуникации огромным количеством людей (ср.: [8: 276]). Эмпирические исследования устной речи немцев показывают, что имеются существенные различия между нормами произношения, кодифицированными в разных словарях, и реальным говорением немцев. Так, например, Ш. Кляйнер обнаружил в произношении гимназистов старших классов в различных регионах Германии различные варианты, которые умышленно исключены из словарей немецкого произношения [8: 295].

В последнее время среди немецких фонетистов зреет понимание того, что при определении произносительной нормы немецкого языка необходимо

учитывать более широкий круг говорящих и ситуаций общения, приближенных к естественной коммуникации. Ш. Кляйнер ссылается, среди прочего, на опыт кодификации произношения английского языка. В англистике устоялось мнение, что говорение «образованных носителей языка» («educated speakers») должно служить основой для кодификации произносительной нормы [8: 296]. Ведь ещё в словаре Т. Зибса сформулирована мысль о том, что разговорная речь большинства образованных людей меньше подвержена влиянию местных произносительных особенностей [15: 5]. К сожалению, данная идея не была реализована в словаре, и авторы ограничились лишь учётом форм сниженного артикуляционного напряжения, характерного для разговорной речи.

Показательной иллюстрацией изменения подходов к кодификации произносительной нормы в диахронии является представление звука [r] в различных словарях немецкого произношения. Так, в изданиях словаря Т. Зибса «Deutsche Bühnenaussprache» до 1922 года рекомендовалось во всех позициях произносить только переднеязычный согласный [r] и избегать его вокализаций [17: 30], например: Rede [rēdə], Ehre [ērə], aber [ābər].

В последующих изданиях словаря Т. Зибса признаются равноправными два варианта произнесения [r]: звонкий переднеязычный согласный вибрант [r] и увулярный (заднеязычный) согласный вибрант [R] [18: 31]. При этом фрикативный вариант произнесения звука [r] не признавался автором нормативным, например: Rede, Ehre, aber: 1) [ˈre:də], [ˈe:rə], [ˈa:bər]; 2) [ˈRe:də], [ˈe:Rə], [ˈa:bəR].

Авторы словаря WDA, изданного в 1964 году, рассматривают все три согласных варианта звука [r] как равноправные и отмечают его тенденцию к вокализации в позиции после долгого гласного и даже в некоторых случаях после долгого [a:] [13: 85], в префиксах, оканчивающихся на -er, в конечном слоге -er, даже если после них следуют согласные [13: 49]. При этом вокализация звука [r] в словаре WDA как норма не кодифицируется, например: klarern [klarərn].

Вплоть до 2009 года переднеязычный [r] и увулярный [R] рассматривались как норма лишь в ограниченных сферах, например, в академическом пении или в сценической речи, т.е. в соответствии с требованиями определённой экстралингвистической ситуации. Данное нормативное требование к звуку [r] зафиксировано в новейшем словаре произношения немецкого языка (на момент написания настоящей статьи – 2017 г.) DAW. Наиболее распространённым нормированным согласным вариантом звука [r] признаётся щелевой заднеязычный [ʀ], и в словаре даётся исключительно этот вариант как единственный способ реализации согласного звука [r], например: [bʀiŋən], [ʀˈa:t].

Впервые в словаре DAW в позиции после кратких гласных и после долгого [a:] зафиксирована норма произнесения щелевого заднеязычного с ослабленным шумовым компонентом, обозначаемый в транскрипции как [ʀ̥], например: [hɛ̥ʀ], [kla:̥ʀ]. Также впервые составители словаря DAW кодифицировали оглушение щелевого [ʀ] после глухих согласных, который обозначается транскрипционным знаком [ʀ̥], например: [fʀ̥o:], [kʀ̥i:k]. Таким

образом, анализ словарей немецкого произношения, изданных с конца XIX до начала XXI века, позволяет определить основные подходы кодификации орфоэпической нормы немецкого языка. Они вписываются в общую тенденцию – от моноцентрического до полицентрического взгляда на произносительную норму. Моноцентризм характерен для признания сценического произношения единственно возможной нормой в начале XX века, которая характеризуется утрированным артикуляционным напряжением, пренебрежением коартикуляционными процессами. Полицентрический подход предполагает антропоцентричность, т.е. определение произносительной фоностилистической нормы, максимально приближенной к реальному говорению как в официальных, так и неофициальных ситуациях общения, и характеризующихся учётом звуковых модификаций различного вида и степени. Критерий фоностилистической маркированности текста является определяющим для некоторых современных исследований проблемы кодификации произносительной нормы немецкого языка, например, в фонетических школах университетов Кёльна и Галле. Такие исследования направлены на поиск зависимости тех или иных фонетических средств и явлений от различных стилей устной речи, изучение современного произносительного узуса с учётом ситуативных и коммуникативных факторов. Целью подобных исследований является разработка новых кодифицированных требований к орфоэпии немецкого языка.

Список литературы

1. Behagel O. Bericht // Wissenschaftliche Beihilfe zur Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins, 1898. №16. S. 196–201.
2. Brenner O. Gutachten // Wissenschaftliche Beihilfe zur Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins, 1898. №16. S. 178–182.
3. DAW: Krech E.-M. et al. Deutsches Aussprachewörterbuch. Mit Beiträgen von Walter Haas, Ingrid Hove, Peter Wiesinger. Unter Mitarbeit von Ines Bose, Uwe Hollmach, Baldur Neuber. Berlin u.a.: Verlag Walter de Gruyter, 2009. 1076 s.
4. Duden: Der große Duden. Bd. 6: Duden Aussprachewörterbuch. Bearb. v. Max Mangold. Mannheim u.a.: Bibliographisches Institut, 1962. 827 S.
5. Duden: Der große Duden. Bd. 6: Duden Aussprachewörterbuch. Wörterbuch der deutschen Standardaussprache. Bearb. v. Max Mangold in Zusammenarbeit mit der Dudenredaktion. 2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim u.a.: Bibliographisches Institut, 1974. 855 S.
6. Goethe J.W. von. Goethes Werke: Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. Bd. 12: Schriften zur Kunst. Schriften zur Literatur. Maximen und Reflexionen. Hrsg. Von Erich Tunz. 10. Auflage. München: C.H. Beck, 1982. 805 S.
7. GWDA: Krech E.-M. et al. (Hg.) Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1982. 599 S.
8. Kleiner S. Die Kodifikation der deutschen Standardaussprache im Spiegel der faktischen Variabilität des Gebrauchsstandards // Plewnia A., Witt A. (Hrsg.) Sprachverfall? Dynamik – Wandel – Variation (Jahrbuch des Instituts für Deutsche Sprache 2013). Berlin, Boston: de Gruyter, 2014. S. 273–298.
9. Kluge F. Gutachten // Wissenschaftliche Beihilfe zur Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins, 1898. №16. S. 187–189.
10. Paul H. Gutachten // Wissenschaftliche Beihilfe zur Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins, 1898. №16. S. 189–191.

11. Viëtor W. Deutsches Aussprachewörterbuch. 4. u. 5. durchges. u. durch e. Anhang erw. Aufl. Besorgt von Ernst A. Meyer. Leipzig: Verlag O.R. Reisland, 1931. 498 S.
12. Viëtor W. Die Aussprache der in dem Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung zum Gebrauch in den preußischen Schulen enthaltenen Wörter. Heilbronn: Verlag von Gebr. Henninger, 1885. 404 S.
13. WDA: Krech H. et al. (Hg.) Wörterbuch der deutschen Aussprache. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1964. 549 S.
14. Wiesinger P. Die Standardaussprache in Österreich // Krech E.-M. et al. Deutsches Aussprachewörterbuch. Mit Beiträgen von Walter Haas, Ingrid Hove, Peter Wiesinger. Unter Mitarbeit von Ines Bose, Uwe Hollmach, Baldur Neuber. Berlin u.a.: Verlag Walter de Gruyter, 2009. S. 229–258.
15. Siebs Th. Deutsche Aussprache. Reine und gemäßigte Hochlautung mit Aussprachewörterbuch. Hrsg. v. Helmut de Boor, Hugo Moser u. Christian Winkler. 19., umgearb. Aufl. Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1969. 484 S.
16. Siebs Th. Deutsche Bühnenaussprache. Bonn: Verlag von Albert Ah, 1898. 264 S.
17. Siebs Th. Deutsche Bühnenaussprache – Hochsprache. Bonn: Verlag von Albert Ahn, 1922. 261 S.
18. Siebs Th. Deutsche Bühnenaussprache. Hochsprache. Köln: Verlag von Albert Ahn, 1930. 262 S.
19. Siebs Th. Rundfunkaussprache. Berlin: Reichs-Rundfunk-Gesellschaft., 1931. 168 S.

APPROACHES TO THE CODIFICATION OF GERMAN PRONUNCIATION IN DIACHRONY

V.M. Glushak

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow

E.A. Kalashnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow

The problem of the relation between norm and variation in pronunciation has set the agenda for many contemporary phonetic research efforts for more than a hundred years. Modern phonetics takes into account a wide range of factors that regulate the sound. Phonetic variation is a substantial characteristic of language. This article presents various approaches to the definition of the pronunciation norm in the German language from the 19th century to the present day. The authors conclude that the long history of the standardization of German pronunciation is characterized by a gradual transition from monocentric to polycentric model for the codification of pronunciation.

Keywords: *standard pronunciation, codification of pronunciation, phonostylistics, German phonetics, history of the German language.*

Об авторах:

ГЛУШАК Василий Михайлович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета), e-mail: glushakvm@mail.ru

КАЛАШНИКОВА Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка Московского государственного лингвистического университета, e-mail: elk99@mail.ru

УДК 81

ПОДХОД К ПОНЯТИЮ ПРЕДИКАЦИИ ПО Я. ПЕРЕГРИНУ

Е.П. Денисова, П.А. Колосова

Тверской государственной университет, Тверь

Статья посвящена пониманию предикации, предлагаемому чешским учёным Я. Перегрином. Предпринимается попытка осмысления авторского подхода к пониманию предикации как лингвистического, логико-философского и прагматического феномена и сопоставления его с другими известными подходами.

Ключевые слова: *предикация, предикат, субъект, лингвистический, логический, философский, прагматический аспект.*

В центре внимания в этой статье находится подход к проблеме трактовки предикации, отражённый в работе занимающегося проблемами языка пражского логика Ярослава Перегрина под названием «There is no such Thing as Predication» («Предикации не существует». – перевод наш), в которой автор обращается к подробному рассмотрению данной категории, останавливаясь на её лингвистическом, логико-философском и прагматическом аспектах [12].

Традиционно предикация трактуется как «одна из трёх основных функций языковых выражений (наряду с номинацией и локацией), акта соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами (в норме – предикатом и его актантами), с целью отразить «положение дел», событие, ситуацию действительности; акт создания пропозиции» [7: 393]. Всякая предикация становится возможной после «преодоления» двух этапов: параллельно с созданием пропозиции и соединением смыслов элементарных языковых выражений возникает незавершённая предикация, а вслед этим осуществляется утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности, именно тогда предикация и становится завершённой [там же]. Реализуется же предикация в предикативной связи, или предикативном отношении, которое характеризуется непосредственным, совершающимся в момент речи связыванием двух компонентов [1: 20–21], и воплощается в предикативном сочетании, «выражающем субъектно-предикатное отношение понятий как специфический акт, лежащий в основе человеческого мышления» [9: 109].

Обращение к известному высказыванию А.Ф. Лосева, дефинирующему язык как «всеобщее предикирование» [8: 47], позволяет нам говорить о наличии предикации на разных уровнях языка, как более простых, так и более сложных.

Однако стоит отметить, что в рамках подхода Я. Перегрина возникает сомнение в том, что предикация может быть обнаружена, например, на уровне каких бы то ни было номинативных единиц. По мысли чешского учёного, для реализации предикации необходимо наличие как субъекта, так и предиката, способных быть «склеенными» предикационным механизмом. В этом случае предикация теряет свою основополагающую роль в словообразовании, на которую указывала Е.С. Кубрякова, цитируя Н.И. Кондакова, утверждавшего, что за каждым названием, каждой номинацией стоит то или иное понятие, формирующееся, в свою очередь, на основе совокупности суждений о

предмете [5: 456]. Иными словами, Е.С. Кубрякова подчёркивает тесную связь словообразования как с лексиконом, так и с синтаксисом, поскольку оно «уходит постоянно в сферу предикативных знаков, пропозиции и в структуру суждения о предмете, явлении или признаке» [6: 40]. Лишённое предикативной связи исходное предложение способно компенсировать этот факт «внутренним синтаксисом» деривата или предложения: *он ворует – он вор; он чистит трубы – он трубочист* (примеры Е.С. Кубряковой). В подобных словах, по её мнению, обнаруживается латентная, скрытая, имплицитруемая предикация [цит. раб.: 41].

В свою очередь вызывает вопрос и возможность сопоставления предикации по Я. Перегрину с такой категорией, как макропредикация. Под макропредикацией понимается последовательность составляющих дискурс предикаций, объединённых за счёт содержащихся в них смыслов в предикацию более высокого порядка. Макропредикация есть «выражение того, о чём говорится в художественном высказывании, в форме одного тезиса» [10: 246]. «Если тема – это то, о чём говорится в высказывании, то макропредикация – это то, что высказывание сообщает о теме. Она имплицитно содержится в монологическом высказывании, предстаёт его концептуальной характеристикой» [там же].

Для иллюстрации своих рассуждений Г.Д. Скарн приводит следующий пример: «Любовь у людей пуганная и с зажмурью: ныряет в сумерки, шмыгает по тёмным углам, шушукает, прячется за занавески и тушит свет» (С. Кржижановский. В зрачке). По её мнению, в данном отрывке содержится метафорическая характеристика любви как «иррационального чувства», и этот тезис является темой высказывания, которая извлекается имплицитным образом. Что касается макропредикации, то она может иметь следующий вид: сложившаяся ситуация чревата негативными последствиями [там же].

С одной стороны, понятие «макропредикация» вполне сопоставимо с представлением о предикации, излагаемом Я. Перегрином, поскольку оно также предполагает наличие субъекта (темы) и предиката (высказывания о теме). Их же совокупность и осмысление и образуют макропредикацию. С другой стороны, несмотря на абстрактный характер предикации, подчёркиваемый Я. Перегрином, макропредикация представляется категорией ещё более высокого уровня абстрагирования, что в значительной мере лишает их сходства.

Помимо лингвистического подхода к феномену предикации, существует также подход логико-философский. Если с точки зрения лингвистики понятие предикации, несомненно, в первую очередь является инструментом описания языковых явлений, то с точки зрения философии главный вопрос состоит в том, что является первичным: предикация или её языковое выражение. Иными словами, заложена ли первоначально предикация в объектах реальности или она является сугубо научным конструктом.

Так, ещё Аристотель в своей работе «Категории» подразделяет всё, что говорится о предмете на то, что «говорится о подлежащем, но не находится ни в каком подлежащем», «находится в подлежащем, но не говорится о каком то подлежащем», «находится в подлежащем и говорится о подлежащем» и, наконец, что «не находится в подлежащем и не говорится о нём» [2]. Иными

словами, Аристотель видит предикацию не просто как семантическую категорию, но как категорию во многом онтологическую. Это означает, что связь между объектами и их свойствами в реальном мире первична (и происходит независимо от нас), а языковое выражение этой связи вторично.

Подобные взгляды в начале XX века высказывал Б. Рассел, в чьей интерпретации семантика предложений полностью основывается на фактах реальности, которые в свою очередь представляют собой естественное совпадение объектов и их свойств. Однако такая постановка вопроса порождает проблему интерпретации «ложных предикаций», связей между объектами и их свойствами, противоречащими реальности или не существующими в реальности, о которых мы, тем не менее, можем говорить. Поэтому позже философ согласится с необходимостью признания существования так называемых отрицательных фактов, которые также можно назвать фактами потенциальными. То есть помимо «естественной предикации», отражающей факты действительности, существует предикация, которая целиком и полностью зависит от говорящих [13].

С точки зрения И. Канта, предикация представляется в первую очередь явлением, имеющим непосредственное отношение к мыслительной деятельности человека, и только потом получает языковое выражение. Предикация выступает в качестве своеобразного клея, скрепляющего ментальные сущности (субъект и предикат, говоря лингвистически) при образовании суждения. При этом получающаяся в результате такого «склеивания» пропозиция, как неоднократно отмечалось разными учёными, включая Б. Рассела, не равна сумме её компонентов и ускользает от исследователя при попытках анализа, который неизбежно связан с разбором на составные части. Другими словами, в ходе таких рассуждений остро встает проблема единства пропозиции. В философии И. Канта «клей», скрепляющий субъект и предикат в суждении, понимается буквально и получает название трансцендентальной схемы:

«Ясно, что должно существовать нечто третье, однородное, с одной стороны, с категориями, а с другой – с явлениями и делающее возможным применение категорий к явлениям. Это посредствующее представление должно быть чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического) и, тем не менее, с одной стороны, интеллектуальным, а с другой – чувственным. Именно такова трансцендентальная схема» [4: 244].

Однако Я. Перегрин считает такое решение проблемы неудовлетворительным, поскольку Кант понимает трансцендентальную схему как некий третий концепт, а не как связь, пронизывающую субъект и предикат и превращающую их в единое целое.

Если рассматривать предикацию с прагматической точки зрения, то большинство логико-философских проблем, имеющих непосредственное отношение к предикации, разрешаются сами собой. Язык в таком случае представляется не как набор условных символов, замещающих объекты реальной действительности, а как набор инструментов, используя которые мы можем непосредственно совершать различные действия. Такое понимание

языка было предложено Л. Витгенштейном в его «Философских исследованиях»:

«Представь себе инструменты, лежащие в специальном ящике. Здесь есть молоток, клещи, пила, отвёртка, масштабная линейка, банка с клеем, гвозди и винты. Насколько различны функции этих предметов, настолько различны и функции слов» [3].

Я. Перегрин переносит данную метафору на процесс предикации. Если представить, что субъект это, например, отвёртка, а предикат – шуруп, то предикация это то, что происходит, когда мы используем эти инструменты вместе, например, соединяя между собой две доски [12: 37]. В результате мы получаем предложение – ещё более мощный инструмент для осуществления наших прагматических целей, связанных в основном с взаимодействием, которое мы осуществляем с другими людьми. При этом всё то, что не имеет никакого отношения к самому процессу соединения – наши мысли и чувства в этот момент, наше отношение к описываемой ситуации, – не будет играть никакой существенной роли для понимания самого феномена предикации.

Я. Перегрин также указывает, что согласно такому подходу субъект и предикат, понимаемые как своеобразные инструменты, будут выполнять определённые функции. Ссылаясь на исследования Р. Богдана, он указывает, что субъект выполняет функцию направления внимания на некий объект, знакомый или доступный восприятию взаимодействующих сторон, а предикат в свою очередь даёт комментарий по поводу свойств и состояния объекта, адресованный собеседнику. При этом Р. Богдан, рассматривавший становление речи у детей, говорит о том, что на первых этапах развития речи можно наблюдать предикацию в её рудиментарной форме – субъект и предикат предстают перед нами в «склеенном» виде. Ребёнок использует свои первые слова сразу и для привлечения внимания к объекту, и для выражения отношения к нему, прибегая при этом к средствам невербальной коммуникации, и только на более поздних этапах они окончательно «расклеиваются» [11].

Такой подход к понятию предикации, по мнению Я. Перегрин, снимает множество вопросов. Прежде всего, это вопросы онтологического характера, касающиеся соотношения предикации с объективной реальностью. Сложно отрицать, что за предикацией как лингвистическим феноменом стоят определённые мыслительные процессы, однако, попытки их проследить методом интроспекции не дают однозначных результатов. Если рассматривать предикацию как нечто, имеющее место при использовании языковых «инструментов» для соединения двух разнородных частей в одно целое с сугубо прагматической целью взаимодействия с другими людьми, то этот процесс представляется гораздо менее умозрительным и ускользающим от исследования. Поэтому подобный подход к пониманию предикации, несомненно, представляет определённый интерес.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л.: Наука, 1973. 366 с.

2. Аристотель. Категории [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt> (дата обращения: 06.04.2017).
3. Витгенштейн Л. Философские исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/st000.shtml> (дата обращения: 06.04.2017).
4. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1998. 960 с.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
6. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 160 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь: Предикация / Ю.С. Степанов; под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 393–394.
8. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982. 480 с.
9. Попова З.Д. Синтаксическая форма как предмет синтаксиса // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л.: Наука, 1975. С. 109–114.
10. Скнар Г.Д. Тема как конституирующий компонент художественного текста: прагматический и когнитивный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2014. 371 с.
11. Bogdan R. Predicative minds. Cambridge: MIT Press, 2009. 156 p.
12. Peregrin J. There is no such Thing as Predication [Электронный ресурс]. URL: <http://jarda.peregrin.cz/mybibl/PDFTxt/573.pdf> (дата обращения: 14.01.2017).
13. Russel B. Our Knowledge of the External World [Электронный ресурс]. URL: <https://ia800301.us.archive.org/29/items/ourknowledgeofth005200mbp/ourknowledgeofth005200mbp.pdf> (дата обращения: 31.12.2016).

J. PEREGRIN'S APPROACH TO THE NOTION OF PREDICATION

E.P. Denisova, P.A. Kolosova
Tver State University, Tver

The article deals with the approach to the notion of predication suggested by the Czech linguist, Jaroslav Peregrin. The paper analyses the author's understanding of the concept comparing it with conventional linguistic and philosophic approaches to the phenomenon in question.

Keywords: *predication, predicate, subject, linguistic, philosophic, logical, pragmatic aspects.*

Об авторах:

ДЕНИСОВА Евгения Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: eugenia-de@yandex.ru

КОЛОСОВА Полина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: kolosova_polina@mail.ru

УДК 81*06

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПТОВ ПОДЪЯЗЫКА ТУРИЗМА

А.А. Дорофеева

Тверской государственной университет, Тверь

Термины «турист» и «туризм» исследуются как основные концепты лексики туристской отрасли. Рассматривается история их появления в английском, французском и русском языках. Обсуждается вопрос использования двух вариантов прилагательных, образованных от слов «туризм» и «турист» в русском языке.

Ключевые слова: *тур, турист, туризм, концепт, лексика туризма.*

Термин «концепт» прочно утвердился в современной лингвистике, хотя до сих пор он не имеет общепринятого определения. Нередко, как в случае с подъязыком туризма, концепты формируются в мышлении, являясь отражением научной (теоретической) и производственной (практической) сфер действительности. Понятие возникает на базе представления или схемы путём постепенного, поэтапного отвлечения от случайных, второстепенных, индивидуальных чувственно воспринимаемых признаков, либо путём соединения в понятийном образе нескольких мыслительных компонентов. Это так называемые «концепты-понятия» – обязательные элементы терминологического аппарата любой сферы деятельности. В то же время, как заметила специалист по лексике туризма Е.В. Мошняга, концептами становятся только те лингвокультурные реалии, которые оказываются базовыми, опорными, центральными, актуальными, ценными для данной культуры. Концепт, в отличие от понятия, помимо смысла, соединяет в себе образные, ценностные и дискурсивные характеристики. Три неперенных компонента концепта включают логическое понятие, образ и ценность [9]. Несомненно, все эти признаки имеют и два ключевых термина туристской отрасли – «туризм» и «турист».

Некоторые исследователи утверждают, что концепт является неким посредником между словами и действительностью, и выделяют три вида концептов: *фрейм, сценарий, геитальт*. Исследования в лексической сфере туризма позволяют предположить, что данный термин естественным образом соединяет в себе черты всех трёх видов концептов. В качестве *фрейма* термин «туризм» мыслится как чрезвычайно многокомпонентный образ, как совокупность многих стандартных знаний об этом предмете, особенно, если рассматривать туризм как вариант индустрии или как отрасль экономики (средства размещения, туроператоры и турагенты, инфраструктура, объекты экскурсионного показа и т.д.). Если же думать о туризме как о процессе перемещения в пространстве и видеть ряд стереотипных эпизодов с явными признаками движения, развития, то этот термин выступает в форме *концепта-сценария*. С *геитальтом* его роднит целостный образ, объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого явления, совмещающий чувственные и рациональные аспекты, всегда присутствующие в любом путешествии.

Буквально с первых моментов своего проникновения в лексику русского языка термины «турист» и «туризм» заняли главенствующее положение в подъязыке той области человеческой деятельности, которую они представляли:

организация и проведение путешествий для людей, желающих отдохнуть, восстановить физические и духовные силы, излечиться от заболевания, познакомиться с памятниками истории и культуры, получить порцию адреналина от преодоления сложностей маршрута и т.д., причём, без получения дохода в местах своего временного пребывания.

В настоящей статье делается попытка ещё раз вернуться к этимологии двух главных концептов туристской отрасли, обобщив и проанализировав мнения, высказанные по этому поводу как филологами-лингвистами, так и специалистами в области туризма. Кроме того, рассматривается известная практика туризма лексическая проблема – совместное использование паронимов «туристский» и «туристический». Часть публикаций из числа наиболее значимых приведена в списке литературы.

Практически все исследователи считают, что прародителем описываемых терминов было французское слово «tour», означавшее прогулку по кругу, поездку с обязательным возвращением. Из французского оно было заимствовано в английский язык, очевидно, в 1670 г., когда англичанин Ричард Лэссел впервые упомянул «гран-тур» (англ. «the grand-tour»), называя этим составным словом традиционные поездки молодых английских юношей, продолжавшиеся 2–3 года, из островной Британии на континент для посещения Франции, Италии, Швейцарии и других европейских стран. Новое слово, как и обозначаемый им вариант путешествия, в XVIII в. стало модным и быстро распространилось в английском и в других европейских языках германской группы. Во французском языке практика соединения слов в «grand-tour» не прижилась – французские словари не фиксируют такой лексемы. Здесь сохраняло хождение французское слово «tourne» [4].

На вопрос о появлении самого слова «tour», «tourne» специалисты отвечают по-разному. Некоторые высказывают гипотезу, что термин «tour» был придуман в XII в. Этим словом средневековые земледельцы обозначали путешествие с обязательным намерением вернуться. Например, поездка на рынок ближайшего города для продажи выращенной сельхозпродукции. Имеется версия, что в среднеанглийский язык оно пришло в 1250–1280 гг. из среднефранцузского (tourn – поворот, круг, окружность), а в него попало из латинского как заимствование из греческого: «tornos» (циркуль) [6].

Другие соотносят слово «тур» с фамилией аристократа de La Tour. Согласно их взглядам, в 1516 г. когда король Карл V Габсбург провозгласил себя правителем Кастилии и Арагона (фактически Испании), в рамках празднования этого события, он дал семье de La Tour эксклюзивное право осуществлять коммерческие перевозки людей, которые впоследствии стали называть туром [7]. Потомок этого древнего рода княгиня Марисоль де Ла Тур д'Овернь – признанный специалист по реставрации исторических садов и парков. Сегодня она занимается развитием культурных и туристских связей с Россией.

Наконец, есть исследователи, которые связывают термин «tour» с некоторыми библейскими текстами, написанными не на древнееврейском, а на арамейском языке, где якобы соответствующий глагол использовался для обозначения перемещения людей [там же].

Очевидно, что до начала XIX в. слова «tourist» и «touriste» не существовали, соответственно, ни в английском, ни во французском языках. Ровно

на рубеже XVIII и XIX столетий на основе заимствованного из французского существительного «*tour*» в английском языке впервые появилось наименование лица, совершающего путешествие, – «*tourist*» (турист). Во многих публикациях утверждается, что его первая письменная фиксация относится к 1800 г. Часто упоминается небольшая книжка англичанина Пейджа «Весёлые истории английского языка», где в одной из кратких историй (анекдотов) встречается фраза: «*a traveler is now days called a tourist*» [8]. Впрочем, В.О. Петрунин сообщает, что в английских текстах слово «*tourist*» было отмечено ещё в 1799 г. в «Братьях» («*The Brouthers*») Уильяма Вордсворта [11]. Н.К. Иванова и О.Н. Масленникова, со ссылкой на сайт [<http://www.wordspy.com>], пишут, что в 1746 г. в английском языке появился глагол *to tour*, в 1780 г. – производное от него существительное *tourist*, а в 1811 г. – слово *tourism* [6]. Иногда можно встретить утверждение, что уже в 1800 г. в Оксфордском словаре приводится слово «*tourist*» с дефиницией, которая «гуляет» по многим текстам, посвященным туризму: турист – это человек, который путешествует из удовольствия или чтобы убить время [8]. Очень быстро, уже в 1803 г., это слово, обозначающее путешествующего с определёнными целями человека, перешло во французскую письменную речь в соответствующем написании – «*touriste*».

Номинации «*tourism*» и «*tourisme*», обозначающие и в английском, и во французском языках одно и то же – ‘вид путешествия с определёнными целями’, появились чуть позже. Некоторые источники датируют появление лексемы «*tourism*» в английском языке началом XIX в. (1805–1815 гг.). Во французский язык это слово проникло из Англии значительно позже. Очевидно, во Франции в письменной форме оно использовалось только с 1841 г. [4].

В русском языке слово «турист» в своём появлении также опередило существительное «туризм». По утверждению В.О. Петрунина, в картотеке Словаря русского языка XVIII в. (Институт лингвистических исследований РАН) слово отсутствует [11]. Но уже в 40-е гг. XIX в. слово «турист» появилось в текстах некоторых русских литературных произведений. Это слово было знакомо представителям русской интеллигенции. Многие из них нередко путешествовали по Европе и, естественно, не могли не слышать слова *tourist* (англ.), *tourist* (нем.), *turisto* (исп.), *turiste* (итал.), *touriste* (франц.). Однако, непосредственным источником заимствования большинство исследователей всё-таки считают английский язык. Словом «турист», как уже вполне освоенным термином, пользовался автор «Писем из-за границы» (1841 г.) русский литературный критик П.В. Анненков. Встречается оно в «Письмах из Индии» (1841 г.) русского князя А.Д. Салтыкова. Номинацию «турист» употребляли А.И. Герцен в романе «Кто виноват» (1841–1846 гг.), М.Н. Загоскин в романе «Москва и москвичи» (1842–1850 гг.), Н.С. Лесков в очерке «Русское общество в Париже» (1863 г.) и др. При этом слово «турист» в XIX в. в России гораздо активнее включалось в нехудожественные тексты, чем в беллетристику [3].

Более того, «Этимологический словарь современного русского языка» [13] даёт справку, что в словарях русского языка с 1837 г. отмечено «туристь» – «англичанин, путешествующий вокруг света», позднее (1859 г.) просто «путешественник». В 1901 г. русскоязычный «Словарь иностранных слов» вводит толкование слова «турист»: «Туристы – лица, путешествующие для развлечения или для ученой цели». Лексема «туризм» в этом словаре отсутствовала.

В русскую лексику термин «туризм» стал проникать только в конце XIX в. Известно, что ни в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (1863–1866), ни в универсальной энциклопедии Брокгауза и Эфрона (1869–1907) слово «туризм» не зафиксировано. Понятие «туризм» почти до конца XIX столетия не использовалось даже в документах ведущих на тот момент структур, созданных для организации путешествий – первого в России «Предприятия для общественных путешествий во все страны света Леопольда Липсона» (Санкт-Петербург, 1885 г.), русского аналога конторы англичанина Томаса Кука, или Крымского горного клуба (1890 г.), имевшего в конце позапрошлого века обширную географию учебных экскурсий [3].

Впервые широкое знакомство жителей России со словом «туризм» в специализированном значении вида путешествий произошло на рубеже XIX–XX вв. Это было связано с образованием в 1895 г. в Санкт-Петербурге Российского общества туристов (РОТ), или Русского туринг-клуба – самого крупного и наиболее известного общественного объединения любителей путешествий в Российской империи. Благодаря многочисленным ближним и дальним поездкам, организованным специально для членов общества, а также издававшемуся обществом журналу «Русский турист», дорожно-справочному путеводителю «Дорожник» и календарю «Ежегодник» неологизм «туризм» всё более и более укреплялся в русском языке [3]. Однако, в русскоязычных словарях существительное «туризм» отмечено всего лишь с 1937 г., т.е. на сто лет позже слова «турист» [10]. Таким образом, следует сделать вывод, что по поводу точного времени и первоисточника появления лексем «туризм» и «турист» и даже их этимологии среди учёных и практиков нет абсолютного согласия. Впрочем, различия во мнениях тех или иных авторов, на наш взгляд, не существенны, поскольку разница во времени первой фиксации терминов исчисляется всего несколькими годами, а публикации, в которых впервые встречаются эти слова в письменном виде, не всегда достаточно авторитетны. Общий порядок и логика возникновения новых терминов для большинства учёных очевидны и примерно одинаковы. Сама проблема имеет исключительно теоретический характер и вряд ли оказывает какое-либо влияние на практику туристской отрасли.

В туристской отрасли есть лексикологическая проблема, которая достаточно широко обсуждается и даже может иметь прикладной характер. Это вопрос о целесообразности и порядке применения в русском языке близких по звучанию, но разных по написанию, произношению и значению, однокоренных слов, которые относятся к одной части речи и смешиваются в употреблении благодаря своей созвучности, то есть *паронимов* – прилагательных «туристский» и «туристический». В научных, справочных, рекламных, коммерческо-деловых публикациях по туризму, а также в устной речи любых соучастников индустрии путешествий можно легко найти множество примеров разного построения прилагательных от корня «турист» – либо «туристский», либо «туристический». При этом нередко оба прилагательных встречаются вкупе с одним существительным – *туристская фирма, туристическая фирма* и т.п.

В результате анализа литературных источников выявлены следующие варианты объяснений или комментариев сложившейся ситуации.

В.М. Биржаков, автор многочисленных учебных пособий по туризму, опирается на принципы «вокализма». Он объясняет широкое распространение

в последние десятилетия прилагательного *туристический* тем, что это слово легко произносится населяющими Россию русскоязычными людьми, так как в нём больше звонких согласных, нежели в прилагательном *туристский*. Последнее слово трудно для произношения в силу наличия в нём комбинации сразу из трёх глухих согласных – суффикс *стс* [1]. Одновременно В.М. Биржаков, а вместе с ним и многие другие авторитетные специалисты, указывают, что во всех законодательных документах, так или иначе касающихся туризма, в том числе в основополагающем Законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» употребляется только прилагательное *туристский*. Поэтому приоритетным, особенно во всех деловых и финансовых документах (например, *туристская путевка*) следует считать это слово. В тоже время не исключается использование прилагательного *туристический* в рекламных, справочных, публицистических и художественных текстах и в обиходной речи за рамками профессионального общения [1; 12].

Есть мнение, опирающееся на правила морфологии русского языка, что прилагательное *туристский* образовано от существительного *турист*, а основой прилагательного *туристический* является слово *туризм*. Соответственно, употреблять термины необходимо в связи с их «родителями»: *туристский* по отношению к тому, что непосредственно связано с человеком-туристом, свойственно туристу, принадлежит туристу – *туристская палатка, туристский рюкзак* и др. Наоборот, прилагательным *туристический* следует описывать то, что относится к *туризму* как отрасли экономики, что характерно для туризма – *туристическая фирма, туристический маршрут* и др. Указанные различия не всегда существенны и в жизни подобное правило часто не соблюдается [12].

Для некоторых всё ещё актуально мнение, что прилагательное *туристский* относится только к сфере самодеятельного туризма, тогда как действия и объекты, имеющие место в самой туристской отрасли, в организованном туризме, в специальных темах необходимо обозначать прилагательным *туристический* [2]. Серьёзное исследование по проблеме соотношения прилагательных *туристский* / *туристический* провел Е.П. Бугрий, который проанализировал несколько словарей паронимов, составленных отечественными лексикографами, нормативные документы в сфере туризма, а также ключевые толковые издания (словари и энциклопедии) по терминологии туризма [2]. Причём анализ, проведённый указанным автором, включал статистические приёмы – учёт частоты использования того или иного прилагательного. В результате автор пришел к нескольким выводам, которые, на наш взгляд, справедливы.

Во-первых, очевидна проблематичность отнесения слов *туристский* / *туристический* к категории паронимов, так как здесь не наблюдаются различия в сочетании прилагательных с существительными, а главное – отсутствует принципиальная разница в смысле этих слов. Во-вторых, подтверждено, что в нормативных документах и специальных словарях терминологически употребляется в подавляющем большинстве случаев прилагательное *туристский*. Некоторые специалисты предлагают разрешить этот казус законодательным путем, внося соответствующие поправки в Закон «Об основах туристской деятельности в РФ» или, вообще, приняв новый закон. Однако законодатели уже более 20 лет не используют этот шанс. В-третьих, подъязык туризма относится к «молодой терминосфере», поэтому терминологическая вариативность явля-

ется её естественным свойством. Возможно, именно становлением терминологии обусловлено повышенное внимание к словоупотреблению в туристской сфере. Например, *мягкий туризм – экологический туризм – природно-ориентированный туризм* [5]. Наконец, эволюция наименований понятий приведёт, в конечном итоге, либо к устранению избыточного варианта, либо к семантическому обособлению каждого из вариантов [2].

Список литературы

1. Биржаков М.Б. Введение в туризм. СПб.: Изд. Торговый Дом «Герда», 2000. 192 с.
2. Бугрий Е.П. Туристский / туристический: практика функционирования специальной лексики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 2 (16). С. 140–147.
3. Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и в СССР. Ростов-на-Дону, 1988, 192 с.
4. Долженко Г.П., Савенкова Л.Б. Термины «туризм» и «турист» в русской лексике: хронологический аспект // Географический вестник. 2011. № 4. С. 74–77.
5. Дорофеев А.А. К вопросу об определении понятия «экологический туризм» // Туризм и региональное развитие. Смоленск, 2002. С. 359–364.
6. Иванова Н.К., Масленникова О.Н. Некоторые особенности современной терминологии туристики, или к чему ещё может/должен быть готов культуролог // Известия Вузов. Серия «Гуманитарные науки». Иваново, 2013. т. 4 (3). С. 228–234.
7. Колибаба С. Турист, англ. tourist, tourism – этимология // Сайт: <http://www.proza.ru/2015/10/08/1681>
8. Крючков, А. А. История международного и отечественного туризма. М.; Высш. шк. по туризму и гостинич. хоз-ву, 1999. 93 с.
9. Мошняга Е. В. Концепт «дестинация» в системе концептов международного туризма // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 4. С. 172–177.
10. Основы туризма: учебник / ред. Е. Л. Писаревский, М., 2014. 384 с.
11. Петрунин В. О. Из истории туристской лексики // Социальная психология. Уч. записки Санкт-Петербургского академического ун-та. 2010. № 2 (28). С. 104–114.
12. Туристский или туристический? Сайт: <http://www.tourvest.ru/articles/article0002>
13. Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников. М., 2010, т. 2. 586 с.

DIACHRONIC ANALYSIS OF THE MAIN CONCEPTS OF TOURISM SUB-LANGUAGE

A.A. Dorofeeva

Tver State University, Tver

The author asserts that the terms “tourist” and “tourism” are the main concepts in the vocabulary of the tourism industry. The history of their appearance in English, French and Russian is discussed. The problem of using the two adjectives formed from the words “tourism” and “tourist” in Russian is also considered in the article.

Key words: *tour, tourist, tourism, concept, tourism vocabulary.*

Об авторе:

ДОРОФЕЕВА Анна Александровна – аспирант кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: ad2555@yandex.com

УДК 81

ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОСНОВНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛАГЕРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А.Е. Каменская

Тверской государственной университет, Тверь

Статья посвящена основным концептам русской и польской лагерной литературы XX века, а также способам лексической репрезентации данных концептов. Рассматриваются основные особенности общелагерной лексики, использующейся в произведениях лагерных писателей, некоторые черты авторских систем концептов, авторских наборов лексических средств.

Ключевые слова: *концептология, лексические репрезентации концепта, лагерная литература, польская литература, Варлам Шаламов, Тадеуш Боровский.*

Существует множество определений понятия «концепт». В.И. Карасик приводит ряд подходов к концептам, развиваемых разными авторами. Среди них следующие: концепт – идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия [6: 412]; концепт – личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения [3: 281]; концепт – это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [5: 246].

Мы будем рассматривать понятие концепта с точки зрения лингвокультурологического подхода. Г.Г. Слышкин в статье «Лингвокультурный концепт как системное образование» пишет, что «для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, т.е. может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка и речи» [4: 30]. Для нашего исследования полиапеллируемость концепта станет одной из важнейших его черт.

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин утверждают, что лингвокультурный концепт должен обладать рядом признаков, среди которых ценностность, условность и размытость, изменчивость, полиапеллируемость, ограниченность сознанием носителя [2: 75–76]. Всеми этими признаками обладают конкретные концепты, которые будут рассматриваться нами в дальнейшем.

Предположив, что основополагающими концептами, формирующими мир лагерной литературы, будут концепты «страх», «смерть», «страдание», «голод», «болезнь», «боль», «жестокость», мы довольно точно набросаем общие черты лагерной системы концептов. Предположив, что эти концепты часто получают своё конкретное воплощение в лексемах с негативной семантикой (мортальной семантикой, семантикой насилия), мы также не ошибёмся. Однако некоторые нюансы лексической репрезентации системы концептов в лагерной литературе по-прежнему остаются без пристального внимания исследователей.

«Вход» в концепт осуществляется через те или иные лексемы. Взглянув на лексику, составляющую основу тех или иных произведений лагерной лите-

ратуры, мы обнаружим, что весь массив этой лексики может быть разделён на две части.

Первую лексическую группу составляет собственно лагерная лексика, т.е. лексика, бытующая в лагерях вообще, не зависящая от конкретного автора или конкретного произведения. Отметим, что само понятие лагерной лексики было разработано и описано в нескольких исследованиях, наиболее подробно – в диссертации Е.В. Харитоновой «Перевод русской лагерной лексики на английский язык: семантико-стилистические и лингвокультурологические аспекты: на материале американского и британского переводов “Архипелага ГУЛАГ” А.И. Солженицына» [7: 8–10].

Лексемы, относящиеся к группе собственно лагерной лексики, однообразны, стабильны, повторяются в разных текстах с малыми вариациями или вообще без вариаций. На первый взгляд, эта лексика не может поведать исследователю ничего интересного, поскольку она лишена следов авторского стиля. Однако это не так. В данной группе есть немало лексем, успешно репрезентирующих отдельные концепты и с большой точностью выражающих те или иные черты языковых картин мира – русской и польской.

Например, слово «доходяга» – одно из наиболее частотных у русскоязычных лагерных писателей. Доходяга – это человек, дошедший до крайней степени истощения, до порога смерти. Если в русском литературном языке слово «доходить» требует обязательного присутствия дополнения с предлогом «до» (доходить до чего-то), то в лагерном языке «доходить» – это самодостаточное понятие. Вероятно, некий аналог понятия «доходяга» должен был существовать и в польской лагерной литературе. Ведь в нацистских лагерях так же свирепствовали голод, холод, болезни, делающие из человека доходягу.

В польских лагерных текстах человек, растративший последние силы, обозначается словом «muzulman», т.е. мусульманин. В сознании русского человека мусульманин, мусульманство никак не связаны ни с голодом, ни со страданиями, ни с болезнью. У русскоязычного читателя слово «мусульманин» вызовет, скорее всего, следующий ассоциативный ряд: тепло, восток, пустыня, мечеть и т. п.

Откуда же взялся мусульманин-доходяга в польских текстах? Существует следующая гипотеза: ослабевшие лагерные узники внешне напоминали молящихся мусульман. Однако представляется разумным отметить ещё одну особенность определения «muzulman». Узники гитлеровских лагерей, находившихся на территории Польши, в отличие от узников советских лагерей, в большинстве своём были людьми религиозными – исповедующими иудаизм либо католицизм. Поляки привыкли добрососедствовать с иудеями (перед Второй мировой войной евреев в Польше было больше, чем где-либо в Европе), но человек, исповедующий ислам, для поляков – это нечто несообразное, нонсенс. Поэтому для узников лагерей, находившихся на территории Польши, понятие «мусульманин» обозначало кого-то, кто находился за гранью, кого-то не принадлежащего к обществу обыкновенных людей.

Русская лексема «доходяга» и польская «muzulman» апеллируют к одному и тому же концепту – личность, полностью раздавленная лагерной системой. Однако разница лексических воплощений данного концепта порождает

множество коннотаций. В свою очередь, эти коннотации показывают, сколь далеки друг от друга могут быть языковые картины двух родственных народов.

Если в русскоязычном тексте читатель встретит слово «лагерь», он не сразу поймёт, о каком именно лагере идёт речь – о немецком концентрационном, о советском исправительно-трудовом или, допустим, о пионерском? Лексема «лагерь» апеллирует сразу к нескольким концептам. В польском же языке имеются несколько слов для обозначения лагерей. Понятие «Lager», пришедшее из немецкого языка, обозначало концентрационный лагерь, слово «łager» (написанное через «ł») – советский исправительно-трудовой лагерь. «Literatura łagrowa» – этот относительно новый термин, вошедший в профессиональный обиход в начале 1990-х годов, выделял в особый раздел литературы книги о лагерях ГУЛАГа. То есть с 90-х годов XX века поляки начинают дифференцировать своих «обидчиков» – немцев или русских. Для русских же писателей (и, соответственно, литературоведов) лагерь – это лагерь. И неважно, немецкий он или советский. Такое недифференцирующее общее наименование разных лагерей актуализирует мотив общности, похожежности и родства всех тоталитарных режимов.

Лагерные преступления – это не обычные преступления от разгула страстей, но методичные преступления, подчинённые логике тоталитарной системы. Именно поэтому само наличие общелагерной лексики и возможность её классификации как нельзя лучше отражает одну из основных черт тоталитарного мира – систематичность лагерных преступлений.

Второй лексической группой, составляющей лагерные тексты, становится лексика авторская, т.е. лексические единицы, с помощью которых конкретный автор описывает лагерное существование. Здесь различия (как в наборе концептов, так и в наборе апелляций к ним) могут быть огромны, именно через лексику данного типа будут максимально проявляться характерные черты художественного мира того или иного автора. Например, мы едва ли найдём лексему «сентенция» в каком-либо лагерном тексте, за исключением «Колымских рассказов» Варлама Шаламова, где это слово обозначает один из основных концептов текста, приобретает массивность гиперонима, за которым скрыто огромное облако гипонимов и коннотативных значений. Рассказ под названием «Сентенция» – один из определяющих текстов для всего творчества Шаламова.

В основе рассказа – история возвращения к герою нормальных человеческих чувств, нормальных человеческих мыслей и нормального человеческого языка. Герой «Сентенции» после долгих лет невыносимого существования на приисках попадает на относительно лёгкую работу, на относительно «сытую» лагерную должность и наблюдает за удивительными физическими и духовными процессами, происходящими в нём. Герой отъедается, «обрастает мясом», перестаёт походить на скелет, а вместе с возвращением человеческого облика к герою возвращаются и человеческие чувства: он не позволяет вольнонаёмному топографу убить снегиря, защищающего своё гнездо.

Однако возвращение нормальных человеческих чувств, желания вступить за слабого, безразличия к судьбам иного живого существа не становится апогеем, финальным этапом возвращения человеческого к человеку. По-

следней возвращается речь. Вообще, важнейшей составляющей рассказа является рефлексия героя именно над лексическим наполнением собственной речи:

«Язык мой, приисковый грубый язык, был беден, как бедны были чувства, ещё живущие около костей. Подъём, развод по работам, обед, конец работы, отбой, гражданин начальник, разрешите обратиться, лопата, шурф, слушаюсь, бур, кайло, на улице холодно, дождь, суп холодный, суп горячий, хлеб, пайка, оставь покурить – двумя десятками слов обходился я не первый год» [8: 403].

Внезапно среди скудного набора повседневных лагерных слов и понятий появляется слово из прошлой, давно забытой жизни:

«Сентенция! – орал я прямо в северное небо, в двойную зарю, орал, ещё не понимая значения этого родившегося во мне слова. А если это слово возвратилось, обретено вновь – тем лучше, тем лучше!» [цит. раб.: 404].

Изначально в сознании героя появляется внешняя оболочка, звуковой облик слова, и только потом, значительно позднее – его смысл. Точно так же сам герой рассказа сначала обрёл человеческую внешнюю оболочку (перестал походить на скелет) и спустя долгое время – человеческое «наполнение» (чувства, мысли, стремления).

Лексема «сентенция» у Шаламова обозначает нечто гораздо большее, чем понятие «сентенция», зафиксированное в словарях. Через эту лексему проявляются взаимосвязанные концепты «воскрешения», «возвращения к жизни», «очеловечивания». Рассказ «Сентенция» – это один из самых светлых текстов Шаламова. Концепт «воскрешения» репрезентуется в шаламовских текстах разнообразно. Одним из способов его репрезентации становится лексема «лиственница». Одна из частей «Колымских рассказов» так и называется – «Воскрешение лиственницы». Это насквозь аллегорический текст об удивительной биологической способности лиственницы пускать корни даже после очень долгого нахождения в губительных для неё условиях.

Исследователи много писали об этических проблемах, поднимавшихся в лагерных текстах, о проблемах «расчеловечивания», превращения людей в нелюдей. Однако справедливым выглядит и предположение, что не менее важной проблемой становится проблема не этического, но ментального свойства. Лагерь не только ожесточает сердца, но и отупляет умы. Лагерный человек всё время вращается в круге из нескольких десятков понятий (смерть, голод, боль, страх) и не может вырваться из этого круга. Поэтому и лагерный писатель (т.е. человек, вышедший из лагеря) оказывается замкнут в ограниченной системе концептов. Не тем и не мотивов, а именно концептов как необходимых базовых единиц, выстраивающих его сознание. Концепты, составляющие лагерную литературу, проявляются в различных лексемах, но многочисленность «входов» в каждый из концептов системы не избавляет от узости самой системы.

Существование в рамках весьма ограниченной системы полиапеллируемых концептов – это лишь одна из черт лагерной концептологии. Лагерный мир – это мир перевёрнутых ценностей, мир антиценностей. Поэтому лагерная литература так часто показывает читателю причудливые хитросплетения положительного и отрицательного, позитивного и негативного, радостного и страшного.

Рассмотрим, например, цитату из Тадеуша Боровского: «люди горят, как груды добрых смолистых дров» [1]. Горение груды «добрых смолистых дров», безусловно, репрезентует положительные концепты – тепло, огонь, уют, безопасность. Положительную заряженность «смолистых дров» подчёркивает и определение «добрых». Но что сравнивается с дровами? – Мёртвые люди. С одной стороны, лирический субъект данного текста не может не радоваться тому, что сегодня он жив. С другой стороны, за продолжение его жизни заплачено жизнями других людей.

Ещё один пример: рассказ Боровского «Битва под Грюнвальдом». В средневековой битве под Грюнвальдом объединённые польско-литовские войска разгромили немецкие силы. Упоминание Грюнвальдской победы, актуализирующее в сознании польского читателя славнейшие страницы истории Польши, связано с концептами «победа», «слава», «гордость», «отвага» и т.п. После капитуляции гитлеровской Германии на улицах польских городов можно было увидеть плакат с изображением птиц, сидящих на шлемах и касках немецкого образца и надпись: «Грюнвальд 1410 – Берлин 1945». Читатель, принимающийся за чтение рассказа Боровского, мог с уверенностью ожидать от этого текста патриотического пафоса, воодушевления, пришедшего после победы над многовековым заклятым врагом поляков.

Рассказ «Битва под Грюнвальдом» повествует о лагере для DP (departed persons), т.е. для «перемещённых лиц». В центре повествования – один день в лагере, годовщина Грюнвальдской битвы, 15 июля 1945 года. Текст начинается с того, что недавние узники нацистского лагеря, которых в течение многих лет заставляли ходить строем, теперь, освободившись от немецких угнетателей, тоже ходят строем, уже без всякого принуждения: «Шесть лет в лагере по пятеро топали, теперь два месяца отдохнули и опять топают, слава богу и Родине, по четверо, а вместо капо – во главе идут офицеры» [1].

После победы над врагом ничего не изменилось. Лагерь нацистский сменился лагерем для DP, но за его территорию тоже нельзя выйти, продолжает свирепствовать не только голод, но и коррупция, выгодные лагерные должности покупаются так же, как и при немцах. Американские солдаты, охраняющие лагерь, не считают его обитателей за людей, равных себе. Продолжаются и бессмысленные гибели невинных – американцы по ошибке убивают подругу главного героя: «Мы здесь, в Европе, к этому привыкли, – равнодушно ответил я. – Шесть лет в нас немцы стреляли, теперь выстрелили вы. Какая разница?» [1].

Боровский постоянно, методично обманывает своего читателя, в заголовке обещая ему героическую сагу с цитатами из былых времён и представляя для чтения трагифарс, чёрную комедию, исполненную скептицизма и гадкого лагерного натурализма. В лагере выживание одних строится на смертях других, счастье одних – на несчастье других, сытость одних – на голоде других. Именно поэтому в лагерной литературе зачастую встречаются сочетания концептов отрицательной семантики и положительно заряженных лексических репрезентаций этих концептов.

Таким образом, если бы те концепты, которые были затронуты нами в данной статье, выражались прямо, непосредственно, с помощью лексем наиболее близких к данному концепту, лагерная литература утратила бы огромную часть своей силы. Она превратилась бы в протокол, с большей или меньшей

точностью описывающий происходящие события. Именно специфическая структура, с помощью которой выражаются основные концепты лагерной литературы, структура, нередко соединяющая в себе позитивно заряженное лексическое оформление концепта с отрицательно заряженным смысловым ядром концепта, лучше всего отображает специфику мира лагерей, вырисовывает портрет той эпохи, которую Андре Мальро окрестил «годами презрения».

Список литературы

1. Боровский Т. Прощание с Марией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=198400&p=2> (дата обращения: 08.04.2017).
2. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. издание / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–79.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
4. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и коммуникация». 2004. № 1. С. 29–34.
5. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995. 352 с.
6. Степанов Ю.С. Концепт // Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
7. Харитоновна Е.В. Перевод русской лагерной лексики на английский язык: семантико-стилистические и лингвокультурологические аспекты: на материале американского и британского переводов «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 М: Московский гос. обл. ун-т, 2007.
8. Шаламов В.Т. Сентенция // Шаламов В.Т. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: Книжный клуб Книговек, 2013. С. 399–406.

LEXICAL REPRESENTATIONS OF RUSSIAN AND POLISH CAMP LITERATURE BASIC CONCEPTS

A.Y. Kamenskaya

Tver State University, Tver

The article deals with basic concepts of twentieth century's Russian and Polish camp literature and with lexical representations of these concepts. The article discusses the main features of the camp vocabulary used in the works of camp writers, and some features of individual concept systems and individual sets of lexical means.

Keywords: conceptology, lexical representations of a concept, camp literature, Polish literature, Warlam Shalamow, Tadeush Borowski.

Об авторе:

КАМЕНСКАЯ Анастасия Евгеньевна – ассистент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета, e-mail: kamienska.anastazja1988@gmail.com

УДК 81'373.2

УРБАНОНИМЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ АНТРОПОНИМАМИ

Л.Ю. Кодынева

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Гуманитарный институт, Великий Новгород

Статья посвящена диахроническому описанию и сравнению урбанонимов, мотивированных антропонимами, в топонимической системе Великого Новгорода. Особое внимание уделяется специфике и различиям данной топонимической универсалии. В статье отмечаются сходства мотивировки урбанонимов и особенности их семантики.

Ключевые слова: *оним, урбаноним, антропоним, трансонимизация, топонимическая универсалия.*

Мотивация урбанонимов другими онимами – продуктивная модель образования названий городских объектов в разные исторические периоды. В коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» переход антропонимов в топонимы называется «типичной линией трансонимизации» [9: 47]. Трансонимизация – это перенос имени в иной ономастический класс. Данный процесс происходит непрерывно в истории городов как основной путь пополнения онимического фонда. А.В. Суперанская утверждает, что «широкий подход к фактам языка привёл к типологическим исследованиям, а вслед за ними к выявлению языковых универсалий ...» [8: 347–348]. Она отмечает, что универсалии «базируются на способности человека отбирать и закреплять в собственных именах типовые экстралингвистические явления» [цит. раб: 347]. Для урбанонимов характерны топоформанты относительных прилагательных *-ий (-ая, -ое), -ный (-ная, -ное), -ский, (-ская, -ское)*: *Екатерининская ул., Павловская пл., Суворовская ул.* Данная формула (адъективная модель) образования получила своё развитие в период регулярной планировки территории городов в XVIII–XIX вв. Именно при анализе топоформантов вскрывается одна из характерных черт топонимов – формульность. М.В. Горбаневский в монографии «Русская городская топонимия» отмечает, что «проблема рассмотрения лингвистических фактов в аспекте универсалий типична для науки XX века» [2: 82].

Актуальной проблемой современной ономастики является лингвистическое описание топонимии провинциальных городов в диахроническом аспекте.

Перечень улиц по планам Новгорода Великого XVII–XVIII веков составлен В.Л. Яниным, который считает, что «осуществление регулярного плана привело к линии новых улиц не там, где на протяжении столетий развивались эти древние улицы» [10: 105–106]. Всё же отантропонимные древненовгородские названия являются основой в описании урбанонимов, мотивированных антропонимами.

Несмотря на всеобщее распространение топонимической универсалии, каждая городская территория имеет свою историю возникновения и развития урбанонимов этого мотивационно-семантического типа (МСТ). Так, в топонимии древнего Новгорода преобладают названия внутригородских

объектов, образованных от имён и прозвищ. Группа урбанонимов-поссесивов восходит с семантико-деривационной стороны названия к древненовгородским улицам, а именно – к группе «собственно деантропонимных названий» [1: 337], которая «мотивируется именами и прозвищами первопоселенцев (первовладельцев)» [цит. раб.: 337]. В.Л. Васильев, анализируя названия улиц средневекового Новгорода, утверждает, что «это наиболее представительная и, очевидно, древнейшая группа названий, позволяющая квалифицировать урбанонимию средневекового Новгорода как преимущественно деантропонимную» [цит. раб.: 337].

Данное положение подтверждается планами Новгорода X–XIV вв. (по Б.А. Колчину и В.Л. Янину), где значительная часть урбанонимов (21 название из 48) относится в мотивационно-семантическому типу (МСТ) деантропонимных урбанонимов: *Бардова ул.* – от личн. *Бардъ*; *Боркова ул.* – от личн. *Борько*, патронимическое имя *Борков*; *Буяна ул.* – от личн. *Боянь* – прасл. мирского имени; *Витков пер.* обусловлен личн. *Витъко* общеславянского распространения; *Волосова ул.* от личн. *Волосъ*; *Добрыня (вар. Добрынина) ул.* – йотовый поссесив от личн. *Добрыня / Добрына*; *Дослая ул.* – от композитного личн. *Даньславъ*; *Коржева ул.* – от прозвища *Корж* (производное от *корж*); *Легоца (Людогоца) ул.* – от др.-слав. личн. *Людъгость / Людогость*; *Розважа ул.* – йотово-притяжательная форма от др.-слав. личного имени *Розвадъ* префиксально-корневого типа; *Ростокина ул.* – от личн. *Ростъка / Ростъка*; *Рядятина ул.* – от личн. *Рядята*, др.-новг. личн. *Рядко*; *Маницына ул.* обусловлено антропонимом *Маница*, который принадлежит к кругу многочисленной общеславянской антропонимии от **maniti* 'обманывать'; *Молотковская ул.* возводит к личн. *Молотъко*; *Славкова ул.* – от личн. *Славъко*; *Хревкова ул.* происходит от антропонима **Хревко* или **Фревъко*; *Чеглова ул.* название идёт от личного *Чьгль*, антропоним соотносится с др.-рус. *чеглыи, чеклыи* 'исконный, подлинный', деапеллятивное имя, скорее прозвище родственно с *чеглок* 'маленький сокол' как и со *щегол, щеголь*; *Чудинцева ул.* – от личн. *Чудин*, потому что суф. -ев-характерен для антропонимии; *Щеркова ул.* – от окказионального деапеллятивного прозвища *Щерько* или *Щиръко*; *Янева ул.* – от личн. *Янь*; *Ярышева ул.* – от личн. *Ярышь*. Краткое изложение происхождения древненовгородских урбанонимов от имён и прозвищ представляет историю возникновения данной топонимической универсалии и её рассмотрение как историко-культурного феномена.

В древненовгородской топонимии имя обладало достаточной информацией как основа образования фамилии. Дальнейшее развитие урбанонимов от имён не наблюдается, потому что им на смену приходят фамилии как топоосновы или же сочетание имени и фамилии, реже встречающиеся в городских названиях.

Для дореволюционной топонимии Боровичей не характерны названия, определяющие принадлежность городского объекта какому-либо семейству. Но всё же до сих пор сохранилось местечко *Кованько*, которое относится к урбанонимам со значением принадлежности. Название образовано по фамилии учёного-химика, горного инженера из Санкт-Петербурга А.И. Кованько (1808–

1865), который в 1860-е годы построил на берегу Мсты завод по выработке серного колчедана: урбаноним *Кованько* <= фамилия *Кованько*.

Анализируя экспликацию плана Новгорода 1746 года, составленную В.Л. Яниным [цит. раб.: 101], 17 названий из 62 относим к отантропонимным образованиям:

Бардовка ул., Коржева ул., Молоткова ул., Маницына ул., Славкова ул. Торговой стороны. *Боркова ул., Досланы ул., Козорогова ул., Легоща ул., Романова ул., Ростинская ул. / пер., Рядитина ул., Савинская ул., Сонкин пер., Чедерская ул., Чединцева ул.*

Урбанонимы образованы как притяжательные или относительные прилагательные. Большинство из них повторяют древненовгородскую топонимию.

Анализируя экспликацию плана Новгорода 1819 года, представленную в книге В.Л. Янина «Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков», [цит. раб.: 105–106], отмечаем, что урбанонимов, образованных от антропонимов, становится меньше: 13 названий из 87. Появляется *Александровская ул.* как посвящение династическому имени и двойное название *Никольско Розважская ул.* Большинство же названий Софийской стороны сохраняются из древненовгородской топонимии: *Легоща ул., Редитинская ул., Чудинцовская ул.* Последние два названия соединяют притяжательные топоформанты *-ов; -ин* и топоформант относительных прилагательных *-ск*. На Торговой стороне в данный исторический период отмечено 8 отантропонимных названий: вновь созданная *Новая Николаевская ул.* как династическое посвящение, *Соколовская ул.* => фамилия *Соколов* и двойное название *Завальная Соколовская ул.*, а также древненовгородские урбанонимы *Буян ул., Коржовая наб. / ул., Молотковская ул., Славкова ул.* Таким образом, в период регулярной планировки городов появляются урбанонимы-посвящения и двойные названия со значением времени создания и причастности к религиозному сооружению.

До переименований 1919 года в списке улиц Новгорода редки древние урбанонимы-посесивы: *Легощая ул., Редитинская ул., Челецкий пер., Чудинская ул.*, отмечены урбанонимы-посвящения династическим именам: *Александровская ул., Николаевская ул.* [цит. раб.: 107–108]. Урбанонимы-посвящения станут преобладающими в топонимии XX века. В целом список прежних названий Новгорода, существовавших до 1919 г., содержит 27 отантропонимных урбанонимов. После переименования 15 из них сохраняют отантропонимную модель образования, что, напротив, свидетельствует о преобладании в послереволюционном ономастическом пространстве урбанонимов, мотивированных фамилиями выдающихся революционных деятелей:

Николаевская ул. – Либкнехта ул., Большая Дворцовая ул. – Урицкого ул., Б. Власиевская ул. – Чернышевского ул., М. Власиевская ул. – Бебеля ул., Александровская ул. – Свердлова ул., Чудинская ул. – Толстого ул., Прусская ул. – Желябова ул., Нутная ул. – Розы Люксембург ул., ул. Газон – Максима Горького ул., Розважская ул. – Володарского ул., Предтеченская ул. – Луначарского ул., Псковская слобода – слобода Шмидта, Мало-Михайловская ул. – Лассаля ул., Коржовая ул. – Нахимсона ул., Набережная ул. – Маркса ул.

Список улиц города Новгорода и его окраин 1923 г. [4] представляет ещё два переименования и появление новых урбанонимов, мотивированных антропонимами: *Александровская ул. – Свердлова ул., Петроградская ул. – Шмидта ул.* Софийской стороны. Здесь же сохраняется урбаноним-посвящение *Николаевская ул.* На Торговой стороне остаётся древний топоним *Буяновская ул.* и урбаноним-посвящение *Лерховская набережная / бульвар*, данный в честь губернатора *Лерхе Эдуарда Васильевича* (1827–1889), почётного гражданина Новгорода.

Важным этапом в становлении городской топонимической системы было послевоенное восстановление Новгорода. Например, в 1945 г. [5] вновь образовавшимся улицам, переулкам и проездам давали новые наименования, но из 21 урбанонима только один мотивирован антропонимом: *Пушкинская ул.* (1945), на Торговой стороне. В 1946 г. [6 : 4] происходит снижение количества урбанонимов, образованных от антропонимов, потому что из 11 названий данного типа сохранилось только 5: *Луначарского ул. – Герцена ул., Карла Либкнехта ул. – Суворовская ул., Лассаля ул. – Кировская ул., Урицкого ул. – Александра Невского ул., Николаевская ул.* Два отантропонимных урбанонима появились на месте объединения прежних двух названий другого типа: *Забавская ул., Пищевиков ул. – Некрасова ул., Народовольцев ул., Коммунальная ул. – Лермонтова ул.* В 1958 г. [7: 4] из 9 прежних названий лишь одно образовано от имени собственного: проезд *Радищева*, из 9 новых названий тоже только один урбаноним соответствует отантропонимной модели образования: *Мичуринская ул.* (1958) [3: 159]. В списке улиц Торговой стороны урбанонимы, мотивированные антропонимами, не зафиксированы. Можно сделать вывод, что в течение XX в. система урбанонимов Новгорода формировалась по пути снижения количества типа урбанонимов, мотивированных антропонимами.

В Великом Новгороде на карте 2009 г. из 308 урбанонимов 46 названий соответствуют модели трансонимизации антропонима, что также наглядно свидетельствует о сокращении их численности по сравнению с древненовгородской урбанонимией.

В 1960-е годы в связи с новым строительством западного микрорайона появилось 11 урбанонимов, мотивированных антропонимами:

Германа ул. (1965), *Зои Кругловой ул.* (1964), *Карла Маркса проспект* (1964), *Красилова ул.* (1964), *Ломоносова ул.* (1966), *Менделеева ул.* (1964), *Павла Левитта ул.* (1967), *Панкратова ул.* (1965), *Попова ул.* (1966), *Радищева ул.* (1960), *Черняховского ул.* (1965).

В 1970-е годы количество урбанонимов, образованных от антропонимов, возрастает, потому что появляется 12 названий данного типа в разных районах города:

Александра Невского набережная (1970), *Вересова ул.* (1976), *Ворошилова ул.* (1976), *Державина ул.* (1970), *Зелинского ул.* (1971), *Коровникова ул.* (1979), *Королёва ул.* (1976), *Кочетова ул.* (1974), *Лёни Голикова бульвар* (1970), *Рахманинова ул.* (1970), *Саши Устинова ул.* (1970), *Щусева ул.* (1973).

Посвящения совершены и в честь политических деятелей древности, и в честь учёных, и в честь ГСС, и в честь писателей, деятелей культуры, чья жизнь связана с Новгородом. В этом заключается отличительная черта трансонимизации антропонимов данного десятилетия.

В 1980-е годы зафиксировано только два отантропонимных урбанонима: *Белова* ул. (1988), названа в честь А.Р. Белова, участника освобождения Новгорода от немецко-фашистских захватчиков. *Якова Павлова* ул. (1982), название дано в честь 40-летия подвига ГСС, старшего лейтенанта Якова Федотовича Павлова (1917–1981). Посвящения этого десятилетия совершались в честь граждан, совершивших военные подвиги.

В 1990-е годы появляется 6 урбанонимов данного МСТ, которые именуют вновь образованные улицы в посёлках индивидуального строительства Плетниха и Деревяницы: *Достоевского* ул. (1995), *Есенина* ул. (1994), *Игоря Талькова* ул. (1994) – в честь рок-певца, поэта и композитора И.В. Талькова (1956–1991), *Лантева* ул. (1995), названная в честь новгородского милиционера А.В. Лаптева, погибшего при исполнении служебных обязанностей, *Пушкина* ул. (1994), *Чапалева* ул. (1994). Следует отметить, что среди 21 нового названия улиц 5 именованы в честь всемирно известных деятелей литературы и искусства и только одно название дано в честь земляка. В это десятилетие отантропонимные названия также не являются преобладающими, топонимическая система Великого Новгорода пополняется 7 возвращёнными названиями: *Даньславля* ул. (1999), *Добрыня* ул. (1991), *Людогоща* ул. (1999), *Бояна* ул. (1991), *Розважа* ул. (1991), *Чудинцева* ул. (1991), *Славков* пер. (1991) [3: 164–166].

Трансонимизация имени и фамилии при образовании урбанонимов занимает в настоящее время незначительное место в топонимии Великого Новгорода и представлена названием: *Александра Корсунова* проспект, расположенный как дорога Новгород – Григорово, который с конца XIX в. назывался *Григоровское* шоссе. Решением Думы Великого Новгорода от 21.09.2002, в память первого мэра города, переименован в *Александра Корсунова* проспект. В настоящее время, в начале XXI в., это первый урбаноним-посвящение политическому деятелю современности.

Собранный топонимический материал представляет отантропонимную топонимическую универсалию с древненовгородских топонимов-принадлежностей до имён-посвящений XX в. в топонимической системе Великого Новгорода, которая является образцом для анализа урбанонимии провинциальных городов Новгородской области.

Список литературы

1. Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли. Древнеславянские деантропонимные образования. НовГУ, 2005. 468 с.
2. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: Общество люб. рос. словесности, 1996. 304 с.
3. Запольская О.В. Моисеев С.В. Улицы Великого Новгорода: справочник. Великий Новгород, 2010. 192 с.

4. Протокол заседаний президиума Новгородского горсовета от 20. 10. 1923 г. // ГАНО Ф. Р – 248. Оп. 1.Ед. хр. 34.75л.
5. Протокол № 75 заседания Исполкома Новгородсовета от 27.11. 1945 г. // ГАНО. Ф. Р – 248. Оп. 2. Ед.хр.43. 327 – 328 л.
6. Решение Исполкома Новгородсовета № 3 от 1. 04. 1946 г. // Новгородская правда. 9. 04. 1946 г. С. 4.
7. Решение Исполкома Новгородсовета № 4 от 4. 02. 1958 г. // Новгородская правда. 4. 02. 1958 г. С. 4.
8. Суперанская А.В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 346–356.
9. Суперанская А.В., Сталтманэ В.Э, Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований /Отв. ред. А.П. Непокупный. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
10. Янин В.Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М.: Наука, 1999. 158 с.

URBANONYMS MOTIVATED BY ANTHROPONYMS

L.Y. Kodyneva

Novgorod State University, Humanities Institute, Veliky Novgorod

The article is devoted to the diachronic description and comparison of urbanonyms, motivated by anthroponyms, in the toponymic system of Veliky Novgorod. Particular attention is paid to the specifics and differences of these toponymic universals. In the article, similarities of motivation of urbanonyms and peculiarities of their semantics are described.

Key words: *onim, urbanonym, anthroponym, transonymization, toponymic universal.*

Об авторе:

КОДЫНЕВА Людмила Юрьевна – аспирант кафедры русского языка Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Гуманитарного института ГИ НовГУ, e-mail: Kodynewa.Liudmila@yandex

УДК 811.112.22+81'367.7

СУБСТАНТИВАЦИЯ ИНФИНИТИВНОЙ ГРУППЫ

Ю.В. Ланских

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматривается субстантивация инфинитивной группы в немецком языке. Структура составных субстантивированных инфинитивов исследуется, кроме прочего, в свете правил дефисного и слитного написания композитов.

Ключевые слова: субстантивация, субстантивированный инфинитив, инфинитивная группа, словосложение, дефисное написание.

Настоящая публикация продолжает серию работ, посвящённых исследованию субстантивированного инфинитива в немецком языке. В фокусе рассмотрения данной статьи находится субстантивации инфинитивной группы, под которой обобщённо понимается инфинитив с зависимыми словами. В качестве составляющих производного композита наряду с инфинитивом могут выступать унаследованные от базового глагола объекты (*das Atemholen*), субъекты (*das Hundebellen*) и обстоятельства (*das Näherkommen*), в свою очередь также распространённые предлогами, частицами, артиклями и определениями (*das Auf-die-lange-Bank-Schieben*).

Субстантивированный инфинитив (далее – СИ) представляет собой гибридное явление, абстракцию вербального значения в «теле» имени. Если, согласно В. Порцигу, отглагольное существительное является «опредмечиванием содержания целого предложения» (нем. *Vergegenständlichung eines Satzinhalts* [6: 72]), то субстантивацию инфинитивной группы можно описать как «опредмечивание» предложения распространённого. Таким образом, субстантивированная инфинитивная группа, с одной стороны, сохраняет типичные сопроводители глагола, а с другой, приобретает новые – именные, функционируя в предложении как обычное существительное.

Самым старым и самым распространённым случаем композитной субстантивации является образование сложного слова из инфинитива переходного глагола и прямого дополнения. Первые случаи словосложения с СИ, по всей видимости, восходят к средневерхненемецкому периоду, древневерхненемецкие примеры нам не известны:

(1) Vor bitter **herzekrachen**: Nu wart manec **vröudemachen** (H. v. Türlin, *Diu Crone*, 22056). От стука сердца горького: сделалось много радости (перевод наш – Ю.Л.).

Способность образовывать композиты О. Бехагель упоминает в ряду признаков субстантивации инфинитива [1: 356]. Вплоть до нововержненемецкого периода композитные инфинитивы представлены в языке спонтанными авторскими образованиями. В нововержненемецкий период наблюдается явное количественное увеличение составных СИ, а с двадцатого века – значительное расширение и самой субстантивированной инфинитивной группы:

(2) Ihr Flehen half dann nichts, dieses **Auf-den-Knien-Herumrutschen** und Händeringen (U. Widmer, *Der Geliebte meiner Mutter*).

СИ является ядром инфинитивной группы и в структурном плане её замыкающим. Первый и последний компоненты субстантивации всегда пишутся с большой буквы, образуя своего рода рамку, остальные части сохраняют своё независимое написание, т.е. все слова, не являющиеся существительными, субстантивированным инфинитивом и первым словом составной субстантивации, пишутся с маленькой буквы:

(3) Dir tut die Schulter vom **Arme-in-die-Luft-Strecken** weh? (M. Barth, Der Genitiv ist ...). (4) <...> aus denen sie erst erlöst werden müßte, in der Stunde ihres **Aus-der-Welt-Gehens** (B. Frischmuth, Die Klosterschule).

При субстантивации инфинитивной группы, ядром которой является рефлексивный глагол, частица *sich* открывает субстантивированную инфинитивную группу, остальные составляющие замкнуты между рефлексивом и СИ:

(5) Sie sehen es, ist nicht falsch, wenn man vom **Sich-in-eine-Beziehung-Stürzen** spricht (J.O. Haas, 101 Gründe ohne Frau zu leben). (6) <...> sie gab ihnen Unterricht im **Sich-anständig-Benehmen** (U. Widmer, Der Geliebte meiner Mutter).

Нераспространенные субстантивации рефлексивных глаголов пишутся слитно (см.: [2], правило 27):

(7) Unser Leben war voller solcher Augenblicke; ein Wiederfinden, ein **Sichumarmen** (F. de Cesco, Feuerfrau). (8) <...> **das Sichverständigen** über die Echtheit und Verlässlichkeit des Glücks gehört zum Wesen des verständigen Mannes (W. Biernel, Die Welt des Menschen).

Практически безграничная продуктивность номинализации инфинитива в современном немецком языке позволяет субстантивировать также и составные инфинитивы. К их числу относятся следующие.

- **Пассивный инфинитив:** (9) Es war ein Verlöschen und gleichzeitig ein **Geborenwerden** (F. de Cesco, Wüstenmond). (10) Das Leben besteht aus Verlassen und **Verlassenwerden** (Y. W. Taschler, Die Deutschlehrerin).
- **Пассивное причастие с sein:** (11) Hungrige Männer werden des **Belagertseins** überflüßig (Schef, zitiert nach [5: 595]). (12) Mir gefällt das **Eingesperrtsein** natürlich auch nicht (K. Bruckner, Sadako will leben).
- **Инфинитив с модальным глаголом:** (13) <...> die in einer vorteilhaften Weise persönliche Unentbehrlichkeit mit *bescheidenem* **Zurücktretenkönnen** vereinen müssen (R. Musil, Der Mann ohne Eigenschaften).
- **Прилагательное с глаголом-связкой:** (14) Zum **Tapfersein** bin ich noch klein (Ch. Nöstlinger, Fernsehgeschichten).

В строгом понимании подобные конструкции не представляют собой инфинитивной группы, поэтому сами могут выступать в качестве ядра композита, присоединяя другие зависимые слова:

(15) Es ist ein ständiges <...> zwischen allen Möglichkeiten eines menschlichen Charakters **Hinundhergezogenwerden** (T. Bernhard, Gehen).

(16) <...> da wollte ich es wissen, jetzt nicht mehr, dieses **Zwischen-den-Zeilen-heraus-hängen-Lassen** ... (J.W. Taschler, Die Deutschlehrerin).

Грамматики не дают точного количества составляющих, когда именно рекомендуется написание через дефис. Так, Дуден ограничивается определениями «большее число компонентов» и «трудно обозреваемые» сочетания (нем. *unübersichtlich*) [2; 3: 76–77]. Композиты, состоящие из четырёх слов и более, однозначно пишутся через дефис, написание трёхкомпонентных СИ варьируется. Г. Вайнрих рекомендует слитное написание для СИ, образованных путём сложения инфинитива и рамочного элемента (нем. *das Nachverb*), представленного предложной группой. Речь идёт о сочетаниях типа: *nach Hause gehen, im Bett bleiben* и т.д. [7: 984]. Следует добавить, что предложная группа не должна содержать артикль, так как любое вовлечение артикля в композит влечёт за собой обязательное дефисное написание. Приведём факты слитного написания трёхкомпонентных композитов из художественной литературы (стоит обратить внимание, что в примере (17) субстантивированная инфинитивная группа сама является дополнением в глагольной инфинитивной группе):

(17) Sie trank den Champagner ganz langsam, um das **Nachhausegehen** hinauszuzögern (Y. Kolb, *Das Leben der Schildkröten*).

(18) Was für eine Überraschung beim **Zubettgehen** Ihre Nachricht zu finden (J. Dicker, *Die Wahrheit über den Fall Harry Quebert*).

(19) Und jetzt soll das **Zuhausebleiben** unmöglich sein? (P. Rosegger, *Das Geschichtsbuch des Wanderers*).

Итак, современный немецкий язык обладает возможностями субстантивировать инфинитивы с зависимыми словами, в результате чего абстракция содержания некоего высказывания становится темой дискурса. О свойстве существительного концентрировать содержание пишет С. Гейнманн:

«Das Nomen ist viel prägnanter als der Satz. Es hat in höherem Maße als ein Verbum eine eigene Kraft des Bedeutens. Es umgreift ein Stück unserer geistigen Welt und hebt dasselbe deutlicher ins Bewusstsein, als der Satz in seiner Wandelbarkeit es zu tun vermag» (Имя – намного содержательнее предложения. Оно в большей степени, чем глагол, обладает собственной силой выражения. Оно охватывает какой-то момент нашего духовного мира и нагляднее, чем на это способно предложение в своей изменчивой природе, выделяет данный момент в нашем сознании) (цит. по: [4: 26]. Перевод мой. – Ю.Л.).

С технической точки зрения при субстантивации инфинитивных групп берётся любая инфинитивная группа, награждается грамматическим маркером существительного – определённым (см. примеры 8, 11, 12, 17, 19) или неопределённым (7, 9, 15) артиклем; стянутой формой предлога и артикля (3, 5, 6, 14, 18); указательным (4, 16) или притяжательным (4) местоимением; согласованным определением (13) – и помещается в предложение. Далее в предложении подобные составные композиты выполняют типичные синтаксические роли существительного: подлежащего (1, 2, 7, 8, 12), предикатива: (9, 15), прямого (13, 16, 17, 19) и косвенного (1, 3, 5, 6, 10, 11) дополнения, обстоятельства (14, 18) и несогласованного определения (4). Для написания составных СИ действуют обычные правила дефисного написания сложных слов, слитно обычно пишутся композиты до трёх слов включительно, не содержащие артиклей и не вызывающие трудностей выделения

составляющих. Немецкий язык, в принципе, позволяет создавать сколь угодно длинные субстантивированные цепочки. В нашем эмпирическом корпусе максимальное количество компонентов – пять (см. пример 3; пример 16 в авторском написании содержит 6 компонентов, но согласно правилам должен был бы писаться с тремя дефисами: dieses Zwischen-den-Zeilen-Heraushängenlassen), в грамматике В. Вайнриха приводится композит из 7 составляющих die Gefahren des Von-der-Hand-in-den-Mund-Lebens [7: 984].

Список литературы

1. Behaghel O. Deutsche Syntax: eine geschichtliche Darstellung. Bd.2. Wortklassen und Wortformen. Adverbium. Verbum. Heidelberg: Winter, 1924. 740 S.
2. Duden. Sprachwissen [Electronic resource]. URL: <http://www.duden.de/sprachwissen/rechtschreibregeln/bindestrich> (acced at 25.03.2017).
3. Duden. Sprachtipps. 3. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2004. 368 S.
4. Kloocke H. Der Gebrauch des substantivierten Infinitivs im Mittelhochdeutschen. Dissertation. Göppingen: Kümmerle, 1974. 113 S.
5. Paul H. Deutsche Grammatik in 5 Bd. Bd. 3, Teil IV: Syntax (erste Hälfte). Halle (Saale): Niemeyer Verlag, 1954. 456 S.
6. Porzig W. Die Leistungen der Abstrakta in der Sprache // Blätter für deutsche Philosophie, Bd. 4. Berlin, 1930/1. S. 66-77.
7. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim, Leipzig, Zürich, Wien: Dudenverlag, 1993. 1111 S.

THE NOMINALISATION OF THE INFINITIVE GROUP

J.V. Lanskich

Tver State University, Tver

The paper explores the nominalization of the infinitive groups in German. The composed nominal infinitives are also investigated in the context of the hyphenated and non-hyphenated compounds.

Keywords: *nominalization, nominal infinitive, infinitive group, compounding, hyphenated spelling.*

Об авторе:

ЛАНСКИХ Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: lanskix81@mail.ru

УДК 81'42

СОБСТВЕННО-ЯДЕРНЫЕ КУЛИНАРОНИМЫ И ИМЕНОВАНИЯ БЛЮД В ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ФОНДЕ

А.И. Леонова, Э.Д. Абдол

Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова,
Атырау, Республика Казахстан

В статье предлагается анализ собственно-ядерных кулинарных наименований в текстах национального литературно-поэтического фонда на материале русского и английского языков. Рассматриваются вопросы принадлежности кулинарных блюд к национальной культуре. Предлагается описание собственно-ядерных кулинаронимов и – через них – блюд. При их выделении учитывались следующие признаки: 1) степень литературной интегрированности кулинаронима; 2) провербиальный признак кулинаронима; 3) присутствие / отсутствие ограничений (социальных, региональных) в использовании соответствующего блюда.

Ключевые слова: *кулинаронимы, ядерные кулинаронимы, литературная интегрированность, провербиальный признак, собственно-ядерные кулинаронимы, национальные блюда, ценности.*

Центральное место в национальном литературно-поэтическом фонде (русском и английском) занимают ядерные кулинаронимы, которые обозначают только национальные блюда, повторяются в произведениях многих авторов, не имеют каких-либо социальных, региональных или обрядовых ограничений. Внутри ядерных кулинаронимов нами выделяются ядерно-промежуточные (маргинальные) (индекс 7) и собственно-ядерные кулинаронимы (индекс 8). В данной статье мы подробно рассмотрим собственно-ядерные кулинаронимы, относящиеся к подклассу 2 ядерных кулинаронимов. В художественных текстах, которые являются истинными хранителями материальной и духовной культуры, зафиксированы наименования кулинарных блюд, т.е. кулинаронимов, встречающихся в творчестве русских и английских писателей.

При выделении собственно-ядерных кулинаронимов учитывались следующие признаки: 1) степень литературной интегрированности кулинаронима, 2) провербиальный признак кулинаронима, 3) наличие / отсутствие ограничений (социальных, региональных) в использовании соответствующего блюда. Одним из критериев их выделения послужили пометы словарей. В наших предыдущих исследованиях был представлен подробный анализ словарных определений русских и английских национальных блюд. А теперь подробно остановимся на кулинаронимах данного подкласса.

К русским собственно-ядерным кулинаронимам и соответствующим им национальным блюдам относятся: *щи, каша, пирог*. Английскими собственно-ядерными кулинаронимами являются: *pudding, cake*.

Рассмотрим подкласс 2 более подробно. Индексированность, введенная нами для каждого подкласса кулинаронимов, позволит в дальнейшем вывести общую лингвокультурологическую ценность кулинаронимов.

К подклассу 2 собственно-ядерных кулинаронимов (индекс 8) относятся *щи*. Блюдо с этим наименованием часто применяется в русском быту, не имеет ограничений в употреблении, а кулинароним *щи* встречается в произведениях многих русских классиков, начиная от Г.Р. Державина: «Запасшись крестьянин хлебом, / Ест добры *щи* и пиво пьет» (Г.Р. Державин, «Осень во время осады Очакова»).

На протяжении русской истории *щи* получали самые разные названия от *пустых*, до *ленивых*: «Насилу *щей* *пустых* дадут, / А уж не думай о горелке» (А.С. Пушкин, «Гусар»). *Ленивые щи* со свежей капустой варили летом. Это название зафиксировано нами у М.Е. Салтыкова-Щедрина:

«Обед прошел мрачно. Петенька брезгливо расплескивал ложкой превосходные *ленивые щи* (старый генерал хотел похвастаться, что у него, несмотря на “катастрофу”, в начале июля все-таки есть новая капуста) и с каким-то неизреченным презрением швырялся вилкой в соусе из телячьей головки...» (М.Е. Салтыков-Щедрин, «Отец и сын»).

Классификацию наименований *щей* (по цвету, ингредиентам, способу приготовления, назначению и т.д.) можно отметить у М.Е. Салтыкова-Щедрина: *белые и серые* в «Пошехонской старине»; *мясные: с говяжьей грудинкой, с требушиной* в «Современной идиллии», *с убоиной* в «Соседях», *с приварком* в «Истории одного города», *с солониной* в «Убежище Монрепо»; *из крапивы* в «Семейном счастье», *из свежей капусты* в «Господах Головлевых»; *людские, людские серые* в «Пошехонской старине»; *ленивые* в произведении «Отец и сын». Блюдо *щи* не имеет региональных ограничений. Его едят как в русской глубинке, так и в центре России. «Грибные *щи*» готовили в Москве. Кулинароним отмечен у И.С. Шмелева: «От закусочных пахнет грибными *щами*, поджаренной картошкой с луком; в каменных противнях кисель гороховый, можно ломтями резать...» (И.С. Шмелев, «Лето Господне»).

Однако на севере Олонецкой губернии по пятницам существовало ограничение на *щи* с мясом. Пятнадцатилетний петербургский кадет, бежавший из корпуса в северные леса, был пойман на севере Олонецкой губернии. Поймали его на «мясных *щах*», которые он спросил у хозяина постоялого двора в пятницу, а на севере Олонецкой губернии по пятницам *щей* не ели. Это наименование зафиксировано у Н.А. Тэффи:

«А вышло так: проходил мальчик через деревню и зашел на постоялый двор. Ночь провел в лесу, было холодно, шёл дождь, он продрог и захотел поесть горячего. Спросил *щей*. – Каких тебе *щей*? Отвечает: – Мясных. Хозяин удивился: – Каких таких мясных? Седни пятница. Что за человек в пятницу скоромятину жрёт? Послать за урядником» (Н.А. Тэффи, «Воля»).

Блюдо *щи* не имеет сословных ограничений. Оно является едой не только простых людей. Ему отдавали предпочтение и в обеспеченных семьях. На свадебных обедах в богатых домах подавали большое количество изысканных кушаний, в том числе и *щи с говяжьей грудинкой*:

«... провесную белорыбицу и превосходнейшую белужью салфеточную икру; за обедом удивительнейшие *щи с говяжьей грудинкой*, потом осетрину паровую, потом *жареных рябчиков*, привезенных прямо из Сибири, и наконец – компот из французских фруктов» (М.Е. Салтыков-Щедрин, «Современная идиллия»).

Даже в меню русских ресторанов за границей входили *щи*: «...Из русских кушаний тут можно получить: *tschy russe*, *koulibak* и *bitok au smítane*...» (М.Е. Салтыков–Щедрин, «За рубежом»).

Кулинароним *щи* упоминается как основное первое блюдо, которое готовили по праздникам. Густой запах *щей* возвещал о наступлении Рождества: «Пахнет мясными пирогами, *жирными щами* со свининой, гусём и поросёнком с кашей... – после поста так сладко» (И.С. Шмелев, «Лето Господне»).

Сам факт пословичного употребления (тем более неоднократного) того или иного кулинаронима является показателем его значимости в национально-культурном фонде. *Щи* являются привычной повседневной русской едой, что отражено в 27 пословицах. О важности *щей* и каши для русского человека говорят пословицы: *Щи – всему голова. Щи да каша – пища наша*. О пользе приготовления густых, наваристых щей упоминается в пословице: *Без капусты щи не густы*. О человеке, который сам волен распоряжаться своими делами, сам себе хозяин, в старину говорили: *Щей горшок, да сам большой*. Пословица: *Где щи, тут и нас ищи* показывает, что *щи* сплачивали и собирали людей вокруг себя. В назидание человеку, которого что-то не устраивает, бытует пословица: *Для одних щи жидки, а для других жемчуг мелок*.

В русской классике встречаются поговорки с кулинаронимом *щи*:

«... А уж ты, Матрена Савишна, как ни крахмалься, а все-таки не барыня... тех же *щей*, да пожиже влей» (А.Н. Островский, «Семейная картина»).

«... А что, конечно, сестрица, с нашей сестрой без острастки нельзя. Недаром говорится: жену бей, так *щи* вкусней» (А.Н. Островский, «Грех да беда на кого не живет»).

Таким образом, наименование *щи* относится к собственно-ядерным кулинаронимам, так как соответствующее блюдо является национальной русской едой на протяжении долгой истории, не имеет региональных, сословных ограничений. *Щи* готовят как в будние, так и в праздничные дни. Кулинароним *щи* широко распространён в художественной литературе. У него высокий индекс (27) употребления в провербиальных паремиологизмах. Поговорки с кулинаронимом *щи* вошли в русскую классику.

Ядерным кулинаронимом является наименование *каша*. *Каша* так же, как и *щи*, является русским национальным блюдом, которое известно на Руси с глубокой древности. На протяжении длительного периода *каша*, наряду со *щами*, оставалась одним из основных и питательных блюд для русского человека. Недаром во многих пословицах, в художественных произведениях наименования *щи* и *каша* стоят рядом. *Каша* широко распространена в быту, не имеет ограничений в употреблении, а соответствующий кулинароним часто встречается в русской классике.

Уже в старину была известна *гречневая каша*. Это наименование отмечено у А.С. Пушкина: «Всем домом правила одна Параша, / Поручено ей было счёты весть, / При ней варилась *гречневая каша* ...» (А.С. Пушкин, «Домик в Коломне»).

Каша считается одним из самых полезных и питательных блюд для детей: «На крылечке под февральским солнышком сидела дрябло-жирная Пелагея Федоровна и кормила *манною кашею* любимого внука» (В.В. Вересаев, «К жизни»). Недаром кулинароним *каша* фигурирует во многих русских народ-

ных сказках, которые открывают перед детьми мир иных чудес. Известна притча о молоке и *овсяной каше*, которые спорили, кто из них главнее. В ней зафиксирован кулинароним *каша*: «*Кашку* прикрывали сверху глиняной крышкой, и она ворчала в своей кастрюле, как старушка» (Д.Н. Мамин-Сибиряк, «Притча о молочке, овсяной кашке и сером котикше Мурке»). Все это сложено неспроста. Всем знакомо, что маленькие дети плохо едят. А через сказку, в иносказательной форме, детям прививают любовь к *каше*, показывают, что *каша* является важным для них блюдом.

Блюдо *каша* не имеет сословных ограничений. Его готовили в богатых семьях. В старину считалось, что если человек хорошо работает, то он и *кашу* будет есть с маслом: «По какой это причине я ем *кашу* с маслом, а другие адвокаты без масла? А потому, что в моей голове талант есть, дар» (А.П. Чехов, «Староста»).

В ресторанное меню обязательно входила *каша*. Любитель вкусно поесть и знавший толк в еде миллионер И.В. Чижев включал в свое меню в качестве третьего блюда *гурьевскую кашу*: «Затем на третье блюдо неизменно сковорода *гурьевской каши*» (В.А. Гиляровский, «Москва и москвичи»). Поросёнка с *кашей* подавали на Рождество не только для господ, но и для дворовых: «Едят горячую солонину с огурцами, ... лапшу с гусиными потрохами и рассольник, жареного гуся с мочеными яблоками, поросёнка с кашей ...» (И.С. Шмелев, «Лето Господне»). Даже каторжным на Рождество готовили поросёнка с *кашей*: «Слепо преданный обряду, он даже и на *праздничного поросёнка* своего, которого начинил *кашей* и изжарил (собственноручно, потому что умел и жарить), смотрел с каким-то предварительным уважением...» (Ф.М. Достоевский, «Записки из мертвого дома»).

Афоризм про «*кашу с сальцем*» вошел в поэзию К. Прутков: «Ешь себе *кашу* с сальцем, / А команду считай по пальцам» (К. Прутков, «Военные афоризмы»).

Кулинароним *каша* представлен в 16 пословицах и поговорках. В пословице *Кашу (каши) маслом не испортишь* говорится с одобрением или в оправдание, когда что-то хорошее, полезное сказано или сделано сверх необходимого. О нескромном человеке, который хвалит сам себя, говоря о своих достоинствах, бытует пословица, воспроизводимая с насмешливым осуждением: *Гречневая каша сама себя хвалит*. Пословицу *Один и у каши загинет* вспоминают, когда человеку плохо одному, поскольку в одиночестве никакое дело не ладится. В пословице *Сам кашу заварил, сам и расхлебывай* говорится о хлопотном, неприятном деле, о несостоятельности взявшегося за него человека, которому отказываются помочь. Когда едят или подают щи и кашу или одно из этих блюд, то в шутку говорят:

Щи да каша – мать (жизнь) наша / Щи да каша – пища наша. С кашей связаны и некоторые старые русские приметы: Каша из горшка вылезет из печи – к худу; в печь – к добру. Кашища в печи румянится, летом – к дождю, зимой – к снегу.

Таким образом, кулинароним *каша* является собственно-ядерным кулинаронимом. Блюдо прошло через всю историю развития русского народа, не имеет региональных и сословных ограничений, а его наименование часто встречается в художественной литературе и имеет высокий индекс употребления в провербиальных паремиологизмах (индекс 16).

К собственно-ядерным кулинаронимам относится кулинароним *пирог*. *Пирог* не имеет обрядовых ограничений. Его пекут и на большие праздники, и по случаю семейного торжества. «Жирный, пересолённый *пирог*», который и

явился причиной пересудов, зафиксирован в поэзии А.С. Пушкина: «Конечно, не один Евгений / Смятенье Тани видеть мог; / Но целью взоров и суждений / В то время жирный был *пирог* / (К несчастью, пересоленный)» (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»).

Наименование *пирог с щукой* находим у В.П. Аксенова: «Кабы раньше он знал, так теперь на столе бы уж ждал корифей всех времён и народов – *пирог* со щукой. Всегда в былые годы запекала кума Настасья к его приезду цельную щуку в тесто» («Затоваренная бочкотара»).

Пирогом с грибами отмечают наступление осени: «Осенний холодок, / *Пирог* с грибами. / Калитки шорох и простывший чай. / И снова / неподвижными губами / короткое, как вздох: / “Прощай, прощай...”» (Б. Окуджава, «Прощанье с осенью»).

Кулинароним *пирог* не имеет сословного ограничения в употреблении. Пирог одинаково любимы и богатыми людьми, и простым народом. На праздник Знаменья в домах прудковских помещиков с вечера замешивали большие горшки с тестом на *пирог*: «В доме по всем комнатам тоже стоял тёплый запах *пирогов*. Но уже всё было убрано» (И.А. Бунин. «Мелкопоместные»).

Пирог пекутся и на поминки. Эта традиция сохранилась до сих пор. Такой *пирог* называется «*поминальный пирог*». Наименование отмечено у М.Е. Сатыкова-Щедрина: «“– Именно только бы жрать бы да пить бы!” – вторит отец благочинный, засучивая рукава своей рясы, чтоб положить на тарелку кусок *поминального пирога*» («Господа Головлевы»).

В назидание людям, занимающимся не своим делом, вводит наименование «*пирог*» И.А. Крылов: «Беда, коль *пирог* начнет печи сапожник, / А сапоги тачать пирожник...» (И.А. Крылов, «Щука и кот»).

Издавна *пирог* являлись одним из любимых блюд русских людей, поэтому существует много пословиц с этим кулинаронимом (индекс 29). Придавая большее значение гостеприимству и приветливости хозяев, чем внешнему виду жилища вспоминают пословицу «Не красна изба углами, а красна *пирого*гами». Известна присказка «– Чем живешь? – Долгами. – А что ешь? – Щи с *пирого*гами». Напутствуя человека, чтобы он не хвастался, помалкивал, говорят: Ешь *пирог* с грибами, а (да) язык держи за зубами. В пословице *Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой* подразумевается, что лучше жить в бедности, чем в несчастье. О добром слове, добром привет, которые покоряют сердца, обычно говорят: *Доброе (или ласковое) слово лучше мягкого пирога*.

Таким образом, кулинароним *пирог* является собственно-ядерным кулинаронимом. Блюдо не имеет сословных и обрядовых ограничений, широко употребляется в быту, а кулинароним *пирог* встречается во многих произведениях русской классики, начиная от А.С. Пушкина и до В.П. Аксенова.

К английским *собственно-ядерным* кулинаронимам относится «пудинг» *pudding*. Английская классическая литература буквально пестрит кулинаронимом *pudding*. *Пудинг* не имеет ограничений в употреблении, известен в английской кухне с глубокой древности и является излюбленным блюдом англичан. Средневековый обычай готовить фрукты со специями сохранился в приготовлении английских пирогов и пудингов. Ко времени правления Елизаветы I практически в каждом доме был запас фиников, изюма и чёрной смородины для приготовления пудингов.

Традиционная английская кухня немыслима без Йоркширского *пудинга* с куском жареного мяса: «We went in to luncheon, a hearty British meal of roast beef

and *Yorkshire pudding*, and we talked of the work on which Roy was engaged» (W.S. Maugham, «Cakes and Ale»).

Пудинг считается особым блюдом для англичан. В литературе зафиксированы разнообразные наименования английских *пудингов*. Кулинароним *a special pudding* «специальный особый *пудинг* с изюмом» отмечен нами у Ч. Диккенса: «*The pudding at that shop was made of currants, and was rather a special pudding ... It was a stout pale pudding, heavy and flabby, and with great flat raisins in*» (Ch. Dickens, «David Copperfield»).

Пудинги подавали на больших приёмах: «*The pudding was in front of them and their glasses of sauterne. The candlesticks were reflected clear in the rosewood. It seemed a comfortable dinner party*» (C.P. Snow, «The Malcontents»). У А. Кронина находим наименование *suet puddings* «*пудинги на нутряном сале*»: «He was a bachelor and his housekeeper had just served him up a midday meal of fat boiled beef with *suet puddings*, which he had eaten hurriedly ...» (A.J. Cronin, «Hatter's Castle»).

Даже в военное время традиции сохранялись и *рождественский пудинг* раздавался солдатам на фронте. Наименование *Christmas pudding* встречается у Р. Олдингтона: «*The Christmas dinner turned out to be stewed bully beef and about two square inches of cold Christmas pudding per man*» (R. Aldington, «Death of a Hero»).

Идиома с кулинаронимом «*pudding*» вошла в прозу Дж. Голсуорси: «*The proof of the pudding was in the eating – Bosinney had still to eat his pudding*» (J. Galsworthy, «The Man of Property»). Название *pease pudding* запечатлено в английских детских стихах: *Pease pudding hot, / Pease pudding cold, / Pease pudding in the pot / Nine days old*.

Кулинароним *pudding* воспет в поэзии Бернса, который называет англичан пудинговой расой: «*Fair fa' your honest, sonsie face, / Great chieftain o' the puddin'-race!*» (R. Burns, «To a Haggis»).

Наименование *pudding* запечатлено в афоризме. Каждый *пудинг* должен был иметь свою «изюминку», или «тему», по словам У. Черчилля: «*Take away that pudding – it has no theme*» (W. Churchill, Lord Home «The Way the Wind Blows»).

Говоря, что о ценности планов судят по тому, как они осуществляются на практике, вспоминают пословицу: «*The proof of the pudding is in the eating*» с соответствующим русским значением «Чтобы узнать, каков пудинг, нужно его отведать». Пословица «*More praise than pudding*» употребляется в шутку, когда имеют в виду, что недостаточно просто слов благодарности. О человеческой хитрости, в частности о хитрости священников, бытует пословица: «*The friar preached against stealing and had a goose (или pudding) in his sleeve*», имеющая значение «Монах проповедует против воровства, а у самого гусь (или пудинг) в рукаве».

Таким образом, *pudding* «*пудинг*» относится к собственно-ядерным кулинаронимам, поскольку он часто встречается в художественной литературе, запечатлён в афоризмах и пословицах (пословичный индекс 3), а соответствующее блюдо имеет широкое применение в английской кухне уже на протяжении многих веков и не имеет ограничений.

К собственно-ядерным кулинаронимам относится *cake*, имеющий значение: «торт; кекс; сладкий пирог; пирожное; лепёшка». Блюдо не имеет ограничений в употреблении. Его готовили как в богатых семьях, так и в бедных. Детям в Ловудской школе давали тонкие «овсяные лепешки» *oaten cake*. Кулинароним зафиксирован у Ш. Бронте: «... I now saw, however, that it was a thin *oaten*

cake, shared into fragments» (Ch. Bronte, «Jane Eyre»). В английской классике выделяются разнообразные словосочетания с кулинаронимом *cake*. Наименование *sponge cake* «бисквит» находим у У.С. Моэма: «She ate a square *sponge cake* with pink icing on it» (W.S. Maugham, «Theatre»). Кулинаронимы *coconut cake* «кокосовый торт» и *plum cake* «торт с изюмом» отмечены нами у П.Л. Трэверс: «At one end of it a fire was burning and in the centre stood an enormous table laid for tea – four cups and saucers, piles of bread and butter, crumpets, *coconut cakes* and a large *plum cake* with pink icing» (P.L. Travers, «Mary Poppins»).

Наименование *chocolate cakes* «шоколадные пирожные» вошло в прозу Дж.В. Пристли: «It was a wonderful tea. The tea itself was good, for there were little sandwiches and all kinds of rich creamy *chocolate cakes* and biscuits, all piled up anyhow...» (J.V. Priestly, «Angel Pavement»).

На святой праздник Рождества, когда важен сам дух праздника, помимо традиционной индейки, готовят и «пряный торт» *spice-cake*. Наименование находим в прозе Дж. Брейна:

«...I knew that I wasn't part of Warley's festival, because I was leaving before the preparations began to make sense, before that short turkey and *spice-cake* and wine and whisky period when every door in the town would be wide open and the grades wouldn't matter» (J. Braine, «Room at the Top»).

У англичан с тортом связаны своеобразные традиции. Современные англичане остатки свадебного *торта* рассылают знакомым, его верхний слой нередко сохраняют до рождения первого ребёнка. А во времена Ч. Диккенса свадебный *торт* разрезали, пропускали через кольцо и раздавали девушкам, которые клали кусочек торта под подушку, загадывая на будущего мужа: «Then the *cake* was cut, and passed through the ring; and the young ladies saved pieces to put under their pillows to dream of their future husbands on» (Ch. Dickens, «Posthumous Papers of the Pickwick Club»).

В поэзию У. Шекспира вошла идиома с кулинаронимом *cake* – *cakes* and ale «веселье, беззаботная жизнь»: «Dost thou think, because thou art / virtuous, there shall be no more *cakes* and ale?» (W. Shakespeare, «Twelfth Night»). Эта идиома является заглавием известного романа С. Моэма «Cakes and Ale».

В романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» находит место пословица с кулинаронимом *cake* «you can't eat your *cake* and have it»: «Well, Becky, come back if you like. You can't it your *cake* and have it ...» («Vanity Fair»). Если пытаются совместить несовместимое, то в назидание говорят: «You can't eat your *cake* and have it». В трудных жизненных ситуациях, в затруднительном положении обычно вспоминают пословицу: «Life is not all *cakes* and ale», имеющую значение «жизнь прожить – не поле перейти». О несбыточных планах англичане говорят: «If wishes were butter-*cake*, beggars might bite». В русском языке эта пословица имеет соответствие «Если бы да кабы, да во рту росли грибы».

Таким образом, наименование *cake* относится к собственно-ядерным кулинаронимам. Блюдо широко распространено в английской кухне, употребляется без каких-либо ограничений, а соответствующий кулинароним часто встречается в художественной литературе, входит в пословицы (пословичный индекс 4).

Исследование показывает, что собственно-ядерные кулинаронимы (индекс 8), которые обладают более высокой степенью интегрированности в лите-

ратурно-поэтический фонд английского и русского языков, представлены следующими наименованиями: русск. *щи, каша, пирог*; англ. *pudding, cake*.

Список литературы

1. Прохоров Ю.Е. Русские крылатые выражения. М.: Рус. яз., 1988. 272 с.
2. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз., 1988. 272 с.
3. Великобритания: Лингвострановедческий словарь / А.Р.У. Рум, Л.В. Колесников. Г.А. Пасечник и др. М.: Рус. яз., 1978. 480 с.
4. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman. 1993. 1528 p.

CORE PROPER NAMES OF CULINARY AND DISHES IN THE LITERARY-POETICAL FUND

A.I. Leonova, E.D. Abdol (Kazakhstan)

Atyrau state university named after Khalel Dosmuhamedov, Atyrau

The article analyzes core proper names of culinary in the texts of national literary-poetical fund on the example of the Russian and English languages. The article looks at culinary dishes as belonging to the national culture. The description of the core proper names of culinary and – through them – dishes is given. The systematization is based upon the following principles: 1) level of literary integration of the name of culinary; 2) proverbial principle of the name of culinary; 3) presence / absence of limitations (social, regional) in the use of the corresponding dish.

Keywords: *names of culinary, core names of culinary, literary integration, proverbial principle, core proper names of culinary, national dishes, values.*

Об авторах:

ЛЕОНОВА Алла Ивановна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики преподавания иностранных языков факультета гуманитарных наук и иностранных языков Атырауского государственного университета им. Х. Досмухамедова, e-mail: allochka-leonova@mail.ru

АБДОЛ Элеонора Досжановна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой методики преподавания иностранных языков факультета гуманитарных наук и иностранных языков Атырауского государственного университета им. Х. Досмухамедова, e-mail: abdol.e@mail.ru

УДК 81'23

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К МИРУ

Ма Лин

Башкирский государственный университет, Уфа

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру, она задаёт нормы его поведения в мире. Фразеологическое значение и фразеологические прототипы неразрывно связаны с разными сторонами человеческой жизни, в которой проявляются человеческие эмоции, отношение человека к окружающему миру. И с помощью этих фразеологизмов мы делаем свою речь более эмоциональной и экспрессивной.

***Ключевые слова:** язык, человек, языковая картина мира, фразеология, отношение человека к миру, лингвокультурология.*

Фразеология как лингвистическая дисциплина стала объектом исследования лингвистов недавно. В последнее десятилетие появилось новое направление лингвистики – лингвокультурология. По мнению В.А. Масловой, лингвокультурология – это «отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [6: 9]. В основе этой науки лежит ключевое понятие «языковая картина мира», которое понимается лингвистами как отражение национального миропонимания и мировидения, как база изучения представлений человека о мире. Картина мира – это своеобразный образ мира, модель мира, явления и предметы внешнего мира, представленные в человеческом сознании в форме внутреннего образа. Такие лингвисты, как Б.А. Серебренников, Р.М. Фрумкина полагают, что между языком и реальным миром стоит человек – носитель языка и культуры. Язык – это призма, через которую люди смотрят на мир и которая в каждой культуре своя. Язык, мышление и культура составляют единое целое и не могут функционировать друг без друга. Языковая картина мира тесно связана с окружающим миром и развитием у самого человека представлений о мире.

По мнению В.И. Постоваловой, у каждого индивида каждой конкретно-исторической эпохи своя собственная картина мира, единственная и неповторимая, как и всё живое. Она конкретизируется им в результате его непосредственных контактов с миром, из наличного материала культуры, в которой заложены все известные образцы и варианты картины мира, которые пробуждаются под влиянием культуры или актов жизнедеятельности [7: 8–69]. Языковая картина мира – это «выраженная с помощью различных языковых средств, системно упорядоченная, социально значимая модель знаков, передающая информацию об окружающем мире» [7: 8]. По мнению Б.Л. Уорфа,

«... мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстаёт перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который может быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [9: 135–168].

Фразеологизмы, по Ф.И. Буслаеву, своеобразные микромиры, они содержат в себе и нравственный закон и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

Фразеология играет важную роль в языковой картине мира, она представляет собой отражение жизни нации и формирует свою особую картину мира – фразеологическую. А.М. Эмирова считает, что фразеологическая картина мира отражает во фразеологической семантике сущности реального мира [11: 61]. Значение фразеологии тесно связано с фоновыми знаниями носителя языка, приобретёнными в повседневной жизни, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. При этом содержание фразеологизмов исходит из человеческой жизнедеятельности, оно рассматривается с позиций непосредственно смыслового наполнения и с точки зрения мотивационных оснований семантики. Семантика фразеологии характеризует человека, его внешний и внутренний облик, его чувства и эмоции, оценки индивидуальных качеств личности и личности на основе её положения в обществе, отношение человека к миру, его деятельность. Как отмечает Г.А. Багаутдинова, «фразеологическая семантика носит ярко выраженный антропоцентрический характер» [1: 31–35]. Человек выступает в качестве меры всех вещей, значение целого ряда базовых слов и фразеологизмов сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира. Человек может через фразеологизм обозначать феномены, понятия, реалии окружающей действительности и выражать своё отношение к миру. Л.А. Лебедева так пишет об этом:

«Лексика как часть номинативной системы покрывает практически всё пространство знаний о мире, в то время как фразеология (идиоматика) главным образом входит в понятийную сферу “Человек”, являясь важной составной частью её коннотативной зоны» [5: 199–200].

Несмотря на то что в любом языке существует большое количество семантически разнообразных фразеологизмов, они соответствуют мировидению человека и имеют отчётливую семантическую классификацию. Е.А. Добрыднева отмечает: «Фразеологические единицы как знаки вторичной номинации “покрывают” самые разнообразные сферы языковой картины мира» [2: 54].

Фразеология помогает выразить свои эмоции глубоко и ярко, передать свои переживания, обратить внимание на своё психоэмоциональное состояние. Она отражает особенности человеческого мышления, полученные из жизненного опыта человека. Как отмечают Л.И. Ройзензон и Ю.Ю. Авалиани,

«... через лексику проходит вся или почти вся человеческая практика, через фразеологию только те её стороны и грани, “зеркальность” отражения которых вторично преломляется через выпуклое зеркало человеческих чувств, восприятий и их оценок. Фразеологизм, включающий обычно такую дополнительную психологическую нагрузку, тем самым и представляет чаще всего эмоционально-экспрессивный эквивалент слова» [8: 68–82].

Фразеология с эмоциональной окраской является способом выражения национально-лингвокультурной картины мира, а также отражает националь-

ный менталитет и национальный характер. Понятия «национальный менталитет» и «национальный характер» взаимосвязаны. Национальный характер – это отражение в психике представителей нации своеобразных исторических условий её существования, совокупность некоторых особенностей духовного облика народа, которые проявляются в свойственных его представителям традиционных формах поведения, восприятия окружающей среды и которые запечатлены в национальных особенностях культуры, других сферах общественной жизни. Когда мы анализируем фразеологизмы сферы психоэмоционального состояния человека, мы получаем информацию о тех или иных чертах национального характера народа. А национальный менталитет – это своеобразие видения окружающего мира и специфика реагирования на него, детерминируемая экономическими и политическими условиями в историческом аспекте [3: 20–29].

Человек не получает информацию из реального мира ежеминутно. Он может с помощью фразеологии выражать свою положительную или отрицательную оценку воспринимаемого мира. Воспринимаемый мир одновременно может действовать на человека и формировать человека.

Так, мы выделили две фразеосемантические подгруппы: (1) положительные, активное отношение к познаваемому миру (положительные качества человека); (2) отрицательное, пассивное отношение к познаваемому миру (отрицательные качества человека). Следующие русские и китайские фразеологизмы выражают положительное отношение человека к миру (положительные качества человека). Это ласка (*любить кого-то как родной отец; ласковое тело, теленок / двух маток / две матки / сосет*: ласковый, обходительный или всем угождающий человек пользуется благосклонностью, покровительством, помощью всех; *老吾老以及人之老, 幼吾幼以及人之幼*: кто-то относится к старым как к своим родителям, к младшим как к своим детям; *和蔼可亲*: относиться к другим с приветливостью и лаской), доброта и милосердие (*Жизнь дана на добрые дела; сестра милосердия; протянуть руку / помощи/; брать под своё крылышко кого-то*: покровительствовать, опекать кого-либо; *与人为善*: помогать людям в добрых делах, делать благородное дело вместе со всеми; *善气迎人*: с добром относиться к кому-чему), жалостливость и сострадание (*разделять чьё-л. горе; 悲天悯人*: вызывать скорбь неба и жалость людей [обр. в знач.: а. ‘жалобный, достойный всеобщей жалости’; б. ‘болеть душой за народ’]); *恻隐之心*: кто-л. относится ко всем с жалостливостью, состраданием; *感同身受*: быть растроганным, как если бы испытать на себе [обр. в знач.: ‘формула благодарности за сделанное другому лицу’]), храбрость и бесстрашие (*биться до последней капли крови; не трусливого десятка*: о храбром человеке; *勇往直前*: храбро идти вперёд, смело и неуклонно идти вперёд; *无所畏惧*: бесстрашный, не знать страх), трудолюбие (*работать до седьмого пота*: работать до крайнего утомления; *засучив рукава / усердно/; надирать силы*; *任劳任怨*: отдавать все силы работе; *勤勤恳恳*: добросовестно работать), гостеприимство

(встречать хлебом-солью кого; Хлеб-соль – отплатное дело; 宾至如归: гость приходит сюда как домой [обр. в знач.: ‘оказывать хороший приём’]; 高朋满座: зал переполнен высокими гостями), доброжелательность, отзывчивость (золотая душа; ангельское сердце; прийти на помощь кому; 古道热肠: быть добрым и отзывчивым; 雪中送炭: во время снегопада послать уголь [обр. в знач.: ‘своевременно помочь в беде’]; самопожертвование, готовность к самопожертвованию (готов в огонь и воду; отдаст жизнь /за кого-либо/; 身先士卒: сражаться в первых рядах бойцов; 鞠躬尽瘁: все силы отдавать служению отечеству, не жалеть сил на благо родины, самоотверженно служить отчизне), миролюбие (мухи/комара не обидит; /никто/ пальцем не тронет; 以和为贵: мир дороже всего; 相安无事: уживаться, мирные взаимоотношения), скромность (тише воды ниже травы; ангел во плоти; кроткая душа; 谦谦君子: скромный и уступчивый человек; 谦虚谨慎: скромный и осторожный человек), честность (держит своё слово; слов на ветер не бросает; с чистой совестью; 一言既出, 驷马难追: Слово не воробей, вылетит – не поймаешь; что написано пером, того не вырубишь топором; 诚心诚意: от всего сердца, от чистого сердца), открытость (открыть свою душу; 表里如一: прямолинейный, открытый), самоуверенность (чувствовать себя как у тёщи на блинах; 胸有成竹: иметь готовый план в голове, у кого-л. есть уверенность что-л. сделать; 信心满满: уверенный в себе); умение владеть собой (взять себя в руки; 把持得住: брать полностью себя в руки), стойкость (идти до конца; 持之以恒: постоянно держаться; 坚持不懈: держаться настойчиво и неуклонно).

Кроме этих, русские и китайские фразеологизмы также выражают отрицательное отношение человека к миру (отрицательные качества человека). Это такие, как лень, бездействие (собак гонять; играть в бирюльки; бить баклуши; 游手好闲: бить баклуши, сидеть барином; 无所事事: собак гонять, сидеть сложа руки); равнодушие (сердце мхом обросло; ноль внимания: полное равнодушие, безразличие со стороны кого-либо к кому либо или чему-либо; 漠不关心: равнодушный, бесстрастный; 冷若冰霜: холодный, как лёд и иней [обр. в знач.: ‘быть равнодушным’]), трусость (не /из/ храброго десятка; труса /трусу/ праздновать; 胆小如鼠: трусливый, как мышь; 前怕狼后怕虎: бояться волка впереди и тигра – позади [обр. в знач.: ‘о трусливом, всего опасаемся человеке’]), лживость (врёт /брешет/ как сивый мерин; замазывать глаза; 笑面虎: о вероломном, двуличном человеке; 口蜜腹剑: на устах мёд, а за пазухой меч [обр. в знач.: ‘о двуличном человеке’]), глупость (глуп как пробка;

олух царя небесного; *愚不可及*: непревзойденная глупость; *傻里傻气*: придурковатый вид), безответственность (*пока гром не грянет, мужик не перекрестится*; *敷衍塞责*: безответственно избавиться от наказания; *草草了事*: безответственно скомкать/комкать), пессимизм (*опустить руки*; *из пессимизма ещё есть выход, из оптимизма – никакого*); *心灰意懒*: душа разбита, мысль не работает [обр. в знач.: 'пасть духом, опустить руки, стать пассивным, безразличным']; *万念俱灰*: совершенно пасть духом), гордыня (*гордый, как сатана*); *狂妄自大*: самонадеянный, высокомерный и гордый), недоброжелательность (*точить зубы на кого*; *恶贯满盈*: злые поступки достигли крайних пределов), хвастливость (*шапками закидаем*: хвастливое уверение, бахвальство; *言过其实*: слова идут дальше описываемой действительности, говорить с преувеличениями).

Таким образом, фразеологизмы с эмоциональной окраской создаются в речи говорящим не только для того, чтобы описать, выразить, обозначить свои переживаемые эмоции, психоэмоциональное состояние, но также побудить слушающего к действию и/или вызвать у него определённое отношение к окружающему миру.

Список литературы

1. Багаутдинова Г.А. Фразеологизмы антропоцентрической направленности и языковая картина мира // Язык и методика его преподавания. Казань: Центр инновационных технологий, 2006. С. 31–35.
2. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 45 с.
3. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.
4. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеграфии: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1999. 196 с.
5. Лебедева Л.А. Коммуникативно-прагматические функции устойчивых сравнений // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии. Волгоград, 1999. С. 199–200.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений 2-е изд., стереотип. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 183 с.
7. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
8. Ройзензон Л.И., Авалиани Ю.Ю. Современные аспекты изучения фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967, С. 68–82.
9. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1960. Вып.1.
10. Хайруллина Р.Х. Картина мира во фразеологии (тематико-идеографическая систематика и образно-мотивационные основы русских и башкирских фразеологизмов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 53 с.
11. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент, 1988. 92 с.

IDIOMS AS A REFLECTION OF THE ATTITUDE OF A HUMAN TO THE WORLD

Ma Lin

Bashkir State University, Ufa

Linguistic picture of the world forms a type of relationship between the human and the world; it sets the norm of human's behavior in the world. Because of this, phraseological meaning and phraseological prototypes are inextricably linked to different aspects of human life, which is imbued with human emotion and the attitude of a human to the world. With the help of these idioms we can make our speech more emotional and expressive.

Keywords: *language, people, language picture of the world, phraseology, human's relation to the world, cultural linguistics.*

Об авторе:

МА Лин – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Башкирского государственного университета, e-mail: woaixuehanyu01@gmail.com

УДК 81.-112.2

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ
КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ОЦЕНКИ
ПО ПРИЗНАКУ «ЗНАЧИМЫЙ/НЕЗНАЧИМЫЙ»**
(на материале современного немецкого языка)

Т.Г. Панина, Л.Р. Хомкова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Статья посвящена проблеме фразеологической номинации как средству актуализации в естественном языке оценки объектов действительного мира по признаку «значимый / незначимый». Фразеологическая номинация рассматривается как способ вторичной номинации, в основе которого лежит процесс метафоризации языковых единиц и, как следствие, формирование оценочного компонента в их семантике.

Ключевые слова: *вторичная номинация, идиоматическая единица, метафоризация, оценка, фразеологическая номинация.*

Проведенное исследование посвящено анализу идиоматических единиц как средств фразеологической номинации, с помощью которых осуществляется оценочная языковая деятельность, в частности, выражается оценка по признаку «значимый / незначимый». Данная оценка связана в сознании носителей немецкого языка с представлениями о важности, значимости каких-либо объектов действительности для людей. Значимость объекта как его ценностное значение устанавливается в процессе ценностно-оценочной деятельности человека посредством различных средств языка. Оценочная функция характерна для языковых средств, формирующихся в процессе вторичной номинации, главной задачей которой является не номинация, а характеристика, приписывание объекту действительного мира определённых признаков.

Необходимо отметить, что в основе всех видов вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. В актах вторичной номинации устанавливаются ассоциации по сходству или по смежности между некоторыми свойствами элементов внеязыкового ряда (такие элементы отображены в уже существующем значении имени) и свойствами нового обозначаемого (такое обозначаемое именуется путём переосмысления его значения). Ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, могут соответствовать: 1) компонентам переосмысляемого значения, 2) таким смысловым признакам, которые, не входя в состав дистинктивных признаков значения, соотносятся с фоновым знанием носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения.

Переосмысление значений в процессах вторичной номинации протекает в соответствии с логической формой тропов (метафоры, метонимии и т. п.) и функционального переноса. В центре метафорического «узла, связывающего язык с мышлением и культурой, ... находятся идиомы, отличающиеся высочайшей степенью метафоричности» [7: 82].

Идиомы, или фразеологические сращения, были выделены ещё В.В. Виноградовым наряду с фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями. Основным принципом предложенной им классификации послу-

жили степень мотивированности значения и степень семантико-синтаксической спаянности слов во фразеологизме. Говоря об идиомах, В.В. Виноградов подчёркивал, что они «лишены внутренней формы» [3: 147]. Семантическая неразложимость является главным общим признаком для фразеологических сращений и фразеологических единств, и именно по этому признаку «фразеологические единицы этих двух типов объединяются в одну группу – идиоматические обороты, или идиомы ...» [1: 258].

Т.З. Черданцева, обратившись к проблеме образной мотивированности идиом, отмечает, что «рассмотрение такой фигуры, как метафора, в связи с фразеологией имеет особый смысл, поскольку очень часто именно метафора лежит в основе фразеологической единицы – идиомы», при этом подчёркивается, что «характер этой метафоры в значительной мере отличается от образной, “свободной”: она становится “стандартной”, теряет индивидуальность, но все же сохраняет образность, иносказательность» [11: 78]. Идиома метафорического типа возникает тогда, когда теряется прямая связь означающего и его реального означаемого, и первое используется для номинации нового означаемого, которому приписываются признаки познанного фрагмента действительности.

Рассмотрение идиом в знаковом аспекте заставляет обратиться к денотативной стороне их фразеологического значения и прояснить вопрос о том, что обозначает данная единица языка, являясь особым языковым знаком. Как отмечалось, значение идиомы характеризуется переносом сложного имени одной ситуации на другую, т.е. идиоматическая единица – это единица вторичной (косвенной) номинации, особым образом преломляющая внеязыковую действительность.

Специфика идиом как языковых единиц, выполняющих функцию вторичной (косвенной) номинации, проявляется в том, что их денотатом является не первичная внеязыковая (предметная) ситуация с её префразеологическим признаком, мотивирующим внутреннюю форму идиомы, а ситуация, «поставляемая» картиной мира и обозначающая новое положение дел на основе перенесённого с субстратной (первичной) ситуации логико-семантического признака [2: 147].

Фразеологическое значение идиомы можно соотнести с так называемыми сценами, которые «построены из наших общих знаний, воспоминаний, воображения или чего-либо иного, что заполняет в данный момент наше сознание ..., большое количество слов и фраз нашего языка может быть понято, если мы нечто знаем заранее ...» [9: 84, 87]. Речь идёт о включении идиомы в процессе её интерпретации в соответствующий фрейм или сценарий как определённые структуры знания о мире, структуры, которые содержат в себе помимо фактуальной информации о каком-либо фрагменте действительности также сведения эмоционально-экспрессивного, прагматического, социального характера.

Современный, когнитивно-культурологический подход к анализу средств идиоматики конкретного языка «позволяет выявить систему символов и эталонов национальной культуры, исследовать систему её кодов, специфику аксиологии» [8: 192]. В идиоматической единице отражён «итог когнитивно-оценочной деятельности человека» [5: 19].

Обратимся к конкретному примеру из немецкой общественно-политической газеты:

(1) «Bloß nicht alle über einen Kamm scheren. Denn: «*Mittelständler ist nicht gleich Mittelständler. Freie Berufe, Handel, Dienstleistungen und das produzierende Gewerbe gehören genauso dazu. Der Mittelstand hat viele Facetten*», sagt Prof. Frank Wallau... *Wallau warnt davor, mittelständische Betriebe in einen Topf zu werfen*» [13: 9].

Речь идёт о среднем классе, который представлен в обществе совершенно разными социально-профессиональными группами. Понимание специфики среднего класса отражается в тексте с помощью выражений – *viele Facetten haben, Mittelständler ist nicht gleich Mittelständler*. Представители данного социального слоя отличаются друг от друга тем, что каждый выполняет свои задачи и функции, в чём и выражается их ценность в обществе. Идиомы *alle über einen Kamm scheren, (alle(s)) in einen Topf werfen* характеризуются отрицательной оценочностью и отражают незаинтересованность субъекта в выявлении особых свойств каждого отдельного объекта, делающих его по-своему ценностно-значимым для субъекта. Язык выражает это негативно-ценностное отношение через оппозицию *alle – einen*. Возникает некая социальная опасность – эта идея отражается глаголом *warnen*, когда не принимается во внимание существование множества различных социально значимых профессиональных групп. Смысл сказанного в данном примере сводится к тому, что недопустим недифференцированный подход к людям, составляющим средний класс. Совершенно ясно, что каждый должен получить свою оценку по степени важности и значения для общества (в русском языке эта идея оценивается сходным образом, когда говорят: *мерить одной меркой, ставить на одну доску*). Если этого не происходит, то тем самым подчёркивается малое значение объектов для субъекта.

В ходе взаимодействия с различными предметами, лицами, наблюдая некие социальные ситуации, человек оценивает их в ценностном аспекте, решая вопрос их значения для себя. Иногда момент осмысления значения не требует характеристики, принимающей в языке форму предикативной метафоры, несущей ярко выраженный оценочный заряд. Положительное действие по отношению к объекту, контрастно выделяющее его среди других, будет также отражать идею значения, концептуализируя признак ‘особая привилегированная позиция объекта’.

Рождение аксиологических смыслов происходит на основе «превращения онтологической модальности сущего в аксиологическую модальность значимого», что «с предельной наглядностью обнаруживает себя при анализе метаморфоз, происходящих с основными формами материального бытия – пространством и временем» [10: 73]. Пространственные отношения являются «одними из фундаментальных отношений, с которыми в первую очередь сталкивается человек, воспринимающий абстрактную действительность», это «фон, на котором разыгрываются действия человека», который становится основой формирования пространственного культурного кода [6: 147].

Опыт положения в пространстве позволил метафорически осмыслить ценностное значение объекта на основе признака: ‘положительное значение’ – ‘выгодное расположение в физическом пространстве’, ‘отрицательное значе-

ние' – 'невыгодное расположение в физическом пространстве':

- (2) «*Weit abgeschlagen ist die so genannte Dritte Welt, auch Russland belegt einen hinteren Rang*» [36: 64];
- (3) «*Die kremlgesteuerten Wahlvereine haben alle oppositionellen Parteien an den Rand gedrängt*» [31: 17];
- (4) «*Nachdem die Grenzsperrren gefallen sind, die den Osten abschotten, rückt Deutschland erneut in die Mitte*» [25: 10];
- (5) «*Im Zentrum der Diskussion mit Vize-Außenminister Zarif standen das Verhältnis Iran/ USA sowie regionalpolitische Fragen*» [21: 57];
- (6) «*Im Vordergrund stehen dabei konkrete finanzielle Entlastungen – für die Menschen und für die Wirtschaft*» [24: 11];
- (7) «*Als Robert Louis-Dreyfus 1993 die Geschäfte beim deutschen Sportbekleidungshersteller Adidas übernahm, lag die Weltmarke am Boden*» [18: 23].

В сознании носителей немецкого языка сформировалось представление о положительно-значимом объекте как занимающим особую пространственную позицию, которое отражено также в идиомах типа *im Mittelfeld liegen, in den Mittelpunkt stellen, in den Hintergrund/an den Rand drängen, am Rande stehen, ins Hintertreffen geraten, ins Abseits drängen, nach hinten rücken, im Hinterzimmer verstecken, an die Weltspitze bringen, am Rande des Weges liegen bleiben, beiseite legen*. Данные идиомы отражают пространственный код носителей немецкой культуры, фиксирующий ценностно осмысляемые пределы (границы) и области пространства. Последнее может характеризоваться параметром освещённости, что в ценностном осмыслении позволяет выявить признак: положительное значение – 'выгодное положение в пространстве света', отрицательное значение – 'невыгодное положение в пространстве тени':

- (8) «*Kess und machtbewusst ist Angela Merkel aus dem Schatten Kohls herausgetreten, das ist sicher richtig*» [30: 2];
- (9) «*Mit den industriellen Gründerjahren gewann die politische Hauptstadt Berlin auch als Banken- und Börsenzentrum an Bedeutung und stellte nach der Reichsgründung 1871 Frankfurt in den Schatten*» [19: 12];
- (10) «*Die öffentliche Debatte über Islam, Islamismus und Terrorismus nach dem 11. September 2001 haben in Deutschland eine akademische Disziplin ins Licht gerückt, die sonst eher im Schatten öffentlicher Aufmerksamkeit steht*» [26: 58].

Обладание объекта большим размером и, соответственно, широким пространством, получает ценностное осмысление и создаёт основу для положительной оценки ценностного значения. Утрата объектом данной способности характеризуется как утрата положительного значения для субъекта.

Таким образом, мы говорим о признаке: 'положительное значение' – 'увеличение в размере', 'отрицательное значение' – 'уменьшение в размере':

- (11) «*Die Beschäftigungspolitik, so wie ich sie immer gewünscht habe, wird sicher einen breiteren Raum einnehmen*» [20: 28];
- (12) «*Selbstverständlich hat die Situation im Irak ebenso im Mittelpunkt der Gespräche gestanden und großen Raum eingenommen*» [14: 49];
- (13) «*In Deutschland zum Beispiel verloren die Tageszeitungen in der Altersgruppe der 14 – bis 19-jährigen zwischen 1980 und 1989 an Reichweite*» [17: 31].

Ценностное осмысление такой физической характеристики простран-

ства как возможность наблюдения предмета, видение его местоположения создает признак: 'положительное значение' – 'расположение в поле зрения', 'отрицательное значение' – 'расположение вне поля зрения':

(14) «*Noch zeichnen sich keine Lösungen ab, doch die Politik ist gefordert, weil Attac viele Fragen stellt, die über Jahre unter den Teppich gekehrt wurden*» [37: 5];

(15) «*Die Werte sackten mit Gerhard Schröders Agenda 2010 in den Keller*» [32: 17];

(16) «*Seit Gerhard Schröder ins Kanzleramt einzog, hat fast jeder siebte Genosse der SPD den Rücken gekehrt*» [33: 19];

(17) «*Sie und ihre rot-grünen Nachfolger verloren die Prioritäten aus dem Auge*» [29: 1];

(18) «*Aber die intellektuelle Anstrengung wagte auch sie nicht zu überprüfen, was von den alten Bundesrepublik unter den gewandelten Bedingungen Bestand haben sollte und was über Bord gehen muss*» [30: 2];

Анализ идиоматических единиц, объективирующих в языке оценочное значение по признаку «значимый / незначимый», показывает, что особую роль в концептуализации аксиологического значения различных объектов, окружающих и присутствующих в жизни человека, играет параметрический код культуры. Ценностное осмысление получает категория веса. Как меняется значение объекта в процессе установления ценностных субъектно-объектных отношений, видно в результате изменений весовых параметров, при этом объект оценивается как положительно или отрицательно значимый.

На этом основании мы выявляем коннотативный признак: 'положительное значение' – 'обладание большим весом':

(19) «*Dabei glaube ich, diese Zusammenarbeit könnte für Frankreich nicht zuletzt psychologisch von Bedeutung sein: Frankreich und Polen haben zusammen mehr Gewicht als Deutschland*» [34: 3];

(20) «*Hat die maßgebliche Teilname deutscher Soldaten an verschiedenen Missionen das politische Gewicht Deutschlands in den VN erhöht?*» [27: 56];

(21) «*Sie ist ein traditioneller Freund Deutschlands, ein starker strategischer Bündnispartner, sie wird Europa in der Welt mehr Gewicht geben als die Neuen von 2004 im Paket*» [23: 3];

(22) «*Dabei steige das Informationsbedürfnis ausländischer Redaktionen durch das wachsende internationale Gewicht Berlins stetig*» [28: 53];

Положительно значимо оценивается приобретение веса: (23) «*Unter diesen Bedingungen fallen die ohne vorhandenen Stärken Deutschlands ins Gewicht*» [23: 3]; (24) «*Sie hat aber dem Amt nicht geschadet, sondern ihm Gewicht verliehen*» [16: 13];

Следующие примеры демонстрируют признак: 'отрицательное значение' – 'потеря веса': (25) «*In dem Maße, in dem es gelingt, die scharfe Differenz zwischen Westen und Osten politisch, ökonomisch und kulturell zu überwinden, verliert die Frage nach Westbindung und Ostorientierung ohnehin an Gewicht*» [22: 10].

Меняется вес, меняется и ценностное значение: (26) «*Innerhalb des Industriegüterhandels haben sich die Gewichte deutlich zugunsten der Informations- und Nachrichtentechnik verschoben*» [35: 17].

Возможность измерить массу объекта на весах помогает определить «меру» его ценностного значения: (27) «*Die Experten aus dem Osten werfen die Vorzüge des Mittelgebirges mit seinem Hochgebirgscharakter und dem einzigartigen Klima in die Waagschale der Debatte*» [12: 9].

Объекты, имеющие одинаковое ценностное значение, «удерживают

чаши весов» в равновесии: (28) «*In manchen Nachbarländern des deutschen Sprachgebiets halten Deutsch und Englisch die Waage*» [17: 31].

Обладание тяжелым весом позволяет оценивать объект как положительно значимый: (29) «*Dies sind alles relativ kleine Missionen, die sehr flexibel operieren können und bei denen jeweils ein Schwergewicht liegt bei den Bemühungen, konkrete Konfliktursachen zu entschärfen*» [15: 9].

Подводя итог приведенного анализа формирования оценочной функции идиоматических единиц по признаку «значимый / незначимый», можно отметить, что основой здесь являются когнитивные процессы в ходе познания действительного мира, позволяющие осмыслять одни объекты в терминах других объектов. В метафорически сопряженных областях рождается оценка. Дальнейшее исследование идиоматического фонда языка позволяет увидеть новые смыслы и новые грани языковой оценочности.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.
2. Астахова Э.И. Внутренняя форма идиом и ее функции // Фразеография в Машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. С. 146–152.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография М.: Наука, 1977. 312 с.
4. Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. С. 144–157.
5. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
6. Каган М.С. Философская теория ценности Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.
7. Середина О.Е. Лингвокультурологический анализ английских фразеологических единиц // Проблемы взаимодействия языка и культуры: межвуз. сб. науч.-методич. ст. Псков : Изд-во Псковского ун-та, 2000. С. 81–87.
8. Телия В.Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 250–319.
9. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. 1987. С. 74–122.
10. Хайруллина Р.Х. Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию: монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. 285 с.
11. Черданцева Т.З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 8–11.

Список источников примеров:

12. Das Parlament. – 27.Oktober 2003. – S. 9
13. Das Parlament, 6. September 2004. - S. 12
14. Deutschland. – 1994. – №2. – S. 49
15. Deutschland. – 1994. – №2. – S. 9
16. Deutschland. – 1994. – №2. – S. 13
17. Deutschland. – 1994. – №2. – S. 31
18. Deutschland. – 1998. – №2. – S. 23
19. Deutschland. – 1998. – №3. – S. 12
20. Deutschland. – 1998. – №6. – S. 28

21. Deutschland. – 1999. – №3. – S.57
22. Deutschland. – 1999. – №3. – S. 10
23. Deutschland. – 2000. – №4. – S. 3
24. Deutschland. – 2000. – №1. – S. 11
25. Deutschland. – 2002. – №2. – S. 10
26. Deutschland. – 2002. – №2. – S. 58
27. Deutschland. – 2003. – №1. – S. 56
28. Die Zeit. – 2004. – №3. – S. 53
29. Die Zeit. – 2004. – №9. – S. 1
30. Die Zeit. – 2004. – №9. – S. 2
31. Die Zeit. – 2004. – №12. – S. 17
32. Die Zeit. – 2004. – №13. – S. 17
33. Die Zeit. – 2004. – №14. – S. 19
34. Die Welt. – 14.Juni 2001. – S. 3
35. Informationen zur politischen Bildung. – 3. Quartal 2003. – S.17
36. Informationen zur politischen Bildung. – 3.Quartal 2003. – S.64
37. Informationen zur politischen Bildung. – 4.Quartal 2003. – S. 5

PHRASEOLOGICAL NOMINATION AS A MEANS OF REFLECTING THE VALUE OF THE OBJECTS AS «SIGNIFICANT / NON-SIGNIFICANT»

T.G. Panina, L.R. Khomkova
Irkutsk State University, Irkutsk

The article deals with the issue of phraseological nomination as a means of revealing the value of the objects of the real world in the natural language according to the criterion "significant / non-significant". Phraseological nomination is viewed as a way of secondary nomination, which is based on the metaphorization of language units resulting in the evaluative component in their semantics.

Keywords: *secondary nomination, idiomatic unit, metaphorization, evaluation, phraseological nomination.*

Об авторах:

ПАНИНА Татьяна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Иркутского государственного университета, e-mail: panina111@mail.ru

ХОМКОВА Людмила Ростиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Иркутского государственного университета, e-mail: ihom@mail.ru

УДК 811.112.2.+ 81'373.2 + 81'371

ТИПЫ ПЕРВИЧНОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ ПРИ АКТУАЛИЗАЦИИ РЕАЛИОНИМОВ И МИФОНИМОВ

Л.М. Сапожникова

Тверской государственный университет, Тверь

Рассматриваются типы первичной ономастической номинации, при которой сохраняется соотносённость с исходным онимическим объектом, устанавливаются их функционально-семантические особенности. Исследуются принципиальные различия и сходства первичной ономастической номинации при актуализации реалионимов и мифонимов на примере немецких литературных текстов.

Ключевые слова: *немецкий язык, ономастика, собственные имена, мифоним, реалионим, ономастическая номинация, ономастическое сравнение, мифизация.*

Дифференцирующий или классифицирующий характер номинации отличает собственные и нарицательные имена. Первичная номинативная функция собственного имени (далее – СИ) заключается в идентификации и дифференциации объекта внутри класса сходных явлений. При вторичной ономастической номинации изменяется базовая функция СИ, оним уже не является идентифицирующим и индивидуализирующим именем исходного онимического объекта (далее – ОО). Уникальные языковые средства индивидуализации используются для номинации других объектов. Тем самым затрагивается ядерная семантика СИ, на передний план выдвигается классифицирующая и характеризующая функции онима.

Таким образом, первичная ономастическая номинация связана с сохранением исходной референтной соотносённости СИ и идентификацией первичного ОО, который может носить при этом характер как реального объекта (СИ-реалионим), так и вымышленного, фиктивного, мифического (СИ-мифоним).

Имена фиктивных, вымышленных объектов (героев античной мифологии, библейских и литературных героев, вымышленных существ и географических объектов, существовавших лишь в вымышленной действительности) обозначаются в ономастике как «мифонимы» (античные, библейские, литературные, фольклорные, религиозные, мистические и т.д.) или «фиктонимы» [3: 144], «фикционимы» (Fiktionyme) [5: 17], «ирреальные онимы» [4: 29]; литературные имена также называют «поэтонимами» (Poetonyme) [4: 205].

Мифонимия является своеобразным сектором ономастического пространства. Однако функционально-семантические параметры общеизвестных реалионимов и мифонимов демонстрируют большое сходство. Границы между реальным и вымышленным (в условиях современности часто виртуальным) миром не являются абсолютными; совмещение этих миров является, по мнению В.В. Красных, одним из перекрёстков современного мира, где данные миры соприкасаются, сталкиваются, пересекаются [1: 31, 42]. Наиболее известные реалионимы и мифонимы, обладающие на системном уровне смысловой структурой, обобщённое знание которой служит основой для возникновения лингвистического знака, могут интерпретироваться как особые ономастические знаки, связанные в сознании не с понятием о классе предметов или качеств, а как знаки, в основе которых лежит образ-персонаж или образ-объект,

существовавший либо в реальной действительности, либо в вымышленной, т.е. как знаки, которые вызывают ассоциации, пробуждают знания и воспоминания. Мы обратимся как к общим, так и к специфическим функционально-семантическим свойствам первичной ономастической номинации с помощью реалионимов и мифонимов на примерах из немецких литературных текстов.

При актуализации реалионимов в первичной номинативной функции возможны три типа первичной ономастической номинации: нейтральная ономастическая номинация, мифизация реалионима, ономастическое сравнение.

• **Нейтральная ономастическая номинация**

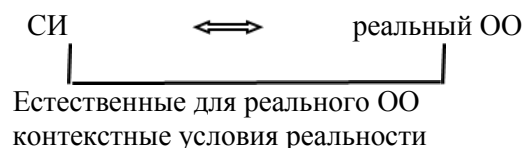

Рис. 1

Napoleon warf 1795 den Royalistenaufstand in Paris nieder.

При нейтральной ономастической номинации с помощью реалионима, которая характерна прежде всего для исторического дискурса, сохраняются соотносённость с первичным реальным ОО, а также исходные и естественные для ОО условия реальности. Речь идёт в данном контексте о Вандемьерском мятеже в Париже, когда вооружённое выступление роялистов 3–5 октября (11–13 вандемьера) 1795 года против Национального конвента было подавлено при помощи генерала Бонапарта.

• **Мифизация реалионима (в литературных произведениях):**

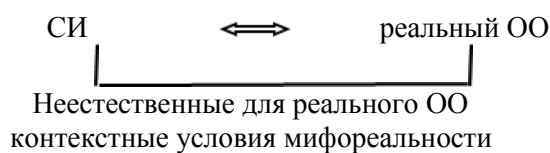

Рис. 2

Shakespeare tat mir leid, wegen mir konnte er nicht einmal mehr seinen Sohn umarmen. Die ganze Zeit hatte ich gejamert, wie furchtbar die Situation für mich war, aber für ihn musste alles noch viel schrecklicher sein. Daher sagte ich zu ihm: „Entschuldige, dass ich bei dir bin“ (D.Safier. Plötzlich Shakespeare).

В романе современного немецкого писателя Давида Сафира «Вдруг Шекспир» главная героиня София попадает после очередного любовного разочарования в результате гипноза в прошлое, а именно в тело Вильяма Шекспира. Она должна делить его с ним и может вернуться из далекого 1594 года в наше время только после того, как узнает, что такое настоящая любовь. В романе описывается хаос сосуществования обычной современной женщины и знаменитого писателя, её попытки согласовать ментальность наших дней и условия жизни и творчества великого писателя прошлой эпохи. *СИ Шекспир* используется в данном случае в литературном произведении и идентифицирует в тексте первичный онимический объект, но контекстные условия его актуализации носят фиктивный, вымышленный, литературный характер. Благодаря

этому возникает сложное сплетение реальных и вымышленных событий в романе. Исходный реалионим переводится из реального в вымышленный, мифический контекст и превращается в литературный оним.

Следует отметить, что в исторических романах реалионимы часто используются как литературные онимы, которые не подвергаются мифизации, они вписываются в исходные для них контекстные исторические рамки и способствуют созданию колорита документальности в литературном произведении. Некоторые признаки авторской мифизации, однако, возможны и в таких случаях литературной актуализации реалионимов.

- **Ономастическое сравнение**

Рис. 3

Sie war völlig gelöst, heiter wie *Mozart* und unerbittlich wie der Tod (Е.М. Ремарке. *Die Nacht von Lissabon*). В ней все было свободно и расковано. Она была шаловлива, как юный *Моцарт*, и неумолима, как смерть (пер. Ю.Плашевский).

Е.М. Ремарк использует в романе «Ночь в Лиссабоне» для характеристики героини два сравнения, одно из них ономастическое. В ономастическом сравнении всегда присутствуют два объекта – первичный онимический и ситуативный. Обязательными в ономастическом сравнении являются компаративные компоненты, такие, как союзы *wie*, *als*, прилагательное *gleich* и т.д. Ономастическое сравнение – это яркое изобразительное средство образного, поэтического языка, в основе которого лежит эмоциональная субъективная оценка явления автором.

При актуализации в первичной номинативной функции мифонимов возможны три типа первичной ономастической номинации: нейтральная ономастическая номинация, ремифизация мифонима, ономастическое сравнение.

- **Нейтральная ономастическая номинация**

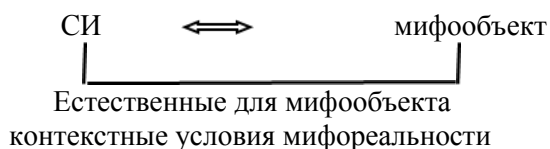

Рис. 4

Нейтральная ономастическая номинация этого типа имеет место при соотнесении античных мифонимов с античным миром, библейских мифонимов с библейским контекстом, литературных онимов с исходным литературным нарративом и т.д. Такое соотнесение фиксируется прежде всего в энциклопедическом дискурсе, но может являться и фабульной первоосновой для создания художественных текстов широкого философско-обобщающего смысла. Например, в основу многих баллад и стихотворений Ф. Шиллера положены увлекательные или печальные похождения античных богов и героев. Напри-

пенсионера, а Даная – в бездушного экскурсовода, не ожидающего своего Зевса и чуда рождения Персея: *Perseus wird nicht geboren. Die Meduse behält ihr Haupt und richtet sich bürgerlich ein* (W.Коеппен. *Der Tod in Rom*). Сын Зевса и Данаи не рождается, и горгона Медуза властвует над миром, так как именно Персей должен отрубить ей голову. Данный тип ономастической номинации обладает большим образным потенциалом и ярким стилистическим эффектом, от поэтически-возвышенного до шутивно-ироничного и саркастического.

Тот же приём ключевого (в рамках всего произведения) литературно-художественного образа античного мира используется в романе австрийского писателя Вольфганга Венгера «Машина Манхэттена». Пантеон античных богов гипотетически пережил крах западной культуры и продолжает свои божественные игры в современном мире. Место действия романа уже Нью-Йорк, однако, все географические и временные границы размываются в виртуальном мире, созданном рассказчиком. Повествование ведётся от лица Прометея, который всё ещё прикован к скале. Как и раньше, к нему каждый день прилетает орёл, чтобы мучить его. Рядом живёт Геракл, помешанный на видеоиграх, который просто забыл, что должен был освободить Прометея, и совершает свои подвиги не в жизни, а в виртуальном мире, получая за них игровые баллы.

Herakles kommt nicht, der Narr ist zu beschäftigt, rennt herum in den Straßen, beklaut Touristen am Port Authority Bus Terminal, geht in eine der Videospiehhallen, erlegt den Nemeischen Löwen in einem Durchgang oder kämpft mit der neunköpfigen Hydra, schlägt ihr einen Schädel nach dem anderen ab, bekommt 1000 Punkte (Wolfgang Wenger. *Die Manhattan – Maschine*).

В романе задействовано более 30 античных мифонимов: теонимов (Aphrodite, Hera и др.), антропонимов (Ariadne, Odysseus и др.), топонимов (Troja, Olymp и др.), зоонимов (Minotaurus, Polyphem и др.), причём именно они являются как главными, так и второстепенными героями воспоминаний Прометея, его фантазий и размышлений о жизни. Автором сохраняются основы некоторых мифологических сюжетов, которые, однако, осмысливаются заново. Например, по античной легенде Гектор, сын троянского царя, был убит Ахиллом. В романе В. Венгера Ахилл, безжалостный гитлеровский офицер, издевается над заключённым Гектором, гоня его круг за кругом вокруг концлагеря. В античной мифологии стоглазый Аргус сторожит Ио по приказу ревнивой Геры от глаз её мужа Зевса. В романе «Машина Манхэттена» Аргус – владелец стриптиз-шоу, в котором Ио работает стриптизёршей, демонстрируя себя сотням мужчин. Однако мифы являются для автора не материалом для литературных игр, а поводом для серьёзных раздумий о мире, в котором люди сами создали законы и подчиняются этим законам, ведущих их к самоуничтожению. Эриннии, голоса из концлагерей, обвиняют людей в том, что они построили машины, на которые потом сами стали походить. Приём параллелизма, заключающийся в ремифизации античных мифонимов и мифизации реалионимов, позволяет В. Венгеру достичь особого уровня символизма, глобальных обобщений. Все преступления против человечества объединены в один ряд вне временных и территориальных границ, например, массовые убийства людей в Хиросиме и концлагере Аушвиц в разговоре двух слепых: *Sagte der eine, Achill hat mich geblendet, damals in Auschwitz. Entgegnete der andere, nein, es war das Licht von Hiroshima?*

Основная особенность художественного приёма ремифизации мифонима – это образные параллели, сложное сплетение и взаимодействие двух контекстов, исходного мифического и авторского литературного, с целью достижения особой экспрессивности, образности, философской глубины художественной идеи романа автора.

• **Ономастическое сравнение**

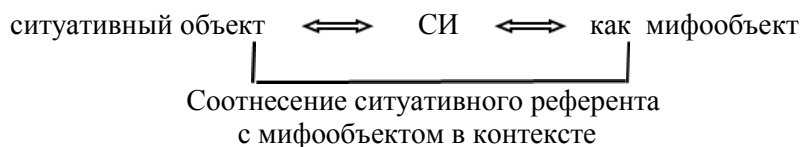

Рис. 6

Und Adolf sah sie sitzen, wie *Laokoon* und seine Söhne am griechischen Strand, von der Schlange umwickelt, die hassgeifernden giftzüngelnden Riesenschlangen ihres Wahnsinnes verschlangen die Eltern ganz (W. Koeppen. Der Tod in Rom).

В данном контексте основой для образного авторского сравнения родителей героя с Лаокооном и его сыновьями служит известная скульптурная группа, созданная греческими мастерами и изображающая смертельную схватку греческого жреца с морскими змеями. В интерпретации В. Кёппена эту смертельную схватку родители Адольфа проигрывают своему безумию и ненависти, поглощающим их подобно гигантскому удаву.

Объектом сравнения в ономастической номинации часто выступают известные мифолексемы, концентрирующие в себе сложные словесно-художественные образы: образы-персонажи или образы-легенды. Субъект сравнения конкретизируется в контекстуальных условиях, а общим признаком, основанием для сравнения ситуативного объекта и мифообъекта является один из признаков семантической периферии мифонима, деталь его исходного мифологического контекста [2].

В ономастическом сравнении всегда присутствуют два объекта – первичный онимический и ситуативный, чаще всего также онимический, но в образном ономастическом сравнении возможно и преодоление ономастических рамок, когда с одушевлённым онимическим объектом сравнивается абстрактное понятие. Например, в романе «Ночь в Лиссабоне» Е.М. Ремарк сравнивает с мифическим зоонимом, а именно Фениксом, человеческую память, которая уничтожает себя как легендарная птица, чтобы человек не разрушал себя мучительными воспоминаниями и мог продолжать жить дальше.

Unsere Erinnerung ... ist ein Tier, das lebt und frisst und verdankt. Sie frisst sich selbst wie *der Phönix* der Sage, damit wir weiterleben können und nicht durch sie zerstört werden (Е.М. Remarque. Die Nacht von Lissabon).

Таким образом, анализ типов первичной ономастической номинации при актуализации реалионимов и мифонимов показывает их принципиальное сходство. Поэтическая рефлексия мира позволяет сосуществовать различным логическим пластам: фактической реальности и ментальной мифореальности. Различие в характере реальности объекта ономастической номинации не отражается на функционально-семантических параметрах нейтральной ономасти-

ческой номинации и ономастического сравнения, что доказывает условный характер границ между мифореальностью и реальным миром при ономастической номинации. Вымышленные, мифические образы, т.е. объекты социально-культурной реальности, не имеющие реального бытия, мыслятся как реальные объекты. Свойства «культуры» сливаются со свойствами «натуры». Как СИ-реалионимы, так и СИ-мифонимы входят в когнитивную базу или ядро культурного пространства лингвокультурного сообщества.

Функционально-семантический фон первичной ономастической номинации отличается лишь при создании неестественных для исходных ОО контекстных условий мифореальности, а именно при мифизации реалионима или ремифизации мифонима. В стилистическом плане это наиболее сложные явления, в которых реализуется творческий потенциал автора, философская глубина его мышления, что требует от адресата знания исходного реального или мифического контекста и соответствующей компетенции при интерпретации его литературной вариации.

Список литературы

1. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
2. Сапожникова Л.М. Метафоричность ономастического сравнения и сравнительность ономастической метафоры // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2014. № 2. С.100–107.
3. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 368 с.
4. Debus F. Namenkunde und Namengeschichte: Eine Einführung. Grundlagen der Germanistik 51. Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2012. 280 S.
5. Nübling D., Fahlbusch F., Heuser R. Namen. Eine Einführung in die Onomastik. Tübingen : Narr Verlag. 2012. 368 S.

TYPES OF PRIMARY ONOMASTIC NOMINATION WHEN USING REALIONYMS AND MYTHONYMS

L.M. Sapozhnikova
Tver State University, Tver

The article focuses on the types of primary onomastic nomination that preserves the correlation with the original object of a proper name. The author considers their functional and semantic features. The fundamental differences and similarities of the main primary onomastic nominations that use realionyms and mythonyms are described on the example of the German literary texts.

Keywords: *the German language, onomastics, proper names, mythonym, realionym, onomastic nomination, onomastic simile, mythization.*

Об авторе:

САПОЖНИКОВА Лариса Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: larsap@rambler.ru

УДК 811.111'23

МЕТАФОРА В ФОРМИРОВАНИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е.А. Уразова

Военный университет Министерства обороны РФ, Москва

Концептуальные политические метафоры являются стереотипными когнитивными структурами, влияющими на формирование публицистической картины мира, которая рассматривается как одна из составляющих языковой картины мира. К основным метафорическим моделям политического языка относятся модели ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, СТРОИТЕЛЬСТВО, ЖИВОТНОЕ, РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, СПОРТ, ТЕАТР.

Ключевые слова: *метафора, метафорическая модель, стереотип, публицистическая картина мира, политическая коммуникация.*

На протяжении долгого времени метафора притягивает учёных из разных областей гуманитарного знания своей многогранностью. Особый интерес представляют исследования метафоры с точки зрения национально-культурного подхода к ней, позволяющего выявить закономерности процессов метафоризации: «в создании языковой картины мира чрезвычайно важна роль метафоры, поскольку метафора является средством познания действительности, средством организации опыта взаимодействия с внешним миром» [10: 160]. По мнению Т.Г. Поповой, «образ мира как глобальная структура не отражается полностью средствами конкретного языка и может быть представлен следующими уровнями: концептуальная картина мира, языковая картина мира, групповая картина мира и индивидуальная картина мира» [9: 41].

Одним из более узких направлений внутри общего изучения метафоры в репрезентации языковой картины мира является рассмотрение роли метафоры в формировании публицистической картины мира, под который понимается часть языковой картины мира, складывающаяся в процессе политической коммуникации и включающая её проявления, в том числе созданные публицистические тексты [12]. Политическая коммуникация осуществляется на различных уровнях, начиная с устных высказываний обывателей на общественно-политические темы, обсуждений политиками вопросов устройства общества и государства, газетных статей политических обозревателей, новостных программ о событиях в мире и комментариев к ним и заканчивая официальными речами глав государств и юридическими документами, характеризующими взаимоотношения между мировыми державами или закладывающими основы внешней политики государств. Цели политической коммуникации – информирование реципиента по вопросам политики, высказывание точки зрения автора, воздействие на адресата, формирование у него необходимой автору / заказчику позиции, побуждение к нужным действиям. В качестве одного из средств достижения этих целей авторы используют метафору, которая, являясь не только художественно-стилистическим приёмом, но и глубинным когнитивным процессом, даёт возможность адресанту с помощью метафоры кодировать нужную информацию, а адресату – декодировать её, опираясь на знания об источнике метафоры и исходя из области цели метафоры.

В рамках когнитивной теории метафоры [3; 6 и др.] признаётся наличие в любой метафоре когнитивной структуры источника и когнитивной структуры цели. В терминологии, предложенной А.Н. Барановым [2], это область отправления функции отображения и область прибытия. Согласно гипотезе инвариантности Дж. Лакоффа, метафоризация происходит благодаря тому, что некоторые смыслы источника метафоры отображаются на области её цели и повторяются в ней. Такое выстраивание смыслов области цели в соответствии со структурой источника называют метафорической проекцией (см. об этом подробнее, например: [12]).

Метафоричность и метафоризация также «запускают» механизм действования рефлексивного характера как при продукции, так и при рецепции текста [5]. Для удобства составления словарей метафор и автоматического поиска А.Н. Баранов [2] вводит понятие «парадигматическая модель метафорической проекции», под которой понимается упорядоченное сочетание сигнификативных (из области источника) и денотативных (из области цели) дескрипторов. Метафорическими моделями (М–моделями) будут «тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов» [цит. раб.: 38]. Метафорика определённого дискурса объединяет не просто множество относящихся к нему метафор, а совокупность типичных для данного вида дискурса метафорических моделей. Типичные метафорические модели образуют «дискурсивные практики». Именно такие М–модели важны для изучения метафорики того или иного типа дискурса. Таким образом, метафорическая модель представляет собой область источника метафоры или, иными словами, область отправления функции отражения метафоры.

Метафора является важным источником образования новых смыслов. В политической коммуникации, т.е. в политическом общении субъектов политической деятельности, коммуниканты активно пользуются возможностями метафоры по оказанию воздействия на адресата. Поскольку вся политическая деятельность подчинена принципу борьбы за власть, функция эмоционального воздействия на реципиента, в том числе с помощью метафоры, оказывается чрезвычайно важной. Метафора в политической коммуникации имеет две основные функции: информационную, т.е. функцию моделирования действительности, и экспрессивную, т.е. функцию эмоционального воздействия [1]. Соответственно, метафоры делятся на «стёртые» (или «мёртвые») и «живые». Так называемые «стёртые» метафоры являются устоявшимися, привычными, стереотипными выражениями, которые обычно не воспринимаются реципиентами как метафоры, а используются авторами с целью ознакомления адресата с определённой информацией, при этом такие метафоры несут с точки зрения адресата лишь функцию понимания. Напротив, «живые» метафоры представляют собой яркие образные выражения, в которых метафорический перенос с области источника на область цели прослеживается явно, при этом в сознании реципиента благодаря отчётливому образу источника метафоры и легко выводимым из него метафорическим следствиям образ цели метафоры обогащается новыми смыслами и производит сильный эмоциональный эффект. «Живые» метафоры обладают не только функцией понимания, но и функцией распознавания их как структур с высоким эмоциональным «зарядом» и воздействием на адресата. В связи с понятием «стёртой» метафоры представляется необходи-

мым говорить о стереотипах в лингвистическом понимании и их отношении к метафоре (подробнее о стереотипах см., например [8; 11]). Концептуальные метафоры, являющиеся глубинными укоренившимися в сознании носителя определённой культуры структурами и лежащие в основе его системы понятий о мире, знаменуют собой, по сути, стереотипные представления человека, «навязанные» ему через устоявшиеся метафоры. Стереотипы представляют собой необходимый элемент развития общества, став одним из условий сохранения культурной преемственности. Создание стереотипов является необходимой мыслительной операцией в процессе познания действительности, и в этом понимании стереотип близок термину «стёртая» метафора. Одним из конкретных способов выражения стереотипов является использование переносного значения именованний типа *собачья жизнь* [4],

За концептуальной метафорой ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕАТР стоит стереотипное представление о политике, ставшее в определённом смысле общим для сознания представителей англо-саксонской и русской культур. Подобные концептуальные метафоры могут представлять собой своего рода идеологемы, за которыми стоят закодированные особым образом национально-специфические ценности [7]. Например, выражение *to play a full role* ‘играть полноценную роль’ является «стёртой» стереотипной метафорой, несущей информативную функцию моделирования действительности, как, например, в статье [<https://www.ghanastar.com/international/theresa-may-and-donald-tusk-hold-ing-brexit-talks/>]: «Theresa May is to meet European Council President Donald Tusk for the first time since becoming UK prime minister later, with Brexit on the agenda» (Предстоящая встреча по вопросам выхода Великобритании из ЕС между Терезой Мей и председателем Европейского Совета Дональдом Туском состоится впервые с момента её вступления в должность премьер-министра Великобритании. – Здесь и далее переводы примеров с английского языка выполнены нами. – Е.У.).

In talks at Downing Street, Mrs May will say the UK will continue to play a full role in the EU until it leaves. (‘Во время переговоров в своей официальной резиденции на Даунинг-стрит премьер-министр Великобритании Тереза Мей объявит о том, что Соединённое Королевство будет продолжать играть полноценную роль в Евросоюзе до тех пор, пока не выйдет из него’)

Такая же метафорическая модель реализуется и в китайском языке: 中俄总理定期会晤机制是统筹规划和协调推动中俄各领域合作的重要平台, 发挥着不可替代的作用 (Механизм регулярных встреч глав правительств Китая и России – важная площадка, играющая незаменимую роль для единого планирования и содействия двустороннему сотрудничеству в различных областях) (газета «Жэньминь жибао» от 19.03.13; перевод А.В. Галкина). Глагольно-объектная конструкция 发挥(着)作用 ‘играть роль’ часто используется в контекстах, где речь идёт о политических процессах.

В другом примере из статьи «EU summit date on Brexit announced» (Объявлена дата встречи на высшем уровне представителей стран Евросоюза по вопросу выхода из него Великобритании) используется образ из области театра (*choreography* ‘хореографические приёмы’), когда сравниваются дей-

ствия заинтересованных сторон с осторожными движениями танцоров, задача которых в том, чтобы не задеть при движении партнёров. С помощью этой метафоры автор усиливает мысль о необходимости поиска компромисса в вопросах, связанных с правами европейцев, живущих в Великобритании, и британцев, проживающих в Европе, а также выплат Соединённым королевством взятых на себя обязательств (<http://www.bbc.com/news/uk-politics-39337693>).

British ministers have said the EU's draft guidelines, which are expected to be published within 48 hours of Article 50 being triggered, will be a "very important" moment of "choreography" in the Brexit process. (По словам министров Великобритании, проект рекомендаций о выходе Соединённого Королевства из состава Евросоюза, как ожидается, будет опубликован в течение 48 часов после вступления в силу статьи 50 и станет важной отправной точкой для начала поиска компромиссов по пути к отделению Великобритании).

Распространённой концептуальной метафорой является модель ПОЛИТИКА – ЭТО СПОРТ. Эту модель встречаем в сообщении ВВС от 25 сентября 2016 года [<http://www.bbc.com/news/election-us-2016-37432141>] под заголовком «US election debate: Your ultimate guide» (Предвыборные дебаты в США: итоговые заметки): *This is it – the final stretch of the US presidential race.* (Вот и она – финишная прямая президентской гонки в США).

Использование подобных стереотипных метафор как в англоязычных текстах, так и в текстах на русском языке, говорит об универсальных закономерностях работы человеческого мышления, формирующего с помощью таких устоявшихся метафор концептуальную картину мира независимо от принадлежности к той или иной культуре. Так, в китайском языке также присутствует на концептуальном уровне стереотипное метафорическое представление о политике как о спорте: 中巴关系经受住时间和国际风云变幻的考验, 始终保持健康稳定发展 (Отношения между Китаем и Пакистаном ВЫДЕРЖАЛИ ИСПЫТАНИЯ временем и международными пертурбациями, в них всё время сохраняется здоровое и стабильное развитие) (Ежедневная газета «Жэньминь жибао» от 17.03.2013; перевод А.В. Галкина). Метафорой становится выражение 经受(住) 考验 ВЫДЕРЖАТЬ ИСПЫТАНИЯ, отсылающее к теме проверочных мероприятий, устраиваемых в КНР при приёме на работу.

А.Н. Баранов рассматривает «комплекс стереотипных представлений, лежащих в основе метафор» в политическом дискурсе [2: 402] на материале русскоязычных текстов, относящихся к эпохе периода перестройки, и на материале немецкоязычных текстов, созданных авторами, проживающими на территории ГДР до момента объединения Германии. В результате проведённого А.Н. Барановым исследования [2] выяснилось, что многие стереотипные метафорические модели, частотные в русском и немецком языках в указанные периоды времени, совпадают. В порядке уменьшения частоты их употребления это следующие М–модели: ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, СТРОИТЕЛЬСТВО, ЧЕЛОВЕК–ПАЦИЕНС (о России) / ЧЕЛОВЕК БОЛЬНОЙ (о ГДР), ЖИВОТНОЕ, РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Метафорическая модель ПЕРСОНИФИКАЦИЯ имеет наибольшее количество употреблений в сравнении с другими М–моделями, поскольку она относится к числу наиболее употребительных не только в политическом дис-

курсе, но и за его пределами. Данный факт частотности именно этой метафоры также объясняется и тем, что наиболее близкими человеку являются его личные ощущения, и, используя метафорическую модель персонификации (или олицетворения), он описывает явления, напрямую не связанные с человеческим организмом, однако приобретающие некоторые его черты, свойства, признаки. Тем самым абстрактные явления обретают человеческие характеристики, становясь ближе и удобнее для понимания.

Интерес представляют наблюдения за использованием метафор в публицистических текстах, создаваемых во время различных предвыборных кампаний, когда цель политической коммуникации – это борьба за власть. Примером использования М-модели персонификации может служить отрывок из новостного сообщения информгентства ВВС (<http://www.bbc.com/news/election-us-2016-37792702>) под названием «Мишель Обама поддерживает свою “подругу” Хилари Клинтон в её предвыборной кампании» (*Obama campaigns with her ‘girl’ Clinton*): *The Clinton campaign hopes Mrs Obama’s imprimatur will help galvanise female voters, especially black women*. (В предвыборном штабе Хилари Клинтон надеются, что поддержка Мишель Обамы поможет привлечь на её сторону в качестве избирателей женщин, в особенности темнокожих).

Метафорическая модель ПЕРСНИФИКАЦИЯ для «The Clinton campaign hopes» (буквально ‘предвыборная кампания Х. Клинтон надеется’), являющаяся наиболее частотной как в английском, так и в русском языках. В данном случае на русский язык её можно перевести с изменением конструкции и потерей метафоричности, так как правила сочетаемости слов в русском языке не позволяют использовать здесь метафору персонификации. Однако, как правило, метафорическая модель ПЕРСНИФИКАЦИЯ представляет собой так называемую «стёртую» метафору, которая несёт исключительно информативную функцию, не затрагивая функцию эмоционального воздействия на адресата, поэтому перевод без использования метафоры представляется адекватной передачей информации. В предложении также использована метафорическая модель ХИМИЯ. Глагол *to galvanise* имеет первое значение ‘гальванизировать, оцинковывать’, которое в результате метафорического переноса приобретает новый смысл ‘побуждать к действию’.

Частотной также является концептуальная метафора ПОЛИТИКА – ЭТО РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Обращение к М-модели РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, где сигнификативный дескриптор – это ‘развод’, относительно предстоящего выхода Великобритании из состава Евросоюза, позволяет автору статьи «EU summit date on Brexit announced» (Объявлена дата переговоров на высшем уровне стран-членов Евросоюза по поводу выхода Великобритании из ЕС) призвать все стороны этого процесса действовать осторожно, поскольку существует очень тесная связь между партнёрами [<http://www.bbc.com/news/uk-39333898>]: *Brexit divorce: ‘conscious uncoupling’ or bitter breakup?* (Развод британски: что выбрать – разойтись с Европейским Союзом цивилизованно или резко разорвать с ним отношения?).

Публицистическая картина мира является частью языковой и концептуальной картин мира. На её формирование оказывают влияние многочисленные публицистические тексты, которые имеют национально-культурные особенности. Публицистическая картина мира обладает определёнными универ-

сальными характеристиками. Использование метафор в публицистических текстах может быть как специфичным для конкретного национально-культурного сообщества, так и общим для многих культур, что отражает способность к обобщению, упрощению и упорядочиванию информации.

Список литературы

1. Алексеев К.И. Функции метафоры в политической речи // Познание. Общество. Развитие. М.: Ин-т психологии РАН, 1996. С. 150–161.
2. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: «Помовский и партнёры», 1994. 333 с.
4. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.
5. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 29 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Масленникова Е.М. Дискурсивные маркеры как часть кода эпохи: особенности перевода // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 6 (717). Языкознание и литературоведение. С. 413–423.
8. Масленникова Е.М. Текст: культурные смыслы, коды и концептуализация // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXV. С. 846–852.
9. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 146 с.
10. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты: на материале английского, немецкого и русского языков: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 288 с.
11. Уразова Е.А. Лингвистические подходы к понятию «стереотип» // Электронный научный журнал. 2016. № 7 (10). С. 129–133.
12. Уразова Е.А. Основные подходы к изучению метафоры политического дискурса // Лингвистика XXI века: традиции и перспективы. Тверь: ТвГУ, 2016. С. 341–346.

METAPHOR IN PUBLICIST VIEW OF THE WORLD

E.A. Urazova

Military University of the Defence Ministry of the Russian Federation, Moscow

The publicist view of the world is seen as part of the linguistic world image. Conceptual political metaphors constitute stereotyped cognitive entities influencing the publicist view of the world. Patterns like PERSONIFICATION, CONSTRUCTION, ANIMAL, FAMILY RELATIONS, SPORT, THEATRE are conventional metaphorical models in political language.

Keywords: *metaphor, metaphorical model, stereotype, publicist view of the world, political communication.*

Об авторе:

УРАЗОВА Екатерина Александровна – адъюнкт Военного университета Министерства обороны РФ, e-mail: urazova-ekaterina@yandex.ru

УДК 808.1

СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГАСТИКО-ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ

Н.Д. Шестопалова

Языковая школа Дельта Интерконтакт, Тверь

В данной статье автор рассматривает смыслообразующий потенциал гастико-лексических элементов, представленных в презентации прямой речи. Данные единицы описывают знаковые и коммуникативные функции наименований пищи, напитков и угощений в рамках невербального общения, ограниченного пространством художественного текста.

Ключевые слова: *гастико-лексические элементы, смыслообразование, презентация прямой речи.*

Художественный мир произведения порой кажется зеркальным отражением мира реального, однако это отображение действительно многогранно и многопланово. Даже сажая своих персонажей за ужин, автор не просто создаёт социально-культурный контекст застольного этикета, типичный для эпохи, описанной в произведении, но и через описание приёма пищи и напитков раскрывает эмоционально-психологическое состояние, портретные характеристики персонажей, особенности их межличностных отношений.

Тема еды в художественных произведениях освещается в работах Е.В. Филипповой, Ж.Л. Ширяевой, И.Н. Матюхиной, С.Т. Мамедовой и других лингвистов. Целью данной статьи является рассмотрение лексических единиц, описывающих знаковые и коммуникативные функции наименований пищи и напитков, снадобий и угощений в рамках невербального общения, ограниченного пространством художественного текста. В диссертационном исследовании Н.Д. Ионовой данные лексические элементы получили название «гастические», отнесены к разряду знако-символических и рассматриваются как «целостная смысловая структура, принимающая участие в организации художественного текста» [2: 83].

В центре исследования – интерпретация и осмысление застольных элементов культурного бытия в авторских вводах прямой речи в художественном тексте. Гастико-лексические элементы рассматриваются как особо содержательные единицы, являющиеся смысловым компонентом презентации прямой речи.

Осмысление гастико-лексических элементов, участвующих в создании коммуникативной ситуации, осуществляется в рамках Тверской школы филологической герменевтики. Данные языковые выражения рассматриваются нами как сложноорганизованные структуры, обладающие смыслообразовательным потенциалом. Являясь фрагментами художественного текста, они соединяются с другими фрагментами и «переживаются» в сознании читающего, т.е. задействуется рефлексия. Рефлексия очень тесно связана со смыслом и пониманием текста. В результате взаимодействия частных и сущностных смыслов формируется феноменологический «жизненный мир» или целостность текста как важнейший момент субстанциональности [1]. Так,

гастик-лексические элементы, осмысляясь в коммуникативном событии, выступают в качестве образа, приобретая ранее скрытые коннотативные признаки. Результатом понимания становятся смыслы не только на поверхностном уровне (текстообразования), но и глубинном уровне (смыслообразования).

Проанализируем отрывок из романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (Oscar Wilde «The Picture of Dorian Grey»), где репрезентируется простой речевой жанр «словесного натюрморта»: «Словесный натюрморт имеет свою композиционную структуру, стилистическую законченность и тематическую определённую, следовательно, он может быть рассмотрен как речевой жанр или как тип высказывания, который обычно является частью ритуализованного действия приготовления или застолья» [3: 114].

"I suppose you have heard the news, Basil?" said Lord Henry that evening as Hallward was shown into a little private room at the Bristol where dinner had been laid for three [5].

В данном примере описана встреча Дориана Грея, Бэзила Холлварда и лорда Генри в отдельной комнате ресторана «Бристоль», где для них уже накрыт стол. Гастико-лексические элементы формируют тематический каркас данной коммуникативной ситуации, отражая культурные особенности своего времени. Из указания на место встречи в авторском вводе прямой речи мы считываем, что наши герои богаты и являются представителями высшего общества. Основной темой для обсуждения за ужином является искренняя любовь Дориана к Сибил и его желание жениться на ней.

*"Have you seen her today?" asked Lord Henry.
Dorian Gray shook his head. "I left her in the Forest of Arden; I shall find her in an orchard in Verona."
Lord Henry sipped his champagne in a meditative manner. "At what particular point did you mention the word marriage, Dorian? And what did she say in answer? Perhaps you forgot all about it."
"My dear Harry, I did not treat it as a business transaction, and I did not make any formal proposal <...>" [5].*

В этом примере гастико-лексические элементы репрезентируют гедоническую функцию. Как полагается джентльмену, лорд Генри перед едой «потягивает» шампанское («sipped his champagne»), в этом контексте данный гастико-лексический элемент – символ аристократичности, стиля и роскоши. Шампанское – это ещё и символ веселья и жизнерадостности, торжества и успешного начала. Радует ли лорд Генри, что Дориан обретёт своё счастье или, напротив, эта задумчивость злорадное предвкушение своей победы? Ответ на этот вопрос нам дают аллюзии на произведения Уильяма Шекспира (William Shakespeare) «Как вам это нравится» («As You Like It») и «Ромео и Джульетта» («Romeo and Juliet»). Предвосхищая события, автор предсказывает развязку отношений Дориана и Сибил, сообщая читателю, что начинаясь с романтической комедии, их любовь закончится трагедией.

"I love Sibyl Vane. I want to place her on a pedestal of gold and to see the world worship the woman who is mine. <...> When I am with her, I regret all that you have taught me. I become different from what you have known me to be. I am changed, and the

mere touch of Sibyl Vane's hand makes me forget you and all your wrong, fascinating, poisonous, delightful theories."

"And those are ...?" asked Lord Henry, helping himself to some salad.

"Oh, your theories about life, your theories about love, your theories about pleasure. All your theories, in fact, Harry."

"Pleasure is the only thing worth having a theory about," he answered in his slow melodious voice [5].

В данном примере гастико-лексический элемент «салат» – это не просто именование закуски, а указание на отношение лорда Генри к размышлениям Дориана. Он думает, что у мальчика «салат» в голове, вызванный эйфорией его чувств, и ловит его на слове, снова пуская в ход свои гипнотизирующие, завораживающие речи. Подобная двупланность на уровне смыслопостроения делает гастико-лексические элементы ценным средством создания ироничной атмосферы коммуникативной ситуации.

"I know what pleasure is," cried Dorian Gray. "It is to adore someone."

"That is certainly better than being adored," he answered, toying with some fruits.

"Being adored is a nuisance. Women treat us just as humanity treats its gods. They worship us, and are always bothering us to do something for them"[5].

Метафоричность гастико-лексических элементов в данном контексте очевидна. Дориан попался, лорд Генри играет им, как фруктами. Настоящая же власть Генри над Дорианом проявит себя позже, это лишь первые шаги. Последствие победы сильной личности над слабохарактерным мальчиком – смерть бедной Сибил.

Рассмотрим ещё один пример, где гастико-лексические элементы участвуют в определении нравственной составляющей героев повествования.

As he was sitting at breakfast next morning, Basil Hallward was shown into the room. "I am so glad I have found you, Dorian," he said gravely. "<...> I can't tell you how heart-broken I am about the whole thing. I know what you must suffer. But where were you? Did you go down and see the girl's mother? <...> Poor woman! What a state she must be in! And her only child, too! What did she say about it all?"

"My dear Basil, how do I know?" murmured Dorian Gray, sipping some pale-yellow wine from a delicate, gold-beaded bubble of Venetian glass and looking dreadfully bored. "I was at the opera. You should have come on there" [5].

Когда Безил приезжает поддержать Дориана, узнав о гибели девушки, он застаёт молодого человека за завтраком.

Автор ещё раз в этом примере задействует звуковую перцепцию читателя, выраженную глаголом «sipping». Реминисценция на подобную манеру пить шампанское лордом Генри, показывает нам, что ученик имитирует своего учителя, «потягивая» бокал вина. Гастико-лексические единицы становятся разоблачающей деталью данной презентации прямой речи, создавая контраст с ожидаемой реакцией не только любящего, но просто умеющего сострадать человека, формируя смысл предательства. От того искреннего мальчика, полного любви и страсти, не осталось и следа, победа лорда Генри очевидна. Жестокость, бесчеловечность и беспощадность окончательно завладели Дорианом. Показная роскошь и богатство противопоставляются душевной бедности и пустоте. Дориан считает себя

победителем и наслаждается вином из бокала изысканного венецианского стекла. И снова аллюзия переносит нас в Венецианские сады Шекспира. Наш Ромео и не подозревает, что его трагедия уже не за горами.

Проанализируем отрывок из современного романа Эммы Хили «Найти Элизабет» (Emma Healey «Elizabeth is missing»). Сюжетная линия развивается вокруг двух детективных расследований 80 летней старушки Мод, страдающей расстройством памяти. Скрупулезно и последовательно автор позволяет нам проникнуть в ограниченный и, одновременно, богатый мир пожилого человека. Мод, вспоминая детали исчезновения её сестры в далёких 1940-х, пытается разобраться в том, что с ней случилось, и параллельно ищет свою пропавшую подругу Элизабет в настоящем. Воспоминания Мод представляют собой субъективированное повествование, ведущееся от лица главной героини.

Правда, я помню, как к нам домой приходил полицейский, как расспрашивал нас о Сьюки. Он был там, когда я вернулась из школы.

– Я же сказал, что загляну к вам, – заявил он, сидя за кухонным столом перед тарелкой, на которую были навалены ломти пирога. У него были блестящие каштановые волосы и темные круги под глазами. И еще он был без формы. – Но как вам уже сказали в полицейском участке, в наши дни мы только и слышим, что кто-то пропал [4].

Накрытый стол перед гостем создаёт архетипический образ доброжелательности и гостеприимства. Хотя гость – это полицейский, а из блюд на столе только пирог. Однако для этой семьи, как и для многих других семей в 1940-х, это очень много, а точнее последние продовольственные запасы. Тем самым автор показывает, насколько важен гость. Полицейский – надежда всей семьи на то, что сестра будет найдена. Очевидно, что они готовы отдать всё, даже самое ценное. В те голодные времена драгоценным являются продукты, в данном примере – пирог.

– Но Фрэнк никогда не уходил из дома», – сказала мама, ставя чайник на стол и опускаясь на стул рядом со мной.

– Вот как? Он что, не воевал? – Полицейский поднимает глаза от пирога, и с уголка его рта падает крошка.

– Его фирма «Джеррард» занимается перевозкой крупных вещей, – сообщил отец, глядя на упавшие на стол, крошки. – И он не подлежал призыву. В любом случае Фрэнк тоже пропал [4].

Гастико-лексические единицы «крошки от пирога» становятся навязчивой деталью данной презентации прямой речи. Подобная избыточность накладывает дополнительную смысловую рамку повествованию. Приём многократного повторения одной детали, как мы видим в этом примере (и дальше по тексту), создают контраст с ожидаемой атмосферой дружественного чаепития, откровеннее передавая скрытый в них смысл напряжения и эмоционального волнения. С одной стороны, это тяжелый жизненный период, связанный с голодом, эксплицируется в ситуации внимательного отношения к каждой крошке. С другой стороны, это гиперболизированное внимание семьи к полицейскому, к каждому его слову, жесту и даже упавшей крошке от пирога.

Подводя итоги, ещё раз подчеркнём, что гастико-лексические элементы в авторских вводах прямой речи не только отражают социально-культурную

атмосферу времени, описанного в художественном тексте, но и способны передавать психоэмоциональную характеристику персонажей и их взаимоотношения. Данные единицы реализуют принцип наглядности, где мельчайшие детали, значимые для коммуникативной ситуации, дополняют друг друга, позволяя автору формировать глубинный смысл текста. Как видно из проанализированных нами примеров, гастико-лексические элементы способны оттенять и дополнять сюжетное событие в тексте, создавая особую тональность текста и являясь экспрессивным средством воздействия на читателя.

Список литературы

1. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь, 1993. 137 с.
2. Ионова Н.Д. Смыслообразующий потенциал презентации прямой речи в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 153 с.
3. Филиппова Е. В. Семантическая изотопия "еда" в художественном тексте (На материале малой прозы 60-80-х годов XX века): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 199 с.
4. Healey E. Elizabeth is missing / перевод на русский язык. М.: ООО «Издательство «Эксмо», 2014. 462 с.
5. Wilde O. The Picture of Dorian Grey // Free Books by Project-Gutenberg [Electronic resource]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/174/pg174.txt> (accessed at 08.11.2016).

SENSE-BUILDING POTENTIAL OF GASTICO-LINGUISTIC ELEMENTS OF DIRECT SPEECH PRESENTATION

N.D. Shestopalova

Language School Delta InterContact, Tver

In this article the author studies sense-building potential of gasticolinguistic elements in the presentation of direct speech. These units describe symbolic and communicative functions of food, beverages and treats as part of non-verbal communication in the limited area of a literary text.

Keywords: *gastico-linguistic elements, sense-building, presentation of direct speech, communicative situation.*

Об авторе:

ШЕСТОПАЛОВА Надежда Дмитриевна – кандидат филологических наук, преподаватель языковой школы Дельта Интерконтакт, e-mail: ionova_nd@list.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 81'42

РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ БЫТОВОГО КОНФЛИКТА

Е.В. Белова

Калужский филиал Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Калуга

Статья посвящена проблеме распознавания и регулирования конфликта. Особое внимание уделяется речевым маркерам психологической установки в конфликте. Существует пять основных установок в повседневном конфликте: сотрудничество, избегание, приспособление, компромисс и конкуренция. В зависимости от выбранной установки участники конфликта используют различные речевые средства выражения своей позиции.

Ключевые слова: конфликт, конфликтная ситуация, дискурс, речевые маркеры, психологическая установка.

Межличностные контакты часто осуществляются в условиях конфликта, который является неотъемлемой частью человеческого общения. В последнее десятилетие проведено достаточное количество исследований, посвящённых определению, структуре, протеканию конфликта (В.С. Третьякова, Н.Н. Кошкарлова, С.Р. Дадян, О.С. Волкова, Н.А. Белоус, Т.С. Непшикуева и др.). Некоторые авторы трактуют конфликт, исходя из наличия в нём агрессивной тональности и определяя его как наиболее острый способ разрешения противоречий [1: 535] или как насильственное межличностное противостояние, связанное с сознательным ущемлением нравственного достоинства и потребностей партнера [4]. Конфликт может трактоваться широко как проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противостоянии сторон [3: 54].

Конфликт в межперсональном общении может быть осмыслен как контрпродуктивный и как продуктивный. Контрпродуктивность конфликта связана прежде всего с взаимозависимостью членов коллектива и необходимостью адаптировать личностные цели и потребности к целям и потребностям коллектива, а также с тем, что в процессе межличностного взаимодействия неизбежно разное качество индивидуальных целей и разное осознание целей коллективных, что выражается в попытках установления доминирования одних личностей над другими. В условиях этнокультурной специфики, например, русского социума, конфликтность оценивается преимущественно как контрпродуктивный фактор совместной деятельности.

Продуктивность конфликта заключается: в экспликации спорных позиций и вариантов решения проблем; в порождении и развитии новых идей; в снятии напряжённости, связанной с невысказанностью претензий; в возможности пересмотра и переоценки целей, которые преследует коллектив; в последующей гармонизации отношений между участниками общения; в стимулировании социальных перемен, связанных с возможной неравноправностью членов коллектива или несправедливым отношением к некоторым его членам.

В связи с этим целесообразно фокусироваться не на продуктивных сторонах конфликта, а на способах выявления и преодоления трудностей разрешения конфликта, поскольку в глазах общающихся в русской этнокультуре конфликт остаётся явлением крайне нежелательным, мешающим продуктивному общению и совместной выработке оптимальных и компетентных путей решения проблемных ситуаций, а в худшем случае приводящим к разрыву коммуникации. При этом собственно проблемы, требующие решения, в русской этнокультуре не приравниваются к конфликтам и расцениваются либо умеренно отрицательно, либо нейтрально.

Актуальность исследования определяется: (а) высокой частотностью и повсеместностью конфликтных ситуаций в повседневном и научном общении и необходимостью их разрешения; (б) возможностью обосновать и сформулировать методики выявления латентного конфликта без специальных социопсихологических экспериментов – на основе лишь языковой манифестации общения, что существенно упрощает и облегчает процедуру разрешения конфликтов; (в) возможностью на этой основе выявить наличие и предупредить развитие контр-продуктивных конфликтов.

Существуют стратегии общения, позволяющие предупредить возникновение конфликта; это так называемые способы оптимального коммуникативного взаимодействия, включая Принцип кооперации П. Грайса [7] и Принцип вежливости Дж. Лича [8]. В случае, если конфликтную ситуацию предупредить не удалось и она прогнозируется, её появление и наличие важно своевременно обнаружить. Это можно сделать по специфическим языковым сигналам. Простого установления наличия конфликта, однако, недостаточно: для того, чтобы успешно преодолеть конфликт, важно идентифицировать тип конфликтной ситуации, поскольку для каждого такого типа, очевидно, можно выявить соответствующие эффективные методы разрешения.

В психологической литературе имеются типологии конфликтных ситуаций, однако выявить, какая именно ситуация перед нами в тот или иной момент, предполагается на основе анализа и систематизации характерных речевых коммуникативных и языковых признаков для каждой из них.

Для каждого типа конфликтной ситуации характерно наличие своего набора речевых стратегий, с помощью которых коммуниканты инициируют, разворачивают (а в оптимальном случае – и подавляют) конфликт; если такие стратегии удастся идентифицировать, то существенно упрощается задача выстраивания контр-стратегий и способов речевого воздействия, с помощью которых производится разрешение конфликтов. Речевое воздействие при этом может производиться тремя способами: когда реципиент осознаёт его и подчиняется; когда реципиент осознает его, но противится ему; когда реципиент его не осознаёт [2].

Анализ конкретных речевых ситуаций с точки зрения содержательных характеристик конфликта и вариантов его разрешения позволит сформулировать рекомендации относительно того, какое языковое поведение (построение фраз, лексику, интонацию, словообразовательные, риторические приёмы) целесообразно и перспективно использовать для предупреждения, мониторинга и разрешения тех или иных разновидностей межличностных конфликтов речевыми средствами; основной акцент предполагается сделать на ситуациях в

образовательной среде. Научная новизна работы связана с установлением языковых сигналов и типологических характеристик возникновения, наличия и развития межличностного конфликта. В любой конфликтной ситуации человек ведёт себя согласно действующей на его сознание установке. Понятие установки лежит в основе теории личности Д.Н. Узнадзе [5].

В ходе исследования, проведённого на материале конфликтных диалогов участников развлекательных телешоу «Дом-2» (Россия), «Big Brother» (США), «Secret Story» (Франция), было выявлено, что в зависимости от типа личности и её установки будут варьироваться и стили её поведения в конфликте. Типичные стили поведения в конфликте подробно рассмотрены в работе [6]. Учёные описывают такие стили поведения, как сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление и конкуренция (конфронтация).

Речевые маркеры установки на сотрудничество

Описательные утверждения: «Я вчера разозлилась на тебя за то, что ты забыл про нашу годовщину». «Я сказал Кате, что мы не пара, потому что обиделся на твои слова». «*Tu pleures parce que je t'ai dit que tu manges trop? Mais c'est pas méchant!*» «*You say people don't care about you, but that's because you don't know us. I wanted to talk to you. I asked about your Christian school, about your upbringing house. I want to know you*».

Призыв к открытости: «Даша, что ты имела в виду, когда сказала, что мы с Андреем вели себя неприлично?» «*On est des grandes filles, d'accord? Ecoute, et si j'ai quelque chose à te dire, et tu as à le dire à moi, fais ça!*» «*Just be honest, please. You don't talk to me because of my Dad?*»

Призыв к уточнению причины конфликтной ситуации: «Ты хочешь сказать, что тебе не нравится, когда к нам приходит Олеся?» «*Mais pourquoi tu t'énerves comme ça?*» «*So, you say Zack failed because of me?*»

Принятие ответственности: «Да, оба мы с тобой виноваты в том, что случилось». «*Oui, c'est ma faute, je suis trop impulsive toujours*». «*I am really sorry, I know I shouldn't have told them about our plan, but now we have to fix it*».

Выражения, показывающие принятие чувств оппонента: «Думаешь, я не понимаю? Я прекрасно понимаю, почему ты обиделась. Может, дашь мне возможность попытаться тебе все объяснить?» «*Tu es trop excitée, je le vois. Calme-toi, d'accord? Tu verra que ça n'est pas si grave*». «*I can understand you*».

Речевые маркеры установки на избегание

Прямое игнорирование конфликтной ситуации: «Да о чем ты? Нет проблем!» «*Je suis fatiguée de répéter: tout est bien!*» «*There is nothing to argue about*».

Непрямое игнорирование: «Да что мне с ней делить?» «*You really think that I care? Come on!*» «*Do you see any other way out?*»

Смена темы: «Ой, Леви, давай о чем-нибудь другом, а?», «*Je ne veux pas parler de Juliette! D'accord?*»

Обобщающие замечания: «Ну, все мы на что-то обижаемся...» «*Tout le monde sait que c'est bêtise de disputer avec toi, Anne-Krystel*».

Речевые маркеры установки на компромисс

Предложение быстрого решения (но не в полной мере устраивающего конфликтующие стороны): *«Давай сейчас просто оставим эти полки в покое и пойдём к ребятам».*

Апелляция к справедливости: *«Хорошо, на этой неделе вы поживёте в этом домике, но на следующей туда заедём мы».* *«Mais ce n'est pas juste, tout simplement!»* *«You and me, we both know that Amanda is lying. Why don't you let me tell the truth? That's unfair!»*

«Торг»: *«Послушай, если ты не хочешь перестать общаться с Олесей, можешь хотя бы сделать так, чтобы она здесь не сидела целыми днями?»* *«D'accord, je vais me taire, mais tu dois promettre que tu me laisses seule».* *«Can you just listen to what I say? If now you listen without leaving or interrupting, I promise I will never start the topic again!»*

Речевые маркеры установки на приспособление

Отказ от своей позиции: *«Будь по-моему ...»* *«Don't even tell me that she is nice!»* – *«Okay».* *«Senna, tu veux dire que je ne suis pas raison, ah?!»* – *«Non».*

Невмешательство: *«Делай, как знаешь, Саи. Мне все равно».* *«Faites tout ce que vous voulez, je ne vous dirai un mot».*

Отказ от своих нужд: *«Иди уже. Я останусь и сама здесь все убегу».* *«Mais oui, d'accord, on n'ira pas, si tu veux».* *«Jess just told me that you are not going to take this mission with me. Is that true?»* – *«I just promised to do it with her...»* – *«What?»* – *«Ok, I choose you».*

Речевые маркеры установки на конфронтацию

Прямая угроза: *«Чего ты добиваешься сейчас? Чтобы я дала тебе в нос, что ли? Ты этого добиваешься?»* *«I can't wait to feel the bones in your throat crashing beneath my fingers».* *«Si tu ne comprends pas les mots, je vais t'expliquer autrement!»*

Злые шутки: *«Ну, конечно, ничего не было! Ты просто устала и прилегла к нему в постель!»* *«Vraiment? Vous allez vous marier?! Et Thomas (жених), est-il au courant de ça?»* *«Are you serious? The only way out for you then is to consult a specialist... Mental specialist, I mean...»*

Оскорбление: *«Да пошла ты, мырма!»* *«You're still a horrible human being».* *«Je te déteste! Putain!»*

Приписывание мыслей, чувств, мотивов оппоненту: *«Да ты нарочно тут из себя несчастную строишь, чтоб тебя только пожалели!»* *«Tu penses que je suis stupide...»* *«You're defending her only to annoy me!»*

Отрицание собственной ответственности: *«Ну, не я в этом виновата, знаешь ли!»* *«J'aimerais savoir ce que tu me reproches».* – *«Tout simplement je ne t'aime pas. C'est juste physique, ça passe pas...»* *«That's not my fault, I just do what you expect me to do, that's all».*

Итак, языковые личности используют различные речевые средства манифестации конфликтного дискурса, причём выбор этих средств зависит от их

психологической установки, и, соответственно, психологического типа личности. Для наглядности представим полученные результаты в виде таблицы.

Таблица. Установки конфликтующих языковых личностей

Тип личности	Тип установки (в %)*				
	Сотрудничество	Компромисс	Приспособление	Избегание	Конкуренция
Динамический	55	17	5	11	12
Статический	17	33	7	38	5
Вариабельно-лабильный	17	14	43	26	0
Вариабельно-стабильный	12	11	3	7	67

Список литературы

1. Анцупов А.Я. Конфликтология: учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. СПб.: Питер, 3-е изд., 2008. 496 с.
2. Васильев Л.Г. Проблема речевого воздействия: отечественные и зарубежные подходы: монография. Калуга: Калуж. гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2016. 152 с.
3. Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Гардарики, 2000. 320 с.
4. Сафьянов В.И. Этика общения: проблема разрешения конфликтов. М.: Мир книги, 1997 191 с.
5. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
6. Hocker J. L., Wilmot W.W. Interpersonal Conflict. Madison, Wisconsin. Dubuque, Iowa: WCB Brown and Benchmark publishers, 1995. 299 p.
7. Grice H.P. Utterer's meaning and intentions // Philosophical Review, 1969. Vol. 78. Pp. 54-70.
8. Leech G.H. Principles of Pragmatics. NY, London: Longman, 1983. 250 p.

VERBAL MARKERS OF CONFLICT

E.V. Belova

Kaluga Branch of Bauman Moscow State Technical University, Kaluga

The article deals with the problem of recognition and regulation of everyday conflict. Particular attention is paid to the verbal markers of conflict. The article studies the markers of conflict identifying the psychological setting of conflicting parties.

Keywords: *conflict, conflict situation, discourse, psychological setting.*

Об авторе:

БЕЛОВА Елена Витальевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана, e-mail: Helene-82@mail.ru

УДК 81'27+81'42

ПОЭТИЧЕСКОЕ ВНЕ ПОЭЗИИ: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Л.В. Исаева

Тверской государственной университет, Тверь

В статье на материале игровых рекламных текстов рассматривается характер реализованной в них поэтической функции (Р. Якобсон). Показано, что отличие игрового рекламного текста от текста художественного основано на прагма-функциональной компоненте дискурса, а также обусловлено спецификой субъектно-объектных отношений в рекламном и художественном дискурсе.

Ключевые слова: *реклама, языковая игра, поэтическая функция, фикциональный текст.*

Одной из проблем, связанных с языком рекламы и, в частности, с феноменом языковой игры в рекламном тексте, является проблема поэтического (эстетического) компонента в этом виде языковой деятельности.

Реклама – важная и серьёзная составляющая современного бизнеса, регламентированная Федеральным законом «О рекламе». А между тем, несмотря на всю серьёзность этой формы деятельности, сам феномен рекламы в современном обществе можно рассматривать как разновидность игры: игры с потребителем («кто кого»), игры с текстом (и игры «в текст»). В последнем случае, как форма языковой игры, реклама, действительно, не лишена эстетического компонента в своих лучших образцах. Но является ли реклама формой искусства, «поэзией» (если использовать данный термин, как это делали в древности, для обозначения любого рода и вида «высокого» словесного искусства, художественной литературы)?

Игра в науке XX века осмысливается как дело серьёзное. Во многих концепциях игру описывают как один из факторов, способствовавших становлению человека как социального существа. Игра является неотъемлемой частью искусства, причём эстетическая концепция игры восходит к учению Платона, затем характеризует немецкий романтизм и продолжает оставаться ведущей в XX в. Один из основоположников теории игры Й. Хейзинга пишет:

«Свойство быть прекрасной не имманентно игре как таковой, однако она обладает склонностью вступать в контакт со всевозможными элементами прекрасного. Более примитивным формам игры с самого начала присущи радость и изящество. Красота движений человеческого тела находит свое высшее выражение в игре. В более высокоразвитых формах игра пронизана ритмом и гармонией, этими благороднейшими дарами эстетической способности, которых удостоен человек» [15: 16–17].

В общей теории игры как формы деятельности значительное место занимает и теория языковых игр. При этом отечественные лингвисты в языковой игре неизменно подчёркивают её эстетический компонент: в предисловии к фундаментальному исследованию «Русская разговорная речь» Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова пишут:

«... авторы поставили перед собой задачу выделить и проанализировать те явления, когда говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это

может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.п.)» [13: 3]. Языковая игра – это «... игра с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное...» [цит. раб.: 172].

На творчески-эстетический характер языковой игры обращает внимание и Т.А. Гридина, которая видит в ней проявление «...адогматического речевого поведения, основанного на преднамеренном нарушении языкового канона и обнаруживающего творческий потенциал личности в реализации системно заданных возможностей» [5: 239]. Акцентирует эстетически-творческий, созидательный потенциал языковой игры и Б.Ю. Норман: «ЯИ в самом широком смысле слова – это использование языка для достижения надязыкового, эстетического, художественного эффекта...» [12: 79]. Самые современные исследования языковой игры также определяют её «как намеренный творческий эксперимент, который проводится с целью привлечения внимания и создания экспрессивного эффекта» [2: 3].

Вместе с тем, специалисты по языку рекламы понимают, что языковая игра в рекламе и в художественном творчестве принципиально отличаются друг от друга: две данные формы языковой игры различаются прежде всего своей прагматикой. Современный исследователь маркетинговых стратегий пишет:

«... при всех возможных точках соприкосновения у художественного творения в отличие от маркетингового есть следующие признаки: художественное произведение самодостаточно, маркетинговое подчинено прагматической цели; художественное произведение уникально, и, следовательно, вечно, а жизненный цикл маркетингового произведения зависит от тиражирования» [6: 31].

В то же время дифференциация поэтического (эстетического) начала в рекламе и художественном творчестве нуждается в более глубокой проработке. Ведь художественное произведение и тиражируется, и характеризуется определённой прагматикой – как не вспомнить здесь пушкинское: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать...»? А некоторые рекламные проекты, оторвавшись от своей рыночной прагматики, воспринимаются нами как художественные произведения, единичные и уникальные.

Дело, очевидно, кроется в более глубоких различиях между языковой игрой в рекламе и искусством как игрой с языком и игрой в язык. Но сначала – о том общем, что объединяет языковую игру в рекламном тексте и художественное творчество как игру с языком. Это – поэтическая функция языка, которую Р.О. Якобсон считал в словесном искусстве «... центральной определяющей..., тогда как во всех прочих видах речевой деятельности она выступает как вторичный, дополнительный компонент» [16: 202]. Напомним специфику поэтической функции – как её описывает классик отечественной и мировой лингвистики: это «... направленность (*Einstellung*) на *сообщение*, как таковое, сосредоточенность внимания на сообщении ради него самого – это *поэтическая* функция языка» [цит. раб.: 202].

Если оставить за пределами обсуждения некоторые принципиальные вопросы художественного текстопостроения – вопросы сочетания и соотноше-

ния поэтического и художественного, поэтического и эстетического (эти вопросы детально обсуждаются в специальной литературе), то, по сути, Р.О. Якобсон описывает то, что мы обнаруживаем в «игровой» рекламе. Обращённость на само сообщение, творческая трансформация языковых конструкций – не в этом ли суть языковой игры в рекламе?

Но, прежде чем перейти к примерам, сделаем теоретическое уточнение. С нашей точки зрения, простое нарушение языковых правил не является языковой игрой. Простое нарушение правил ведёт к семантическим потерям, языковую же игру справедливо считают способом *приобретения*, умножения (информации, смыслов и так далее). Поэтому нарушение правил обязано сопровождаться компенсацией понесённых потерь. Таковое происходит потому, что всякий игровой текст, с нашей точки зрения, есть поликодовое образование, где семантические «потери», понесённые на одном уровне текста, компенсируются на иных уровнях [7]. При этом наличие нескольких кодов мы обнаруживаем даже там, где, на первый взгляд, существует только один код. Приведём примеры.

(1) «*Чтобы быть в тонусе, надо, чтобы "Тонус" был в тебе*» (реклама сока «Тонус»). На первый взгляд, перед нами монокодовая конструкция, где элемент языковой игры, каламбур, основан на актуализации лексической полисемии, объединяющей номинации тонуса как особой компоненты психофизиологического состояния, с одной стороны, и популярного сока, с другой. Но следует обратить внимание на параграфемное оформление второй части каламбура, который и есть реализация второго, графического кода (наличие кавычек и заглавной буквы); оно то и обеспечивает игровые эффекты. Это становится ясно, если отказаться от параграфемного выделения во второй части рекламного слогана: (2) «*Чтобы быть в тонусе, надо, чтобы тонус был в тебе*». Игровой эффект исчезает, поскольку поликодовую конструкцию мы насильственно превратили в монокодовую.

(3) «*Mennen Speed Stick. Нанеси и отрывайся*». Здесь, несмотря на то, что этот известный рекламный слоган зафиксирован только вербально, мы также имеем дело с примером поликодового текста, поскольку рекламист известного дезодоранта пользуется двумя разными вербальными кодами – кириллицей и латиницей, у которых, кстати, очень серьезно различается «графическая семантика» [4].

Данные примеры подтверждают изложенный выше тезис об определяющем характере поэтической функции в игровом рекламном тексте. Но это – поэтическое без поэзии. И, чтобы разобраться в различиях между рекламным и художественным текстом, рекламным и художественным дискурсом, включающим языковую игру, следует рассмотреть их основные, онтологические характеристики и, прежде всего, прагма-семантический уровень [4].

В словесном искусстве языковая игра есть эстетическая деятельность, форма реализации творческих способностей художника, которая по данному ещё И. Кантом определению, «незаинтересованна». Так, великий немецкий философ особо подчёркивал в «Критике способности суждения»: «Красота – это форма целесообразности предмета, поскольку она воспринимается в нём без представления о цели» [8: 240]. «Сущностная незаинте-

ресованность поэтического акта» [11: URL], по мнению Жака Маритена, выдающегося современного французского философа и теоретика искусств, есть его ведущее качество. «Играя», художник не заботится о собственной выгоде (выгоде в том смысле, в каком о ней говорят люди бизнеса). Но, с другой стороны, он всё равно преследует определённые прагматические цели, и его «выгода» (прагматика фикционального речевого акта) – в успешной реализации своих творчески-познавательных способностей, в ощущении всевластия над стихией языка. Если это всевластие и приносит материальные блага, то – не в первую очередь.

В рекламной же деятельности языковая игра есть способ реализации маркетинговых стратегий, целью которых является, в конечном итоге, также получение максимальной прибыли, но – физической, а не «метафизической». И если креатор рекламного текста, а также стоящие за ним маркетолог и предприниматель эту прибыль получают, то прибыль потребителя рекламы – вещь довольно сомнительная.

Принципиальный вопрос: вопрос референциальной специфики литературно-художественного и рекламного тестов. В художественной литературе господствует фикциональный тип референции (фикциональность, вымысел как родовой признак искусства [3: 41–42]). Эстетический объект – результат реализации этого типа референции. В рекламном дискурсе может доминировать «фиктивная» референция – когда рекламист заранее знает, что обманывает потребителя рекламируемого товара. Но даже в этом случае маркетолог и рекламист любыми доступными им средствами стремятся дать потребителю понять, что рекламируемый ими объект вполне реален. Странно было бы предположить обратное, а именно – рекламиста, который убеждает потребителя в том, что рекламируемый им товар или услуга – фикция.

Это определяет и специфику субъектно-объектных отношений в художественном, с одной стороны, и рекламном дискурсе. Если в игровом искусстве «игроки» (создатель текста и его читатель) – равноправные партнёры, в рекламе же один управляет игрой, другой, ставший объектом манипулятивных стратегий текстопостроения, – подчиняется.

Отношения субъектов рекламного процесса (создателя и потребителя рекламы) напоминают отношения участников литературного процесса в рамках так называемой массовой, коммерческой литературы. В «серьёзной» литературе (классика) его участники – читатель и писатель – равноправны в своем отношении к тексту как суверенные субъекты творческого процесса; «серьёзная» литература есть, как пишут теоретики литературы, «интерсубъективная жизнь Сознания в формах художественного Письма» [14: 6.]. В массовой, коммерческой литературе интерсубъектные (субъектно-субъектные) отношения сменяются субъектно-объектными. Как полагает современный исследователь коммерческой литературы, в ней

«... идеология вытесняется коммерческим интересом, но суть субъектно-объектных отношений – даже с учётом этого нюанса – не меняется: коммерческий писатель, как и идеологически ангажированный составитель политизированных текстов, видит в читателе не полноценного субъекта культурного диалога, а объект воздействия. Цели этого воздействия хорошо известны, и реализуются эти цели в круглых суммах на счетах коммерческих издательств, издаю-

щих «красно-черную» и «розовую» литературу – боевики, детективы, любовные романы» [9: 8–9].

Попутно отметим: в современном лингво-рекламоведении, обращенном к феномену языковой игры, описание субъектно-объектных отношений в рамках рекламного процесса описано довольно неполно. Исследователи рекламы только отмечают тот факт, что в рекламном дискурсе субъектно-объектные отношения выстраиваются, в том числе, и по вектору субъект / субъект коммуникации, и это правило выводится только для так называемой «внушающей» рекламы [10: 17]

Л.П. Амири следующим образом описывает субъектно-объектную структуру рекламного процесса: «Российской и американской рекламе присущи сходные признаки: наличие участников коммуникативного акта – адресанта и адресата; наличие объекта» [1: 8].

На наш взгляд, субъектно-объектная структура данного коммуникативного акта много сложнее. По сути, следует говорить не о равноправных субъектах (данное неравноправие не акцентировано в приведённой выше квалификации участников рекламного коммуникативного акта – *адресат* и *адресант*) и объекте, под которым понимается рекламируемый товар, а о двух объектах, одним из которых, как объект воздействия со стороны субъекта-рекламиста, может быть признан адресат, и о двух субъектах, один из которых, тот же адресат, становится квазисубъектом: формально имея возможность полностью реализовывать свою субъективность, он, по сути, лишается её, когда становится объектом персуазивных стратегий рекламиста.

Таковы принципиальные различия рекламного и литературно-художественного дискурса, которые проясняют специфику игровых языковых стратегий в этих двух видах дискурса. Поэтическая функция, реализуемая в языке рекламы, не ведёт к созданию «поэзии» как результата «незаинтересованного» творческого акта. Рекламист заинтересован, ангажирован на получении прибыли, а потому его творчество, каким бы искусным оно не было, искусством не становится – это «поэтическое вне поэзии».

Список литературы

1. Амири Л.П. Языковая игра в российской и американской рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.П. Амири; Южный федеральный ун-т. Ростов-на-Дону, 2007. 26 с.
2. Викторова О.А. Особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.А. Викторова; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2016. 18 с.
3. Вымысел художественный // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной «Intrada», 2008. С. 41–42.
4. Гордон Ю. Книга про буквы от Аа до Яя. М.: Изд-во студии Артемия Лебедева. 2006. 384 с.
5. Гридина Т.А. Принципы языковой игры и ассоциативный контекст слова в художественном тексте // Семантика языковых единиц: доклады VI междунар. конф. М., 1998. Т.2. С. 239–241.
6. Должикова С.Н. Организация информации в предметной области «Маркетинг»: интерпретационный и системообразующий аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2009. 51 с.

7. Исаева Л.В. Языковая игра в поликодовом рекламном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.В. Исаева. Твер. гос. ун-т. Тверь, 2011. 16 с.
8. Кант Иммануил. Сочинения: В 6 ти т. М.: «Мысль», 1966. (Философ. наследие). Т. 5. 564 с.
9. Крижовецкая О.М. Нарратология современной беллетристики (на материале прозы М. Веллера и Л. Улицкой): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.М. Крижовецкая; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2008. 24 с.
10. Лившиц Т.Н. Реклама в прагмалингвистическом аспекте. Таганрог: Изд-во Таганрог.гос. пед.ин-та, 1999. 212 с.
11. Маритен Ж. Ответственность художника [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/MARITEN/hudozhnik.txt> (дата обращения: 19.03.2017).
12. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 228 с.
13. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Русский язык, 1981. 224 с.
14. Тюпа В.И. Постсимволизм: Теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара: 1998. 156 с.
15. Хейзинга Й. Homo ludens в тени завтрашнего дня. М., 1992. 458 с.
16. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». сб. ст. М.: Издательство «Прогресс», 1975. С. 193–230.

THE POETIC WITHOUT POETRY: LANGUAGE GAMES IN ADVERTISING

L.V. Isaeva

Tver State University, Tver

The article dealing with language games in ads shows the way the poetic function of the language (R. Jakobson) is realized in advertising as contrasted to how it manifests itself in fictional texts. The difference is based on the pragmatics of discourse, as well as on the character of the subject-object relations found there.

Keywords: *advertising, language games, poetic function, fictional text.*

Об авторе:

ИСАЕВА Людмила Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Тверского государственного университета, e-mail: isluda@yandex.ru

УДК 8 81

УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА ВОПРОСА

Ли Цинь

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Успех коммуникации возможен при соблюдении ряда условий, учитывающих способ выражения речевого акта говорящим и коммуникативную компетентность участников общения. Несоблюдение данных условий может привести к возникновению коммуникативных неудач. В статье рассматриваются причины коммуникативных неудач, чтобы выявить условия эффективной реализации речевого акта вопроса.

Ключевые слова: *речевой акт вопроса, условия успешности речевого акта вопроса.*

В трудах по прагматике, посвящённых изучению условий успешности речевых актов (далее – РА) (см.: [10; 14; 15; 18–20; 26]), РА вопроса рассматривается как акт совместного творчества задающего вопрос и отвечающего на него. Для эффективной реализации коммуникации собеседники должны соблюдать условия, выполнение которых необходимо для осуществления успешной постановки вопроса. Эти условия формулируются следующим образом:

- 1) *условие пропозиционального содержания* – пропозициональное содержание вопросительного предложения – произвольное суждение или пропозициональная форма;
- 2) *подготовительные условия:* (a) говорящий не знает ответа; (b) адресат знает ответ; (c) ни для говорящего, ни для адресата не очевидно, что адресат сообщит нужную информацию, не будучи спрошен;
- 3) *условие искренности* – говорящий хочет знать ответ;
- 4) *условие назначения* – данный акт рассматривается как попытка говорящего получить информацию от адресата [15: 293] (об условиях успешности РА вопроса см. также [14: 41; 19: 25; 21: 10; 26: 66]).

Однако для того, чтобы получить необходимую информацию от адресата, спрашивающий прежде всего должен добиться того, чтобы отвечающий мог услышать и правильно понять поставленный вопрос, воспринять его ситуативный контекст и быть готовым дать ответ. Таким образом, РА вопроса будет эффективным лишь тогда, когда он будет услышан, осмыслен, этически и ситуативно обоснован, и у отвечающего не будет причин для отказа дать запрашиваемую информацию.

Этого не произойдет в случае, если аудиальный канал общения у собеседника нарушен, или смысл поставленного вопроса непонятен [8: 31; 15: 264], вопрос не воспринят отвечающим, или ответ на вопрос включает конфиденциальную информацию, которую отвечающий не хочет разглашать [18: 306, 309–310; 25: 169].

В данной статье рассматриваются причины коммуникативных неудач в вопросно-ответной коммуникации с целью выявить условия, необходимые для

того, чтобы РА вопроса был услышан, понятен, воспринят и ответ на него был дан отвечающим.

I. Условия, необходимые для того, чтобы вопрос
был услышан отвечающим

Прежде всего, предпосылкой для эффективной реализации РА вопроса является привлечение внимания отвечающего к поставленному вопросу, так как, если отвечающий не слушает вопроса собеседника, он не может узнать, что от него требуют. См.: Манилов. – *Какого мнения вы о почтмейстере? Чичиков.* – *Вы всегда в деревне проводите время?* (М. Булгаков). В данном диалоге вопрос Манилова оставлен без ответа, так как Чичиков погружён в свои мысли и не слышит собеседника.

Кроме того, для эффективной реализации РА вопроса спрашивающий должен соблюдать условия для физического восприятия отвечающим поставленного вопроса, так как коммуникация не состоится при нарушении аудиального канала общения у собеседника. См.: [Диалог молодого человека и глухого деда] – *Родствие Мелеховым? – Как? – (Громче) Родствие, говорю?* (М. Шолохов). Пожилой мужчина не слышит, поэтому не может ответить на заданный вопрос.

II. Условия, необходимые для того, чтобы вопрос
был понятен отвечающим

Для того чтобы отвечающий был способен понять вопрос, спрашивающему следует отказаться от употребления слов, непонятных собеседнику, например диалектизмов, просторечных выражений, профессионального жаргона, многозначных слов, так как это может привести к тому, что вопрос не будет понят. См.: [Адресат приехал из города, а адресант, который задает вопрос, – казак.] – *Тамошний рожак? – Как вы говорите? – Спрашиваю, родом откуда?* (М. Шолохов). Слово *рожак* диалектное. На интуитивном уровне оно может быть понятно, но не каждый человек знает его значение.

Помимо этого, спрашивающий должен избегать неясности (тематического компонента) задаваемого вопроса, в силу того, что «неопределённое значение вопросительного местоимения затрудняет осмысление адресата» [19: 238]. См.: [Профессор Преображенский расстраивается от того, что у Шарика уже не собачье, а настоящее, человеческое сердце, и при этом не благородное. Он думает, что перед ним – Клим Чугункин, и хочет узнать, разделяет ли такое мнение его ассистент] – *Ну, а практически что? Кто теперь перед вами? Преображенский указал пальцем в сторону смотровой, где почивал Шариков. – Исключительный прохвост* (М. Булгаков). В данном примере, профессор желает выяснить личность Шарикова, ждёт объективной информации о нём, а отвечающий же, в свою очередь, понимает вопрос как побуждение к выражению своего отношения к Шарикову.

Поставленный вопрос должен содержать информацию, соизмеримую требуемой, так как в ином случае он может остаться без ответа. См.: [Говорящий – журналист. Адресат – профессор Персигов, совершил научное открытие] – *Правда ли, что в течении двух суток из икры можно получить 2 миллиона головастика? – Из какого количества икры? – вновь взбеленясь, закричал*

Персиков (М. Булгаков). В этом примере профессор не может ответить на поставленный вопрос, так как журналист даёт неполную информацию о предмете речи. Для того чтобы вопрос был понятен, фоновые знания, к которым отсылает спрашивающий (семантическая пресуппозиция вопроса), должны быть известны отвечающему (см.: [2; 3: 358; 4: 39; 10: 61,78; 13: 88, 107; 15: 254–255; 17: 135; 19: 57]). В случае, если семантическая пресуппозиция вопроса неизвестна отвечающему, речевое взаимодействие может не произойти. Например, [Гетман назначил без четверти двенадцать совещание, на которое должно прибыть высшее командование русской и германской армий. Шервинский ничего не знает. Реплика Гетмана:] – *Приехали? – Осмелюсь спросить, кто? – Как это, кто?* (М. Булгаков). Гетман полагает, что они с Шервинским обладают одной и той же информацией о предмете и хочет уточнить её, однако оказывается, что Шервинский не был в курсе предполагаемого приезда командования.

В процессе формулирования вопроса спрашивающему следует ориентироваться на общепринятую модель мира, так как в случае, когда модель мира спрашивающего существенно отличается от модели мира отвечающего, поставленный вопрос может быть непонятен собеседнику. Проиллюстрируем это следующим примером: [Министр торговли Корзухин просит Хлудова пропустить в Севастополь вагоны с ценным пушным товаром. Тот видит газету, где написано: «Главнокомандующий, подобно Александру Македонскому, ходит по перрону...», на что Хлудов неожиданно спрашивает] – *Господин Корзухин, я похож на Александра Македонского? Корзухин поражен. – Я вас серьезно спрашиваю, похож? (Схватывает с камина газетный лист, тычет его Корзухину.) Вы редактор этой газеты? Значит, вы отвечаете за всё, что в ней напечатано? Ведь это ваша подпись – редактор Корзухин?* (М. Булгаков). В данном случае некий редактор Корзухин напечатал статью про Хлудова, однако тот задаёт вопрос министру торговли Корзухину, даже попрекает его за статью, автором которой тот не является.

Для эффективной реализации РА вопроса спрашивающий должен также чётко сформулировать конечную цель, так как отвечающий нередко отказывается от ответа вследствие полного или частичного непонимания мотива спрашивающего. См.: [Иван Васильевич приглашает Максудова в Сивцев Вражек для чтения пьесы. После окончания чтения, узнав о том, что больше всех над ним издевался автор фельетона по имени Волкодав, Максудов спрашивает друга] – *Кто это Волкодав? – глухо спросил Максудов. – А зачем тебе?* (М. Булгаков). Отвечающий отказывается от ответа, так как не понимает мотивировки заданного вопроса.

III. Условия, необходимые для того, чтобы вопрос был воспринят отвечающим

Для эффективной реализации РА вопроса спрашивающий должен установить контакт с адресатом, в частности, он должен представиться, чтобы собеседник понимал, с кем разговаривает, так как коммуникативная неудача может произойти тогда, когда спрашивающий не называет себя. См.: [Диалог по телефону. Тот, кто звонит, не представляется и не знакомит профессора с обстановкой, а просто сразу спрашивает] – *Мыть ли яйца, профессор? – Что такое? Что? Что вы спрашиваете? – раздражился Персиков. – Откуда гово-*

рят? (М. Булгаков). В приведённом примере коммуникативная неудача происходит, потому что спрашивающий надеется, что профессор узнает его, или думает, что его личность неважна, однако профессор не может или не желает вести диалог «вслепую».

Для эффективной реализации РА вопроса спрашивающему следует найти подходящее время и место для коммуникации, так как отвечающий может оставить поставленный вопрос без ответа, если окружающая его обстановка не способствует ответу (о важности уместной обстановки для успешной коммуникации см.: [1: 38; 11: 18; 16: 4; 23: 39]). Например: [После ссоры дома с отцом Григорий ушёл к другу Михаилу ночевать, из любопытства Михаил спрашивает:] – *За что вы сцепились?* – *Э, брат... потом... Где тут дверь у вас? Не вижу* (М. Шолохов). Вопрос, заданный Михаилом, оказывается несвоевременным. Григорий ещё не успел зайти в комнату и не настроился на разговор.

Для того чтобы РА вопроса эффективно реализовался, спрашивающий должен соблюдать нормы поведения и речевого этикета, характерные как для всего общества, так и для социальной группы, к которой относится адресат, так как коммуникативная неудача может произойти из-за неадекватности спрашивающего. См.: [Говорящий – офицер. Адресат не знал, что его собеседник был офицер] – *Какая сотня?* – *А ты чей такой приبلудился?* – *Я тебе дам, подлец! Как с офицером раз-год-ва-ри-ва-ешь?* – *Виноват, ваше благородие! Обознался* (М. Шолохов). В данном случае вопрос говорящего не соответствовал социальным отношениям между коммуникантами, поэтому и ответ на него не был получен.

Успешный вопрос должен также иметь истинные семантические пресуппозиции, так как коммуникация может не состояться по причине того, что семантическая пресуппозиция поставленного вопроса ложна или её истинность не принята отвечающим (см.: [5: 113; 12: 306; 15: 211; 19: 50; 22: 427]). См.: – *Телеграмма при вас?* – *Какая телеграмма?* – *изумился офицер красных* (М. Шолохов). Адресант исходит из того, что телеграмма существует (экзистенциальная пресуппозиция вопроса), а адресат не понимает, о чем идёт речь.

IV. Отсутствие у отвечающего причин для отказа сообщать информацию

Для эффективной реализации РА вопроса спрашивающему следует проявлять уважение к праву на личную жизнь и обещать сокрытие полученной информации. Это нужно для того, чтобы отвечающий был уверен в том, что его истинные мысли и чувства не будут раскрыты посторонним. В случае, когда отвечающий отказывается от ответа или пытается уклониться от него, чтобы скрыть свои мысли и чувства, коммуникация не состоится. См.: [Мастер рассказывает поэту свою историю – как встретил свою возлюбленную. Бездомный спрашивает про возлюбленную Мастера] – *А кто она такая?* – *спросил Иван, в высшей степени заинтересованный любовной историей. Гость сделал жест, означавший, что он никогда и никому этого не скажет, и продолжал свой рассказ* (М. Булгаков). Мастер уклоняется от ответа жестом, не желая, чтобы имя Маргариты было известно, пусть даже и Бездомному, который скорее всего никому бы и не смог рассказать об этом. Это скорее всего

защита личности женщины, которую он любит и пытается сохранить её инкогнито, ведь, если правда будет обнаружена, её браку скорее всего придёт конец.

Итак, вопрос должен быть правильно и уместно поставлен, чтобы отвечающий мог услышать, понять, воспринять поставленный вопрос и обдумать ответ на него. Таким образом, кроме условий успешности РА вопроса Дж. Серля, к условиям эффективной реализации РА вопроса относятся:

- 1) привлечение внимания отвечающего к поставленному вопросу;
- 2) соблюдение необходимых условий для физического восприятия поставленного вопроса отвечающим;
- 3) отказ от употребления лексики, затрудняющей понимание вопроса;
- 4) отсылка к фоновым знаниям, общим для обоих коммуникантов;
- 5) точность выражения мысли и ясность конечной цели;
- 6) соблюдение норм поведения и речевого этикета;
- 7) выбор подходящей обстановки;
- 8) наличие истинной семантической пресуппозиции;
- 9) поиск компетентного отвечающего;
- 10) гарантирование конфиденциальности разговора спрашивающим, чтобы отвечающий не отказывался от ответа на вопрос.

Список литературы

1. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. Ташкент: Ташк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Ф. Энгельса, 1988. 119 с.
2. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 40. № 4. С. 356–367.
3. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982. С. 5–40.
4. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 21–38.
5. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М., 1981. 288 с.
6. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. 232 с.
7. Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова. И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985. С. 64–78.
8. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 30–64.
9. Ээгиймаа Ч. Категория вежливости и её выражение в русском и монгольском речевом этикете: дис. ... докт. филол. наук. М., 1988. 274 с.
10. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М., 2009. 225 с.
11. Карабань Н.А. Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 233 с.
12. Карттунен Л. Логика английских конструкций с интенциональным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. 16. М., 1985. С. 303–332.

13. Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 463 с.
14. Кобозева И.М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложения // Текст в речевой деятельности (Перевод и лингвистический анализ). М., 1988. С. 39–46.
15. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник. М., 2000. 348 с.
16. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М., 2005.
17. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с.
18. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т.41. Вып. 4. С. 305–313.
19. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью // Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985. 288 с.
20. Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып.35. М., 1997. С. 184–226.
21. Степанова Е.Б. Значение русских общевопросительных предложений: дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 213 с.
22. Столнейкер Р.С. Лингвистическая прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 419–438.
23. Туфанова Ю.В. Коммуникативная ситуация извинения: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010. 205 с.
24. Формановская Н.И. Вы сказали «Здравствуйте!» Речевой этикет в нашем общении. М., 1987. 160 с.
25. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: учеб. пособие. М., 2002. 214 с.
26. Searle J. R. Speech Acts: Essay in philosophy of language. Cambridge (Mass.), 1969.

CONDITIONS FOR EFFECTIVE REALIZATION OF THE INQUIRING SPEECH ACT

Li Qin

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow

The success of communication is achieved under certain conditions relying on the method of the speaker's expression of the speech act and the communicative competence of the participants of communication. Failure to comply may lead to communicative failures. The article gives a comprehensive description of the causes of the communicative failures in order to identify the conditions for effective implementation of the inquiring speech act.

Key words: *inquiring speech act, success conditions of the inquiring speech act.*

Об авторе:

ЛИ Цинь – аспирант 3-го года обучения филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: rosvo@mail.ru

УДК 811.111

СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО СПОТА

(на материале английского языка)

Е.П. Мурашова

Московский государственный лингвистический университет, Москва

В статье предпринимается попытка выделить основные структурно-композиционные элементы текста политического спота и выявить их прагматический потенциал.

Ключевые слова: *политический спот; политическая реклама; структура текста; прагматика.*

В настоящей статье предпринимается попытка выделить основные структурно-композиционные элементы текста политического спота и рассмотреть их прагматические установки. Сразу же поясним, что политический спот в нашем понимании представляет собой короткий рекламный видеоролик продолжительностью от 15 с. до 5 мин., цель которого – побудить зрителя к тому или иному типу политического поведения, например, убедить его проголосовать за того или иного политического кандидата, примкнуть к политической организации и т.п. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, необходимостью дальнейшей разработки проблемы жанрового разнообразия политической рекламы, во-вторых, недостаточной изученностью жанра политического спота с лингвистических позиций.

Поскольку структурно-композиционный признак нередко выдвигается в качестве основного при разграничении жанров, мы полагаем, что обращение к формальной организации текста политического спота играет важную роль при характеристике политического спота как самостоятельного жанра политической рекламы. Ярко выраженная направленность политического спота на убеждение зрителя диктует необходимость изучения прагматики структурно-композиционных элементов текста политического спота.

В качестве материала настоящего исследования выступают тексты более 500 англоязычных (британских, американских, австралийских, канадских и новозеландских) политических спотов, опубликованных на YouTube-каналах или официальных сайтах политических деятелей / организаций / движений в период 2007–2016 гг.

Традиционно под политическим спотом понимается «короткий (30- или 60-секундный) политический рекламный ролик, транслируемый по телевидению, иначе – полиспот» (перевод наш – Е.М.) [4: x]. Толкование политического спота как телевизионного видеоролика обусловлено особенностями исторического развития жанра.

Политический спот как жанр политической рекламы появился в 1952 г. по инициативе американского копирайтера Россера Ривза. В преддверии президентских выборов США 1952 г. специально для избирательной кампании кандидата от Республиканской партии Д.Д. Эйзенхауэра Р. Ривз разработал серию из 28-ми 20-секундных и 3-х 60-секундных телевизионных видеороликов под общим названием «Эйзенхауэр отвечает Америке» (англ. –

«Eisenhower Answers America») [7: 204]. В основе отснятых роликов лежал один и тот же простой сюжет: кандидат отвечает американцам на вопросы, касающиеся основных пунктов его предвыборной платформы.

В качестве модели для своих рекламных сообщений копирайтер использовал коммерческие телевизионные видеоролики, продвигающие товары и услуги. Такие ролики, иначе – споты, транслировались в промежутках между телевизионными программами и из-за дороговизны эфирного времени длились, как правило, не более 1 мин. Ролики Р. Ривза сразу же получили название «(политические) споты» благодаря своему формальному сходству с коммерческими спотами: как и их «генетические предшественники», рекламные сообщения нового типа длились не более 1 мин. и транслировались в перерывах между телевизионными программами.

С середины 1990-х гг. в связи с интенсивным проникновением web-технологий в политику жанр политического спота претерпел ряд изменений. Во-первых, в качестве канала распространения политического спота в последние десятилетия используется не только телевидение, но и Интернет. Во-вторых, в отличие от телевизионного политического спота, политический спот, представленный на web-сайтах, может длиться дольше 1 мин., поскольку для его публикации, как правило, требуется меньше денежных затрат.

С учётом данных тенденций, а также на основе анализа эмпирического материала мы считаем возможным отнести к политическим спотам короткие рекламные видеоролики (от 15 с. до 5 мин.), транслируемые как с помощью телевидения, так и с помощью Интернета.

Перед тем как обратиться к основным структурным компонентам текста политического спота, представляется целесообразным рассмотреть экстралингвистические факторы, определяющие его формальный облик и языковую специфику.

В целях исследования ситуации общения «политический спот» обратимся к схеме коммуникативного акта, предложенной Р. Якобсоном. В обобщённом виде эта схема может быть представлена следующим образом: *адресант* (говорящий/пишущий) передаёт *сообщение* (текст) *адресату* (слушающему / читателю). Для того чтобы коммуникация состоялась, необходимы такие факторы, как *контекст* (обстоятельства общения, о которых идёт речь), общий для адресанта и адресата *код* (знаковая система), а также *контакт* («физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом» [3: 198]).

Схема коммуникативного акта «политический спот» может быть представлена следующим образом. *Адресантом* текста политического спота является рекламодатель, а *адресатом* – электорат. В качестве рекламодателя, как правило, выступает кандидат на выборную должность / политическая партия / политическое движение / заинтересованная группа / общественная организация и т.п. К электорату могут быть отнесены граждане государства, нация, народность, отдельная социальная группа и т.п.

Общение между участниками коммуникативного акта «политический спот» осуществляется, как правило, в едином социокультурном *контексте*: адресант и адресат рекламного сообщения являются современниками, членами одного общества.

Рекламодатель отправляет *сообщение* в виде информации об объекте, на который, по замыслу отправителя, должны быть направлены действия электората. Таким объектом может являться политический кандидат или партия, политические взгляды, политическая программа, политическое движение и т.д.

Контакт между рекламодателем и электоратом обеспечивается, как правило, техническими средствами телевидения и Интернета. Использование телевидения и Интернета в качестве каналов распространения информации обуславливает семиотическую осложнённость текста политического спота. Как и любое телевизионное сообщение, текст политического спота образуется путём взаимодействия нескольких семиотических *кодов*, к которым относятся: 1) иконический код (видеоряд), 2) лингвистический код, представленный письменным (надписи и подписи) и устным (вербальная озвучка) компонентами, и 3) звуковой код (невербальный звуковой ряд, музыка) (см.: [5]).

Принимая во внимание тот факт, что «генетическим предшественником» политического спота является коммерческая телевизионная реклама, следует ожидать, что в тексте политического спота можно обнаружить структурные элементы, характерные для текста коммерческого рекламного сообщения. Структурно-композиционная модель рекламного текста, как правило, выглядит следующим образом: 1) заголовок и изображения; 2) подзаголовок; 3) основной текст; 4) слоган; 5) контактная информация (адресные данные, печати, логотипы и подписи) [1: 577]. Сходную модель структуры рекламного текста предлагает Е.В. Ромат. К основным структурным элементам рекламного текста он относит слоган, зачин, информационный блок, справочные сведения, эхо-фразу [2: 195]. Под зачином Е.В. Ромат понимает часть обращения, раскрывающую слоган и обозначающую проблему, на решение которой направлен рекламируемый товар [цит. раб.: 197]. Как правило, зачин предваряет основной текст рекламного сообщения. Согласно структурно-композиционной модели Е.В. Ромата, рекламный текст завершается эхо-фразой, которая либо повторяет слоган дословно или по смыслу, либо подкрепляет основное послание рекламного сообщения [там же].

Анализ материала позволил нам выделить в тексте политического спота несколько смысловых блоков, каждый из которых включает в себя один или несколько структурных элементов: 1) вводный блок: «зачин»; 2) основной блок: «основной текст»; 3) заключительный блок: «эхо-фраза» и/или «слоган»; 4) блок идентификации источника сообщения: «логотип» и «строка одобрения». Ниже мы приводим таблицу, резюмирующую структурно-композиционные сходства текста коммерческого рекламного объявления и текста политического спота. Структурно-композиционный каркас текста политического спота был выделен нами на основе анализа материала исследования.

Как следует из таблицы, структура текста политического спота в общих чертах повторяет структуру текста коммерческого рекламного объявления.

Рассмотрим прагматический потенциал и лингвистическое оформление каждого из компонентов структуры текста политического спота.

Текст политического спота, как правило, начинается с вводного блока, реализующего три коммуникативные установки: во-первых, привлечь к споту внимание зрителя; во-вторых, вовлечь зрителя в управляемый диалог с адресантом; в-третьих, установить контакт со зрителем. Как правило, во ввод-

ном блоке констатируется наличие актуальной социально-политической проблемы, требующей незамедлительного решения. В качестве её источника нередко называется политический конкурент. Значимость проблемы и необходимость её безотлагательного решения подчёркиваются посредством использования оценочной лексики с негативной коннотацией, а также прилагательных и наречий в сравнительной степени, например: *Under President Obama and Secretary Clinton, [TED CRUZ] the world is **more dangerous**, and America is **less safe*** (Здесь и далее: Примеры заимствованы с сайта YouTube [8]. В расшифрованном тексте политического спота письменная речь заключена в квадратные скобки. Размер шрифта заключённого в квадратные скобки текста повторяет размер шрифта письменного текста, представленного в ролике).

Таблица

Текст коммерческого рекламного объявления	Текст политического спота
	I. Вводный блок
1) Заголовок и изображения	Зачин
2) Подзаголовок	
3) Зачин	
	II. Основной блок
4) Основной текст	Основной текст
	III. Заключительный блок
5) Слоган	Эхо-фраза и/или слоган
	IV. Блок идентификации источника сообщения
6) Контактная информация	Контактная информация (логотип и «строка одобрения»)
7) Эхо-фраза	

Функцию привлечения внимания зрителя выполняют такие языковые средства, как вопросительные предложения (1), глаголы в повелительном наклонении (2) и стилистические приёмы, наиболее частотным из которых является аллитерация (3): (1) *Seen liberal Vince Sheheen's negative ads against Nikki Haley?*; (2) *Before you cast your vote for governor, **consider** [CONSIDER THIS] this;* (3) *It's time to tell the truth.*

В тексте политического спота вопросительные предложения нередко выполняют несколько функций. Так, в следующем примере вопросительное предложение не только активизирует внимание зрителя, но и вовлекает его в управляемый диалог с адресантом: *We know Justin Trudeau has a famous last name, [Does he have the experience to be Prime Minister?] but does he have the experience to be Prime Minister?*

Последующая часть спота (основной блок) имплицитно отрицательный ответ на поставленный в зачине вопрос: *Well, he's been a camp counsellor, a whitewater rafting instructor, a drama teacher for two years, a Member of Parliament with one of the worst attendance records.*

Во вводном блоке часто используются обращения и речевые формулы приветствия, направленные на установление контакта со зрителем: *Hello Canada. I'm Jack Layton.*

Употребление разговорной лексики способствует сокращению дистанции между адресантом и адресатом: *Stewart Mills: Rick Nolan's D.C. friends are attacking me with flat out lies.*

Основной блок (основной текст) текста политического спота, как правило, направлен на информирование и убеждение зрителя.

Проведённый на данном этапе исследования анализ материала позволяет выделить ряд параметров, характерных для основного текста политического спота: 1) политематичность, 2) фрагментарность, 3) документальность (фактографичность).

Политематичность является одним из основных параметров жанра политического спота. Особенно ярко политематичность проявляется в основном тексте. Его тематика, как правило, охватывает различные сферы общественной жизни: политическую, экономическую, научно-техническую, бытовую и др.

Политематичность текста политического спота обуславливает его фрагментарность. Фрагментарность сообщения проявляется на уровне трёх семиотических кодов – иконического, лингвистического и звукового.

Политематичность и фрагментарность текста политического спота могут быть проиллюстрированы следующим отрывком из ролика «Justin Trudeau – Judgement – He's in way over his head» канадской Консервативной партии, опубликованного в преддверии парламентских выборов в Канаде 2015 г.:

Voiceover: [Justin Trudeau] Justin Trudeau. He was born with a famous name. [Does he have the judgement to be Prime Minister?] But does he have the judgement to be Prime Minister? [I'd think of wanting to make Quebec a country] (Canadian Press, 2/14/2012).] He said he'd think about making Quebec a country. [Trudeau blasted the Conservatives for using the term «barbaric» (QMI, 3/14/2011).] He didn't like the word «barbaric» to describe cultural violence against women. He even said this.

[JUSTIN TRUDEAU] Justin Trudeau: Quebecers are better than the rest of Canada because, you know, we're Quebecers and whatever.

Voiceover: Yes... Nothing says good judgement like saying one region is better than another.

[Justin Trudeau] [He's in way over his head.] <...>

Спот «Justin Trudeau – Judgement – He's in way over his head» направлен на диффамацию Джастина Трюдо – кандидата в премьер-министры Канады 2015 года. Дж. Трюдо представлен в роли шоумена, не имеющего опыта политической деятельности и потому не готового к исполнению обязанностей премьер-министра. Иконический код спота преимущественно представлен кадрами, на которых молодой политик выступает на сцене перед толпой зрителей во время развлекательного благотворительного мероприятия. С широкой улыбкой на лице он вальяжно прохаживается по подмосткам, картинно взмахивает пиджаком, снимает рубашку, а затем демонстративно раскланивается. Кадры прерываются изображением рамки в форме красной звезды. В центре рамки появляется лицо Дж. Трюдо, произносящего провокационную фразу *Quebecers are better than the rest of Canada because, you know, we're Quebecers and whatever*. На несостоятельность Дж. Трюдо как будущего премьер-министра указывают цитаты, извлеченные из источников крупнейшего информационного агентства Канады «Канадиан Пресс» и канадской медиа-компании

«Quebecor Media Inc.» (QMI): «*I'd think of wanting to make Quebec a country*» (*Canadian Press*, 2/14/2012), «*Trudeau blasted the Conservatives for using the term «barbaric»*» (QMI, 3/14/2011). Звуковой код спота представлен преимущественно развлекательной, «цирковой» музыкой. Провокационное высказывание Дж. Трюдо сопровождается смехом актера озвучки. Изображение и аудиоряд, содержащие элементы развлекательного дискурса, создают запоминающийся негативный образ, который в сочетании с данными авторитетных новостных источников придаёт общению большую силу убеждения.

Документальность (фактографичность) текста политического спота обусловлена стремлением адресанта подкрепить каждое свое утверждение фактами. В качестве основного источника фактуальной информации в тексте политического спота выступают средства массовой информации – как правило, телевизионные новостные передачи, транслируемые популярными телерадиовещательными службами, и авторитетные широкоформатные газеты. Факты обычно представлены либо только в письменном виде, либо и в устном, и в письменном виде и вводятся в текст посредством парафраза и/или цитации. Так, в приведенном ниже отрывке перефразируется и цитируется новость из ведущей американской газеты «The Washington Post»: *When government illegally collected our phone records and violated our privacy, [«Rand Paul shows no sign of backing off NSA fight» Washington Post, 5-27-15] Rand Paul took a stand, defended our rights and stopped them.* Обязательным элементом текста политического спота является письменное указание источника фактов и даты их публикации. Документальность тексту политического спота придают также статистические данные и цифры, например: *He [Jeb Bush – E.M] cut taxes [Cut taxes \$19 billion Balanced 8 state budgets] [Governing, 12/2006; Florida Office of Economic & Demographic Research; CNN, 1/29/15] \$19 billion, balanced 8 budgets and shrank <...> state government.*

Заключительный блок текста политического спота чаще всего представлен эхо-фразой. Как правило, эхо-фраза содержит в себе основной аргумент в пользу того или иного типа политического поведения и обладает большой убеждающей силой. В результате наблюдения над эмпирическим материалом мы пришли к выводу, что эхо-фраза выполняет в тексте политического спота несколько основных функций: 1) резюмирует содержание основного текста; 2) предлагает зрителю самостоятельно сделать вывод на основе информации, представленной в предыдущих частях спота; 3) призывает зрителя к действию; 4) способствует установлению контакта между адресантом и зрителем. В соответствии с названными функциями мы считаем возможным выделить следующие типы эхо-фраз: резюмирующую эхо-фразу, эхо-фразу-вопрос, эхо-фразу-призыв и контактоустанавливающую эхо-фразу. Анализ материала исследования позволяет нам описать языковые средства, характерные для каждого из данных типов эхо-фраз.

Поскольку резюмирующая эхо-фраза содержит в себе основной вывод сообщения, копирайтер стремится наделить её наибольшей экспрессивной силой. Экспрессивность резюмирующей эхо-фразы, как правило, обеспечивается использованием стилистических приёмов. Наиболее частотными из них являются рифма (*David Perdue, he's not for you*), аллитерация и ассонанс (*[Bill Shorten – all politics, no policy]*) и параллельные синтаксические конструкции

(*The year, 2013. The President, John McCain*). Как правило, в резюмирующей эхо-фразе повторяется имя рекламируемого кандидата или его конкурента.

Эхо-фраза-вопрос обычно реализуется вопросительным предложением: [*How could she [Hillary Clinton – E.M.] possibly serve as President?*]

В эхо-фразе-призыве, как правило, используются языковые средства, осуществляющие апелляцию к зрителю, – прежде всего, глагол в повелительном наклонении, личное местоимение 1-го лица множественного числа «we» или личное местоимение 2-го лица единственного числа «you»: **Do your own taste test, America.**

Контактоустанавливающая эхо-фраза характеризуется многообразием форм языковой реализации. Как правило, в этом типе эхо-фразы содержится лексика, принадлежащая к разговорно-бытовому дискурсу. Так, в эхо-фразе спота «Dad», продвигающего кандидата в губернаторы Айовы 2010 г. Чета Калвера, контакт со зрителем устанавливается с помощью эмоционально окрашенного сленга *lug* (*lug* – «(slang) a man, esp a stupid or awkward one»): *I [Chet Culver's wife – E.M.] love him [Chet Culver – E.M.], but he's still the big lug.*

Наряду с эхо-фразой в заключительном блоке текста политического спота нередко используется слоган – короткая, легко запоминающаяся фраза, содержащая в себе основное сообщение рекламной кампании. Так, предвыборная кампания кандидата в президенты США Дональда Трампа 2015–2016 гг. проходила под слоганом **MAKE AMERICA GREAT AGAIN!** В отличие от эхо-фразы, слоган разрабатывается не для одного конкретного спота, а для серии спотов.

Блок идентификации источника сообщения содержит информацию об источнике политического спота. Основными маркерами этого блока являются элементы «логотип» и «строка одобрения».

Логотип обычно представляет собой графически оформленное имя кандидата/название партии или организации. Нередко он включает название должности, на которую баллотируется кандидат, и год проведения выборов. Иногда указывается сайт кандидата.

Структурный элемент «строка одобрения», как правило, содержит имя / название спонсора рекламного ролика, а также указание на одобрение рекламного сообщения политическим кандидатом. В некоторых случаях сообщается сайт спонсора. «Строка одобрения» обычно представлена в виде устной и письменной речевой формулы. В тексте американского политического спота она принимает следующий вид: *I'm Marco Rubio and I approve this message. [APPROVED BY MARCO RUBIO. PAID FOR BY MARCO RUBIO FOR PRESIDENT.]*

Анализ материала показывает, что обязательными компонентами формальной организации телевизионного политического спота являются основной блок (основной текст) и элемент «строка одобрения». Наличие в телевизионном споте «строки одобрения» в письменном виде является одним из основных требований государства, что фиксируется в соответствующих нормативно-правовых актах. Структура политического спота, опубликованного в Интернете, обычно повторяет структуру телевизионного ролика, однако, согласно нашим наблюдениям, может быть редуцирована до одного компонента – основного текста, поскольку указание на источник сообщения, как правило, содержится в названии канала или сайта, на котором представлен спот.

Подводя итог нашим размышлениям, отметим, что изучение структурно-композиционных характеристик текста политического спота представляется важным этапом разработки проблемы жанра политического спота. Перспективным направлением лингвистического исследования, по нашему мнению, является изучение специфики языковой реализации политематичности, фрагментарности и документальности (фактографичности) как основных структурных характеристик текста политического спота.

Список литературы

1. Аренс У. Современная реклама / У.Ф. Аренс, М.Ф. Вейголд, К. Аренс / пер. с англ. М.: Эксмо, 2011. 880 с.
2. Ромат Е., Сендеров Д. Реклама: учебник. 8-е изд. СПб.: Питер, 2013. 512 с.
3. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
4. Diamond E., Bates S. The Spot: The Rise of Political Advertising on Television. 3rd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. 418 p.
5. Eco U. Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message. Working Papers in Cultural Studies, 3, 1972 // Miller, T. (Ed.). Television: Critical Concepts in Media and Cultural Studies. London; New York: Routledge, 2003. Vol. 2. Pp. 3–19.
6. The Collins English Dictionary, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/lug> (дата обращения: 04.03.2017).
7. Wood, Stephen C. Eisenhower, Dwight D. (1890–1969) // Kaid L.L. & Holtz-Bacha C. (Eds.). Encyclopedia of Political Communication. SAGE Publications, Inc. 2008. Vol. I. Pp. 204–206.
8. YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com> (дата обращения: 04.03.2017).

STRUCTURAL PROPERTIES OF THE ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL SPOT

E.P. Murashova

Moscow State Linguistic University, Moscow

The article is devoted to the basic structural properties of the text of the political spot. The author attempts to describe the main structural elements of the text in question and to reveal their pragmatic potential.

Keywords: *political spot; political advertising; text structure; pragmatics.*

Об авторе:

МУРАШОВА Екатерина Павловна – аспирант кафедры лингвистической семантики, преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области зарубежного регионоведения Московского государственного лингвистического университета, e-mail: catrin-skr-77@mail.ru

УДК 81'373

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ В ТЕКСТАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ (на материале франкоязычных изданий)

Т.В. Слестникова, А.Ю. Дайнеко

Московский городской педагогический университет, Москва

В статье рассматриваются звукоподражания как лексические единицы, играющие важную роль в процессе онтогенеза. Выявляются особенности их функционирования во французских изданиях для детей, а также последовательность в освоении типов звукоподражаний в процессе взросления.

Ключевые слова: *фоносемантика, звукоизобразительность, звукоподражания, онтогенез, французский язык.*

В конце XX – начале XXI в. в лингвистике стали приоритетными коммуникативно-прагматическое и дискурсивно-когнитивное направления. Однако исследование лексико-семантических систем по-прежнему остается актуальным. Одной из таких систем является звукоподражательная лексика (далее – ЗП). Феномен ЗП издавна привлекает к себе внимание учёных, работающих в разных областях научного знания. Так, наряду со звукоимитацией, ономотопея стала объектом изучения новой языковедческой дисциплины – фоносемантики, главные принципы которой были изложены С.В. Ворониным в книге «Основы фоносемантики» [2].

Существуют различные определения ЗП. Наиболее полным является определение Н.Н. Лопатниковой, которая понимает под ономотопеей создание слов, являющиеся более или менее точной звуковой имитацией криков животных и различных шумов, например: *сісісі* (звук, издаваемый сверчком), *соусоу* (крик кукушки), *міаоу, гонгон*, (мяукание и мурлыканье кошки), *глоуглоу* (бульканье), *фрууфруу* (имитация шуршания)» [5: 114].

В отечественном языкознании известны экстралингвистические (по источнику происхождения звука) и интралингвистические (по лексическому значению) подходы к классификации ономотопов. Вслед за О.А. Хабиббулиной, мы выделяем шумы от соприкосновения поверхностей предметов, от специальных технических приспособлений, звуки животных и насекомых, природы и стихии, а также шумы деятельности человека, иногда в сочетании с видами мимики [7: 7].

В современной лингвистике звукоизобразительность, в основном, изучается на материале культуры взрослых (работы Н.А. Курашкиной, М.А. Флакман, А.В. Комаровой). Однако, как отмечает И.Ю. Павловская по результатам исследования детской художественной литературы, звукоимитация и ЗП являются естественным свойством детской речи, так как на ранних стадиях овладения речью ребёнок ищет в слове буквальное отражение действительности [6: 196]. В ЗП наиболее определённо выражена связь образа звучащего слова с образом предмета. Ономотопы являются дополнительным способом описания тех или иных явлений, поэтому их использование в текстах детских произведений является закономерным. Отмеченным обстоятельством обусловлено наше обращение к литературе для детей.

А.А. Вяткина, анализируя лексический состав французского детского журнала «Pipi», утверждает, что ономотопы важны в тексте, поскольку ребёнок в раннем возрасте ещё не способен оценивать окружающий его мир вербально, и такие простые формы, как ЗП, легко им усваиваются [3: 20]. Названный выше журнал «Pipi» является франкоязычным журналом для детей 1–3 лет издательства «Bayard Presse» – одним из самых успешных в сфере издания книг и журналов для детей на французском языке. Данный издательский дом создаёт секторы журнальной периодики для детей разных возрастных групп:

- «Pipi» – адресован детям от одного года;
- «Pomme d'Api» – журнал для детей от трёх лет;
- «Mes premiers J'aime lire» – для детей от 6 лет, которые учатся читать;
- «J'aime lire» – возраст героев, объём произведения, уровень сложности языка профессионально рассчитан на 7–10-летнего читателя (и т.д.).

Основным критерием, определяющим эти секторы, является возраст аудитории. Создатели журнала учитывают основные возрастные особенности аудитории, чтобы повысить успех и востребованность журнала. Анализ лексического состава изданий для разных возрастных групп показал, что указанные издания, исходя из последовательности освоения звуковых имитаций в процессе взросления у детей, включают тексты с большим количеством ЗП-лексики, что продемонстрировано в таблице.

Таблица. Распределение ЗП в журналах для детей издательства «Bayard Presse».

Издание	Количество единиц (ЗП)	Количество употреблений ЗП
«Pipi»	15	68
«Pomme d'Api»	22	104
«Mes premiers J'aime lire»	46	180
«J'aime lire»	48	157

Как отмечает Т.И. Калужникова, раннее детство – время первоначального подражания голосовым сигналам животных и птиц, звучаниям человеческого голоса [4: 3]. Так, в журналах «Pipi», предназначенных для детей 1–3 лет, большую часть зафиксированных лексических единиц представляют собой ЗП, передающие звуки животных:

*Le chien aboie: **Ouah! ouah!***

*Le coq chante: **Cocorico!***

*Le coucou chante: **coucou!***

*Les corbeaux croassent: **croà! croà!** [9]*

Значительное разнообразие сфера ЗП-лексики получает в дошкольном возрасте и в младших классах [цит. раб.: 48]. На этих этапах взросления дети продолжают использовать уже освоенные прежде типы ономотопов, но появляются и новообразования. Например, имитация звуков техники (гудение паровоза, звук мотора и т.д.), см. пример (а), а также звуки кинетических процессов (прыжки, хлопки, удары и другие), см. пример (б):

(a) *De Moscou à Vladivostoc, tchou-tchou le bon train va.
La montre chante: tic-tac, tic-tac!
Moteur qui fait: Vroum vroum!* [9]

(б) *Tout à coup, blam! la porte de la classe s'ouvre.
La corde se rompt : crac, pouf, il tombe à terre.
La tour branle... Paf! Elle est sur la table.* [9]

Количественный анализ показал, что наибольшее разнообразие ЗП-лексики присутствует в журналах для детей 7–10 лет. В ходе исследования были обнаружены различные авторские ономотопы, которые не зафиксированы в словарях французского языка. Например, для передачи шумов на стройплощадке использовались следующие ономотопы: *PototoPotO, TuuR, BabRkKR, BrrPam, PRoumn, Klang, dougouDo* [8: 26]. Однако количество словоупотреблений в журналах «J'aime lire» меньше, чем в изданиях «Mes premiers J'aime lire», предназначенных для детей, которые учатся читать. Следует также отметить, что в этих изданиях используются более классические и часто-употребляемые ЗП (для передачи шума: *vroum vroum, patatras, schsch, paparoum*).

Е.В. Воробьева выделяет в своём исследовании воспитательную, аксиологическую, обучающую, стилистическую функции ЗП-лексики в текстах [1: 2]. Порядок этих функций не случаен, ведь как уже было отмечено выше, в изданиях для детей 1–3 лет чаще всего употребляются имитации звуков животных, способствующие формированию внимательного отношения к природе, животным (воспитательная функция); звуки голоса человека и формируют у ребенка понятия «положительного» и «отрицательного» (аксиологическая функция); познание звуков кинетических предметов и различных технических приспособлений помогают ребенку 5–6 лет лучше узнать окружающий мир и его реалии (обучающая функция).

Ребенок 7–10 лет уже достаточно знаком с миром окружающий его звуков, и поэтому обучающие функции ЗП-лексики уходят на второй план. Наличие же авторских ономотопов подчёркивает их стилистическую функцию. Они обеспечивают передачу экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации.

В процессе взросления ребенок постепенно познает мир звуков окружающей его действительности, в определённой последовательности усваивая разные типы ЗП, которые находят отражение в последовательности их появления в изданиях для детей различного возраста. В этих звуковых имитациях наиболее определённо выражена связь образа звучащего слова с образом предмета. Здесь проявляется основная функция ономотопеи – экспрессивная. Звукоподражания используют для передачи полной, красочной картины повествования.

Список литературы

1. Воробьева Е.В., Кобенко В.В., Рябова Ю.В. Явление ономотопеи в англо- и русскоязычном песенном дискурсе // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8951> (дата обращения: 15.12.2016).
2. Воронин С.В. Основы фоносемантики. М.: Эдиториал УРСС, 2006. 248 с.

3. Вяткина А.А. Формирование коммуникативного пространства ребёнка раннего дошкольного возраста в медийном дискурсе (на материале французского детского журнала «Pipi»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.А. Вяткина; Моск. гос. пед. ун-т. М.: 2013. 26 с.
4. Калужникова Т.И. Интонационное содержание ономапей в детском спонтанном пении // Урал. филол. вестник. 2012. № 3. С. 44–49.
5. Лопатникова Н.Н. Лексикология современного французского языка: учебник. 5-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 335 с.
6. Павловская И.Ю. Фоносемантический анализ некоторых произведений английской детской художественной литературы и их перевода на русский язык // Вестник ЛГУ. 2011. № 4. С. 195–203.
7. Хабибуллина О.А. Звукоподражательные слова в немецком языке в сопоставлении с французским и русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.А. Хабибуллина; Баш. гос. ун-т. Уфа: 2003. 21 с.
8. J'aime lire. Paris: Bayards, 2015, № 459. 48 p.
9. Mes premiers j'aime lire. Paris: Bayards, 2013–2015, № 126–157. 62 p.

ONOMATOPEIC WORDS IN TEXTS FOR CHILDREN
(in French literature)

T.V. Slastnikova, A.Y. Dayneko
Moscow City Pedagogical University, Moscow

The article considers onomatopoeic words as lexical formatives, playing important role in ontogeny process. The authors reveal their functional characteristics in the French literature for children and also the order of acquisition of different onomatopoeic types in ontogeny.

Keywords: *phonosemantics, sound iconism, onomatopoeia, ontogeny, the French language.*

Об авторах:

СЛАСТНИКОВА Тамара Васильевна – кандидат филологических наук, заместитель заведующего по научной работе, доцент кафедры романской филологии Московского городского педагогического университета, e-mail: tomas59@mail.ru

ДАЙНЕКО Анастасия Юрьевна – магистрант кафедры романской филологии Московского городского педагогического университета, e-mail: aydayneko@gmail.com

УДК 81'367.622.12

ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

М.А. Чигашева

Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России, Москва

К основным характеристикам медийного дискурса помимо информативной и коррелирующей функций относятся также суггестивная и манипулятивная. Особый интерес представляет рассмотрение двух последних во взаимосвязи лингвистического и экстралингвистического аспектов. Нагляднее всего креативный характер медийного дискурса проявляется на лексическом уровне, что связано с появлением новых единиц, в частности, деонимов. Такие новообразования представляют собой одновременно средства языковой экономии, выразительности и дискредитации понятия. Данные положения иллюстрируются примерами из немецкого языка.

Ключевые слова: *немецкий язык, лексика, терминология, деоним, медиа-дискурс.*

Информированность играет очень большую роль в условиях глобального информационного пространства и неограниченных возможностей доступа к информации. К важнейшим функциям массовой коммуникации, особенно в сфере политического дискурса, относятся, на наш взгляд, информативная, коррелирующая, суггестивная и манипулятивная. Первые две имеют приоритетное значение. СМИ призваны информировать население, объяснять и комментировать события. Вместе с тем нельзя отрицать, что масс-медиа обладают убеждающей силой, особенно тогда, когда получатели информации ещё не сформировали своего мнения и не имеют собственного взгляда на описываемые события. В этом случае журналисты как посредники коммуникации между политиками-профессионалами и гражданами обладают колоссальной силой воздействия, важным инструментом которого выступает язык. А воздействующая функция языка, по мнению Е.С. Кубряковой, наиболее отчётливо проявляется именно в СМИ [3: 61]. Использование определённых языковых средств, например, метафор, в текстах политической тематики может способствовать формированию нужного образа восприятия того или иного факта, а частотность их употребления связана с интенсивностью развития событий, что довольно наглядно проявляется в настоящее время на примере образа России в немецких СМИ [1].

В последнее время становятся всё более заметными количественные и качественные изменения языка СМИ. Некоторые исследователи даже считают, что средства массовой информации способствуют варваризации языка [2: 45]. Медийный дискурс носит, безусловно, креативный характер, что отражается, прежде всего, на лексическом уровне и напрямую связано с экстралингвистическими факторами. Обусловлено это, во-первых, разнообразием освещаемых тем, во-вторых, децентрализацией информации, что стало следствием демократизации и либерализации общества. Всё это приводит к появлению в языке специфических понятий, языковых единиц и может даже оказывать влияние на

терминологические процессы. Рассмотрим данное утверждение на примере немецкого языка.

Политика и политическая журналистика являются отдельной профессиональной сферой деятельности и оперируют собственной терминологией. Сюда относятся лексические единицы, которые обозначают явления или понятия данной тематической области и отражают специфику информационного текста. В структурном отношении они отличаются разнообразием, это могут быть слова любой части речи, но преимущественно в этой роли выступают существительные, в том числе сложносоставные. Довольно много встречается также сокращений и заимствований. Приведём несколько примеров:

die Agenda, der Wahlkampf, die Hochrechnung, die Umfragewerte, der Meisterplan, der/die Abgeordnete, das AA, die GroKo, die K-Frage, der AfDler, die IAEA, die UNESCO, der Atomdeal, die Roadmap, der Global Player, die Pipeline, das Statement, antreten, designieren, kandidieren u др.

В определении понятия «термин» мы опираемся на дефиницию, представленную в энциклопедии «Русский язык», поскольку считаем её наиболее полной [5: 556–557]. Вслед за авторами, мы понимаем под термином специальное слово конкретной понятийной сферы деятельности, которое имеет дефиницию и употребляется в особых условиях, и считаем возможным рассматривать перечисленные единицы как термины политического дискурса СМИ. Абсолютным, однако, не является утверждение, что термину присущи однозначность и нейтральность. В текстах СМИ политической тематики можно найти примеры многозначности даже в рамках одного терминологического поля. Так, термин *der Präsident* обозначает и президента (*der Bundespräsident*), и председателя (*der Bundestagspräsident*); два значения имеет также термин *die Partei* – ‘партия’ (*konservative Partei*) и ‘сторона’ (*die Konfliktpartei, die Vertragspartei*). Некоторая экспрессивность употребляемых языковых средств и политического дискурса в целом обусловлена его задачами – манипуляции общественным мнением и оказанием на получателей информации определённого эмоционального воздействия.

Важное место в медиа-дискурсе занимают имена собственные. Тексты СМИ изобилуют антропонимами. Безусловно, политические события связаны с именами конкретных людей, в нашем случае, преимущественно политических деятелей любой национальной принадлежности (*Angela Merkel, Barack Obama, Martin Schulz, Donald Tramp, Sigmar Gabriel, Frank-Walter Steinmeier, Theresa May* и др.). Анализ их употребления позволяет утверждать, что антропонимы выполняют двойную функцию: во-первых, обозначают медийную личность, во-вторых, выступают своеобразным символом, знаком культуры, имплицитно выражают новую информацию, не связанную с конкретным человеком, т.е. становятся прецедентными (*der Bendlerblock* – здание министерства обороны Германии, *das Konrad-Adenauer-Haus* – центральный офис ХДС, *das Willy-Brandt-Haus* – центральный офис СДПГ и др.).

Особенность современного политического дискурса СМИ Германии составляют деонимастические наименования – имена собственные, перешедшие в разряд имён нарицательных (*merkeln, adenauern, hartzten, entschördern, Merkelianer, merkelisieren, Merkelsch, schäubleweise, Schulzomania* и др.). Их

активное употребление связано с суггестивной функцией массовой коммуникации, когда информационный процесс представляется в виде театрального действия, драматизируется, событиям и фактам придается оттенок эмоциональности. Все подобные наименования обладают ярко выраженной негативной коннотацией, и их появление именно в дискурсе СМИ вполне оправдано, так как, по утверждению некоторых исследователей, важнейшими характеристиками данной коцептосферы являются оценочность и эмотивность [2: 23].

Довольно интенсивно деонимизация имён политических и государственных деятелей проявляет себя в немецком языке в последнее время. Это связано с внеязыковыми факторами. Германию сотрясают политические скандалы, вскрываются неблагоприятные поступки и промахи руководителей разных уровней. Ситуацию усугубляют стремительно падающее доверие граждан к ведущим политикам и правящим партиям, а также рост популярности правых. Всё это происходит накануне очередных выборов в бундестаг, поэтому неудивительно, что предвыборная борьба проходит в условиях жёсткой конкуренции за голоса избирателей. Чем сильнее будет эмоциональное воздействие на них, тем проще будет манипулировать их мнением и направить его в необходимое русло. Кроме того, прибегая к креативным наименованиям, журналисты могут кратко, очень выразительно и иносказательно описать событие и дать ему оценку. Так, недовольство политикой канцлера Германии отражают различные деонимы от имени *Меркель*:

Die Weltpolitik wird noch nicht merkelisiert (www.faz.net, 09.06.2015); *Es wird gemerkelt, bis es passt* (www.tagesspiegel.de, 13.03.2012); *Die Merkelisierung Deutschlands* (www.rp-online.de, 30.12.2014); *Athen und Merkelsche Dialektik* (www.tagesspiegel.de, 19.08.2015).

В 2015 г. в Германии была опубликована книга Урса Шпехта (Urs Specht) под названием «*Wird Deutschland ausgemerkelt?*» В 2016 г. в День германского единства сторонники движения Пегида проводили в Дрездене демонстрации под лозунгом «*Ausgemerkelt und ausgegauckt*». Журналисты делят политиков на сторонников (*Merkelianer*) и противников (*Nicht-Merkelianer*) Меркель и её политического курса, описывают их отношение к ней как *merkelfreundlich* и *merkelfeindlich*. В online-версию словаря Duden включено прилагательное *merkeltreu* [10]. Даже обозначение привычного жеста госпожи канцлера – ладони, образующие ромб – представляет собой деоним *der Merkelizer*. Количество деонимов от имени действующего канцлера ФРГ весьма значительно, так что представляется возможным систематизировать их и представить в виде лексико-семантического микрополя [7]. Совершенно противоположный стиль руководства выражают деонимы *merkeln* и *schrödern*:

In dieser Situation hat die Kanzlerin aufgehört zu merkeln. Sie wartet nicht mehr ab, zögert nicht mehr heraus, kalkuliert nicht mehr mit politischem Fingerhakeln und gesellschaftlichen Stimmungsentwicklungen. Merkel schrödert. Sie geht nach vorne, mutig, überzeugt und angriffslustig (www.rp-online, 7.03.2016).

Интересно, что второе и четвёртое предложения этого абзаца разъясняют значение данных новообразований. С лингвистической точки зрения, эти единицы находятся в оппозиции и представляют собой антонимы.

Появление бывшего председателя Европарламента Мартина Шульца на политической арене Германии и его назначение главой СДПГ и кандидатом на пост канцлера от социал-демократов сразу же нашло отражение в немецком языке: *Schulzomania und kein Ende* (www.spiegel.de, 07.02.2017); *Je Schulzer, desto AfD* (www.zeit.de, 5.02.2017); *CDU stärkste Kraft, SPD profitiert von Schulz-Effekt* (www.faz.net, 09.03.2017).

Интересный приём используют журналисты, когда описывают действия одного политика деонимом от имени другого:

So entschärft Schulz die SPD (www.spiegel.de, 21.02.2017); *Niederlande vor der Wahl: Wilders trumpf auf* (www.spiegel.de, 05.02.2017); *EU-Kommissar vs Wallonen* *Kommunistenalarm! Wenn Oettinger adenauert* (www.sueddeutsche.de, 31.10.2016); *Trotz der dummen Attacken einiger französischer Sozialisten gegen Angela Merkel scheint sich Präsident Hollande selbst zu merkelisieren* (www.epi-c.net, 30.07.2013).

Приведённые выше примеры наглядно демонстрируют иронично-негативное отношение к поступкам и действиям носителей данных имён. Для того, чтобы понять значение таких наименований, необходимо выяснить историю их появления в языке и знать связанные с ней события. По мнению немецкого лингвиста М. Венгелера, подобные обозначения не только служат средством языковой экономии и выразительности, но и, возможно, даже дискредитируют выражаемые понятия [11: 91–92]. Именно здесь проявляется, с нашей точки зрения, воздействующая сила языка и находит подтверждение один из отличительных признаков СМИ – погоня за зрелищностью. В некоторых работах, посвящённых изучению деонимов, предлагаются различные классификации. О.А. Никитина, например, подразделяет деантропонимические наименования на единицы с преобладающей номинативно-когнитивной функцией и единицы с экспрессивно-оценочной функцией [4]. Однако автор не указывает чётких критериев, по которым можно отнести ту или иную единицу в определённую группу. Особенность деонимов, по нашему убеждению, заключается в том, что они объединяют в себе все перечисленные признаки. Именно поэтому они и представляют собой выразительные языковые средства. Так, глагол *hartz-en* имеет не просто значение ‘жить на пособие по безработице’, но и указывает на злоупотребление безработными гражданами социальными возможностями, предоставляемых государством. Отсюда становится понятным и второе значение глагола, популярное в молодёжном сленге – ‘бездельничать, ничего не делать’, а также значения других производных единиц от антропонима *Hartz* [8: 54].

Кроме того, вполне возможно, что единица, появившаяся в языке изначально как деоним, станет термином. Подтверждают это примеры из различных видов дискурса:

pasteurisieren, *Mozarttaler* (кулинарный), *Mauser*, *Junkers* (военный), *röntgen*, *Dieselmotor*, *mendeln* (научно-технический), *(Bismarcksche Politik, salomonisches Urteil, Gorbi-Mania* исторический), *Luthertum*, *Thomismus*, *Thomist* (религиозный).

Такой путь прошёл, например, термин политического дискурса *der Marxismus*. В online-версии словаря Duden указано, что это слово появилось как жаргонизм – «aus dem marxistischen Jargon stammendes sprachliches oder stilistisches Element in gesprochenen oder geschriebenen Texten», а теперь опре-

деляется как учение – «*von Marx und Engels begründete Lehre*» [9]. Аналогичный путь может пройти и деоним *das Hartz*. Так называют в Германии реформу рынка труда, которая связана с именем Петера Харца (Peter Hartz). Она предусматривала существенное сокращение пособия по безработице, прежде всего, для лиц, которые больше года находятся в статусе безработного и не пытаются изменить свою ситуацию. Поэтому глагол *hartzten* и получил значение 'жить на пособие по безработице'. Терминологический характер проявляет также слово *Riester-Rente/Riesterrente*. Вальтер Ристер, экономист и бывший министр труда в кабинете Г.Шрёдера, предложил частную программу пенсионного обеспечения для трудящихся, которая была воспринята в немецком обществе негативно. *So funktioniert die Riester-Rente* (www.focus.de, 04.07.2016). В текстах СМИ экономического содержания эта единица употребляется именно как термин и не требует пояснений. В последнее время немецкие социологи стали активно использовать обозначение: *Schulz-Effekt* (*Шульц-эффект* или *эффект Шульца*) – *Der Schulz-Effekt: vom Buchhändler zum Bundeskanzler? Manche Meinungsforscher sprechen vom Schulz-Effekt* (de.euronews.com, 27.02.2017). И неясно, кто первым употребил эту единицу – социологи или журналисты. В российских СМИ она обозначается как «термин». Возможно, что под влиянием экстралингвистических факторов, в случае победы социал-демократов и выбора М.Шульца новым канцлером, эта единица станет социологическим термином.

С нашей точки зрения, деонимы можно считать политически ангажированными единицами. Появление деантропонимических наименований связано с актуальными событиями общественно-политической жизни Германии. Процессы демократизации, приоритет свободы слова и отсутствие цензуры в современном обществе практически не ограничивают сферу их употребления. Кроме того, имена собственные в немецком языке отличаются краткостью и лаконичностью, что делает деонимизацию возможной. По мнению Л.М. Сапожниковой, именно это превращает имя собственное в онимический маркер общезначимого социально-политического явления, и оно активно вовлекается в словообразовательные процессы стандартного немецкого языка [6].

Употребление деонимов в медийном дискурсе СМИ способствует уменьшению дистанции между адресантом и адресатом, делает текст информационного сообщения доступнее. При создании своих текстов журналисты изначально ориентируются на усреднённого получателя информации. Для того чтобы оказать влияние на массовое сознание, они снижают интеллектуальный уровень своих высказываний до простоты и понятности и обеспечивают тем самым интерес к этому тексту для максимально разнородной аудитории. Такое экспрессивное языковое средство, как деонимы, в равной степени успешно функционирует в устной речи, околодискурсивном пространстве и в дискурсе СМИ. Подтверждение этому можно найти на сайте проекта Академии наук Берлин-Бранденбург www.dwds.de. Он представляет собой словарь и одновременно корпус текстов современного немецкого языка. Даже краткий анализ позволяет утверждать, что сферой употребления деонимов являются публицистические тексты (*Zeitungskorpora*) и блоги (*Spezialkorpora*). К тому же, именно такие экспрессивные единицы выполняют социокультурные функции медийной культуры, обеспечивая информативность, доступность, массовость и наглядность образного восприятия.

Список литературы

1. Бабкина В.А. Роль морбиальных метафор в создании образа России в немецких СМИ на современном этапе развития российско-немецких отношений // Вестник МГДУ. Серия Гуманитарные науки. Выпуск 26 (765). 2016. С. 9–16.
2. Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. 228 с.
3. Кубрякова Е.С. О разных подходах к изучению СМИ // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тез. докл. М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. С. 61–62.
4. Никитина О.А. Особенности образования новых немецких глаголов на базе антропонимов // Научный диалог. 2015. № 11 (47). С. 42–54.
5. Русский язык. Энциклопедия (1997) / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-ое изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.
6. Сапожникова Л.М. Номинативные процессы трансонимизации и деонимизации на базе собственных имён в современном немецком языке // Вестник МГЛУ. 2011. № 625. С. 29–38.
7. Чигашева М.А. Лексико-семантическое микрополе MERKEL // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 4. С. 74–81.
8. Шевякова К.В., Чигашева М.А. Немецко-русский и русско-немецкий словарь сленга. М.: Живой язык, 2015. 224 с.
9. Duden.de. <http://www.duden.de/suchen/dudenonline/Marxismus>
10. Duden.de. http://www.duden.de/rechtschreibung/_treu
11. Wengeler M. Schaubleweise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personennamen im öffentlichen Sprachgebrauch // Komparatistik Online. Dusseldorf, Trier. 2010. S. 79–98.

FORMATION OF NEW LEXICAL UNITS IN GERMAN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

Marina A. Chigasheva
MGIMO University, Moscow

In addition to informative and correlative functions the main characteristics of media discourse include those known as suggestive and manipulative. The latter pair if addressed in terms of linguistic and extra linguistic interplay presents no small interest. The creative (or productive) nature of media discourse is most clearly displayed at the lexical level inasmuch as it generates new lexical units, particularly deonyms. Such new formations come about to serve as a means of linguistic economy, expression, and the defamation or invalidation of an idea or notion. The aforesaid assertions are amply substantiated by vivid examples from German.

Keywords: *German, lexical, terminology, deonim, media discourse.*

Об авторе:

ЧИГАШЕВА Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка МГИМО МИД России, e-mail: mchigasheva@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

УДК 81`25

КОММЕНТАРИЙ ПЕРЕВОДЧИКА: ОРИЕНТИР НА БУДУЩЕГО ЧИТАТЕЛЯ

Н.В. Захарова

Тверской государственной университет, Тверь

Комментарий переводчика рассматривается как ориентир на будущего читателя. В статье предпринята попытка обсудить основные требования, предъявляемые к комментариям.

Ключевые слова: комментарий, переводчик, текст, читатель, культурный код.

Поиск эквивалентной замены слова при переводе художественного текста является оптимальной переводческой стратегией. Однако невозможно не согласиться с утверждением С.Г. Тер-Минасовой, что «слова разных языков выглядят обманчиво эквивалентными» [14: 35]. Как отмечает А.А. Залевская, «важно не слово само по себе, а именно то, что стоит за словом» [3: 16]. Из-за несоизмеримости культурного наполнения одно и то же слово может не вызывать у читателя переводного текста те ассоциации, которые вызывает у читателя слово текста оригинала. Прогнозируя трудности, с которыми может встретиться будущий читатель, переводчик выделяет и комментирует в тексте «тёмные места», тем самым «расшифровывая» текст как на уровне языкового, так и на уровне культурного кода. Другими словами, переводчик создаёт «обоюдный код» для автора текста оригинала и читателя [14].

Сталкиваясь со словом, обозначающим ту или иную культурно-историческую реалию, переводчик прибегает либо к комментарию, либо к описательному переводу и различным пояснениям в переводном тексте. Делакунизация в виде комментария переводчика вводит дополнительную информацию для формирования адекватной когнитивной структуры в сознании инофона. А функциональный аналог или описательный перевод могут, как справедливо отмечает Т.В. Пшёнкина, привести к нежелательной многословности и «перегрузить текст» или не предоставить достаточной информации [11: 123].

Однако невозможно утверждать, что изобилие экзотизмов с переводческими комментариями в произведении благоприятно влияет на читательское восприятие текста. Так, анкетирование читателей показало, что в романе Б. Обера «Укус мрака» (переводчик – А. Серебрянникова) нагромождение экзотической лексики затрудняет чтение и понимание текста читателями [4: 26]. Например, в предложении «Каждый является СЮЗЕРНОМ какого-то домена, а мы – их СЕРВЫ» злоупотребление экзотизмами, к которым переводчик даёт комментарии, неоправданно и, как справедливо отмечает Н.Л. Галеева, может рассматриваться в принимающей культуре как «фореинизированный курьёз», поскольку экзотизация перегружает текст иностранным «акцентом» и делает его «неудобочитаемым» для читателя [2: 142].

К основным требованиям, предъявляемым к комментариям, С.А. Рейсер относит строгость отбора материала, входящего в комментарий, и зависимость типа и характера комментария от читательского направления издания.

Действительно, академическое издание, рассчитанное на самого квалифицированного читателя, требует комментария иного объёма и характера, чем издание для начинающего читателя. «Тяжёлой болезнью», с которой нужно бороться, исследователь называет «гипертрофию» комментария, а именно его излишество и перегруженность материалами, непосредственно не необходимыми [12]. Невозможно оправдать комментарии, которые затрудняют восприятие переводного текста, создавая мнимое, неоправданное семиотическое осложнение, т.е. уводят читателя в направлении, заданном переводчиком [5: 146–147].

Однако в связи с этим возникает вопрос о границах комментирования, поскольку «пределы реального комментария безграничны, и он легко может быть доведён до абсурда» [12: 159]. А.С. Орешников предлагает решить этот вопрос созданием «универсального комментария к некоторому множеству текстов» [9: 268]. Каждая статья такого комментария, по его мнению, «должна объяснять как можно большее количество контекстов, в которых отмечено то или иное непонятное слово» [цит. раб.: 268]. Как отмечает автор, для создания комментария такого типа необходим полный алфавитный словарь с документацией, включающей указания на специальные исследования о слове, упоминание о нём в научной литературе, энциклопедиях, словарях и т.д. и т.п. Предлагая разработку статьи комментариев в виде «автономных клаузул», содержащих сведения об этимологии и истории слова, А.С. Орешников утверждает, что «реальный универсальный комментарий по своей структуре должен иметь отличия от даже совершенного энциклопедического текста» [цит. раб.: 271].

На наш взгляд, трудно представить практическое создание и использование такого «универсального словаря». Поэтому, вслед за С.А. Рейсером, мы считаем, что проблема определения границ каждого комментария решается самим комментатором, который берёт на себя ответственность за его составление. Соотношение их зависит от характера комментируемого текста и от назначения издания, так что «вне вопроса о читательском назначении издания спор о границах комментирования беспредметен» [12: 160].

В исследовании Р.И. Розиной комментарий трактуется как триаспектная целостность: комментарий – это особый тип словаря, особый тип текста и, наконец, это именно комментарий. Во-первых, комментарий организован как словарь. Поскольку языковые единицы в тексте принадлежат к разным семантическим классам, комментарий представляет собой «универсальный словарь, несовпадающий по содержанию представленной в нём информации ни с одним из существующих типов словарей» [13: 264]. В отличие от словаря, который выбирает из текстов общеупотребительное, типичное, частотное, комментарий выбирает из комментируемого текста «индивидуальное, малоупотребительное, нетипичное для определённого круга носителей языка» [цит. раб.: 261]. Вся информация в комментарии-словаре «предназначена для понимания только одного, комментируемого текста» [цит. раб.: 264]. Во-вторых, комментарий как таковой имеет дело с культурно-значимыми единицами текста и тем самым покрывает разницу между культурами. Поясняя незнакомые читателю реалии, указывая неизвестные ему значения слов, расшифровывая символы и аллюзии, «комментарий – осознаёт или не осознаёт это его автор – выделяет культурно значимые компоненты текста» [цит. раб.: 266]. В-третьих, комментарий трактует не только языковые или культурные единицы текста, но и весь текст как

целое, и сам при этом выступает в качестве метатекста, который дополняет «подтекст комментируемого текста, преломляя его через призму сознания комментатора и читателя определённой эпохи» [цит. раб.: 266].

Содержательная сторона комментария должна соответствовать уровню подготовки реципиентов и избегать «сведений малопонятных, недоступных, сложных для читателя, которому адресовано издание...» [8: 474]. С одной стороны, отсутствие комментариев к «тёмным местам» в тексте и «малопонятные сведения» в комментариях часто вызывают у многих учёных негативную оценку. Так, некоторые исследователи (Казакова, Коробейникова, Карпухина) указывают на существование такого явления, как нулевой или «отсутствующий» комментарий, т.е. отсутствие пояснения к некоторым малопонятым единицам авторского текста. Трактую собственно нулевой комментарий как результат игнорирования переводчиком лакунизированных элементов текста, Н.Н. Коробейникова определяет также и «искажённые», «неудачные», «избыточные» комментарии как «отсутствующие», поскольку они являются «нерелевантными для читателя» [7: 13]. Как справедливо отмечает Д.И. Остапенко, нулевой комментарий, влекущий за собой полное или частичное непонимание и неадекватную интерпретацию текста читателями, может быть обусловлен ненадлежащим уровнем профессиональной подготовки переводчика, позицией редактора, политикой издательства, дефицитом времени и т.д. Вследствие этого перевод оказывается не совсем удачным, «поскольку не учитывался экстралингвистический фон литературного произведения» [10: 36].

С другой стороны, объяснения переводчика в тексте не должны быть избыточными и отсутствие комментария не всегда носит отрицательный характер. Например, отсутствие примечаний переводчика, когда в них нет необходимости, не является следствием некачественного перевода. Успешность реализации функции комментария зависит от учёта степени эрудированности предполагаемых читателей.

Так, в сборнике английской поэзии XX века отсутствие комментариев к некоторым географическим названиям, историческим и мифологическим именам оправдано, поскольку во вступительной статье Л. Аринштейн специально оговаривает, что сборник рассчитан на высокий читательский уровень [1]. Очевидно, наличие / отсутствие комментариев переводчика обусловлено контекстом самого произведения, целевой аудиторией и профессиональным выбором переводчика нужной стратегии.

Таким образом, ориентирование на будущего читателя лежит в основе комментирования переводчиком «тёмных мест» художественного текста. Трудно не согласиться с С.А. Рейсером, что комментарий для современного читателя – это «не придаток к изданию, не нечто терпимое, а норма серьёзного издания, рассчитанного на самые разнообразные круги читателей» [12: 176]. Дополняя культурный контекст переводного произведения, комментарий переводчика уравнивает читателей принимающей культуры с читателями текста оригинала и создаёт одинаковые возможности для понимания текста разными читателями.

Список литературы

1. Аришштейн Л. М., Скороденко В. А. // Английская поэзия в русских переводах. XX век. М: Издательство «Радуга», 1984. С. 673–846.
2. Галеева Н.Л. Перевод в лингвокультурологической парадигме исследования: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 172 с.
3. Залевская А.А. Единая информационная база человека // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2009. № 25. Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». С. 15–20.
4. Захарова Н.В. Роль комментируемого слова в проекции текста читателя: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2014. 129 с.
5. Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: ООО «Инъ-язиздат», 2006. 544 с.
6. Карпущина В. Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Пермь, 2013. 443 с.
7. Коробейникова Н.Н. Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Н.Н. Коробейникова: Барнаул, 2006. 25 с.
8. Мильчин А.Э. Справочник издателя и автора: Редакционно-изд. оформление издания. М.: Олимп: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999. 688 с.
9. Орешников А.С. Об универсальном комментарии // Проблемы структурной лингвистики. М.: «Наука», 1988. С. 268–271.
10. Остапенко Д.И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19: Воронеж, 2014. 246 с.
11. Пшёнкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04: Барнаул, 2005. 330 с.
12. Рейсер С.А. Основы текстологии. Л.: Изд-во «Просвещение», 1978. 176 с.
13. Розина Р.И. О комментарии // Проблемы структурной лингвистики. М.: «Наука», 1988. С. 259–267.
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с.

TRANSLATOR'S COMMENT: REFERENCE POINT FOR THE FUTURE READER

N.V. Zakharova
Tver State University, Tver

Translator's comment is considered as a reference point for the future reader.
The article discusses some basic requirements made on commenting.

Keywords: *comment, translator, text, reader, cultural code.*

Об авторе:

ЗАХАРОВА Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Тверского государственного университета, e-mail: zaharova-natalya00@mail

УДК 81.255

ЦВЕТОВАЯ ГАРМОНИЯ: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД

Ю.А. Львова, С.И. Тогоева, В.А. Антонцева

Тверской государственной университет, Тверь

Статья посвящена проблемам цветообозначения на материале перевода поэтического сборника Т. Готье «Эмали и Камеи», выполненного Н. Гумилевым. Диссонансы в выборе обозначающей цвета лексики оригинала и перевода объясняются различиями в культуре и личностном мировосприятии автора и переводчика.

Ключевые слова: *перевод, поэзия, цветообозначение, факторы влияния.*

Исследования семантики цвета в настоящее время рассматриваются в рамках психологии, лингвистики и психолингвистики. Различным аспектам проблемы посвящено значительное количество исследований, появившихся за последние десятилетия, в том числе и многочисленные работы, где анализируется цветообозначение в поэтических текстах. Перевод «Эмалей и камней» Т. Готье [2; 9], который стал для Н. Гумилева программной работой, представляет огромный интерес со многих позиций. Одна из них – различие цветовых гармоний в тексте оригинала и перевода.

Человек усваивает значения цвета по мере социализации в культуре, в которой он живёт. В процессе онтогенеза носитель языка начинает оперировать символами и переносными значениями цвета, отражёнными в единицах языка. В возрасте 17–19 лет семантические поля основных цветов в культуре в целом сформированы, в этом возрасте также уже сформированы уникальные личностные смыслы. В работе [11] отмечено, что личностные предпочтения тех или иных цветов изменяются под влиянием культуры и социума, а сами цвета начинают соотноситься с определёнными социокультурными явлениями. В целом формирование цветового спектра в составе ядра индивидуального лексикона носителя языка имеет место в контексте всех разноплановых культурных особенностей того или иного этноса. Таким образом, параллельно интериоризации значений цвета из культуры у носителя языка идёт формирование личностных смыслов, которыми наделяется конкретный цвет на основе индивидуального опыта (см. например, работу: [8]). На наш взгляд, можно выделить ряд факторов, определяющих диссонансы в рассматриваемом переводе: во-первых, это связь цветовых предпочтений с культурно-языковыми стереотипами в определённую историческую эпоху; во-вторых, связь цветовых ассоциаций с художественно-эстетическими тенденциями; связь выбора цветовой палитры с Я-концепцией, представлением о себе как личности и поэте.

Сборник «Эмали и Камеи» Теофиля Готье выходил при жизни автора в шести изданиях, первое из которых было опубликовано в 1852 году и включало 18 стихотворений, а последнее, вышедшее незадолго до смерти автора в 1872 году, насчитывало 47 стихотворений. Время создания поэтических текстов совпадает с периодом Второй империи во Франции, что ознаменовалось достаточно противоречивыми тенденциями: с одной стороны – промышленная революция, бурный экономический рост, повышение деловой активности, с другой – усиление административного контроля и полицейского режима. Фактически

были отменена свобода печати, слова и собраний. Режим бонапартизма к концу 1860-х гг. переживал острый кризис, проявлением которого стала грандиозная манифестация 12 января 1870 г., устроенная республиканцами в ответ на убийство журналиста-республиканца В. Нуара. И без того подорванный авторитет режима Наполеона III окончательно упал в ходе франко-прусской войны 1870–1871 гг., в которой Франция потерпела сокрушительное поражение, подтолкнувшее к новой революции в Париже [1: 404–405].

Теофиль Готье, представитель второй волны романтизма, оказывается в ситуации острого разлада между «прозой наличной действительности» и «поэзией идеала». Стремление поэта укрыться от сотрясающих Францию «революций», находит отражение в его творчестве. Но оно не становится бесстрастным литературным упражнением отрешённого от жизни эстета. В его поэтических текстах отражается тоска по другой жизни, стремление совершить побег в грёзу, где идеал нашел бы своё воплощение [7]. Попытка создать такое убежище, как справедливо указывает С. Зенкин [5], выражается в мотиве дома, где «болезненный и зябкий юноша» [10: 81] стремится укрыться в мире «идеальных грёз». Таким домом для него становится свободное от страстей искусство, образующее замкнутый и устойчивый мир поэта. Стремление уйти от страстей выражается и посредством выбора цветов: пастельно-жемчужные, приглушённые тона характерны для стихотворений, вошедших в сборник «Эмали и камеи» (*rose, vermeil, nacarat, argenté, nacre, azure, bleuâtre, verdatre, jaunâtre, jauni, roux*), позволяя создать более уютный, «домашний» и спокойный мир.

Первый полный перевод этого сборника в России появится в начале XX века, хотя отдельные переводы стихотворений Теофиля Готье появляются начиная с середины XIX века. Для России это не менее бурный период истории: после смерти П.А. Столыпина свёрнуты крупномасштабные реформы, что приводит к росту оппозиционных и революционных настроений (забастовка на Ленских золотых приисках и последовавшие за ней расстрелы, демонстрации и забастовки в Петербурге, Москве и всех крупных промышленных центрах, вооружённое выступление военных в Туркестане, забастовка на нефтяных промыслах в Баку). Первая мировая война усугубляет все нерешённые проблемы от аграрной до национальной и создаёт революционную ситуацию [6: 315–318].

Именно в это время появляются первые переводы Н. Гумилева отдельных стихотворений из сборника «Эмали и камеи», которые были опубликованы в журнале «Аполлон» за 1911 год, а затем вошли, наряду с другими переводами стихотворений Т. Готье, в третий раздел сборника «Чужое небо», опубликованного в 1912 году. В «Письмах о русской поэзии» Гумилев посвящает отдельную статью творчеству Теофиля Готье, отмечая среди прочего, что французский поэт «равно избегает как случайного, так и туманного, отвлечённого, черпая образы из всех стран и веков, что придаёт его стихотворениям впечатление гармоничной полноты самой жизни». Именно чёткость, предметность привлекают Гумилева в поэзии Готье, которую он противопоставляет поэзии символистов, а перевод становится для него своеобразной школой поэтического мастерства.

Два пути в искусстве выделяет Н. Гумилев: путь конквистадора, первооткрывателя и путь колониста, обустроивающегося «в уже покорённых и рас-

чищенных областях». В программной статье «Наследие символизма и акмеизм» Гумилев пишет:

«Шекспир показал нам внутренний мир человека, Рабле – тело и его радости, мудрую физиологичность, Виллон поведал нам о жизни, нимало не сомневающийся в самой себе, хотя знающий всё – И Бога, и порок, и смерть, и бессмертие, Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм. Соединить в себе эти четыре момента – вот мечта, которая объединяет сейчас между собой людей, так смело назвавших себя акмеистами» [3: 40].

Н. Гумилев неоднократно подчёркивает весомость фигуры Т. Готье во французской литературе, обладающей, по его мнению, самым совершенным художественным языком и давшей импульс развитию символизма в европейской культуре. В то же время он активно выступает против русского варианта символизма. В этой борьбе Гумилеву, как и его сторонникам, необходимо было иметь твёрдую опору для самостояния, позволявшую идти путём завоеваний, но в наследии Готье он обустроивается в ней как колонист. Интерпретируя поэзию Т. Готье, он противопоставляет его «эмоциональность» «холодным» писателям, какими он видит Леконта де Лилля и Оскара Уайльда:

«Что же? Признаем Теофиля Готье непогрешимым и только непогрешимым, отведём ему наиболее почётный и наименее посещаемый угол нашей библиотеки и будем пугать его именем дерзких новаторов: Нет. Попробуйте прочесть его в комнате, где в узких вазах вянут лилии и в углу белеет тысячелетний мрамор – между поэмой Леконта де Лилля и сказкой Оскара Уайльда, этими воистину “непогрешимыми и только непогрешимыми”, – и он захлестнёт вас волной такого безудержного “раблезилистического” веселья, такой безумной радостью мысли, что вы или с негодованием захлопнете его книгу, или, показав язык лилиям, мрамору и “непогрешимым”, выбежите на вольную улицу, под весёлое синее небо» [3: 40].

Гумилев видит в Теофиле Готье поэта, обладающего жизнеутверждающей силой столь близкого акмеистам романского духа, в противоположность «безнадёжной немецкой серьёзности», германскому духу, на который ориентированы символисты. Не в этом ли стремлении разрушить сложившуюся репутацию бесстрастного художника в своих переводах Гумилев последовательно заменяет более яркими «акварельные» краски Готье, тяготеющего к полутонам:

Deux gamiers blancs aux pieds rosés / С ногами красными как кровь
(*Madrigal Panhtéiste/ Пантеистический мадригал*)
Un flot de velours nacarat / Тёмно-пурпурные шелка
(*Poème de la femme/ Поэма Женщины*)
De carmin à reine est teinté / Слегка окрашен в красный цвет
(*Rose-thé / Чайная роза*)

Характерные для текстов сборника «Эмали и камеи» покой, статичность, ориентированные на античную эстетику, где задача искусства – представить предмет принявшим свою наиболее совершенную, а значит не подлежащую изменениям форму, в переводах заменяются попытками соединить динамической связью движения яркие предметы (страсть / *amours*, грозные желания, *désire irresistible*, тревожная тоска / *violence*, адская смола, зверь / *meurtrier...*) и глаголы (вписать хохоча / *tracer, laisser* / бросать, *baiser le sable* / бить чуть зримо, *voir* / залюбоваться, *respirer* / рокотать).

Dans le fronton d'un temple anique, Deux blocs de marbre ont, trois mille ans, Sur le fond bleu du ciel attique Juxtaposé leurs rêves blancs	Давно две мраморных громады Из них воздвигнут был фронтон Под небом пламенным Эллады Лелеяли свой бледный сон <i>(Пантеистический мадригал)</i>
---	---

Если предел, к которому стремится Готье, – описательность и созерцательность, то перевод Гумилева часто основан на нарушающем покой драматическом конфликте:

Le ramier trouve une voix douce Echo de son gémissément; Toute résistance s'émousse Et l'inconnu devient l'amant	Голубка вновь находит голос Страданья эхо своего И как бы сердце не боролось Пришелец победит его. <i>(Пантеистический мадригал)</i>
---	--

Т. Готье и Н. Гумилев не только по-разному воспринимают и интерпретируют материальность внешнего мира, они различно «окрашивают» поэтические образы, цветовая гамма обоих поэтов различна. Предпочтения Готье: полутона, мягкость, акварельность: *розоватый (rose), румяный (vermeil), алый (nazarat), серебристый (argente), перламутровый (nacre), лазурный (azure), голубоватый (bleuatre), зеленоватый (verdatre), желтоватый (jauni, jaunatre)*; Гумилев, напротив, избегает оттенков, любит сочные, яркие, однотонные цвета, сталкивающиеся в резких контрастах: *белый, чёрный, золотой, серебряный, красный, синий, зеленый, бронзовый*; более того, в переводе он интенсифицирует их: *розовый – красный – пурпурный – багровый – кровавый* или: *золотой – солнечный – огненный – пылающий – ослепительный*.

Познание мира человеком через художественную литературу, через использование и игру автора с лексическими единицами языка, которые несут информацию о значениях цвета, существующих в той или иной культуре, играет значительную роль в его миропонимании. Сравнительный анализ цветообозначений в оригинале и переводе стихотворений сборника показывает борьбу двух субъективных начал, личностных предпочтений, культурных и языковых стереотипов двух поэтов. Личностная интерпретация цветообозначающей лексики читателем добавляет в палитру тонких смыслов и оттенков «цвета мира».

Список литературы

1. Всемирная история / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М.: Юнити-дана, 2009. 887 с.
2. Готье Т. Эмали и камни: сборник / сост. Г. К. Косиков. М.: Радуга, 1989. 368 с.
3. Гумилев Н.С. Наследие символизма и акмеизм // Письма о русской поэзии. СПб., 1923. С. 35–42.
4. Гумилев Н.С. Теофиль Готье [Электронный ресурс]. [Электронное собрание сочинений]. URL : <http://gumilev.ru/clauses/53/> (дата обращения: 12.09.2015).
5. Зенкин С.Н. Теофиль Готье и искусство для искусства // Зенкин С.Н. Работы по французской литературе. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 170–200.
6. История России / Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. М.: Проспект. 520 с.
7. Косиков Г.К. Готье и Гумилев // Готье Т. Эмали и камни: сборник / сост. Г.К. Косиков. М., 1989. С. 304–321.

8. Яньшин П.В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: авторев. дис. ... д-ра филол. наук. М. 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/psikhosemanticheskii-analiz-kategorizatsii-tsveta-v-strukture-soznaniya-subekta#ixzz4dnpDb1A> (дата обращения: 08.04.2017).
9. Gautier Th. Émaux et Camées // Œuvres de Théophile Gautier. Poésies, V III. Ed.Lemerre, 1890.
10. Gautier Th. Poésies complètes. Éd. R. Jasinki. T. 1. P., 1970.
11. Hallock J. Colour Assignment, 2007. [Electronic resource]. URL: : <http://www.joehallock.com/edu/COM498/preferences.html/> (accessed at 10.03.2017).

**COLOR HARMONIES:
ORIGINAL TEXT AND TRANSLATION**

J.A. Lvova, S.I. Togueva, V.A. Antontzeva
Tver State University, Tver

The article is devoted to the color designation problems. For analysis the translation of the poetry collection by Th. Gautier «Émaux et Camées» done by N. Gumilev, were taken. Diversity of differences in lexical units denoting colors in the original text and its translation results from French and Russian cultural differences and personal perception of the world by the author and by the translator.

Key words: *translation, poetry, color designation, factors of influence.*

Об авторах:

ЛЬБОВА Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения Тверского государственного университета, e-mail: ju99@mail.ru

ТОГОЕВА Светлана Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения Тверского государственного университета, e-mail: stogoeva@mail.ru

АНТОНЦЕВА Вера Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения Тверского государственного университета, e-mail: vantonzeva@mail.ru

УДК 811.111'23

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕДМЕТНОСТЬ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКАЦИИ ТЕКСТА

Е.М. Масленникова

Тверской государственный университет, Тверь

Национальная предметность рассматривается как часть культурной спецификации текста и как один из видов текстовых лагун. Анализируются особенности переориентации текста на принимающую культуру.

Ключевые слова: *культура, текст, перевод, интерпретация, лагуны.*

Отношения человека с «его» пространством складываются по-разному, но в большинстве случаев именно пространство определяет бытие человека. Ю.М. Лотман отмечал, что

«... семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры. Природа этого явления связана с самой спецификой пространства. Неизбежным фундаментом освоения жизни культуры является создание образа мира, пространственной модели универсума. В этом случае пространственное моделирование реконструирует пространственный же облик реального мира» [4: 275].

В аналогичные отношения «человек – текст – пространство» вступают переводчик и «его» текст, а характеристики, приписываемые определённой координате текстового мира, отражают некоторые аспекты внутреннего состояния переводчика, относящегося к оригиналу с позиции наблюдателя.

Сложившиеся традиционные теории перевода практически не принимают во внимание лингво-когнитивные факторы и этнокультурные параметры, предопределяющие протекание двуязычной текстовой коммуникации. В рамках литературоведческого или лингвистического подхода к переводу невозможно объяснить выбор *забора* в качестве эквивалента для *wall* 'стена', которую возводит вокруг своего чудесного сада Великан из сказки «The Selfish Giant» (1888) О. Уайльда / Oscar Wilde (1854–1900), или появление в переводах этой же сказки на русский язык *ворот* и *брёвен* из *Чёрного леса: So he built a high wall all round it, and put up a notice-board* (Wilde O. The Selfish Giant) ↔ *И великан построил кругом сада высокую стену, а на входных воротах сделал надпись...* (Уайльд О. Великан-эгоист. Перевод И.П. Сахарова, 1908); *Великан построил вокруг высокий забор...* (Уайльд О. Мальчик и Великан. Перевод П.В. Сергеева и Г. Нуждина, 2002); *Из дальнего Чёрного леса он притащил целую гору брёвен и построил вокруг сада высокий непреступный забор* (Уайльд О. Сад Великана. Перевод С.А. Гордиенко, 2013). Анализируя индоевропейскую этимологию константы МИР и дописьменную историю концепта «Мир – обжитое пространство», Ю.С. Степанов [6] указывает на то, что в древнерусской культуре представления о мире были связаны с ограниченностью «своего» пространства и укреплением его границ с помощью забора или ограды. Именно поэтому в дореволюционном переводе И.П. Сахарова (1908) присутствуют *входные ворота*. В этом отношении заслуживает внимания комментарий первого переводчика пушкинского романа в стихах «Евгений Оне-

гин» (1823–31, полностью – 1833) Генри Сполдинга / Henry Joseph Spalding (1840–1907). О *заборе* (*И вёрсты, теша праздный взор, / В глазах мелькают, как забор*) Г. Сполдинг пишет, что *верстовые столбы* (*verst posts*) и *заборы* являются такой же частью национально-специфичного русского пейзажа, как *milestone* ‘камень с указанием расстояния’ и *a graveyard* ‘кладбище’ для английского пейзажа. По его мнению, русский *забор* напоминает американский *palisade* ‘частокол’ («Most Englishmen, if we were to replace verst-posts with for a palisade, would instantly recognize its Yankee extraction»).

Национальная предметность включает: дом, национальную еду, тело человека как «тело отчёта» в национальном космосе, национальные телодвижения (танец и т.д.), национальную музыку, национальные игры, национальный зодиак (животные модели мира), национальные варианты пространства и времени, язык как голос национальной природы [2]. В случае двуязычной текстовой коммуникации национальную предметность можно признать одним из видов текстовых лакун, вызванных спецификацией самого текста, и именно его содержанием, формой, поэтикой и приёмами автора, жанром и типом читателя, для которого текст был предназначен [5].

Текст отражает в той или иной степени реальный или возможный мир или фрагмент этого мира: «экстралингвистический мир выступает в тексте как своего рода предмет, или тема, предлагаемая вниманию адресата, причём такой теме приписывается какая-то глобальная характеристика» [1: 48]. Развёртывание текста обеспечивает необходимую степень детализации экстралингвистического мира. А.А. Леонтьев пишет, что читателю, как и любому реципиенту культурного артефакта, надо дать «вместе с произведением искусства определённую программу, позволяющую ему получить в процессе восприятия нечто максимально близкое тому, что в это произведение было вложено его автором» [3: 300]. Комментарий способен снять или значительно уменьшить степень непонимания текста, сокращая культурологическую дистанцию между ним и читателем, что становится важным при наличии пространственно-временного барьера, разделяющего автора и читателя.

Рассмотрим особенности передачи национальной предметности в первых переводах басни И.А. Крылова «Демьянова уха» (1813).

В Европе одним из первых собраний басен И.А. Крылова стало двухтомное издание «Fables russes» [10; 11] с параллельным переводом 89 басен на французский язык и на итальянский язык, выпущенное в Париже на средства графа Г.В. Орлова (1777–1826). Представленные переводы не являются такими в полном смысле этого слова, так как участвующие в данном проекте лучшие писатели, поэты и баснописцы Франции и Италии работали по подстрочникам, подготовленным самим графом. В большинстве случаев переводы представляют собой вольное изложение содержания исходного текста, в них часто нарушается принцип эквивалентности и не выдерживается строфика оригинала. Однако необходимо отметить попытки отдельных переводчиков сохранить своеобразные черты «русскости» оригинала. Французский перевод басни «Демьянова уха» принадлежит писательнице Sabine Casimire Amable Voïart (1795–1885), обычно публиковавшейся под псевдонимом Амабль Тасту / M-me Amable Tastu. В нём оставлена реалия *sterled* (*вот стерляди кусочек*), но при этом действующие лица *Демьян* и *Фока* были переименованы в *Etienne* и

Jeannot, а уха становится обычным рыбным супом (*la soupe de poisson*). В переводе басни на итальянский язык «*La zuppa di Menghino*», подписанном итальянским графом С^{те} Brancia, указано волжское происхождение (*Volga*) рыбы *sterletto* и действуют *Menghio* и *Foka*. Этот же перевод вошёл в сборник басен, изданных в 1827 году итальянскими участниками проекта графа Г.В. Орлова [12]. Выбранное итальянское имя *Menghio* как уменьшительно-ласкательная форма имени *Domenico* можно признать соответствующим русскому имени *Демьян*: оно произошло от позднелатинского имени *Dominicus* ‘Господень, тот, кто принадлежит Господу’, а *Демьян* (церковная форма имени – *Дамиан*) также имеет латинское происхождение, восходя к *Damianus* ‘посвящённый Дамии’.

В 1828 году в Москве выходит ещё одно издание басен И.А. Крылова [9], подготовленное учителем французского языка И. Маскле / Hippolyte Masclet (1778?-?). Кроме краткого обзора русской литературы в книгу вошли выполненные новые переводы басен, а также переводы из парижского издания графа Г.В. Орлова [10; 11]. В переводе басни «Демьянова уха» как «*La Soupe à Timothée*» из ингредиентов блюда упоминается только *стерлядь* (*Von леуцик, потроха, вот стерляди кусочек* ↔ *Encor de ce sterled, d'honneur, c'est excellent*). При этом высказывается предположение относительно причины, по которой сосед *Thomas* потел за столом: возможно, *soupe au poisson* ‘уха’ от гостеприимного хозяина *Timothée* оказалась отвратительной (*D'une soupe au poisson, peut-être détestable*). Покидая поспешно дом соседа, он хватается трость и шляпу (*Saisit sa canne et son chapeau*) и не прощается с хозяевами (*Et sans dire bonsoir, vers la porte s'élançe*), нарушая тем самым правила вежливости.

В первую обзорную статью из журнала «*Fraser's magazine*», посвящённую развитию жанра басни в России [17], её анонимный автор включил собственные переводы шести басен И.А. Крылова, но самый подробный комментарий касается басни «Демьянова уха». Переводчик считает, что именно эта басня, название которой передано как «*The Soup*» (буквально ‘суп’), позволяет понять причины, по которым в России любят басни И.А. Крылова: в них комизм ситуации смешивается с динамикой развития действия, а автор часто обращается к разговорным формам. Переводчик попытался объяснить суть и специфику блюда под названием *Ukka* или рыбный суп (*fish-soup*), называемого им национальным блюдом, необычность которого по вкусу и способу приготовления не позволяет правильно оценить вкусовые предпочтения русских. Он предупреждает читателя, чтобы, судя исключительно по тексту, тот не посчитал блюдо изысканным и не решил, что по вкусу оно напоминает суп из черепахи. Мораль басни «Демьянова уха» состоит, по мнению переводчика, в том, что не надо пытаться угощать своих гостей супом, приготовленным по иностранному рецепту, так как его вкус может вызвать чувство пресыщения («... although our own soup is prepared from a most approved foreign receipt, we will not insist upon their tasting another spoonful of it just now, at the imminent hazard of surfeiting them entirely»). Он пишет, что вкусовые привычки у разных народов отличаются, остроумно замечая, что некоторые считают немецкую капусту (*German tauer kraut*) настоящей амброзией. В соответствии с таким пониманием текста переводчик изменяет отдельные параметры представленной в нём ситуации. Герой басни *Демьян* угощает своего соседа не просто обычным супом, а очень редким блюдом (*Here's quite a treat, / For soup like this*

's a perfect blessing), приготовленным по особому рецепту (*'Tis made from a most choice receipt*), от которого слюнки текут (*Does it not your palate suit!*). Однако переводчик не стал перечислять ингредиенты этого редкого блюда (*Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек*). В переводе гость не просто отказывается (*Соседушка, я сыт по горло*), но мотивирует свой отказ этикетной формулой, что «он уже пообедал» (*Thanks! I don't doubt it is delightful. / But I have dined*). Переводчик сохраняет разговорность оригинала (*Нужды нет ↔ Nay, ей-же-ей ↔ Upon thy word, И, полно, что за счёты ↔ Pshaw!*). Герой перевода сбегает из-за стола по причине вкусового непринятия поданного блюда. Отсутствует типично русское выражение почтительности через поклон (*Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена!*). В данном контексте (*Вскричал Демьян. – Зато уж чванных не терплю / Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милой!*) прилагательное *чванный* имеет значение 'ломливый' (В.И. Даль). В переводе гостеприимный хозяин искушает гостя попробовать ещё ложечку лакомого блюда (*"Another spoonful! – let me tempt ye."*). Для русского читателя имена собственные героев и реалия *кушак* указывали на происхождение героев, к тому же имя *Демьян*, было характерным преимущественно для крестьянской среды.

На обложке другого парижского издания басен И.А. Крылова их автор представлен читателю в качестве «русского Лафонтена» [15]. Переводчиком выступил крупный историк литературы Альфред Бужолт / Alfred Bougeault (1817–1893), занимавший должность профессора в Императорском Александровском лицее, а это бывший Царскосельский лицей, и в Инженерном корпусе (1847–1860). В комментарии к «*La Soupe au Poissin de Damien*» реалия передана через аналог (*La soupe au poisson*) и с помощью транслитерации (*en russe oukha*). Переводчик признаёт блюдо общенациональным и описывает способ его приготовления (*C'est un potage sans pain fait avec différentes sortes de poissons cuits dans l'eau avec du beurre 'для этого супа разные виды рыб готовятся в воде с добавлением масла'*). Став настоящим французом по имени *Damien*, бывший *Демьян*, уговаривая своего соседа по имени *Phocas*, упоминает про сердце (*Cette soupe, ma foi, doit vous parler au cœur*) и про то, что невозможно пресытиться хорошим супом (*Un potage ainsi fait ne doit jamais lasser*). Этот перевод является самым точным с гастрономической точки зрения (*Comme il est gras! voyez cette couche onctueuse! / C'est de l'ambre fondu! ne me refusez pas, / Cher ami. Cette brème est, je crois, savoureuse; / Ce morceau de sterlet a bien quelques appas*). Гостеприимный *Дамиан* из французского перевода не любит церемоний (*Moi, je hais la cérémonie*) и высокомерных людей (*Зато уж чванных не терплю ↔ Et les gens dédaigneux ne sont pas de mon goût*). От жены требуется просто настаивать, чтобы гость поел (*Et toi, ma femme, allons! presse a ton tour notre hôte*). Удачным оказался подбор практически полных эквивалентов для схваченных *Фокой* при побеге из гостей предметов одежды (*Схватя в оханку / Кушак и шапку ↔ Il saisit à deux bras son bonnet, sa ceinture*): *bonnet* 'шапка' и *ceinture* 'ремень, пояс, кушак'.

Другой французский переводчик Чарльз Парфе / Charles Parfait оказался также гурманом, постольку при издании басен [8] он подробно остановился на описании рыбы *стерляди*, указав среду её обитания, вкус, размеры и качество получаемой из неё икры («*Le sterlet ou petit esturgeon, assez peu connu dans nos contrées, est un poisson à chair grasse et d'un goût très-délicat, qui atteint par-*

fois la longueur d'un mètre. Il se trouve dans la mer Caspienne, dans la mer Baltique et dans le Volga. C'est avec ses œufs qu'on fait le meilleur caviar» 'малоизвестная в нашей стране стерлядь или маленький осётр – это жирная рыба с очень нежным вкусом, достигающая размера до одного метра в длину, водится в Каспийском море, Балтийском море и Волге, а её икра – самая лучшая'). Что касается *ухи*, то, по заявлению француза, *уха* (или рыбный суп) популярна во всех классах русского общества. К сожалению, точных данных о личности переводчика найти не удалось.

Ч. Парфе оказался единственным из переводчиков XIX века, кто оставил русскую реалию в названии басни «L'oukha de Demiane» и в самом тексте. Он также точно следует списку ингредиентов для блюда (*Mais quelle oukha! comme elle est grasse! / On dirait qu'on a répandu / Sur son jus de l'ambre fondu! / Voyons, l'ami du cœur, vas-y de bonne grâce: / De la brème, en veux-tu? Des tripes, en voilà! / C'est du sterlet', mon cher, ce petit morceau-là*). Имена героев *Demiane* и *Phocas* являются интернациональными соответствиями русским именам *Демьян* и *Фока*. Французский *Demiane* оказался очень эмоциональным в своих обращениях к другу, называя его не просто соседом (*Mon voisin*), а *mon bijou* 'сокровище моё, золотой ты мой' и *mon cher* 'мой дорогой', а в ответ на отказ отведать ещё *ухи* обвиняет его в мещанстве (*Et toi, la bourgeoise, holdà*). Как настоящий европеец *Phocas* или *Фока* имеет трость (*Saisissant à deux mains charpeau, ceinture et canne*). Ч. Парфе отмечает, что из всех написанных И.А. Крыловым басен именно «Демьянова уха» является самой «русской» по духу («un petit tableau éminemment russe de couleur et de ton»), где показана ожившая колоритная картинка повседневной жизни простых людей с их словами и жестами («Paroles et gestes, tout y offre la plus pure saveur du terroir»). Переводчик считает, что представлена сценка из жизни русского купечества, которое отличается таким широким гостеприимством, что иногда оно напоминает тиранию («C'est bien avec cet empressement un peu tyrannique que la classe marchande offre l'hospitalité, et cela du meilleur cœur du monde»). Также приводится рассказ об обстоятельствах первого публичного прочтения басни автором в доме поэта Г.Р. Державина.

Книга басен И.А. Крылова «Krilof and his fables» [16] в прозаическом переводе У. Ральстона / W.R.S. Ralston (1828–1889) выдержала несколько переизданий (1871, 1883 и др.). У. Ральстон предпочёл *fish soup* 'рыбный суп' в качестве соответствия для *ухи*. В его «Demian's Fish Soup» отсутствует вывод-мораль из заключительных строк (*Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь...*), но сообщается об обстоятельствах, сопутствующих первому публичному прочтению басни автором. Действующие лица названы *Demian* и *Phocas*. Хозяин просит жену просить гостя об одолжении (*Wife, come and entreat him*). Что касается предметов одежды, то одно из значений существительного *sash*, действительно, 'кушак' (*catching hold of his cap and sash*).

В 1874 году в Лейпциге выходит полное собрание басен И.А. Крылова [14], в которое вошли 197 басен из девяти книг и три его ранние басни. Переводчиком выступил немецкий писатель Фридрих Лёве / Friedrich Ferdinand Benedict Löwe (1809–1889), который долго прожил в Санкт-Петербурге (1836–1848), где служил в библиотеке Академии наук, о чём сообщается на титульном листе (ehemaligem Bibliothekar an der St.-Petersburger Akademie der Wissen-

schaften, aorrespondierendem Mitglied der Gelehrten ehstnischen Gesellschaft zu Dorpat), а также сотрудничал в качестве журналиста с газетой «St. Petersburger Zeitung». В переведённой басне «Demjan's Fischbrühe» (буквально 'Рыбный бульон Демьяна') хозяин угощает соседа по имени *Phoka* во имя дружбы (*Vom друга я люблю ↔ Nun, das heiß' ich Freundschaft doch*), призывает на помощь жену (*Nur ein paar Löffel noch – so hilf doch bitten, Frau*), но не упоминает о чванных 'ломливых' гостях (*Зато уж чванных не терплю*). Немецкая *die Mütze* – это 'шапка, фуражка' (*Greift er blitzschnell zum Gürtel und zur Mütze*).

Переводы У. Ральстона подтолкнули проживающего в Санкт-Петербурге учителя английского языка Дж. Харрисона / John Henry Harrison также обратиться к басням И.А. Крылова [7]. В предисловии к своей книге переводов басен И.А. Крылова [13] Дж. Харрисон подчёркивает, что особую трудность для него представляла проблема сохранения русской национальной специфики басен и подбор соответствующих языковых средств: *Cоседушка, я сым по горло ↔ Neighbour, I'm bursting quite; Ушица, ей-же-ей, на славу сварена ↔ Real fishsoup, see what soup, done to a t*. Ориентация на принимающую аудиторию привела к тому, что в его «Damian's Fishsoup» изменился код поведения главных героев: жене велено не кланяться (*Да кланяйся, жена!*), а делать реверансы (*Wife, thy reverence make!*). События разворачиваются в гостиной (*Damian's parlour*). Бывший *Фока* именуется *Neddy*, что является сокращённой формой от нескольких английских мужских имён – *Edgar, Edmund, Edward, Edwin*. Сбегая от гостеприимного хозяина, он хватается не *кушак и шапку*, а пальто, трость и накидку с капюшоном (*Seizing his coat, / Stick, and capote*). Если Демьян предлагает другу съесть уху *во здравие* (*А то во здравье: ешь до дна!*), то в переводе утверждается, что пищеварение необходимо для хорошего сна (*Digestion's good for sleep, you see*).

Художественный текст транслирует национально-специфические составляющие конкретной лингвокультурной общности, её ценности, понятия, концепты, образы. Текст оригинала изначально закрыт для аудитории другой культуры в силу чисто языковых причин. Преодоление межкультурного барьера заключается в понимании и/или принятии (полном или частичном) «чужой» культуры. Переводчик пытается сделать «свой» текст максимально открытым, т.е. текстом–для–всех, для чего он упрощает систему авторских смыслов. Для принимающей культуры подобный «переведённый» текст становится текстом–интерпретацией, текстом–трактовкой или псевдо-переводом.

Список литературы

1. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1993. 68 с.
2. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо–Психо–Логос. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 480 с.
3. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2005. 365 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2000. 704 с.
5. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Опыт систематизации лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на понимание текста // Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. С. 103–162.

6. Степанов Ю.С. Константы. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
7. Cross A. William Henry Leeds and early British responses to Russian Literature // *People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. Pp. 53–68.
8. Fables de Krilof. Paris: Henri Plon, 1867. 288 p.
9. Fables de m. J. Krylof. Moscou: De L'Imprimerie D'Auguste Semen, Imprimeur De L'Académie Impér. Med.-Chirurgicaif, 1828. 270 p
10. Fables russes. Paris, Bossange, 1825a. Vol. 1. 250 p.
11. Fables russes. Paris, Bossange, 1825b. Vol. 2. 350
12. Favole russe. - Perugia: Presso Bartelli e Costantini, 1827. 252 p.
13. Kriloff's Original Fables. London, Remington & co., 1883. 228 p
14. Krylóf's sämtliche fabeln. Leipzig, F.A. Brockhaus, 1874. 264 S.
15. Kryloff, ou, Le La Fontaine russe. Paris: Garnier frères, 1852. 107 p.
16. Ralston W.R.S. Krilof and his fables. London, Strahan and Co., 1869. 180 p.
17. Russian Fabulists, with Specimens // *Fraser's magazine for Town and Country*. 1839. Vol. XIX. Pp. 153–163.

**NATIONAL SUBJECT
AS PART OF TEXT SPECIFICATION**

E.M. Maslennikova
Tver State University, Tver

National subject is seen as part of texts' cultural specification and as a type of text lacunae. The author analyses the features of the reorientation of the text into the host culture.

Keywords: *culture, text, translation, interpretation, lacunae.*

Об авторе:

МАСЛЕНИКОВА Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: e-maslennikova@inbox.ru

УДК 81'25

ЧИТАТЕЛЬ КАК «СОАВТОР» ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

В.А. Миловидов

Тверской государственной университет, Тверь

Сочетаемая со стратегией генерализации ориентация на читателя, его культурный и эстетический опыт – ведущая стратегия литературно-художественного перевода в ситуации асимметрии языковых и внеязыковых систем, сталкивающихся в процессе перевода.

Ключевые слова: *литературно-художественный перевод, стихотворный перевод, асимметрия языковых и литературных традиций.*

В практике перевода литературно-художественного текста многочисленны случаи полной «непроходимости» сообщения в силу асимметрии не только языковых, просодических и прочих систем, относящихся к текстовому уровню, но и систем внеязыковых, связанных со спецификой культурно-исторического фона, на котором протекает переводческий процесс. Что делать переводчику, если заведомо известно, что ему не поможет ни осведомлённость в таких переводческих стратегиях, как компенсация, «переброска» и опущение, ни изощрённость в использовании наличных языковых средств? Каковы пределы, в которых допустимы «вольности» в обращении с оригиналом? Как сформулировать специфику этих пределов, а также условия, делающие возможным их преодоление? Иными словами, до каких границ можно нарушать нормы эквивалентности с целью удовлетворить принципам адекватности? Таковы вопросы, возникающие при встрече с отмеченной выше «непроходимостью». Приведём пример того, как может действовать переводчик, оказавшийся в ситуации, когда нормы эквивалентности и принцип адекватности приходят в неразрешимое противоречие.

Поскольку речь идёт о литературно-художественном тексте, пред-переводческий и пост-переводческий анализ текста может оказаться достаточно обширным и уж, во всяком случае, многоаспектным и многоуровневым, с привлечением и культурологических, и теоретико-литературных, и историко-литературных сведений – такова специфика этого вида перевода.

В русском переводе романа одного из последних классиков викторианской литературы Э.М. Форстера «Комната с видом на Арно» (английский вариант заглавия: «A Room with a View», 1908), переводчик радикальным образом отходит от оригинального текста: данный им вариант внедрённого в прозаический текст стихотворного фрагмента, на первый взгляд, не имеет ничего общего с семантикой оригинального стихотворения.

Оригинальный текст:

From far, from eve and morning,
And yon twelve-winded sky,
The stuff of life to knit me
Blew hither: here am I [7].

Перевод:

Увы! Ни надежды, ни страха,
Ни бога в пустых небесах.
Восстав на мгновенье из праха,
Ты вновь обратишься во прах [4: 41].

Понятно, что, как писал В.А. Жуковский, в переводе поэзии переводчик – «соперник» оригинальному автору. Но не до такой же степени! Ни один из «концептов» перевода не имеет аналогов в содержательности оригинала.

И все-таки логика в столь радикальном отходе от оригинала, в такой «динамизации» принципа эквивалентности есть. Эта логика вполне постигаема не в рамках классической теории перевода, центрированной на текстах оригинала и перевода, а в рамках теории современной, формирующейся на основе нового, «антропоцентрического» подхода к языку и его функционированию в культуре.

При определении качества перевода данный подход исходит из учёта значительного количества и лингвистических, и, главное, внелингвистических факторов, таких как:

- структурные характеристики, экспрессивный потенциал и ограничения, которые на процесс перевода налагают две языковые системы;
- характеристики внелингвистической действительности, которые по-разному сформатированы исходным и переводящим языками;
- лингво-стилистические и эстетические характеристики исходного текста в их соотносённости с нормами, релевантными для лингвокультурного сообщества страны ИЯ;
- лингво-стилистические и эстетические нормы, характерные для принимающего лингвокультурного сообщества;
- степень владения переводчиком ИЯ;
- интертекстуальность, управляющая целостностью исходного текста;
- традиции, принципы, история и идеология перевода, характерные для принимающей культуры;
- «задание», данное переводчику человеком или институтом, заказавшим перевод;
- условия рабочего места переводчика;
- присущая переводчику сумма знаний и умений, а также этическая позиция и выработанная самим переводчиком «личная» теория перевода;
- представления «потребителя» перевода о присущей переводчику сумме знаний и умений, а также его этической позиции и выработанной самим переводчиком его «личной» теории перевода [8: 2–3].

Приведённый достаточно полный перечень лингвистических и внелингвистических факторов, актуальных как для переводчика, так и для его «ценителя», взят из последней крупной работы Джулиан Хаус, одного из ведущих специалистов в сфере «антропологизированного» переводоведения. И всё-таки в этом подробнейшем перечне нет одного существенного пункта, который помог бы нам оценить приведённый выше поистине неэквивалентный перевод из Э.М. Форстера как вполне достойный, т.е. адекватный.

Попробуем разобраться в этом переводе и, на основе этого разбора, вывести ещё один критерий, который позволил бы оправдать переводчика «Комнаты с видом на Арно» в той вольности, которую он допустил.

Контекстом для англоязычного стихотворного фрагмента является эпизод романа, где некий мистер Эмерсон рассказывает главной героине, девушке Люси Ханичёрч, о причинах пессимистических настроений своего юного сына

Джорджа (впоследствии, женившись на Люси, Джордж успешно преодолевает свой пессимизм – в полном соответствии с духом и эстетикой викторианства):

"And what is it?" asked Lucy fearfully, expecting some harrowing tale.

"The old trouble; things won't fit."

"What things?"

"The things of the universe. It is quite true. They don't."

"Oh, Mr. Emerson, whatever do you mean?"

In his ordinary voice, so that she scarcely realized he was quoting poetry, he said:

"From far, from eve and morning,

And yon twelve-winded sky,

The stuff of life to knit me

Blew hither: here am I."

George and I both know this, but why does it distress him? We know that we come from the winds, and that we shall return to them; that all life is perhaps a knot, a tangle, a blemish in the eternal smoothness. But why should this make us unhappy? Let us rather love one another, and work and rejoice. I don't believe in this world sorrow" [7].

Самое интересное: процитированный Эмерсоном текст есть лишь первая строфа одного из стихотворений, включённых в известнейший цикл Альфреда Хаусмана «Шропширский парень» («The Shropshire Lad»). Полный текст содержит ещё две строфы, и в этих двух строфах получает развитие и завершение целостный лирический сюжет, который, действительно, является наиболее полным воплощением викторианского пессимизма:

Now—for a breath I tarry

Nor yet disperse apart—

Take my hand quick and tell me,

What have you in your heart.

Speak now, and I will answer;

How shall I help you, say;

Ere to the wind's twelve quarters

I take my endless way [9].

Выразителями же этого пессимизма в Англии второй половины XIX века была целая группа поэтов: и А. Хаусман, и Ч.А. Суинберн, и У. Хенли, и Т. Гарди, и, наконец, Дж. Томсон, написавший, пожалуй, самую мрачную поэму всех времен и народов, «Город Страшной Ночи» («The City of Dreadful Night»). В их поэтическом творчестве с поразительной настойчивостью и повторяются темы, которые эксплуатирует Хаусман: брэнность и мимолётность человеческого существования, отсутствие надежды, «пустота небес» и так далее. Всё это есть в стихотворении Хаусмана, включённом в оригинальный текст Форстера.

Кстати, переводчик романа на русский язык мог бы найти в «банке» русских стихотворных переводов текст, выполненный Г.М. Кружковым, который отлично перевёл крайне сложный текст Хаусмана, при этом весьма деликатно транспонировал кельтскую мифологию «двенадцати ветров» на привычный для нас язык, сократив количество сторон света до четырёх:

Из тьмы ночей, из дали

О четырёх ветрах

Примчало и слепило

Мой ждавший жизни прах.

Вот вновь они подуют

И в небо пыль взметут...

Держи же эту руку,
Когда ещё я тут.
Скажи мне, что с тобою
И в чем твоя печаль, —
Пока, развеян ветром,
Я не унесся вдаль [5].

Но ведь в оригинальный текст романа включена только одна строфа из трёх! А современный переводчик, в отличие от, допустим, Иринарха Введенского, не имеет право «наращивать» свой текст; ведь это означало бы в три раза увеличить словесную массу эпизода!

Почему Форстер даёт не целое стихотворение автора, а лишь первую строфу? Для англоязычного читателя оригинального текста этого вполне достаточно: как любой русский человек, услышавший «Мой дядя самых честных правил...», без труда достроит в своей памяти семантику всего романа А. Пушкина, так и любой англоязычный читатель, прочитав первую строфу из Хаусмана, реконструирует полный лирический сюжет стихотворения – со всеми мировоззренческими импликациями. Англоязычный читатель – но не русский!

Переводчик ограничен пространством одной строфы, а первая строфа – даже в мастерском переводе Г.М. Кружкова – не даст русскому читателю Хаусмана представления о полном тексте английского поэта и – шире – о смысле всего эпизода романа.

Писатель – не тот, кто пишет, а тот, кого читают. В полной мере это относится и к переводчику, который является посредником между культурами оригинала и перевода. Поэтому, наряду с теми факторами, которые перечисляет Дж. Хаус, мы бы включили и развернули ещё один: ориентация на читателя и те конвенции чтения литературно-художественного текста, которые приняты в принимающей культуре. Ведь сказано же Ц. Тодоровым, что эстетическая ценность произведения выявляется лишь «в тот момент, когда произведение вступает в контакт с читателем» [3: 107]. По сути, читатель становится настоящим соавтором перевода. Поэтому ориентация на читателя, удовлетворение, прежде всего, культурно-эстетических представлений и вкусов читателя, и во имя этого – необходимо жёсткая адаптация оригинального текста, – таковой, вероятно, должна быть стратегия прохождения «непроходимых» мест в оригинальном тексте.

Но только не комментарий (о нежелательности комментирования перевода литературно-художественного см.: [2])!

И, вместе с тем, описанный выше фактор, конечно же, может сочетаться с уже существующими и хорошо описанными стратегиями перевода. Наверное, наиболее надёжной из них станет стратегия генерализации. К ней, в условиях «непроходимости» сообщения, прибегают многие переводчики.

Так, переводя в 1985 году на английский язык свое десятилетней давности стихотворение «In Memento», эту стратегию использует И. Бродский.

Русский вариант стихотворения Бродского включает хорошо знакомые жителю Северо-Запада СССР русский и эстонский топонимы:

Мысль о тебе удаляется, как разжалованная прислуга.
Нет, как платформа с вывеской Вырица или Тарту... [1: 26].

В английском варианте конкретные русские и эстонские топонимы уступают место обобщенно-русскому и обобщенно-эстонскому (данных топонимов на железнодорожных картах СССР времен создания англоязычного варианта стихотворения не существовало, но в структуре вымышленных топонимов ясно просматривается «намёк» на их национальную принадлежность):

The thought of you is receding like a chambermaid given notice.
No! Like a railway platform with block-lettered DVINSK or TATRAS [6: 127].

В указанном фрагменте из русского варианта романа Форстера генерализация призвана скомпенсировать для русскоязычного читателя результат запрета на использование в переводе, помимо первой строфы, строф второй и третьей, а также запрета на комментарий, где можно было бы провести данную компенсацию. Второй задачей переводчика было «уместить» в одной строфе всю семантику полного оригинального стихотворения А. Хаусмана и, по возможности (поскольку речь идёт о генерализации), дать общие контуры миропонимания английских поэтов второй половины века, любого из них – список дан выше.

Многие поэтические эпохи вырабатывают свою систему мотивов и лейтмотивов, которые странствуют из одного произведения в другое, из творчества одного автора в стихи автора другого. Можно найти подобные клишированные мотивы (концепты) и в «пессимистической» поэзии Англии второй половины XIX века. Отсутствие «надежды», но и «страха» («no hope, no fear») – естественное следствие атеизма, который лежал в основании пессимистической поэзии. Но если у самого А. Хаусмана данный бинарный концепт не реализуется через указанные дескрипторы, то последние можно найти и «занять» в стихах иных поэтов – «единомышленников» автора «Шропширского парня», например, у А.Ч. Суинберна в его «Саде Прозерпины»:

From too much love of living,
From hope and fear set free,
We thank with brief thanksgiving
Whatever gods may be
That no life lives forever;
That dead men rise up never;
That even the weariest river
Winds somewhere safe to sea [10].

А также у «лауреата» викторианского пессимизма, Дж. Томсона, в его «Городе Страшной Ночи»:

Yet I strode on austere;
No hope could have no fear [11].

Вплотив в тексте перевода данные опорные концепты, переводчик смог завершить работу над стихотворным фрагментом, вписав в одну строфу рассредоточенную по трём строфам оригинального стихотворения Хаусмана тему бренности и скоротечности земного существования в мире, лишённом бога. При этом четверостишие перевода становится репрезентантом не только оригинального текста Хаусмана, содержащего три строфы, но и существенного пласта современной Хаусману поэзии, в которой воплотился пессимизм, тер-

зающий юного Джорджа Эмерсона из романа Э.М. Форстера. «Непроходимость» пройдена, цель перевода достигнута.

Откуда у автора настоящей статьи уверенность, что в процессе перевода данного эпизода романа дело обстоит именно таким образом? Автору спешествовала удача: он был, кроме всего прочего, и автором анализируемого перевода. А разве практика – не самый надёжный фундамент теории?

Список литературы

1. Бродский И. «Мысль о тебе удаляется как разжалованная прислуга...» // Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. / под общ. ред. Я.А. Гордина. СПб.: Пушкинский фонд, 1998–2001. Т.4. Изд.2. 432 с.
2. Миловидов В.А. Эстетическая специфика художественного текста и проблема переводческого комментария // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология», 2014. № 4. С. 256–262.
3. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 37–143.
4. Форстер Э.М. Комната с видом на Арно. М.: АСТ. 2015. 288 с.
5. Хаусман А. Шропширский парень: перевод Г.М. Кружкова [Электронный ресурс]. URL: <http://kruzchkov.net/translations/english-poetry/alfred-edward-housman/> (дата обращения 05.04.2017).
6. Brodsky J. To Urania: Selected Poems. London: Penguin Books, 1988. 174 p.
7. Forster E.M. A Room with a View [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2641/2641-h/2641-h.htm> (дата обращения 05.04.2017).
8. House J. Translation Quality Assessment. London & New York: Routledge, 2015. 160 с.
9. Housman A. The Shropshire Lad [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bartleby.com/123/32.html> (дата обращения 05.04.2017).
10. Swinburne A.C. The Garden of Proserpine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/45288> (дата обращения 05.04.2017).
11. Thomson J. The City of Dreadful Night [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/45407> (дата обращения 05.04.2017).

THE READER AS THE TRANSLATOR'S CO-AUTHOR

V.A. Milovidov

Tver State University, Tver

The reader, together with his or her cultural and aesthetic background should be the focus of the literary text's translator in the situation of the total asymmetry of the language and paralinguistic systems belonging to the translating and translated cultures.

Keywords: *iterary translation, poetic translation, asymmetry of the language systems and literary traditions.*

Об авторе:

МИЛОВИДОВ Виктор Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: vik-milovidov@yandex.ru

УДК 81'25

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА

А.В. Федюнин

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматривается феномен национально-культурных стереотипов, а также особенности его реализации в процессе коммуникации и литературе. Производится обзор существующих разработок теории перевода по вопросам передачи такого рода элементов, осуществляется анализ примеров их перевода в художественных текстах.

Ключевые слова: *перевод, стереотип, национальный, культурный, этнический, художественный текст.*

В современном мире важность влияния национально-культурных стереотипов на формирование мнения представителей одного общества о другом сложно переоценить. Этому способствует как всё сильнее ускоряющаяся глобализация, так и неуклонно нарастающий градус конфронтации западной и восточной культур ввиду провала европейской политики мультикультурализма, военных событий на Ближнем Востоке и по прочим причинам.

Однако влияние стереотипов не ограничивается политикой и общественными отношениями, зачастую они вполне естественным образом находят своё отражение в творчестве и, более того, могут проявиться при передаче продукта творчества в процессе его перевода [4: 75]. Причём, как утверждает Е.Л. Березович, именно национальный стереотип – это «своеобразный эталон стереотипа, так как при его образовании механизмы стереотипизации проявляются наиболее ярко» [1: 23]. Но что же мы знаем о стереотипах? Само понятие этого феномена имеет больше разночтений, чем можно предположить.

Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой определяет стереотип в переносном значении как «неизменный общепринятый образец, которому следуют без размышлений; шаблон, трафарет» [3]. Однако изначально он понимался несколько по-другому. Сам термин «стереотип» в его «социально-политическом» смысле впервые был использован У. Липпманом в 1922 г. при описании его концепции общественного мнения. Отмечая сложность устройства мира (а тем более незнакомой культуры) для непосредственного и полного восприятия, Липпман приводит образ «картинок в голове», которые используются человеком для обобщения информации и упрощения понимания того или иного объекта [10: 16–17].

В дальнейшем, исходя из исследования Дж. Бригэма, рассматриваемый термин трактовался под разными углами зрения – некоторые исследователи (Катц и Брейли, Клайнберг) делали упор на изначальной некорректности обобщений, выражаемых в стереотипах; другие (Эбейт и Берркен, Браун) практически отождествляли стереотипы и обобщения, вынося за скобки аспект их обоснованности; третьи (Санфорд, Завадски) рассматривали стереотипы как проявления ошибочных мыслительных процессов [7: 16–18].

Так или иначе, большинство исследователей сходится на том, что национальный стереотип, во-первых, характеризуется существенной долей

упрощения (если не ограничивая) описываемого объекта, во-вторых, имеет сильную оценочную составляющую, и, в-третьих, является расхожим и устойчивым внутри того или иного общества. В этой связи корректным представляется определение Н.В. Сорокиной: «национальный стереотип – это устойчивый, схематизированный, обладающий эмоционально-оценочным характером, широко распространённый в определённой этнокультурной среде образ своего или чужого народа» [6: 38].

Очевидно, что национально-культурные стереотипы распространяются и реализуются в процессе коммуникации прежде всего посредством языка. И то, что человеческое общение наполнено предвзятыми суждениями, не вызывает сомнения. Однако работы некоторых исследователей показывают, что такого рода предвзятость может проявляться в языке не только в эксплицитной (сексистские шутки), но и в более тонкой, имплицитной форме [11: 165]. К примеру, позитивное внутригрупповое или негативное внегрупповое поведение людей характеризуется большей степенью языковой абстракции («член нашей группы умён» и «член чужой группы глуп»), нежели позитивное внегрупповое и негативное внутригрупповое поведение («член чужой группы ответил правильно» и «член нашей группы ответил неправильно»). Такая форма пристрастного использования языка получила название «лингвистическая межгрупповая предвзятость» («the linguistic intergroup bias») [там же]. Но как функционируют подобные явления?

В книге «Stereotype dynamics: Language based approaches to the formation, maintenance and transformation of stereotypes» К. Веннекер и Д. Вигболдус описывают «модель языковой предвзятости» («the biased language model»), которая работает следующим образом: поведенческая информация хранится в памяти и впоследствии извлекается оттуда для коммуникации. Факторы, влияющие на степень языковой абстракции, проявляют себя при работе двух процессов – кодирования и извлечения информации. При кодировании действующие ожидания и соответствующие ассоциации частично определяют, на каком уровне абстракции информация будет сохранена в памяти. При извлечении информации из памяти и её использовании при коммуникации на передний план выходят эксплицитные факторы, например, нескрываемая цель общения [цит. раб.: 184].

Опираясь на такого рода модели, можно с уверенностью говорить о том, что стереотипы не просто влияют на процесс коммуникации, но и в известной степени определяют языковые формы, которые коммуниканты используют. Однако стереотипы находят свое выражение не только в процессе «живого» общения, но и, вне всякого сомнения, присутствуют в произведениях творчества, в частности, в художественной литературе. При этом весьма важным и интересным видится вопрос влияния национально-культурных стереотипов на процесс и результат деятельности переводчика. Для дальнейшего исследования этой темы полезным было бы посмотреть, насколько широко она представлена в существующих наработках по теории перевода.

П. ван Каппеллен в своём исследовании проблем передачи национально-культурных стереотипов в американской еврейской литературе XXI века отмечает, что особую сложность для перевода представляют стереотипы, выражающие (само)иронию, так как в таких случаях привычные принципы моде-

ли языковой предвзятости работают в обратную сторону либо не работают вовсе [8: 18]. Для осуществления аналитического подхода к переводу такого рода явлений автор предлагает некоторый алгоритм действий переводчика. В несколько упрощённом виде он выглядит следующим образом: сначала в качестве единиц текста выделяется два компонента – культурную идентичность и иронию. Затем производится семантико-стилистический анализ обоих компонентов, и, в зависимости от отнесения каждого компонента к эксплицитному или имплицитному типу, предлагается четыре возможных варианта сочетания этих компонентов и соответствующие им стратегии их передачи при переводе [цит. раб.: 31–37].

Е.П. Савченко иллюстрирует влияние характерных британских стереотипов на создание образа национального героя в произведениях Я. Флеминга, отмечая, что в некоторых случаях наполненность такого образа определёнными стереотипами может потребовать несколько нестандартного перевода, казалось бы, вполне прямолинейных элементов:

«... опираясь на тот факт, что Джеймс Бонд пользуется известной популярностью у прекрасного пола, можно говорить о том, что он уверен в силе своего обаяния и рассчитывает на их поддержку (*“he had never yet suffered by cards or by women”* = “ещё никогда ни карты, ни женщины его не подводили”)» [5: 133].

Е.М. Кирсанова указывает на трудность передачи тонких оттенков смысла, выражаемых в тексте определёнными культурными реалиями, для переводчика, находящегося под влиянием национально-культурных стереотипов:

«... в переводе поэмы В.В. Маяковского “Облако в штанах” переводчики М. Хэйворд и Дж. Риви заменяют слово “вино” на “vodka”, полагая, по-видимому, что подобная замена лучше укладывается в рамки стереотипного представления реципиентов текста о “буйном и безудержном” русском национальном характере: “Ежусь, зашвырнувшись в трактирные углы, / вином обливая душу и скатерть”... // “I huddle, slumped in corners of saloons; / with vodka drenching my soul and the cloth”...» [4: 71].

Однако бывают и случаи, когда переводчик переоценивает роль стереотипизированного элемента в тексте и идёт на сомнительные решения ради его неременной передачи. Так, работая с «Мертвыми душами» Н.В. Гоголя, Д.Дж. Хогарт следующим образом переводит реплику Ноздрёва и ответ его зятя:

«Ну, чёрт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк! – Нет, брат, ты не ругай меня фетюком, – отвечал зять...» [2: 45].

«All right, Thetuk. Off you go to your wife and your woman’s talk and may the devil go with you! – Do not insult me with the term Thetuk, – retorted the brother-in-law» [9].

«Фетюк» – устаревшее разговорное слово, означающее ‘разиня’, ‘простофиля’ [3]. Несмотря на достаточное количество эквивалентов в английском языке, переводчик не только транслитерирует русское просторечное выражение, а также пишет его с заглавной буквы, но и вкладывает в уста изрядно выпившего зятя Ноздрёва неоправданно высокую в стилистическом плане конструкцию «Do not insult me with the term...». Причины такого нестандартного

переводческого хода раскрываются в комментарии к рассматриваемому слову: «A jeering appellation which owes its origin to the fact that certain Russians cherish a prejudice against the initial character of the word – namely, the Greek theta, or TH», который в свою очередь является переводом соответствующего комментария самого автора. По всей видимости, переводчик, переоценивая важность «предрассудка некоторых русских людей о неприличности греческой буквы», принял решение передать лексему в максимально неизменном виде, пожертвовав при этом ясностью текста и его стилистической целостностью.

Подводя итог, можно сделать вывод, что проблема передачи национально-культурных стереотипов, несмотря на свою актуальность и многогранность, остается слабо освещённой в сфере теории перевода, а существующие исследования в большинстве своём скорее иллюстрируют её аспекты, нежели предлагают конкретные пути и стратегии решения, либо остаются применимыми только в узких областях проявления исследуемого явления. В этом свете весьма эффективным выглядит аналитический подход П. ван Каппеллен – подобные классификации и алгоритмы, упрощающие работу с таким сложным и неоднозначным явлением, как национально-культурные стереотипы, представляются одним из наиболее перспективных направлений исследования этого феномена.

Список литературы

1. Березович Е.Л. Этнические стереотипы в разных культурных кодах // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. ст. / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 22–30.
2. Гоголь Н.В. Мертвые души. М.: АСТ, Люкс, 2005. 219 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 03.04.2017).
4. Кирсанова Е.М. К вопросу о влиянии этнокультурных стереотипов на процесс перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2009. № 2. С. 64–75.
5. Савченко Е.П. Роль британских национальных стереотипов в создании образа идеального героя в романах Я. Флеминга и в их переводах на русский язык // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2. Т. 2. С. 131–134.
6. Сорокина Н.В. Национальные стереотипы в межкультурной коммуникации: монография. М.: РИОР: ИНФРА–М, 2014. 265 с.
7. Brigham J.C. Ethnic stereotypes // Psychological bulletin, 1971. Vol. 76. № 1, Pp. 15–38.
8. Cappellen P. van. In between stereotypes and authentic identity. Translation issues in 21st century Jewish-American literature. Master thesis. Utrecht: Utrecht University. 2013. 121 p.
9. Gogol N.V. Dead souls. Transl. by D.J. Hogarth [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1081/1081-h/1081-h.htm> (дата обращения: 03.04.2017).
10. Lippmann W. Public opinion. New Brunswick–London: Transaction Publishers, 1998. 427 p.
11. Wenneker C.P.J., Wigboldus D.H.J. A Model Of Biased Language Use // Stereotype dynamics: Language based approaches to the formation, maintenance and transfor-

mation of stereotypes / Ed. by Y. Kashima, K. Fiedler, P. Freytag. New York–London: Lawrence Erlbaum Associates, 2008. Pp. 165–188.

NATIONAL-CULTURAL STEREOTYPES AND THEIR INFLUENCE ON THE TRANSLATION PROCESS

A.V. Fedyunin

Tver State University, Tver

The article describes the national-cultural stereotypes phenomenon as well as issues of its realization in communication process and literature. The paper reviews present translation theory on conveying such elements and analyzes examples of their translation in literary texts.

Keywords: *translation, stereotype, national, cultural, ethnic, literary text.*

Об авторе:

ФЕДЮНИН Александр Владимирович – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: f1tun@inbox.ru

УДК 81'34: [81'25:81'373]

ТРАНСКРИПЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДЕ

Ю.В. Явари

Тверской государственной технической университет, Тверь

При переводе реалий существуют две основные трудности: отсутствие в переводящем языке эквивалента и необходимость сохранить особый национальный и/или исторический колорит. Данная статья рассматривает транскрипцию как один из основных способов передачи реалий.

Ключевые слова: *слова-реалии, перевод реалий, транскрипция, переводческая транскрипция, словарная транскрипция, лексические эквиваленты.*

Различия культур разных народов в национальных языках порождают расхождения, наиболее ярко проявляющиеся в лексическом и фразеологическом составе, так как лексические единицы напрямую связаны с внеязыковой действительностью. В любом языке и диалекте существуют слова, для которых очень сложно, а иногда и вовсе невозможно найти в других языках словарные эквиваленты для однословного перевода. По наблюдению Г.Д. Томашина, такие лексические единицы можно довольно легко обнаружить при сопоставлении языков, поскольку именно такие единицы наглядно демонстрируют специфику расчленения действительности этим языком и своеобразие культуры народа, носителя данного языка [6: 5]. Слова-реалии, называющие материальные предметы, явления и понятия духовной жизни, культуры и национального быта представителей одного народа, неизвестные другим народам и представляющие собой средства выражения национального и/или исторического своеобразия в художественных произведениях, являются неотъемлемой частью лексического состава любого языка.

Теоретики и практики перевода, болгарские лингвисты С.И. Влахов и С.П. Флорин считают реалиями «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни, (быта, культуры, социального и экономического развития) одного народа и чуждые другому» [2: 18], и отмечают, что переводу на «общем основании» реалии практически не поддаются, так как из-за своего ярко выраженного колорита, национального или исторического, обычно не имеют эквивалентов в других языках [цит. раб.: 49].

Словарь лингвистических терминов определяет реалии как «элементы быта и культуры, исторической эпохи, социального строя, государственного устройства и фольклора данного народа, чуждых другим народам» [14: 58].

Многие исследователи отмечают значительные трудности, связанные с переводом реалий, некоторые же утверждают, что данные лексические единицы вообще не поддаются переводу.

Действительно, при работе с реалиями переводчика поджидают две основные трудности: отсутствие в переводящем языке, языке перевода (далее – ПЯ), точного однословного соответствия переводимой реалии из-за того, что в культуре и быте носителей языка перевода нет обозначаемого данной реалией объекта, т.е. самого референта, и необходимо не только передать предметное значение реалии, но и сохранить её национальный и исторический колорит.

Способы передачи реалий в переводе С.И. Влахов и С.П. Флорин, обобщая, сводят к двум основным: переводу в широком смысле слова и транскрипции, которая представляет собой передачу звуков иноязычного слова при помощи графических средств (букв) ПЯ [3: 83].

А.А. Реформатский допускает возможность противопоставления этих двух понятий, так как они по-разному осуществляют формулу Гердера: «Надо сохранять своеобразие чужого языка и норму родного», а именно: перевод стремится «чужое» максимально сделать «своим», а транскрипция стремится сохранить «чужое» через средства «своего» [5: 312].

С.И. Влахову и С.П. Флорину трудно согласиться с «формулой Гердера», поскольку цель перевода видится им не в передаче своеобразия подлинника, когда переводчик стремится сохранить при помощи средств ПЯ стиль автора, а идея противопоставления транскрипции и перевода представляется им интересной, хотя бы из-за того, что они считают её ещё одним из парадоксов в работе переводчика с реалиями [2: 83].

Транскрипция представляет собой введение в текст перевода реалии, используя графические средства ПЯ с максимально допустимым фонетическим приближением к её оригинальному звучанию. С.И. Влахов и С.П. Флорин считают, что при удачном транскрибировании переводчик может преодолеть обе упомянутые выше трудности – передать и смысловое содержание реалии, и её колорит, но неправильно сделанный выбор приёма передачи реалии, т.е. выбор в пользу транскрипции или перевода может серьёзно затруднить читателя [2: 83].

В.С. Виноградов говорит о необходимости чувства меры при использовании иноязычных слов в переводе. По его мнению, чрезмерное увлечение транскрибированием иностранных слов, обозначающих реалии, а нередко лишь кажущихся ими, не только не передаёт национальный колорит, а, наоборот, уничтожает его, загромождая повествование на ПЯ и заставляя читателя на каждом шагу спотыкаться о ненужные и не всегда понятные экзотизмы [1: 118]. В.С. Виноградов также указывает, что транскрибируемое слово не механически переносится в текст ПЯ при помощи его графических средств, оно тотчас же подвергается адаптациям, хотя бы в небольшой степени: фонетической, так как носитель ПЯ всё равно не сможет произнести транскрибированное слово точно так же, как носитель ИЯ; грамматической, например, в русском языке существительные, если они в единственном числе не заканчиваются на е, у, о, сразу включаются в систему падежей: *две арробы мауса, он взял бомбилью, рюмку текилы, она надела чупалью, мы заказали пиццу, просторы пампы* и т. п. А русские слова, например, *мужик, водка, самовар* «обрастают» в других языках артиклями. Любое транскрибированное слово, даже заимствованное только на один раз, пусть и незначительно, но адаптируется к принимающей его языковой системе. Адаптацию иноязычной реалии С.И. Влахов и С.П. Флорин, по словам В.С. Виноградова, называют освоением [1: 86].

При первичном введении в текст оригинального произведения транскрибированной иноязычной реалии или при первом использовании транскрипции для передачи реалии в переводе авторы и переводчики в большинстве случаев прибегают к одному из способов осмысления реалий. Так, при переводе на английский язык повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» при передаче казац-

кой реалии «курень» (отделение военного стана у запорожских казаков, единица административного деления войска [18]) переводчик Ангус Роксбург использует транскрипцию *kuren*, которая следует за описательным переводом *division*: «The Setch consisted of sixty-odd divisions, or *kurens*» [10: 276], причём данная транскрибированная лексическая единица используется в форме множественного числа, образованной в соответствии с грамматическими правилами английского языка, что даёт право говорить в данном случае об освоении реалии. Для передачи другой казацкой военной реалии «куреной атаман» переводчик использует уже встречавшуюся ранее в тексте перевода транскрипцию реалии «курень» в сочетании со словом *chief*, сопровождая их транскрипцией *ataman*: *kuren's chief, or ataman* [9: 276], сочетая в данном случае транскрипцию одной реалии с описательным переводом другой. В данном случае также имеет место освоение реалии, о чём свидетельствует форма притяжательного падежа транскрибированной лексической единицы – *kuren's*. Именование атамана «Батька» переводчик передаёт при помощи транскрипции *Batko* и поясняет значение при помощи перевода – *Father* [10: 276].

Такие реалии казацкой войсковой жизни, как «сотник» и «есаул», в переводе также передаются с помощью транскрипции – *sotnik* [9: 256] и *yesaul* [10: 256], пояснение которых (Cossack commander, in charge of a *sotnya*, a company of a hundred men, corresponds to lieutenant и Cossack commander, corresponds to captain) соответственно даётся в списке, приводимом в начале книги [9: 16]. В пояснение реалии «сотник» переводчик вводит другую реалию «сотня», поясняя её тут же [цит. раб.: 16].

При толковании реалии возможно также употребление рядом с ней не пояснения или синонима, а родового понятия: нем. *Borschtschsuppe* [10: 46], где *Borschtsch* – транскрибированное название русского блюда, а *Suppe* – «суп», таким образом автор доносит до читателей и оригинальное название блюда «борщ», и поясняет, что это за блюдо (суп).

При переводе на английский язык так называемых «украинских» повестей Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница» «Ночь перед Рождеством» и «Сорочинская ярмарка» [9], изобилующих реалиями, передающими национальный малороссийский и исторический колорит, переводчик Кристофер Инглиш применяет практически весь арсенал средств и приёмов. Однако большинство реалий переводчик передаёт при помощи транскрипции, в отличие от перевода на английский язык романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» переводчиком Дж. Фаленом [13], где транскрипция используется лишь при переводе реалий с помощью единиц из лексического состава ПЯ, заимствованных путём транскрибирования и освоенных ПЯ [7: 309]. Выбору этого способа поспособствовал сам автор созданием своего малороссийского словаря [4], что значительно облегчило задачу переводчика, который предварил сами повести предисловием, где сообщает, что для удобства русских читателей Гоголь предлагает словарь украинских терминов (*For the benefit of his Russian readers Gogol supplies a glossary of Ukrainian terms that appear in these stories*), а он сам некоторые из них оставляет в «их украинской форме» и даёт им пояснения, после чего следует список реалий с пояснениями [9]. Принцип, по которому переводчик отбирал лексические единицы для этого списка, не совсем понятен, возможно, в него вошли реалии, наиболее часто

встречающиеся в данных произведениях, или же реалии, настолько ярко, по мнению переводчика, отображающие национальный колорит, что он посчитал необходимым познакомить с ними читателей перевода. Так или иначе, в этом списке представлены такие реалии, как: *bandura* (Ukrainian stringed instrument, often played with boneplectrums tied to the fingers), *galushki* (dough mixed with potatoes or cream-cheese and boiled like dumplings), *hopak* (Ukrainian dance), *kuntush* (women's outer garment, worn in the old Ukraine), *knysh* (wheaten bread, often eaten hot with butter), *kutya* (dish consumed during funeral feasts and on Christmas eve...), *ochipok* (married woman's headdress), *pampushki* (a kind of pancakes), *vareniki* (little pies stuffed with cottage cheese or berries and boiled like dumplings), *varenuvka* (vodka distilled with spices), *zhupan* (a male outer garment with Poles and Ukrainians) [8: 15]. Следует отметить, что в дальнейшем в тексте перевода эти транскрибированные реалии используются без каких-либо пояснений, лишь с выделением курсивом, что представляет собой одно из средств осмысления реалий [2: 80].

Говоря о транскрипции как об одном из способов передачи реалий на другой язык, можно разграничить переводческую транскрипцию, которую можно назвать «единичной», т.е. такую транскрипцию, которую вводит переводчик именно при переводе данного произведения и которая, наиболее вероятно, в дальнейшем не появится при переводе других произведений другими переводчиками, а также не войдет в словарный состав ПЯ, найдя свое отображение в словарях данного языка, и транскрипцию словарную, «постоянную». В данном случае речь идет о лексических единицах, освоенных ПЯ, некогда транскрибированных при заимствовании из ИЯ, которые заняли своё место в лексическом составе ПЯ и отражены в словарях. Примером таких лексических единиц могут служить англ. *troika* (тройка лошадей), *kibitka*, подтверждение чему можно найти в электронном словаре Abby Lingvo x5 Professional 20, который включает данные лексические единицы в свой состав и даёт соответствующие пояснения: *kibitka – a type of covered Russian sledge and an open carriage with a folding hood and space for people to recline* [15], *troika – a Russian vehicle pulled by a team of three horses abreast* [15]. Наличие данных слов в словарях ПЯ даёт возможность говорить в случаях их использования не о транскрипции, а о переводе с помощью лексических средств переводящего языка, т.е. об использовании лексических эквивалентов.

То же самое справедливо и в отношении других используемых при переводе лексических единиц, когда-то заимствованных переводящим языком и освоенных при помощи транскрипции.

На первый взгляд может показаться, что в переводах «Сказки о царе Салтане» и «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А.С. Пушкина на английский [4] и немецкий языки [12] такие русские реалии, как «царь», «царица» и «бояре» в представлены транскрипцией, так как в текстах английского и немецкого переводов присутствуют соответственно *tsar*, *tsarina*, *boyards* (англ.) и *der Zar*, *die Zarin*, *Bojaren* (нем.). Однако в случае с данными реалиями имеет место не транскрипция, а использование переводчиками лексических единиц из лексического состава ПЯ, некогда заимствованных языком и уже освоенных. В пользу освоения данных заимствованных слов свидетельствует тот факт, что эти слова находят своё отражение в словарях ПЯ [17: 4418; 16:

648; 16: 1499], кроме того, немецкое слово *die Zarin* (*царица*) образовано от заимствованного существительного *der Zar* (*царь*) при помощи присущего существительным женского рода суффикса *-in*, в полном соответствии с правилами словообразования существительных женского рода в немецком языке.

Встречая в тексте оригинала реалию, переводчик должен убедиться, не была ли она ранее уже заимствована языком перевода при помощи транскрипции или транслитерации, и не входит ли в его лексический состав. В случае, если реалия уже заимствована и освоена, переводчику не нужно заново «изобретать велосипед», прибегая к различным способам и приёмам передачи реалий, не всегда удачным, он может просто воспользоваться лексической единицей ПЯ, возможно, уже знакомой читателям.

Список литературы

1. Виноградов В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. 5-е изд. М.: КДУУ, 2009. 238 с.
2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. 4-е изд., М.: Р. Валент, 2009. 360 с.
3. Волошина О.А. Словарь, составленный Гоголем [Электронный ресурс]. URL: http://rus.1september.ru/view_article.php?id=200900606 (дата обращения: 10.08.2016)
4. Пушкин А.С. Сказки. М.: Literatura Publishers, 1999. 136 с.
5. Реформатский А.А. Перевод или транскрипция? // Восточно-славянская ономастика. М., 1972. С. 311–333.
6. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению для ин-тов и фак. иностр. яз. М., «Высшая школа», 1988. 239 с.
7. Явари Ю.В. Особенности перевода реалий в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2016. № 2. С. 304–311.
8. Gogol Nikolai. Ночь перед Рождеством и другие рассказы *На английском языке* Raduga Publishers. 1991. 424 с.
9. Gogol N. Taras Bulba // Н. Гоголь. Ночь перед Рождеством и другие рассказы *На английском языке* Raduga Publishers. 1991. С. 253–371.
10. Kosalik Heinz G. Die Verdammten der Taiga// Heinz G. Kosalik. Die Tochter des Teufels. Die Verdammten der Taiga (Zwei Rußlandsromane). Wilhelm Heyne Verlag München, 1997. 834 S.
11. Puschkin A. Eugen Onegin / пер: Theodor Commichau, Henry von Heiseler, Hugo Huppert, Martin Renalè. Aufbau-Verlag, 1970. 2 Auflage 1971.
12. Puschkin. Märchen. М.: «Прогресс», der Kinderbuchverlag, Berlin, 1974. 136 с.
13. Pushkin A. Eugene Onegin. Пер: James Falen. Oxford NY. Oxford University Press. 1998.

Использованные словари

14. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия 1966. 524 с.
15. Электронный словарь Abby Lingvo x5 Professional 20.
16. Concise Oxford Dictionary, the 4-th ed. Oxford Univerity Press, 1995. 1674 p.
17. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin: Akademie Verlag, 1968. 4580 S.

18. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Курень_\(значения\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Курень_(значения)) [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Курень_\(значения\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Курень_(значения)) (дата обращения: 12. 01. 2017)

TRANSCRIPTION AS A MEANS OF REALIA TRANSLATION

Y.V. Yavari

Tver State Technical University, Tver

There are two main difficulties in translating the realia: the absence of the equivalent in the target language and the necessity to preserve the specific national and/or historical colour. This article describes transcription as one of the main means of the realia translation.

Keywords: *realia words, realia translation, transcription, translator's transcription, dictionary transcription, lexical equivalents.*

Об авторе:

ЯВАРИ Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Тверского государственного технического университета, e-mail: juliavy@yandex.ru

СООБЩЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81'1

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ ВВОДНОСТИ

В.А. Борисова

Тверской государственный университет, Тверь

Статья посвящена вопросу функциональной специфики вводных лексических единиц. Рассматриваются вопросы дефиниции компонентов категории вводности, их классификации; приводятся примеры их перевода.

Ключевые слова: *вводность, вводные слова, дискурсивные маркеры, вставки.*

В настоящее время исследователи обращают всё больше внимания на социальные, психологические, прагматические аспекты речевого поведения личности. Всё многообразие речевых потребностей и проявлений личности в своей коммуникативной завершённости реализуется с помощью комплекса ресурсов языка. Одним из таких языковых ресурсов является система вводных и вставных компонентов, образующая «коммуникативно-прагматическую категорию с общим содержанием субъективного, оценочного отношения говорящего к высказыванию» [4: 130]. Вводные компоненты широко употребляются как в письменном дискурсе, так и в речевой коммуникации, они могут быть квалифицированы как добавочные по отношению к содержанию основного предложения и текста определённого композиционно-содержательного типа.

Вопрос о семантике, происхождении и прагматических особенностях вводных единиц всегда привлекал внимание лингвистов. Трактовка понятия вводности, которое объединяет вводные слова, словосочетания и парантезы, является одной из нерешённых лингвистических проблем, хотя она и привлекала внимание многих исследователей. Компоненты поля вводности можно встретить со следующими дефинициями: прагматические слова, дискурсивные / дискурсивно-модальные слова, коммуникативные слова.

Первое упоминание понятия вводности можно найти в «Практической грамматике русского языка» Н.И. Греча 1827 года: «Вводное предложение, или парантеза, есть совершенно постороннее предложение, не имеющее никакой грамматической связи с главным» [3: 248]. Н.И. Греч ничего не говорит о существовании вводных слов. Первоначально вводные и вставные конструкции объединялись в понятие «парантеза». Это объясняется наличием у данных синтаксических единиц ряда общих свойств: семантики, внепредложенческой позиции, пунктуационного оформления.

Важный этап изучения вводности связан с именем В.В. Виноградова. Для обозначения вводных единиц он использует термин «модальные (вводно-модальные) слова» [2: 70]. Центральное место в определении вводно-модальных слов у В.В. Виноградова занимает говорящий: «Модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» [цит. раб.: 71]. В.В. Виноградов подчёркивает, что вводные компоненты объединяет общая коммуникативная установка воздействия на собеседника, адресата речи: «... они вовлекают то лицо, к которому обращена речь, в круг

желательных или нужных говорящему модальных оценок и квалификаций высказывания» [цит.раб.: 72].

Из данного В.В. Виноградовым определения видно, что вводные и вставные компоненты отличаются специфической функцией, противопоставляющей их другим классам слов и сближающей их с модальными частицами: они характеризуют сообщаемое с позиции говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому.

Ввиду того, что характерной чертой вводных компонентов является преобладание коммуникативно-прагматической и пресуппозитивной функций, вводность можно определить как категорию коммуникативно-прагматическую [4: 132], требующую учёта позиции говорящего, который в стремлении быть правильно понятым воздействует на собеседника, ориентируется на его восприятие и речевое поведение. Вводность является неизменным условием реализации предложения в речи наряду с коммуникативной перспективой высказывания.

Вводно-модальные слова как дискурсивные маркеры характеризуются прежде всего тем, что не имеют денотата в общепринятом смысле, так как их значения непредметны и их можно изучать только через их употребление. Данные языковые средства обеспечивают формально-грамматическую и семантико-прагматическую связность текста (т.е. его когерентность и когезию), отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, выражая истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения [1: 7].

В рамках поля вводности ученые выделяют вводные слова, практически совпадающие по составу с модальными словами, вводные конструкции и вставки, отличающиеся относительно большей синтаксической самостоятельностью и сближающиеся с придаточными предложениями.

В зарубежных работах явления вводности и вставности не разграничиваются и известны под общим термином – *parenthesis (parenthetical elements)*. Вставные конструкции могут быть выражены разнообразными по грамматическому оформлению единицами: от минимальной (например, восклицательным знаком в скобках) до коммуникативно-сложной (предложения и даже целого абзаца).

Лингвисты занимаются исследованием вводных компонентов во многих языках, особенно интенсивно изучаемых в тех языках, где их количество велико (славянские, романо-германские языки). Следует отметить, что адекватный перевод вводных конструкций играет важную роль в обеспечении прагматической эквивалентности перевода, так как вводные компоненты в высказывании несут важную коммуникативную нагрузку. Перевод вводных и вставных элементов может представлять переводческую трудность. Внешняя форма вводных / вставных конструкций, которая реализует одинаковый набор функций в различных языках, в силу различных факторов оказывается не всегда прагматически равнозначной в русском и английском текстах, поэтому важной при переводе вводных и вставных конструкций представляется передача их функционального, прагматического потенциала. Следует также сделать акцент на контекстуальном характере эквивалентности вводных и вставных конструкций конструкциям оригинала

вследствие неповторимости каждого случая употребления вводных и вставных конструкций.

Ниже рассматриваются некоторые примеры перевода вводных компонентов с русского языка на английский и наоборот. Первый пример взят из поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые Души» и из двух её переводов на английский язык – перевода Р. Пивира и Л. Волохонской (а) и перевода Д.Хогарта (б).

Пример 1. *Вот барина нашего всякой уважает, потому что он, слышь ты, сполнял службу государскую, он сколеской советник* [Н.В. Гоголь. Мёртвые Души, 1842]. Перевод а) *There our master is looked up to everywhere because he's – do you hear me? – done his duty in serving the government, he's a Colledjit council* [Nikolay Gogol. Dead Souls. Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1996]. Перевод б) *For instance, this gentleman of mine – why, everyone looks up to him, for he has been in the Government's service, and is a Collegiate Councillor* [Nikolay Gogol. Dead Souls. D.J. Hogarth, 1931]

В этом случае имеется вводный оборот, ориентированный на адресата и выполняющий дейктическую функцию. Оборот *слышь ты* характерен для сниженного разговорного стиля, имеет выраженный неформальный оттенок, в данном случае употребляется с целью разъяснения, соответствуя по значению словам: *видишь ли, знаешь ли, понимаешь ли*. В первом переводе данная вводная единица преобразована в вопросительное предложение-вставку. Это не самый удачный перевод, так как оказывается переданным семантический оттенок фамильярности и стилистической сниженности. Более удачным вариантом, например, могло бы быть английское *I say*. Во втором переводе эта единица опускается. Отчасти значение данного дискурсивного маркера передаётся с помощью междометия *why*. Согласно дефиниции Longman English Dictionary, *why*<...> в устной речи может быть использовано с целью подчёркивания, усиления высказывания; на русский переводится как *ведь*.

Некоторые вводные слова с модальным значением имеют сложно-переводимые просторечные и диалектные формы. К их числу относится лексема *чай*, довольно распространённая в разговорно-диалектной сфере. С точки зрения грамматического статуса она характеризуется неоднозначно: она может функционировать как частица, синонимичная по значению вводным словам *вероятно, пожалуй*. Как вводное слово, она выражает значение сомнения, неуверенности, предположительности, возможности соответствия содержания высказывания действительности:

Пример 2. *Ведь вы, я чай, заседатель? Нет, матушка, – отвечал Чичиков, усмехнувшись, – чай, не заседатель, а так ездим по своим делишкам.* [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)]. *May I take it that you are a Government Assessor? «No, madam,» replied Chichikov with a smile, «I am not an Assessor, but a traveller on private business».* [Nikolay Gogol. Dead Souls (D.J. Hogarth, 1931)]

В переводе на английский язык значение предположения передаётся контекстуально – *may I take it that...*, однако сама вводная единица в переводе отсутствует; тем самым синтаксис предложения «утяжеляется» по сравнению с оригиналом, не говоря уже об утрате разговорно-сниженного колорита. Тем не менее, применительно к рассматриваемой паре языков можно сказать, что большинство вводных единиц имеет устойчивые лексические соответствия в

языке перевода, при этом вводная единица в переводе сохраняет свои формальные и прагматические характеристики.

Следующий пример содержит дискурсивный маркер – вводное слово *perhaps*. Данную лексическую единицу употребляют для выражения уверенности / неуверенности говорящего.

Пример 3. *Although those notes, in conformity with custom, come after the poem, the reader is advised to consult them first and then study the poem with their help, rereading them of course as he goes through its text, and perhaps, after having done with the poem, consulting them a third time so as to complete the picture.* [Vladimir Nabokov. *Pale Fire* (1962)]. *Хотя эти примечания, согласно обычаю, помещены в конце поэмы, читателю рекомендуется просмотреть их в первую очередь, а уже затем, с их помощью, изучить поэму, перечитывая их, разумеется, по мере ознакомления с текстом, а покончив с поэмой, пожалуй, просмотреть их в третий раз для полноты картины* [Владимир Набоков. *Бледный огонь* (Вера Набокова, 1983)].

В переводе данная вводная единица передана с помощью русского вводного слова *пожалуй*, обозначающего оценку сообщаемого с точки зрения достоверности; его можно назвать точным лексическим соответствием лексемы *perhaps*.

Вводные элементы являются важными составляющими дискурса; они широко представлены в большинстве европейских и славянских языков. В дискурсе они реализуют ту или иную функцию воздействия на реципиента и передают основную прагматическую информацию.

Список литературы

1. Баранов А.Н. и др. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
3. Греч Н.И. Практическая русская грамматика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/grech_n_i/text_1834_grammatika_oldorfo.html/
4. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2002. 311 с.
5. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Том II. М.: Наука, 1980. 714 с.

THE FUNCTIONAL ASPECT OF PARENTHESIS

V.A. Borisova

Tver State University, Tver

This paper focuses on the functional specifics of parenthetical lexical units. It deals with issues such as definition of parenthetical elements, their classification, as well as provides some examples of their translation.

Keywords: *parenthesis, parenthetical lexical units, discourse markers.*

Об авторе:

БОРИСОВА Вероника Алексеевна – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: veris.vera92@yandex.ru

УДК 821.111

ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В ТЕКСТАХ О «ПОТЕРЯННЫХ» ДЕТЯХ

А.И. Кривоносова

Тверской государственный университет, Тверь

В статье рассматривается художественная деталь как средство прямой номинации, пробуждающее рефлексию и обеспечивающее усмотрение художественных смыслов. Эволюция детали представлена в анализе произведений Дж. Барри, У. Голдинга и С.Кинга.

Ключевые слова: художественная деталь, эволюция художественной детали, интерпретация текста, диалогичность текстов, универсальный приём.

Сложно переоценить роль художественной детали в литературе. Ещё В. Набоков писал: «In reading, one should notice and fondle details. There is nothing wrong about the moonshine of generalization when it comes after the sunny trifles of the book have been lovingly collected» [8]. Будь то формальный настрой писателя, склонность к композиционной строгости или изяществу, всё это выясняется через многообразные отношения деталей [3]. По словам Ф. Шлейермахера: «Совершенство то же самое можно обнаружить и в детали» [цит. раб.: 166].

Художественная деталь – это средство прямой номинации, пробуждающее рефлексию и обеспечивающее усмотрение художественных смыслов при понимании текста. Иными словами, деталь выступает как средство понимания текста. Деталь имеет множество свойств: она обладает эстетическим потенциалом, является средством ослабления фабулы, влияет на рефлексию реципиента, фиксирующуюся по трём поясам системомыследеятельности Г.П. Щедровицкого (см.: [2: 7]), и наконец, деталь как средство понимания текста обладает эволюционным потенциалом. На примере трёх произведений о «потерянных» детях («Питер Пэн» Дж. Барри, «Повелитель мух» У. Голдинга и «Дети кукурузы» С. Кинга) рассмотрим тенденцию детали к имплицированию смысла при описании разнообразных явлений.

По характеру, направленности на определённую группу реципиентов и времени написания текстов данные произведения имеют мало общих черт. С одной стороны, «Питер Пэн», написанный Барри в 1904 году и ориентированный на юных читателей, с другой – «Дети кукурузы» Кинга, рассказ, впервые напечатанный в журнале *Penthouse* в 1977 году и относящийся к жанру «литература ужасов» для более старших реципиентов. Однако, схожие художественные детали способствуют усмотрению диалогических отношений между этими текстами. Кажется маловероятным, что более поздние авторы специально пытались вплести в свои тексты идеи и детали, близкие к манере своих предшественников. Корректнее будет сказать, что авторы использовали универсальный приём. Существование некоторых концептов уже давно укоренилось в истории и культуре человечества, а их частое употребление лишь доказывает это. Произведения объединяет идея «острова», изолированного пространства, кажущегося плодородным раем для «потерянных» детей. Это место, где оживают фантазии, где можно наслаждаться природой и отсутствием кон-

троля взрослых. В действительности, место оборачивается замкнутым адским кругом, из которого уже невозможно вырваться:

«*John, there's the lagoon.*»
«*Wendy, look at the turtles burying their eggs in the sand.*»
«*I say, John, I see your flamingo with the broken leg.*»
«*Look, Michael, there's your cave.*»
«*John, what's that in the brushwood?*»
«*It's a wolf with her whelps. Wendy, I do believe that's your little whelp.*»[4].

Ralph stood, one hand against a grey trunk, and screwed up his eyes against the shimmering water. Out there, perhaps a mile away, the white surf flinked on a coral reef, and beyond that the open sea was dark blue. Within the irregular arc of coral the lagoon was still as a mountain lake — blue of all shades and shadowy green and purple [6].

В «Детях кукурузы» островом выступает маленький городок, окружённый бескрайним морем кукурузы:

He stopped, looking directly into the corn. He found himself thinking ... that it must have been a fantastically good growing season for corn. It grew close together, almost ready to bear. You could plunge into those neat, shaded rows and spend a day trying to find your way out again [7].

Изобразительные детали к концу произведения становятся имплицитными. Прекрасное синее море в «Повелителе мух» кажется равнодушным и беспощадным, поглощая тело Пигги, лианы (creepers) становятся ползучими змеями, а лагуна – застывшей, мёртвой водой (still water): *Then the sea breathed again in a long, slow sigh, the water boiled white and pink over the rock; and when it went, sucking back again, the body of Piggy was gone* [6].

Кукуруза, окружающая город, превращается в мистический живой организм, логово зверя, а уточняющие детали (weeds, witchgrass, jimson, pike-weed, whore's hair, poke salad; thin spider, bugs) усиливают переживания протагониста и порождают рефлексию интерпретатора:

He stopped, suddenly afraid. The scent of the corn was strong enough to be cloying. The rows held on to the sun's heat and he became aware that he was plastered with sweat and chaff and thin spider strands of cornsilk. The bugs ought to be crawling all over him. . . but they weren't...My God, there aren't any weeds! Not a single one. Every foot and a half the corn plants rose from the earth. There was no witchgrass, jimson, pikeweed, whore's hair, or poke salad. Nothing [7].

Неверленд, хоть и неявно, выступает тюрьмой для детей Дарлинг и потерянных мальчишек:

In the old days at home the Neverland had always begun to look a little dark and threatening by bedtime. Then unexplored patches arose in it and spread; black shadows moved about in them; the roar of the beasts of prey was quite different now, and above all, you lost the certainty that you would win [4].

Произведения «Дети кукурузы» и «Повелитель мух» объединены изобразительной деталью в описании лидера: *One of them, a boy about sixteen with long long red hair spilling out from beneath his hat, turned towards him, almost casually, and something flicked through the air* [7]. *Inside the floating cloak he was tall, thin, and bony;*

and his hair was red beneath the black cap. His face was crumpled and freckled, and ugly without silliness [6].

Из исследований, опубликованных психологами из Алабамы в 2004 году, цвет «рыжий / красный» (red) является доминантным, способным вызвать как возбуждающий, так и стимулирующий эффект. Этот цвет (особенно в готической литературе) символизирует агрессию, силу, опасность, целеустремленность, а также кровь и огонь [5]. В контексте указанных произведений интерпретатор может обнаружить все вышеперечисленные черты у описанных авторами детей. Становится очевидным, что изобразительная деталь обретает характерологические и символические свойства.

Питер Пэн занимает отдельное место среди интерпретируемых нами произведений. Питер (captain, chief) – предводитель потерянных детей. Интерпретатор, не упускающий из виду всех деталей, может усмотреть образ мальчика, который не хотел взрослеть: разрушитель семьи, похититель детей. Благодаря наличию деталей можно увидеть в образе Питера Пэна зелёного божка (skeleton leaves, strange skeleton), который подобно зелёному человеку из мифов, Лесному Царю, заманивает в свои сети потерявшихся детей. Заметна параллель с Крысоловом из средневековых легенд (Rattenfänger von Hameln также известный как the Pan Piper, the Rat-Catcher of Hamelin). Волшебной дудочкой он увёл из города всех детей, впоследствии сгинувших безвозвратно [1].

She explained in quite a matter-of-fact way that she thought Peter sometimes came to the nursery in the night and sat on the foot of her bed and played on his pipes to her. Unfortunately she never woke, so she didn't know how she knew, she just knew [4].

Стоит обратить внимание на то, что и в «Детях кукурузы», и в «Повелителе мух» присутствует некое злое божество, заставляющее одиноких детей танцевать под свою дудку. Выдуманное («Повелитель мух») или же реальное («Дети кукурузы») оно заставляет делать немислимые вещи. Это подводит нас к идее о «потерянных» детях, объединяющей представленные произведения.

Традиционно детский образ и описывающие его детали ассоциируются у реципиента со смыслами «приятное», «нежное», «беззащитное», обычно входящими в одно семантическое поле с концептом «ребёнок». Но что если поместить детские персонажи в такое место, где нет правил, законов и ограничений? В данных произведениях мы можем наблюдать детали, описывающие жестокость и варварство, всё дикое и первородное, что может таиться внутри маленького человека:

Some of them were laughing gaily. They held knives, hatchets, pipes, rocks, hammers. One girl, maybe eight, with beautiful long blonde hair, held a jackhandle. Rural weapons. Not a gun among them...some nudged each other and pointed and smiled the sweet smiles of children. The girls were dressed in long brown wool and faded sun-bonnets. The boys, like Quaker parsons, were all in black and wore round-crowned flat-brimmed hats [7]. Jack was on top of the sow, stabbing downward with his knife. Roger found a lodgment for his point and began to push till he was leaning with his whole weight. The spear moved forward inch by inch and the terrified squealing became a high pitched scream. Then Jack found the throat and the hot blood spouted over his hands [6].

Неверленд, остров фантазий и детских грёз, при внимательном изучении, на деле оказывается местом потерянных детских душ, где живёт малень-

кий капризный и хитрый узурпатор, любящий играть в жестокие игры, не желающий взрослеть и отвечать за свои поступки:

«Save him, save him!» cried Wendy, looking with horror at the cruel sea far below. Eventually Peter would dive through the air, and catch Michael just before he could strike the sea, and it was lovely the way he did it; but he always waited till the last moment, and you felt it was his cleverness that interested him and not the saving of human life. Also he was fond of variety, and the sport that engrossed him one moment would suddenly cease to engage him, so there was always the possibility that the next time you fell he would let you go [4].

Художественная деталь, эволюционирующая по ходу произведения, помогает распределить глубинный смысл, замысел автора, проводит параллели с, казалось бы, совершенно разными произведениями, а также формирует универсальный приём в литературе.

Список литературы

1. Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Pied_Piper_of_Hamelin (дата обращения: 06.03 2017).
2. Крюкова Н.Ф. Системное описание средств метафоризации. Тверь, , 2008. 100 с.
3. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. СПб.: «Европейский дом», 2004. 242 с.
4. Barrie J.M. Peter and Wendy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/26654> (дата обращения: 06.03 2017).
5. Color-meanings.com [Электронный ресурс] URL: <http://www.color-meanings.com/color-symbolism-in-literature-what-do-colors-mean-in-literature-and-poetry/> (дата обращения: 06.03 2017).
6. Golding W. Lord of flies [Электронный ресурс]. URL: <https://d2ct263enurubr.cloudfront.net/X2bpH13Xnjn4ZJspWQzb5LMu7BGp5CUGaPGFQqVXvLT2M1AW.pdf> (дата обращения: 06.03 2017).
7. King S. Children of the corn [Электронный ресурс] URL: <http://www.killer-movies.com/forums/archive/index.php/t-404785-children-of-the-corn-short-story.html> (дата обращения: 06.03 2017).
8. Nabokov V. Good readers and good writers [Электронный ресурс] URL: <http://www.en.utexas.edu/amlit/amlitprivate/scans/goodre.html> (дата обращения: 06.03 2017).

DETAIL EVOLUTION IN TEXTS ABOUT “LOST” CHILDREN

A.I. Krivonosova

Tver State University, Tver

The paper is devoted to the concept of detail as the means of direct nomination, evoking recipient's reflexivity and thus fostering text understanding. Detail evolution is presented in the analysis of the texts by J. M. Barrie, W. Golding, and S. King.

Keywords: *detail, detail evolution, text interpretation, texts dialogism, general method.*

Об авторе:

КРИВОНОСОВА Александра Игоревна – аспирант, ассистент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: alekr88@yandex.ru

УДК 8 81

СТРАТЕГИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТВЕТА

Ли Цинь

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Не имея желания делиться со спрашивающим требуемой информацией, отвечающий, посредством прямого отказа, нередко переводит общение из кооперативного в конфликтное. Причина заключается в том, что отказ от ответа на поставленный вопрос находится на нижней отметке шкалы вежливости. В статье даётся комплексное описание неречевых приёмов, направленных на то, чтобы спрашивающий не достиг своей коммуникативной цели – получения ответа.

Ключевые слова: *отказ от ответа, коммуникативная стратегия, уклонение от ответа, стратегия уклонения от ответа.*

В трудах по прагматике, посвящённых исследованию коммуникативной стратегии, под коммуникативной стратегией понимается «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [3: 6] (об этом см. также [9: 33; 16: 19]). Реализация коммуникативной стратегии состоит в применении коммуникативных правил [9: 30]. Так, в вопросно-ответной коммуникации спрашивающий стремится к соблюдению необходимых условий для того, чтобы поставленный вопрос был услышан и понят и при этом был этически и ситуативно обоснован. Кроме того, вопрос не должен давать оснований отвечающему для отказа предоставить запрашиваемую информацию. Отвечающий как один из необходимых участников речевого взаимодействия, в силу соблюдения правил, обязан осознать поставленный вопрос и ответить на него.

Реализация коммуникативной стратегии также осуществляется так называемыми «стратегемами», или, иначе, мысленными ходами, которые нарушают то или иное условие эффективной коммуникации, см.: [5: 335; 9: 30]. В случае нежелания делиться информацией со спрашивающим отвечающий может прямо отказать от сотрудничества. Однако, чтобы предотвратить возможные конфликтные ситуации в процессе речевого общения, создать уважительные межличностные отношения со спрашивающим [1: 362; 4: 17; 6: 38; 10: 374] и произвести благоприятное впечатление на спрашивающего [8: 14], отказ от ответа лучше всего реализовать посредством уклонения.

Уклонение от ответа – это косвенный отказ, при котором отвечающий посредством специальных коммуникативных приёмов сигнализирует о том, что в его намерения не входит ответ. Уклонение от ответа может реализоваться тогда, когда отвечающий косвенно выражает свое нежелание делиться информацией со спрашивающим, делая вид, что не слышит / не распознает / не воспринимает поставленный вопрос или не обладает требуемой информацией. В данной статье рассматриваются конкретные коммуникативные приёмы сокрытия информации с целью описать стратегию уклонения от ответа.

I. Отвечающий делает вид, что не услышал вопрос

Уклоняясь от ответа, отвечающий может делать вид, что не расслышал спрашивающего. См.: [Лида пришла к Алиханову, чтобы просить его участвовать в радиопередаче, и задаёт интересующие её вопросы] – *Я всё-таки хочу знать, что вы испытывали на Севере? Фигурально выражаясь, о чём молчала тундра? – Что? – О чём молчала тундра? – Лида! – дико крикнул Алиханов. – Я больше не могу. Я не гожусь для радиопередачи! Я вчера напился! У меня долги и алименты! Меня упоминала «Немецкая волна»! Я некоторым образом – диссидент! Вас уволят... Отпустите меня...* (С. Довлатов). Алиханов намеренно делает вид, что не слышит и не понимает заданного вопроса. Тем самым он даёт понять, что отказывается от участия в программе. См. также следующий пример: [Маша обнаружила чужую вещь у себя в квартире и поняла, что муж завёл любовницу. Она пришла в кабинет мужа за разъяснениями] *Завьялов. Уже обедать? Маша. Что это значит?* (В. Катаев). Маша не слышит обращённый к ней вопрос, потому что её в данный момент интересует другое.

Отвечающий может уклониться от ответа посредством намеренного переключения внимания спрашивающего на иной предмет разговора. См.: [После ужина Шервинский и Елена остаются одни. Шервинский внезапно заявляет Елене, что её муж (Гальберг) не вернётся, и признается ей в любви] *Шервинский. Ничего (больше)? Елена. Это мучение. Честное слово! Посуда грязная. Эти пьяные. Муж куда-то уехал. Кругом свет... Шервинский. Свет мы уберем. (Тушит верхний свет.) Так хорошо? Слушай, Лена, я тебя очень люблю. Я тебя всё равно не выпущу. Ты будешь моей женой* (М. Булгаков). Елена не хочет отвечать Шервинскому, поэтому она переводит разговор на домашние хлопоты.

II. Отвечающий делает вид, что не понял вопроса

Отвечающий может уклониться от ответа, но при этом вежливо продолжить коммуникацию, по сути, подменив обращённый к нему вопрос другим. См.: [Герой разговаривает с хранительницей музея] – *Можно задать один вопрос? Какие экспонаты музея – подлинные? – Разве это важно? – Мне кажется – да. Ведь музей – не театр. – Здесь всё подлинное. Река, холмы, деревья – сверстники Пушкина. Его собеседники и друзья. Вся удивительная природа здешних мест...* (С. Довлатов).

Подменяя смысл высказывания спрашивающего, отвечающий может также намеренно выходить за рамки предметной области вопроса (о предметной области вопроса см.: [13: 237–238]). См.: [Учёный поселился в одной из комнат гостиницы. Цезарь Борджиа является постояльцем той же гостиницы. Диалог между Учёным и Цезарем Борджиа] – *А какое отношение имеет моя комната к завещанию покойного короля? – О, очень большое. До свидания! Позвольте проводить вас, блистательная Юлия* (Е. Щварц). Цезарь Борджиа отвечает общими словами об отношении комнаты к завещанию, которые не дают фактического ответа на поставленный вопрос.

Отвечающий также может сделать вид, что не понял или недопонял вопрос. См.: [Диалог Аксиньи и Степана] – *Чего она прибежала? [...] – Кто? – Да*

Машика Кошевых (М. Шолохов). Аксинья намеренно не отвечает на вопрос, она намеренно делает вид, что не понимает, о ком её спрашивают.

III. Отвечающий делает вид, что вопрос неуместен

Отвечающий может уклониться от ответа, сочтя обращённый к нему вопрос неприемлемым. Например: *Нюта. Я могла бы купить машинку, но дома всё равно неудобно стучать. Я живу в коммунальной квартире. Я привыкла к коммуналке, перемен уже не жду, замуж выходить поздно... Лямин. Почему поздно? Сколько вам лет? Нюта. У женщин не спрашивают* (А. Володин).

При уклонении от ответа отвечающий может намеренно рассматривать поставленный вопрос как неважный, не имеющий значения. Примерами могут служить следующие два контекста: – *Как вас зовут? У вас нет имени? Молчание. – Есть. Да зачем оно вам?.. Я скажу, а вы, пожалуй, сразу и забудете* (А. Вампилова). *Муаррон: – Куда меня привели? Шаррон: – Это всё равно, сын мой.* (М. Булгаков).

Отвечающий может отказаться дать запрашиваемую информацию, выразив сомнение в праве спрашивающего задавать вопрос. См.: [Аврора влюблена в инженера Рейна, но испытывает чувство долга перед женихом.] *Рейн. Что вы сказали вашему жениху? Аврора. Это вас не касается* (М. Булгаков). Коммуниканты влюблены друг в друга, но Аврора старается придерживаться надлежащего для невесты поведения, чтобы не вызвать у окружающих осуждения. Ещё один пример: [Марат рассказал Лике о своем сне, в котором поцеловал другую девушку. Лика приревновала его и спрашивает:] – *Девчонка, с которой ты целовался? – Тебе-то что?* (А. Арбузов). В данном случае Марат уклоняется от ответа, чтобы скрыть информацию о девушке, которую он поцеловал, сомневаясь в праве Лики задавать вопрос.

Уклонение от ответа может реализоваться по причине того, что вопрос, по мнению отвечающего, задаётся в неподходящей ситуации. См.: – *А зачем я ему (иностранному) понадобилась? – вкрадчиво спросила Маргарита. – Вы об этом узнаете позже* (М. Булгаков). Азazelло уклоняется от ответа, потому что окружающая обстановка и состояние Маргариты не подходят для разговора на данную тему.

Отвечающий может оставить обращённый к нему вопрос без ответа, подвергнув сомнению семантическую пресуппозицию вопроса. См.: *Клеон (Герострату) О чем вы сговорились с Тиссаферном? Отвечай! Герострат. Сговорились? Он – повелитель, я – комар. Какой между нами может быть сговор?* (Г. Горин). Клеон заинтересован в том, чтобы узнать больше о сговоре Герострата с Тиссаферном, а отвечающий не хочет делиться с ним этой информацией и поэтому уклоняется от ответа, говоря о разнице в социальном положении между ним и Тиссаферном.

Как отмечает Е.В. Падучева, пропозиция Q является семантической пресуппозицией пропозиции P тогда и только тогда, когда Q необходимо следует как из P, так и из не-P, т.е. и из истинности, и из ложности P следует, что Q истинно [13: 50] (об этом см. также [12: 211; 14: 16]).

IV. Отвечающий делает вид, что не соблюдается условие успешности вопроса

Отвечающий может уклоняться от ответа, демонстрируя намеренную некомпетентность в интересующей адресата области. Тем самым не соблюдая какое-то условие успешности речевого акта вопроса, и спрашивающий не получает желаемый ответ. См.: [К Зое Денисовне по делу приходит председатель домкома Аллилуя. Он хочет предупредить Зою о том, что ей необходимо уменьшить количество комнат. Зоя прячется в шкафу. Няня Зои (Манюшка) ложно сообщает, что Зои нет дома] *Аллилуя. Когда она придет? Манюшка. Откуда ж я знаю? Она мне не докладается* (М. Булгаков). Несмотря на то, что няня знает правду, она намеренно делает вид, что не обладает необходимой информацией, чтобы избежать выполнения приказа, с которым пришёл председатель.

Условия успешности вопроса обычно формулируются следующим образом: а) говорящий не знает ответа и хочет знать ответ; б) адресат знает ответ; в) ни для говорящего, ни для адресата не очевидно, что адресат сообщит нужную информацию, не будучи спрошен [2: 33; 11: 41; 12: 293; 13: 25; 15: 10].

Представленные выше примеры иллюстрируют, что уклонение от ответа может произойти тогда, когда отвечающий имплицитно (косвенно) выражает своё нежелание разглашать конфиденциальную информацию, делая вид, что: а) не заинтересован в поставленном вопросе; б) значение поставленного вопроса вне его понимания; в) поставленный вопрос неуместен; г) он не обладает требуемой информацией. Таким образом, *стратегия уклонения от ответа* может определяться как множество теоретических (неречевых) отказов, ориентированных на имплицитное затруднение реализации речевого воздействия спрашивающего для сокрытия требуемой информации. В её состав входят следующие классы мысленных отказов: а) игнорирование поставленного вопроса; б) нежелание правильно понять поставленный вопрос; в) отказ от ответа из-за неуместности поставленного вопроса; г) отказ от ответа из-за незнания запрашиваемой информации.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 40. Вып. 4. 1981. С. 356–367.
2. Баранов А.Н. «Выделительное» и «событийное» значения частицы «да»: Материалы к изучению семантики и прагматики диалога // Модели диалога в системах искусственного интеллекта: ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 51. Тарту, 1987. С. 33–48.
3. Бобырь И.В. Прагмалингвистические аспекты речевой коммуникации: фактор адресата // Прагматические аспекты языкознания: сб. ст. М.: Междунар. независ. экол. политол. ун-т, 2001. С. 5–18.
4. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
5. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 4. С. 327–337.

6. Ээгиймаа Ч. Категория вежливости и её выражение в русском и монгольском речевом этикете: дис. ... докт. филол. наук. М., 1998. 274 с.
7. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебн. пособие. М.: Флинта, 2009. 225 с.
8. Карпова Е.В. Стратегия вежливости в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 194 с.
9. Комарова Е.А. Стратегия и тактика демагогического речевого воздействия в художественной прозе Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 20 с.
10. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 349–384.
11. Кобозева И.М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложения // Текст в речевой деятельности. М., 1988. С. 39–46.
12. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник для вузов. М.: УРСС, 2000.
13. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985. 288 с.
14. Семенова Н.Г. Пресуппозиция как способ связи между высказываниями: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 183 с.
15. Степанова Е.Б. Значение русских общевопросительных предложений: дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 213 с.
16. Шпильман М.В. Коммуникативная стратегия «речевая маска»: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 207 с.

THE STRATEGY OF AVOIDING THE RESPONSE

Li Qin

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow

Having no desire to share information with the inquirer, the interlocutor often transfers communication from cooperation into conflict through direct refusal. The reason is that the denial of the answer to the inquirer is at the bottom of the scale of politeness. The article gives a comprehensive description of nonverbal techniques ensuring that the inquirer does not achieve her communicative goal, to get the answer.

Key words: *the refusal to answer, communicative strategy, avoidance response, the strategy of avoidance response.*

Об авторе:

ЛИ Цинь – аспирант 3-го года обучения филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: rosvvo@mail.ru

УДК 1751. 81

АДЪЕКТИВИРОВАННЫЕ ПРИЧАСТИЯ В БИБЛИИ КОРОЛЯ ИАКОВА

Т.С. Лобанова

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Целью статьи является исследование адъективированных причастий в историческом аспекте. Адъективированные причастия группируются на основе одной из разработанных классификаций. Приводится количественный и качественный анализ примеров исследуемого грамматического явления.

Ключевые слова: *адъективация причастий, Библия короля Иакова, исходный глагол, значение причастной формы, формирование семантики.*

Известно, что в современном английском языке адъективация, в том числе адъективация причастий, является одним из продуктивных путей развития словарного состава. На процесс перехода причастий в прилагательные впервые указывает Е. Метцнер: «Причастие превращается в прилагательное, когда оно обозначает качество, свойственное предмету, а не действие, когда соотносённость причастия с временной сферой отступает на задний план и исчезает его глагольное управление» [6: 15]. При этом Г. Суит считает причастия адъективно–глагольными словами, которые могут выступать как в значении глаголов, так и в значении прилагательных [8: 22].

Двойственная природа причастия влечёт за собой неустойчивое положение его в языковой системе. Причастия могут утрачивать глагольные признаки и полностью переходить в лексико–грамматический разряд прилагательных, т.е. подвергаться адъективации.

Некоторые учёные [13: 2] выделяют угасание значений времени и действия в причастиях как наиболее существенный признак адъективации, а также потерю адъективированным причастием общего значения с исходным глаголом [4: 5]. Приведённые рассуждения показывают, что данный вид конверсии (переход причастий в прилагательные) достаточно широко исследовался современными германистами. Однако рассмотрение процесса адъективации причастий в его историческом аспекте осталось за пределами внимания исследователей, что обуславливает актуальность настоящей статьи, посвящённой анализу адъективированных причастий в Библии короля Иакова – наиболее точном переводе Библии, который одновременно является литературным памятником, отражающим становление современного английского языка [10].

Результатом текстовой выборки стали 1268 причастий в самостоятельной функции, 432 из которых являются адъективированными, что, несомненно, свидетельствует о достаточно высокой частотности явления в исследуемый период. Адъективированные образования в анализируемом тексте изначально распределяются на две группы: образования с ядерным компонентом РI (причастием I), их количество равно 279, и образования с ядерным компонентом РII (причастием II), представленные в тексте 153 единицами.

В процессе анализа удалось установить, что большинство адъективированных причастий, а именно 416 единиц, что составляет 96% от общего количества явлений, – это образования, сохранившие глагольные признаки и общую семантику с исходным глаголом, что видно из следующих сопоставлений: *spreading plague* [Лев.13,57] ‘распространяющаяся эпидемия’ < *spread* ‘распространяться’ [1: 1746] (здесь и в дальнейшем приводится собственный перевод Библии Короля Иакова на русский язык, сохраняющий необходимые глагольные формы); *oiled bread* [Исх.29,23] – ‘смазанный маслом хлеб’ < *oil* ‘смазывать, пропитывать маслом’ [1: 1249], *running water* [Лев.14,5] ‘текущая вода’ < *run* ‘течь, протекать’ [1: 1580], *weaned child* [Ис.11,8] ‘отлученный от матери ребенок’ < *wean* ‘отлучать от матери’ [1: 2044]. Как видно из примеров, причастия I выражают активное действие, причастия II – пассивное. Единицы данной группы полностью не подвергаются процессу адъективации и всегда выражают динамический признак, соотнесённый со временем.

Следует отметить, что заявленные выше отношения причастия и мотивирующего его глагола не изменились с развитием английского языка – в современном литературном языке эти причастия также можно представить как именные формы, входящие в парадигму глагола. Однако не во всех случаях отношения будут именно такими. Заявленную схему нарушает причастие *wicked*, впервые зафиксированное в 1275 году [10: 104–105]. С ним в Библии короля Иакова образовано 16 словосочетаний, что составляет 4% от общего количества единиц данной группы. В современном английском языке это причастие имеет следующие значения: ‘злой, нехороший, безнравственный; испорченный’; 2) ‘грешный, нечистый’ [1: 2063]; аналогичную семантику представляет и исторический словарь: ‘плохой по моральным качествам, характеру, нраву или поведению’; ‘склонный к осознанному причинению вреда’; ‘расположенный к совершению злых поступков’; ‘морально испорченный’ [10: 104–105]. Это причастие происходит от глагола *wick* ‘смолить’; ‘пачкать, замазывать смолой’, ‘ставить клеймо на животных’ ‘стать чёрным, как смоль’, а также ‘разбивать лагерь’, ‘жить на правах нанимателя’, ‘проживать’, первое упоминание его относится к 897 г. [10: 104].

Мы обращаемся к греческому первоисточнику (под таковым понимается *Textus Receptus*, легший в основу Библии короля Иакова). Для анализа адъективированных причастий в настоящей статье используется не только названный греческий первоисточник, в исследование включены также LXX (*Septuaginta*) [12] и «*The Greek New Testament*» [13] под редакцией К. Аланда, представляющий собой наиболее точное издание Нового Завета. Установлено, что в большинстве случаев соответствующие английскому причастию греческие лексемы также имели значение ‘злой’ [Втор.15,9], [Иер.5,26], ‘беззакония’ [Иез.8,5], ‘скверный’ [Иез.13,22]. См. примеры.

(1) *Beware that there be not a thought in thy wicked heart saying...* [Втор.15,9]– ‘Остерегайся, чтобы не возникла мысль в твоём злом сердце, говорящая: ...’ Ср. соответствующее греческое словосочетание со значением ‘в сердце твоём беззаконие’.

(2) *For among my people are found wicked men: ...* [Иер.5,26] – ‘Среди людей моих были найдены злые люди’... Ср. греческое субстантивированное существительное со значением – ‘нечестивые’.

Примеры греческих эквивалентов адъективированным причастиям Библии короля Иакова отражены также в приведенных ниже примерах.

(3) *And he said unto me, Go in, and behold the wicked abominations that they do here.* [Иез.8,5] – ‘И сказал он мне: «Иди и увидь, что они творят здесь страшные мерзости»’, *wicked abominations* – ‘страшные мерзости’ – греч. ‘беззакония’.

(4) *...that he should not return from his wicked way...*[Иез.13,22] – ‘...что они должны свернуть с порочного пути’..., *wicked way* – ‘скверный путь’ – *Ποῦτρας ὁδῶν* – ‘скверный путь’.

Обращение к соответствующим контекстам Textus Receptus указывает на то, что рассматриваемое причастие действительно функционирует в Библии короля Иакова в значении ‘грешный, нечистый’. Это значение, безусловно, опирается на значение исходного глагола (ср. (‘смолить’; ‘пачкать, замазывать смолой’, ‘ставить клеймо на животных’ ‘стать чёрным, как смоль’[11: 104]), однако не совпадает с ним, а выводится из него путём семантической деривации – как указывалось выше, появление соответствующего глагола во временном отрезке значительно опережает появление соответствующего причастия. Таким образом, данное причастие можно рассматривать как семантический дериват от исходного глагола, но не как его форму, входящую в глагольную парадигму. Различия между глаголом и причастием особенно очевидны при сравнении с современным английским языком, где глагол *wick* имеет значение ‘подматывать резьбовые соединения штанг пряжей’ [1: 2063]. Следует также отметить, что рассматриваемое причастие теряет видо–временные значения.

В группе анализируемых причастий присутствует также одно псевдопричастие, ср. в следующем стихе: (6) *... therefore we will sing my songs to the stringed instruments all the days of our life in the house of the LORD.* [Ис.38,20] – ‘... Поэтому мы будем петь песни на струнных инструментах во все дни наши в доме Бога’. В качестве основообразующего компонента причастия *stringed* выступает существительное *string*, одним из значений которого является ‘струна’. В тексте–первоисточнике упомянутому словосочетанию соответствует греческое слово со значением ‘музыкальным инструментом’. Следует отметить, что первая фиксация псевдопричастия *stringed* относится к 1535 году [12: 1141], и его появление в тексте Священного писания даёт возможность предположить, в данном случае, тенденцию к появлению псевдопричастий в английском языке.

Выводы. Адъективированные причастия являются очень продуктивным образованием, о чём свидетельствуют количественные данные. Практически абсолютное большинство адъективированных причастий в исследуемом переводе Священного писания (96%) сохраняют лексические значения и словосочетательные возможности исходных глаголов. Занимающая второе место группа сложных адъективированных причастий, несмотря на невысокую представленность единиц (4%), даёт интересный для анализа материал, поскольку все образования данной группы, хоть и теряют видо–временные значения, формируют свою семантику под влиянием основообразующего

исторического глагола. При этом его полная адъективация и потеря общего значения с исходным глаголом очевидна в современном английском языке.

В группе адъективированных причастий отмечено одно употребление псевдопричастия, что свидетельствует о появлении единиц подобного типа в исследуемом священном тексте.

Список литературы

1. Англо–русский словарь / В.К. Мюллер. 24–е изд. М.: Рус. яз. 1995. 2106 с.
2. Барышева, Г.Г. Образование прилагательных от причастий в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: Ленинград, 1954. 258 с.
3. Кульбацкая В.Е. Место причастий в системе частей речи современного немецкого языка и их адъективация: дис. ... канд. филол. наук: Минск, 1980. 159 с.
4. Практическая грамматика: Причастие / С.А. Лысенко [и др.]. Минск, 2012. 96 с.
5. Прокопчук, А.А. Адъективация причастий I в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.А. Прокопчук. Ленинград, 1968. 201 с.
6. Maetzner E. An English Grammar, v.3. London: Nabu Press, 2010. 62 p.
7. Rahlfs A. Septuaginta Stuttgart: Deutsche Biebelgesellschaft, 1979. 941 S.
8. Sweet H. A new English Grammar, part I. Oxfords, 1980. Pp. 117–118 .
9. The Greek New Testament / K. Aland et al. (ed). Stuttgart: United Bible Societies, 1983. 926 p.
10. The Holy Bible / King James Version 1611 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gasl.org/refbib/Bible_King_James_Version.pdf/ (дата обращения: 20.05.2016).
11. The Oxford English Dictionary. A new English Dictionary on historical principles. : in 12 vol. / ed.: At the University Press, Oxford by Vivian Ridler. Oxford Univ. Press, 1933, re. 1961. Vol. XII. Pp.104–105.
12. The Oxford English Dictionary. A new English Dictionary on historical principles. : in 12 vol. Oxford Univ. Press, 1933, re. 1961. Vol. X. 1141 p.
13. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel-, und Neuhochdeutsch. 2. Abt. / W.Wilmans. Straßburg: Trübner, 1896. 663 S.

ADJECTIVAL PARTICIPLES IN THE KING JAMES'S BIBLE

T.S. Lobanova

Belarus State University, Minsk, Republic of Belarus

The paper deals with adjectival participles of English in the King James's Bible. The main goal is to research adjectival participles in their historical perspective. The analysis is based on one of the developed classifications. In the paper qualitative and quantitative analysis are used to analyze the grammatical phenomenon.

Key words: *adjectivation of participles, the King James's Bible, meaning of the participle form, forming of semantics.*

Об авторе:

ЛОБАНОВА Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета, e-mail: Werdegang@mail.ru

Сведения для авторов

Требования к направляемым материалам

СОДЕРЖАНИЕ статей должно отвечать установленным ВАК РФ требованиям к актуальности, научной новизне, теоретической и практической значимости публикуемых материалов. Авторы статей несут ответственность за точность цитации, наличие должных ссылок на первоисточники и за достоверность приводимых фактов и результатов.

ОФОРМЛЕНИЕ статей должно проходить строго ПО ШАБЛОНУ ТвГУ (скачать с сайта). Текст статьи набирается в текстовом редакторе MS WORD версии не выше WORD 2003. Требуется указать УДК статьи.

Аннотации (не более 7 строк) и ключевые слова (не более 6) приводятся на русском и английском языках (обязательно указать название статьи и Ф.И.О. автора на обоих языках), даются с отступом 0.5 см. слева и справа без красной строки.

Параметры страницы: зеркальное расположение страниц; верхнее поле 2,5 см., нижнее – 5,7 см., внутри – 2,3 см., снаружи – 5,5 см.; от верхнего колонтитула – 2 см., до нижнего колонтитула – 4,5 см. Шрифт: Times New Roman, кегль 12 для основного текста, 11 – для аннотаций, списка литературы, а также для таблиц, рисунков, выделенных в отдельный абзац цитат и примеров, Примеры в тексте выделяются курсивом, значение слова обозначается запятыми над строкой (из латинского шрифта). Междустрочный интервал одинарный. Абзацный отступ 1,25 устанавливается для всего текста (через «Формат→Абзац»); отступ снимается для ориентированных «по центру» заголовка и подзаголовков, для таблиц и рисунков.

Ссылки на источники – в квадратных скобках по номеру источника в списке литературы; после двоеточия пробел и номер цитируемой страницы: [12: 56]. Ссылки на ряд работ разделяются точкой с запятой; для повторного цитирования: [цит. раб.: 76]; в той же работе и на той же странице: [там же].

Список литературы нумерованный алфавитный (сначала на русском языке); описание источников полное с указанием издательства, количества страниц для монографий и других книг, страниц «от» и «до» для статей. Не допускается замена тире дефисом при указании страниц и годов «от» и «до». При описании автореферата указываются номер специальности и название организации, в которой проходила защита.

Сведения об авторе (фамилия заглавными буквами, имя и отчество полностью строчными буквами, учёная степень, учёное звание, место работы, должность с указанием названия кафедры) сопровождаются адресом электронной почты.

Электронный вариант статьи (название файла – фамилия автора) направляется по электронной почте на адрес ответственного за соответствующий выпуск журнала; распечатка статьи и лицензионный договор (скачать с сайта ТвГУ) направляются простым письмом на адрес, указанный в контактных данных. Аспирант высылает также заверенную рецензию научного руководителя. Публикация статьи аспиранта является бесплатной.

Редколлегия

Журнал «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология» включён под номером 380 в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (2015).

**Контактные данные редакционной коллегии
ВЕСТНИК ТвГУ. Серия: ФИЛОЛОГИЯ**

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, к. 207
Тверской госуниверситет, тел.: (4822) 34-46-56
Главный редактор – Залевская Александра Александровна,
e-mail: aazalev@mail.ru

Ответственный за выпуски № 1 и № 3 – заместитель главного редактора Гладилина Ирина Владимировна, e-mail: igladilina@yandex.ru. Тематика: литературоведение, журналистика, лингвистика. Адрес для отправки печатных материалов: 170002, Тверь, пр-т Чайковского, д. 70, ТвГУ, филологический ф-т, Гладилиной И.В. Сроки представления статей: для № 1 – 10 февраля; для № 3 – 10 сентября.

Ответственный за выпуски № 2 и № 4 – ответственный секретарь Оборина Марина Владимировна, e-mail: mobog@mail.ru. Тематика: лингвистика, межкультурная коммуникация, перевод, двуязычие. Адрес для отправки печатных материалов: 170100, Тверь, ул. Желябова, 33, ТвГУ, ф-т ИЯиМК, Обориной М.В. Сроки представления статей: для № 2 – 10 апреля; для № 4 – 10 октября.

Адрес страницы на сайте, где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, включая шаблон, лицензионный договор, примеры оформления библиографического списка: **<http://rgf.tversu.ru/node/408>**

Вестник Тверского государственного университета
Серия: Филология **№ 2, 2017**

Подписной индекс: 80208 (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 10.05.2017. Выход в свет 21.05.2017.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,00.

Тираж 500 экз. Заказ № 229.

Тверской государственный университет.

Редакционно-издательское управление.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д.12, корпус Б.

Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

Цена свободная.